1

сага Пендрагон

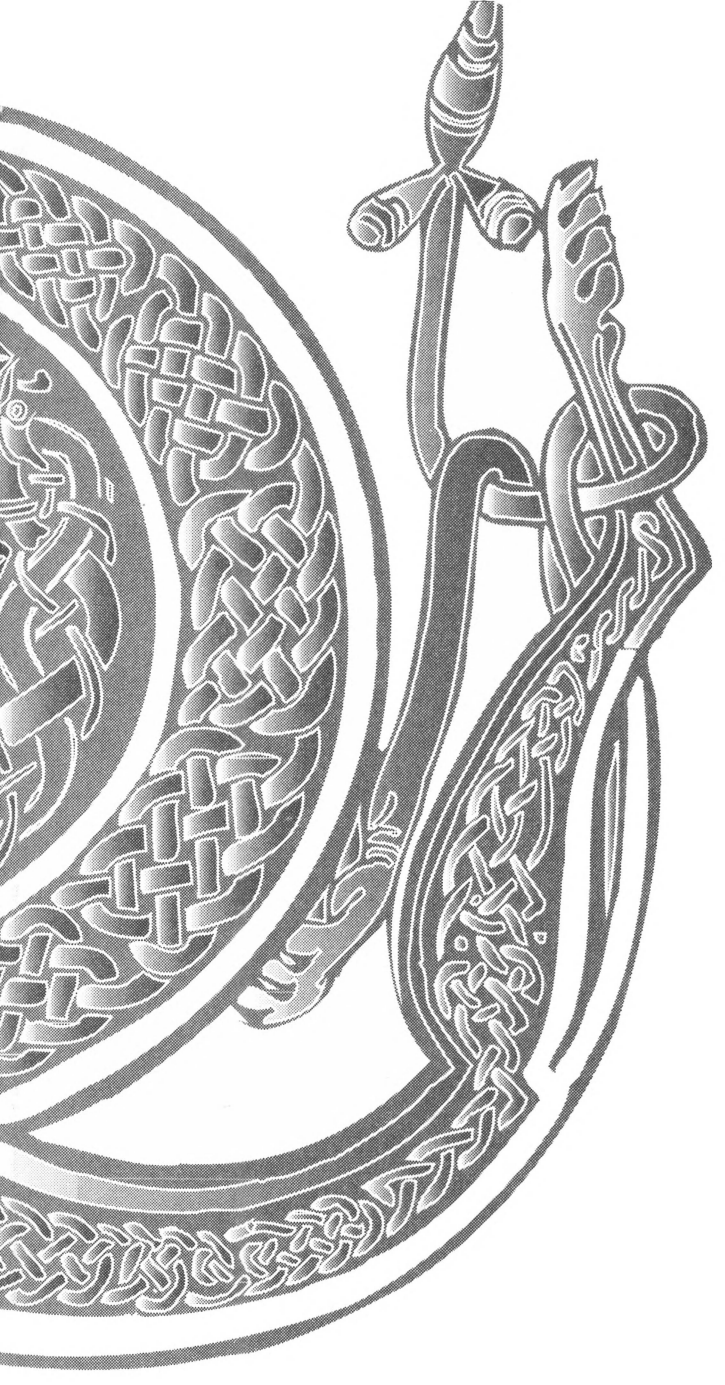
Стивен Лохед

Талиесин

Стивен Лохед Талиесин

1 сага Пендрагон

Steven Lawhead

TALIESIN

Book I of the Pendragon Cycle

сага
Пендрагон
Стивен Лоухед
Талиесин

ББК 86.37
Л23

Original edition published in English under the title **Taliesin** by Lion Publishing plc, Oxford, England

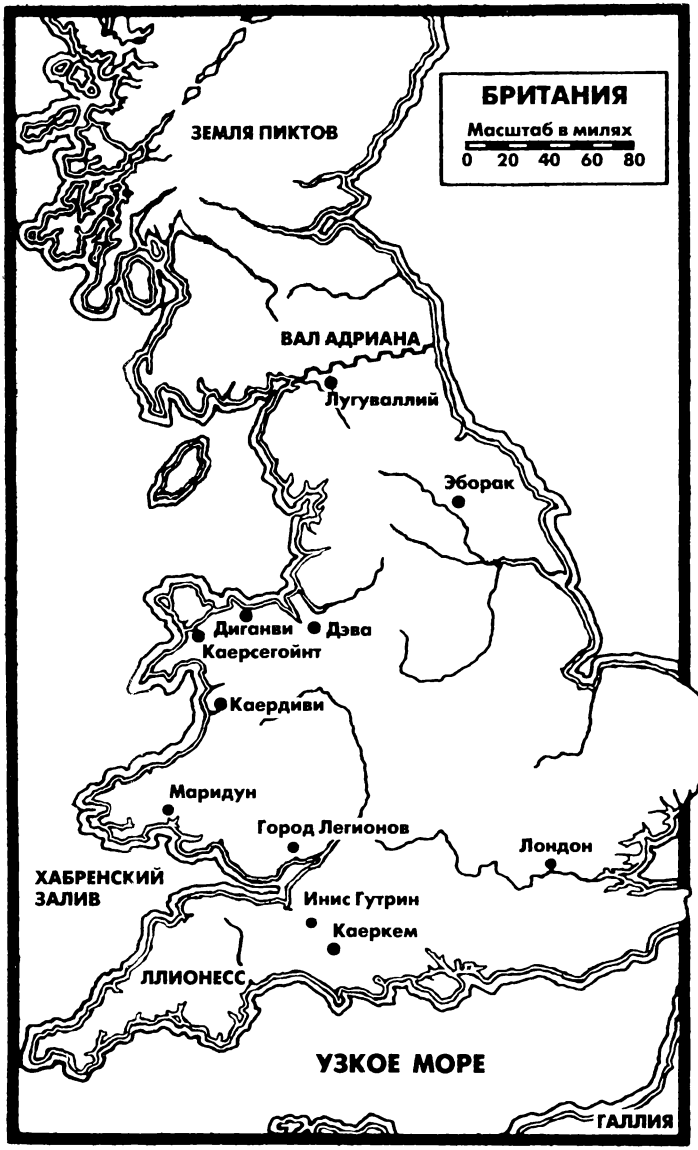
Стивен Лохед
Л23 «Талиесин» /Пер. с англ.: Е. Доброхотова-Майкова
М.: «Триада», 2001, 464 с.

«Талиесин» - первая книга саги «Пендрагон» английского писателя Стивена Лохеда. В основу цикла легли кельтские легенды, тонко вплетенные автором в реальные исторические события. С 90-х годов С. Лохед считается признанным мастером жанра фэнтези. Нельзя отрицать влияния на его творчество К. Льюиса и Р. Толкиена, но писателю все же удалось найти свой самобытный путь в литературе.

ББК 86.37
Л23

© Lion Publishing plc 1987.
© text, 1987 by Stephen Lawhead
© «Триада», 2001
© А. Коротич, художественное оформление 2000

ISBN 5-86181-183-0

БРИТАНИЯ
Масштаб в милях
0 20 40 60 80
ЗЕМЛЯ ПИКТОВ
ВАЛ АДРИАНА
Лугуваллий
Эборак
Диганви
Дэва
Каерсегойнт
Каердиви
Маридун
Город Легионов
Лондон
ХАБРЕНСКИЙ ЗАЛИВ
Инис Гутрин
Каеркем
ЛЛИОНЕСС
УЗКОЕ МОРЕ
ГАЛЛИЯ

Десять колец, девять гривн золотых
У древних было вождей;
Добродетелей — восемь, и семь грехов
Жалящих души людей;
Шесть — это сумма земли и небес,
Отвага и кротость в ней;
Судов от брега отплыло пять,
Пять спаслось кораблей:
Четыре царя отправились в путь,
Три царства в величии дней;
Страх и любовь двоих свели
Среди зеленых полей;
Мир лишь один, и Бог один —
Владыка вселенной всей.
Рожденье одно предсказала звезда,
Друиды поверили ей.*

Пер. А. Широченской.

ПОДАРЕННЫЙ НЕФРИТ

ГЛАВА первая

Довольно рыдать о мертвых, уснувших в морской пучине. Полно лить слезы о юных днях в святилище пегого быка. Жизнь сильна во мне, я не буду скорбеть о том, что было или могло бы статься. Мой путь — иной, я пойду туда, куда он меня ведет.

Но вот я гляжу из высокого окна на спелые нивы, готовые лечь под серпом. Ветер колеблет их, словно златое море, и в шелесте сухой листвы мне чудятся знакомые голоса, зовущие сквозь года. Я закрываю глаза и вижу тех, кто запомнился мне с младенчества. Они встают предо мною, возвращая меня в счастливую пору, когда все мы были юными и на нас еще не обрушилось бедствие, — до того, как явился Тром со зловещим пророчеством на устах.

Мир царил тогда во всей Атлантиде. Боги были довольны, народ благоденствовал. Мы, дети, играли под золотым диском Бела, так что руки наши и ноги становились сильными и смуглыми; мы пели песни прекрасной, вечно меняющейся Кибеле, прося ее даровать нам счастливые сны; земля, на которой мы жили, изобиловала благами, и мы думали, что так будет всегда.

Голоса ушедших велят: "Расскажи о нас. Это достойно памяти".

И вот я беру перо и начинаю писать. Быть может, работа скрасит долгие месяцы заточения, а слова помогут мне обрести хоть немного душевного покоя, которого я не знала во все мои годы.

Так или иначе, других занятий у меня нет. Я взаперти, я пленница в этом доме. Итак, буду писать — для себя, для тех, кто придет за мной, для того, чтобы голос зовущих не был забыт.

Люди прозвали царский дворец Островом Яблок, потому что все склоны, ведущие вниз, к городу, покрывали сады. И впрямь, когда они расцветали, дворец Аваллаха казался островом, плывущим над землею в бело-розовых облаках. Золотые яблоки слаще меда с высокогорных пасек в избытке родились в царевых садах. Яблони рядами стояли вдоль широкой дороги, идущей через центр Келлиоса к морю.

На высокой обращенной к морю террасе Харита, опершись о колонну, смотрела, как солнце сверкает на кованых медных листах городских крыш, и слушала, как вздыхает под порывами ветерка эолова арфа. Густой аромат яблоневого цвета немного пьянил и навевал дремоту. Она зевнула и перевела рассеянный взор на теплый синий полумесяц залива.

Три корабля под раздутыми на ветру зелеными парусами медленно входили в Келлиосскую гавань, за ними тянулся алмазный след. На глазах у Хариты они накренились, паруса их обвисли, и все три судна заскользили к пристани. Прочные ладьи уже спешили к ним, чтобы принять швартовы и отбуксировать к причалу.

Келлиос — оживленный город, не такой большой, как великий Ис, город храмов и верфей в Коране, меньше даже торгового города Гаэрона, что в Геспере, зато залив здесь глубокий. Поэтому купцы из соседних стран часто заходят сюда набрать воды и провианта, прежде чем двинуться на юг или восток через огромный водный простор, который моряки зовут Океаном.

Легкие колесницы, возы, груженные плодами окрестных полей и чужеземным добром, с рассвета и дотемна снуют по улицам Келлиоса. Рыночные палатки гудят от голосов — здесь приценяются, торгуются, ударяют по рукам.

На храмовом холме посредине города стоит священное здание — уменьшенная копия горы Атлант, жилища богов. Благовонный дым непрестанно поднимается с алтарей, на которых жрецы днем и ночью приносят богатые жертвы. А в стойлах под храминой ревут священные быки — сейчас они отдают богу свои голоса, как позже отдадут на заклание плоть и кровь.

С храмом соседствует бычья арена — большой овальный стадион, соединенный со стойлами подземным переходом. Через несколько часов по этому ходу проведут первого быка и начнется священная пляска. Пока же арена безмолвна и пуста.

Харита вздохнула и пошла с террасы в прохладный, тенистый коридор, стук ее сандалий эхом отдавался от гладкого камня. Несколько широких ступеней в конце коридора — и вот она уже на крыше дворца, в саду.

Легкий ветерок трепал широкие резные листья стройных пальм, рядами стоящих на крыше в блестящих медных кадках. Голубые попугаи кричали среди тесно растущих смоковниц, в обвивших орнаментальные столбы виноградных лозах чистили свои перышки переливчатые кецали. По соседству дремали в тени два леопарда, уложив пятнистые головы на лапы. На звук ее шагов один приоткрыл ленивые золотистые глаза, потом

снова закрыл их и свернулся клубком. Посреди сада бил фонтан, окруженный сужающимися кверху колоннами, на которых искусные резчики выбили магические солярные знаки.

В прозрачной, чистой воде плавали цветы, лимоны и мандарины; грациозные черные лебеди, величественно изогнув шеи, медленно скользили вдоль бортиков. Харита подошла и взяла из ближайшей амфоры горсть корма. Присев на бортик, она стала крошить его в воду, лебеди, расталкивая друг друга и вытягивая клювы, ринулись к ней.

Харита попеняла лебедям за недолжное поведение, но те по-прежнему шипели друг на друга и били крыльями. Бросив им остаток корма, она ополоснула руки. Вода так и манила искупаться. Харита подумала было сбросить плоеную юбку и поплавать, но ограничилась тем, что уселась на бортик, болтая в воде ногами и подперев холодными ладонями щеки.

Она подхватила плывущий мандарин, надорвала кожуру, положила в рот первую золотистую дольку и закрыла глаза, ощутив на языке кисловато-сладкие капли. Дни — такие длинные, так похожие один на другой! Сегодня по крайней мере есть чего ждать: вечером бычьи игрища и на закате жертвоприношение.

Подобные события немного разнообразили жизнь. Если бы не они, Харита, наверное, сошла бы с ума от неизбывного постоянства дворцовой жизни. Вновь и вновь она воображала, как убегает, переодевшись в простую одежду, как бродит по холмам, гостит в пастушьих хижинах, а может, садится на корабль и отправляется вдоль побережья, навещает крохотные, выжженные солнцем рыбачьи деревушки, вслушивается в ритм волн.

Увы, чтобы осуществить эти планы, следовало встряхнуться, а инерцию, зажавшую ее жизнь в могучем кулаке, Харита ощущала даже сильнее, чем томительную скуку дворца; собственно, только эти два чувства она и знала. Невозможность изменить сложившийся распорядок, кроме как в мелочах, означала, что ничего она не предпримет.

Она снова вздохнула и вернулась в переход. По пути она чуть помедлила в тени ближайшего куста, бесцельно обрывая нежные желтые лепестки и позволяя им, одному за другим, улетать с ладони, как улетают дни.

Войдя в длинную галерею, соединявшую большой зал с царскими покоями, она заметила впереди высокую, осанистую фигуру.

— Аннуби! — закричала она, отбрасывая остатки цветка. — Аннуби, постой!

Идущий впереди медленно обернулся. Его суровое чело хмурилось. Аннуби был прорицателем и советником царя; он занимал эту должность и при отце Аваллаха, и при его деде. Еще он дружил с Харитой сколько она

себя помнила; из всей отцовской свиты один Аннуби всегда находил время для маленькой любопытной девочки.

Как часто в дремотный послеполуденный зной, когда диск Бела раскаляет землю и все остальные забиваются в тень немного соснуть, маленькая Харита вытаскивала Аннуби из душной кельи, и они прохаживались в голубой тени портика, где прорицатель рассказывал ей о давно умерших царях и об искусстве провидения. "Это полезное умение для царевны, — говорил он, — при должной, разумеется, осмотрительности".

Однако девочка выросла, любопытство ушло, а если и осталось, то дремало где-то в потаенном уголке души.

— А, это ты, Харита, — сказал Аннуби, снова сдвигая брови.

— Нечего супиться, — воскликнула девушка, пристраиваясь к нему сбоку. — Я не буду отрывать тебя от твоих драгоценных дел. Просто хотела спросить, кто это к нам пожаловал.

Она по-свойски взяла его под руку, и они вместе двинулись вдоль галереи.

— Что-то пробудило тебя от летаргии?

— Язвить — это не по-царски. — Она состроила кислую мину, передразнивая выражение его лица. Обычно это вызывало у Аннуби смех, сегодня же он лишь строго взглянул из-под нависших бровей.

— Опять смотрела в камень без меня?

Она рассмеялась.

— Зачем дурацкие камни, когда есть собственные глаза? Я видела, как в гавань входили корабли. А во дворце тихо, как в склепе.

Уголки его губ на мгновение поползли вверх:

— Так ты наконец-то освоила первое правило: провидение — не замена острому зрению.

— Ты хочешь сказать, — ответила Харита, — что провидение ничего бы мне не добавило?

— Нет, дитя мое, — прорицатель медленно покачал головой. — Но зачем учиться провидению, если не хочешь смотреть своими глазами?

— Я думала, Лиа Фаил видит все!

Аннуби остановился и повернулся к ней.

— Не все, Харита. Очень немногое. — Он предостерегающе поднял палец. — Если надеешься когда-нибудь стать хорошей провидицей, запомни: камень никогда не покажет тебе того, что ты могла бы увидеть, но проморгала. — Он помолчал, тряхнул головой. — Зачем я тебе это рассказываю? Тебе на самом деле все безразлично.

— Может, и безразлично, но на мой вопрос ты не ответил.

— Корабли — твоего дяди. Что до следующего вопроса — зачем они здесь, — разве ты не можешь догадаться сама?

— А Белин здесь?

— Я этого не говорил.

— По-моему, ты вообще мало что сказал.

— Думай. Какой сейчас год?

— Год какой? — Харита взглянула озадаченно. — Год Тельца.

— Какой год?

— Ну, восемь тысяч пятьсот пятьдесят шестой от начала мира.

— Фу! — Прорицатель скривился. — Уйди от меня.

— Ой, Аннуби! — Харита потянула его за рукав. — Скажи мне! Я не пойму, какой ответ тебе нужен.

— Сейчас идет седьмой год...

— Год Совета!

— Год Совета, а еще точнее — седьмого Совета.

В первый миг Харита не поняла и оторопело уставилась на Аннуби.

— Иди утопись в море. Глаза бы мои на тебя не глядели!

— Семижды седьмой! — До Хариты наконец дошло. — Великий Совет! — выдохнула она.

— Да, Великий Совет. До чего же ты сообразительная, царевна! — поддразнил он.

— А как приезд дяди связан с Великим Советом? — по-прежнему недоумевала Харита.

Аннуби пожал плечами.

— Полагаю, есть вещи, которые лучше обсудить с глазу на глаз, прежде чем выносить на всеобщий суд. Белин и Аваллах близки, как могут быть близки два брата-царя. Впрочем, кому дано заглянуть в царево сердце?

— Между нашей страной и Белином что-то неладно?

— Я сказал тебе все, что знаю.

— Ты хоть когда-нибудь вынимаешь из своих обширных закромов больше одного самого маленького зернышка?

Прорицатель насмешливо ухмыльнулся.

— Чуточку неопределенности помогает людям не расслабляться.

Они дошли до входа в большой зал. Рядом с огромными дверями из полированного кедра стояли два церемониймейстера. При виде Аннуби один из них вытянулся в струнку и дернул за плетеный шнур — двери бесшумно распахнулись. Прорицатель обернулся к Харите:

— На сегодня довольно с тебя государственных дел. Иди, спи дальше.

Он вошел в большой зал; двери затворились, оставив Хариту гадать, что происходит за ними.

Несколько мгновений она смотрела на дверь, потом пошла прочь. "Аннуби ведет себя со мной, как с ребенком, — пробормотала она про себя. — Да и все остальные тоже. Никто не принимает меня всерьез. Никто мне ничего не рассказывает. Зато я знаю, как все выяснить". Она обернулась на закрытую дверь. Любопытство не давало ей покоя. Решиться? Нет? Однако, дойдя до конца коридора, Харита уже точно знала, что не отступится.

Тенью проскользнув по темному лабиринту нижних комнат и переходов, она оказалась наконец перед узкой красной дверцей. Не колеблясь, девушка толкнула створку. Комнату освещал единственный светильник, висящий на цепи возле двери. Привычным движением Харита вытащила из корзинки восковую свечу, зажгла от дрожащего фитилька и двинулась к круглому столу посредине комнаты.

На столе, на чеканной золотой подставке, лежал Лиа Фаил — сумрачно-матовый камень размером и формой напоминающий страусовое яйцо. Харита поставила свечу в подсвечник, протянула к яйцу руки и вгляделась в него. Прожилки в камне были темные, словно синий дымок, и мутные, словно воды реки Коран; Аннуби любил говорить, что это дымок случая и плодородная тучность удачи.

Она, как учили, привела в порядок мысли, закрыла глаза и прочла заклинание — три раза подряд. Постепенно камень под ее ладонями потеплел. Она открыла глаза и увидела, что дымчатые жилки поблекли, превратились в полупрозрачные струйки; чудилось, что они вьются и дрожат, словно морской туман под первыми лучами солнца.

— Зрячий камень, — обратилась она. — Я ищу знаний о том, что должно случиться. Дух мой не находит покоя. Покажи мне что-нибудь... — Она помедлила, ища, в какие слова лучше облечь просьбу. — Да, покажи мне что-нибудь насчет путешествий.

Аннуби учил ее при обращении к оракулу неукоснительно блюсти правило неопределенности. "Прорицатель приходит к камню выслушать наставление, а не повелевать, — говаривал он. — Посему, из почтения к служительницам судеб, просьбу выражают расплывчато, дабы не показаться самонадеянным. Думай! Что есть удача как не случай, обретший плоть? Ужели в стремлении к цветку ты отвергнешь целый букет? Лучше позволь камню проявить щедрость".

Дымки в прозрачном яйце вились и мерцали, складываясь в невнятный рисунок. Харита, сосредоточенно морща лоб, вгляделась в мелькание те-

ней и через мгновение различила цепочку пеших и верховых на лесной дороге — похоже, ехал царь, поскольку кортеж возглавляли три колесницы, каждая была запряжена парой вороных коней, на лошадиных головах покачивались черные плюмажи.

"Пф! — фыркнула Харита, — веселенькая процессия. Я совсем не это имела в виду. Мне надо было спросить про Совет".

Тут сумеречные тени рассеялись. Харита думала, что камень сейчас померкнет. Однако серые очертания перестроились, и она увидела дорогу, а на дороге мерно ступающего крепкими ногами человека. Таких людей она еще не видела никогда. Вид его был ужасен: тело покрывал мех, бородатое, с резкими чертами лицо почернело от солнца, грязные волосы дыбом стояли на голове. Он на ходу размахивал длинным посохом, из которого било вверх яростное желтое пламя.

Растаяло и это видение, камень погас. Харита вынула свечу из подсвечника, задула ее и положила обратно в корзинку у двери. Потом потянула к себе украшенную эмалью створку, шагнула в коридор и быстро скользнула прочь.

Царь Аваллах по-родственному приветствовал брата, слуги тем временем принесли чаши с душистой водой и чистые полотенца — смыть дорожную пыль. Подали вино, и оба царя, взяв кубки, вышли прогуляться в прилегающем к залу садике, оставив свиту обмениваться придворными сплетнями.

— Мы ждали тебя третьего дня, — сказал Аваллах, прихлебывая вино.

— Я прибыл бы раньше, но хотел убедиться наверняка.

— Даже так?

— Вот именно.

Аваллах нахмурился и внимательно поглядел на младшего брата. Они были так схожи, что могло показаться, будто он смотрится в зеркало: оба смуглые, у обоих длинные черные бороды и волосы намаслены и завиты, как того требует обычай. Улыбаясь, оба царя сверкали белыми зубами, темные глаза обоих светились острым умом, а порою и вспыхивали гневом.

— Значит, все-таки началось.

— Однако мы еще можем остановить его, — сказал Белин. — Если мы предъявим обвинения на Совете, перед всеми, верховный царь вынужден будет вмешаться.

Аваллах подумал и сказал:

— Если мы принудим верховного царя выступить против одного из своих монархов, то поставим мир под угрозу.

— Или спасем его.

— Ладно, — Аваллах внезапно повернул в сторону оставленного зала. — Послушаем, что скажут твои люди.

Они вернулись. Аваллах, заметив, что Аннуби пришел, жестом подозвал его к себе. Как только прорицатель приблизился, король обратился к одному из спутников Белина:

— Брат сказал, что ты привез с собой доказательства. Покажи мне.

Тот взглянул на прорицателя и замялся.

— Верь Аннуби больше, чем веришь мне, — промолвил Аваллах. — Если этого не услышит мой советник, мои уши тоже будут глухи.

Аннуби поклонился, сведя руки и соединив кончики пальцев в жесте, который символически изображал солнце.

— К тому же, — добавил Аваллах, — я так и не придумал способа что-нибудь скрыть от него.

— Имя Аннуби чтят и в покоях Белина, — был ответ, сопровождаемый поклоном в сторону прорицателя. — Я не хотел причинить обиду.

— Я не обижен, — отвечал Аннуби с той же учтивостью. — Молю, продолжай.

— Я надзираю за верфями царя Белина. Пять дней назад я заприметил двух огигийцев в царских доках в Тафросе. Чтобы туда проникнуть, они выдавали себя за представителей азилианского торгового братства. Доки, как вам известно, не охраняются, но царь приказал мне быть начеку. Я заподозрил неладное, когда заметил, что "покупатели" отираются у домика корабельных плотников. По-видимому, они искали случая проникнуть внутрь.

— Без сомнения, — согласился Аваллах.

Начальник верфей кивнул.

— В ответ на вопросы они притворились, что ничего не понимают.

— Разумеется.

— Я сказал, что хотел бы их обыскать, они подняли шум. Я кликнул шестерых плотников, которые и держали "гостей", пока не подоспела стража. Как они ни ругались, их отвели во дворец и обыскали. В одежде нашли документы, из которых явствовало, что они лазутчики. Я считаю, что они хотели оценить мощь кораблей Белина и возможности его верфей.

Темные глаза Аваллаха посуровели.

— Это еще не все. — Белин жестом подозвал другого спутника, который раскрыл поясную сумку, вытащил свернутый пергамент и протянул его Аваллаху.

— Полагаю, — произнес он, — ты захочешь увидеть своими глазами.

Аваллах развернул пергамент, быстро просмотрел его и передал Аннуби. Тот пробежал документ глазами и вернул хозяину.

— Похоже, Нестору есть дело до всего.

— Да уж! Считать корабли и житницы! Он что, помешался?

— Оценить мощь противника, прежде чем нанести удар, — что может быть мудрее?

— Он не в своем уме! — вскричал Аваллах. — Нарушить мир, длившийся более двух тысяч лет...

Аннуби вскинул руки.

— Новые силы ворвались в этот мир: повеяло войной, зверо-люди кочуют из края в край, порядок уступает место хаосу. Все мироздание бурлит. — Он замолк и добавил, пожав плечами: — Нестор — порождение своего времени.

— Нестор — порождение гадюки, которое надо раздавить. — Аваллах покусал губы. — И для этого заручиться поддержкой всех остальных.

— И я так думаю, брат, — согласился Белин. — Я отплываю в Коранию, как только мы обо всем сговоримся.

— Нет, — произнес Аваллах. — Это я возьму на себя. Если кругом кишат лазутчики Нестора, лучше, чтобы тебя не видели на дороге из Келлиоса в Ис. С царем Сейтенином я поговорю сам.

— Так будет еще лучше, — согласился Белин.

— А теперь... — Аваллах возвысил голос, чтобы его слышали остальные, — забудем про это неприятное дело. Сегодня бычьи игрища — я приглашаю всех.

Спутники Белина поклонились и соединили пальцы в солнечном знаке. Аваллах потребовал ключника, тот прибежал сразу.

— Эти люди остаются у нас, — сказал царь. — Приготовь им покои, позаботься, чтоб они получили чистую одежду и все, что им потребуется.

Гости двинулись вслед за служителем.

— С тобой ли Элейна? — спросил Аваллах у брата, когда все остальные вышли.

— Она узнала, что я еду, и не пожелала оставаться одна. Когда мы подходили к пристани, она спала. Я велел передать, что заберу ее позже.

— Ступай и приведи. Не заставляй ее ждать и секунду, или за твое упущение придется отвечать мне.

— Что ж, не в первый раз. — Белин хохотнул и осекся, услышав, как смех его эхом отдался в каменных стенах. — Какой глухой звук!..

— Иди, приведи Элейну, — повторил Аваллах. — Вечером эти покои будут звенеть от смеха.

Белин вышел, и Аваллах повернулся к стоящему рядом Аннуби:

— Близится то, чего мы давно страшились. Нужно готовиться к Совету, там будет схватка с Нестором. Мы должны победить, иначе — гибель.

— Верные слова! Когда ссорятся цари, гибель — единственное, что можно предсказать наверняка.

Любопытство Хариты отнюдь не насытилось увиденным в Лиа Фаил, однако она не могла пойти к Аннуби за разъяснениями, поскольку смотрела без спросу. Во всяком случае, себя она в процессии не заметила, и это подтверждало ее худшие опасения: когда придет время ехать на Великий Совет, ее оставят в Келлиосе.

С этим она смириться не могла. Средняя из пяти детей Аваллаха, Харита часто должна была прибегать к дипломатическим ухищрениям в ситуациях, когда ее братья, вероятно, шли бы напролом. Сейчас ей требовался союзник — кто-то, обладающий властью и готовый встать на ее сторону. Мать — вот кто ее поддержит.

Царица сидела на балконе своей библиотеки, держа в руках что-то квадратное. Когда дочь вошла, она обернулась и с улыбкой протянула руку.

— Иди сюда, я хочу тебе что-то показать.

— Что это? — спросила девушка. — Кирпич?

Брисеида рассмеялась и протянула загадочный предмет дочери.

— Не кирпич, — пояснила она. — Книга.

Харита подошла ближе и вгляделась. Какая же это книга? Книги такие не бывают. Книги — туго скрученные пергаментные свитки, а эта штука плоская, толстая и несуразная.

— Ты не шутишь? — спросила Харита, оглядывая библиотеку — бесчисленные свитки, каждый в своем гнездышке на полках-сотах. Солнечный свет дробился на полированном дереве и камне. Здесь были большие столы миртового дерева и стулья с высокими спинками и синими шелковыми подушками. В дальнем конце висело вышитое изображение горы Атлант, вершина ее скрывалась в белых перистых облаках. Харита вновь перевела взгляд на странную книгу, которую показывала ей мать.

— По мне, она больше смахивает на кирпич.

— Теперь такие делают. На, держи. — Мать вложила фолиант ей в руки. — Открой.

— Как это?

— Давай покажу. — Царица нагнулась и раскрыла кожаный переплет, явив дивную миниатюру: зеленая и золотая Атлантида плывет в лазурно-голубом море.

— Как красиво! — воскликнула Харита, гладя страницу пальцами. — Откуда это у тебя?

— Купцы привезли из-за океана. Говорят, в великих библиотеках Востока теперь изготавливают такие. Я поручила царским художникам скопировать рисунок, но текст написан восточным письмом. Во всех девяти царствах есть лишь одна подобная — у верховного царя.

Брисеида закрыла книгу, нежно взглянула на дочь и погладила ее по волосам.

— Ты чем-то расстроена, мама? — спросила Харита.

— Ничего серьезного, — отвечала царица, но тень, омрачившая ее лицо, не исчезла.

Харита внимательно всмотрелась в мать. Длинноногая, длиннорукая, стройная, с безупречно белой кожей и медвяно-золотистыми волосами; глаза чистые, как горное озеро, в них угадывается льдистая глубина. Она редко надевала венец, но весь ее облик и без того излучал царственное и ясное, словно сам свет, благородство. Харита считала свою мать красивейшей женщиной мира и была отнюдь не одинока в своем мнении.

— Ты меня искала, — промолвила Брисеида. — Что тебе нужно?

— Кто-то приехал, — отвечала Харита. — Я видела, как в гавань входили корабли. От дяди Белина.

— Белин здесь? Вот это новость. — Царица повернулась и взглянула на гавань. Лицо ее вновь омрачилось.

— Хм, — фыркнула Харита. — Больше я ничего тебе сказать не могу. У них тайная встреча, и Аннуби упомянул что-то насчет Великого Совета. Одно знаю — меня туда все равно не возьмут. — Она плюхнулась на ближайший стул. — Знаешь, мама, иногда мне просто хочется отсюда уехать куда глаза глядят!

Царица печально взглянула на дочь.

— Ах ты моя непоседа, не торопись уезжать. Боюсь, в твоей жизни будет и без того слишком много разлук.

— Я никогда прежде не бывала на Великом Совете. Можно нам поехать? Ну, пожалуйста!

Лицо Брисеиды просветлело.

— Может быть, Элейна тоже здесь?

Харита сразу увидела зацепку.

— Так можно? Я никогда никуда не езжу. Все остальные — Киан и Майлдун, и Эоинн, и...

— Ш-ш-ш, я не сказала "нет". Если приехали Белин с Элейной, я должна их устроить.

Харита в надежде подняла брови.

— Тогда "да"?

— Решать твоему отцу.

Харита разочарованно сморщилась.

— Но, — продолжала мать, — думаю, его можно будет уговорить.

Харита вскочила.

— Уговори его, мама! Я знаю, у тебя получится.

— Постараюсь. А теперь пошли, узнаем, будут ли твои дядя и тетя с нами на игрищах.

— Ой, я чувствую себя коровой. Да и выгляжу тоже. Ни разу в жизни меня так не укачивало. Здравствуй, Брисеида. Привет, Харита. Как я рада вас видеть! Ума не приложу, чего меня потянуло ехать — мне стало плохо, едва я ступила на этот жуткий корабль. Ну и жарища же у вас! Или это я так запарилась?

— Здравствуй, тетя Элейна. Еще не родила? — Харита со смехом протянула руку сходящей с повозки тете.

— Ах ты, насмешница! Если б родила, разве бы я пыхтела сейчас, как кабаниха? Еще несколько недель мучиться!

Элейна обхватила изящными руками огромный живот. Несмотря на все жалобы, выглядела она цветущей и, по-видимому, была вполне довольна собой.

— Элейна, ты все такая же красивая! — воскликнула, обнимая ее, Брисеида. — А на солнце и правда жарко. Идемте внутрь. Я велела подать прохладительное питье.

— Ты пойдешь с нами на бычьи игрища? — спросила Харита.

Они вступили под тень портика и под шелест пальмовых листьев за мраморными колоннами двинулись во дворец.

— Когда это я их пропускала? По мне, так ничего лучше и быть не может. Кто участвует?

— Танцоры из Посейдониса, из самого Верховного храма; кажется, Полумесяцы. Гуистан говорит, там одна делает двойку...

— Харита, помолчи, — одернула ее мать. — Элейна с дороги и очень устала. Дай ей минуту передохнуть, прежде чем потащишь нас на арену. — Она повернулась к снохе. — Еще несколько недель, ты говоришь?

— Звезды, Брисеида, звезды! Жрецы говорят, они должны расположиться определенным образом. — "О, царица, — произнесла она нарочито елейным голосом, — рожденный от тебя однажды станет царем и должен появиться при счастливых знамениях". Дурачье!

— Ты уверена, что будет мальчик?

— Уверена. По крайней мере в моей семье жрецы не ошибались вот уже в пяти поколениях. Мальчик, это точно.

— Белин должен радоваться.

— Он без ума от счастья, и правильно, ведь мне достался весь труд, а ему — весь почет.

— Имя выбрали? — полюбопытствовала Харита.

— Я посоветовалась со жрецами, они поискали в царских анналах и сказали, что в моем роду был человек по имени Передур — мудрый и справедливый правитель, очень прославленный в какие-то там времена. Думаю назвать сына Передуром.

— Имя странное, — заметила Харита, — но мне нравится.

Брисеида строго взглянула на дочь, но та сделала вид, что ничего не заметила.

— Харита, пойди, поищи братьев. Скажи, пусть собираются. Скоро мы пойдем на арену, и я хочу поспеть до толпы.

Харита нахмурилась и открыла было рот возразить.

— Иди, я хочу немного поговорить с Элейной наедине.

— Иду.

— На арене садись рядом со мной, — крикнула вдогонку Элейна. — Я займу тебе место.

Некоторое время обе женщины смотрели вслед убежавшей девушке. Брисеида вздохнула.

— Иногда мне кажется, что я никогда не воспитаю из нее царевну. Такая упрямая!

— Но не упрямее своего отца?

Брисеида улыбнулась и покачала головой.

— Нет, не упрямее Аваллаха.

Гвиддно Гаранхир стоял на вершине холма у ворот своего каера и смотрел, как по другую сторону Абердиви чайки с криками кидаются на рыбу, выброшенную отливом на плоский илистый берег. Ветер разметал облака, небо было синее-синее. Гвиддно всматривался в горизонт — не мелькнут ли квадратные кроваво-красные паруса грабителей-ирландцев.

Было время, и не так давно, когда вид ладьи на горизонте вызывал всеобщий переполох. Били тревогу, Гвиддно, взяв копье и бронзовый щит, выводил клан на берег отражать нападение. Иногда ирландцы все же высаживались, иногда, завидев на мелководье вопящую и приплясывающую дружину, отправлялись искать добычу полегче.

Однако сейчас горизонт был светел и чист; по крайней мере сегодня селению ничто не грозило. С последнего набега минуло много лет, но Гвиддно не забыл кровавые сражения своей юности, и бдительность его с годами ничуть не ослабла.

Внизу, на обнажившейся после отлива полоске, бродили по щиколотку в грязи его сородичи. Они собирали синеватых мидий и устриц. В устрицах изредка попадались мелкие жемчужинки, которые, отмеряя рогами, продавали столь же редким торговцам, отважившимся зайти далеко на запад в гористый и дикий край кимров. Гвиддно посмотрел, как усталые люди, согнувшись, волокут по жидкому месиву груботканые мешки, прочесывают ил длинными рогатинами... и задумался.

Выше по реке Гвиддно держал лососевую заводь. В должное время она обеспечивала рыбой его стол, а излишки шли на продажу, принося неплохой доход. Что ж, может быть, в этом году плотина подарит ему не только рыбу.

В последнее время Гвиддно, король и повелитель шести кантрефов Гвинедда, все больше ощущал свой возраст и все чаще задумывался о наследнике. Две его жены сумели произвести на свет всего одного сына — Эльфина. "Ах, кабы мои жены были так же плодовиты, как моя запруда", — часто сетовал он про себя.

Соплеменники числили Эльфина величайшим неудачником на земле. Все, к чему бы он ни притронулся, рушилось, любая его затея оканчивалась провалом. Весь Гвинедд рассказывал о его чудовищном невезенье — например, как он и пять его товарищей отправились верхом в лощины возле Пекаррета за дикими кабанами.

Охотники вернулись через час после захода. Три лошади пропали, два всадника были тяжело ранены, добыть сумели одного поросенка. Спутники во всем винили Эльфина, хотя ни один не мог объяснить, что именно он сделал не так. Однако все сходились в том, что причина несчастья — он. "Сами виноваты, нечего было с ним ехать, — говорили они. — Впредь или он остается дома, или мы".

Однажды он с отцом и несколькими родичами отправился в соседнее селение на похороны высоко чтимого вождя. Эльфину как сыну Гвиддно доверили почетную обязанность вести запряженных в похоронные дроги коней. Путь к кромлеху, где предстояло упокоиться вождю, лежал через буковую рощу вверх по крутому склону.

Когда дроги переваливали через холм, раздалось хлопанье крыльев и из травы вспорхнула испуганная перепелка. Как Эльфин ни удерживал поводья, лошади вздыбились, дроги накренились, тело соскользнуло и самым неподобающим образом покатилось по склону. Эльфина чуть было не закопали в том же кромлехе.

В другой раз Эльфин вышел рыбачить в устье реки, когда якорный канат порвался и лодку унесло в море. Родичи уже не чаяли его увидеть, однако он заявился на следующее утро, усталый, голодный, но целый и невредимый. Лодка вместе с сетями и уловом осталась на прибрежных камнях в полудне ходьбы от селения.

Напасти, большие и малые, сыпались на Эльфина с завидной частотой. Складывалось впечатление, что самый день его рождения проклят, хотя никто не слышал о существовании такого наговора. Более того, Гвиддно был правитель чтимый и справедливый, и никто не мог понять, кому и зачем понадобилось бы вредить его сыну.

Так или иначе, очень мало верилось, что Эльфин заступит на место отца. Кто же пойдет за признанным неудачником? А уж если он и сделается королем, то погубит и весь клан. Правду сказать, соплеменники Гвиддно давно и часто обсуждали между собой этот вопрос, а те, что постарше, стоило Эльфину отвернуться, складывали пальцы, защищаясь от нечистой силы.

Король ясно видел, что близится пора принимать решение. При этом он души не чаял в сыне и всячески стремился ему помочь. Нужно было

только показать, что невезенье покинуло Эльфина. Поэтому-то Гвиддно и вспомнил про запруду.

Через несколько дней Бельтан — самое благоприятное время года. День, когда благословляют поля и стада, когда надо умилостивить богиню-землю, чтобы осенью получить хороший урожай. Самый что ни на есть колдовской день. Если на Бельтан из запруды вытащить богатый улов лосося, это будет добрым знаком на год вперед. А коли этот улов вытащит Эльфин, никто больше не назовет его неудачником.

А у Гвиддно был обычай каждый год в этот день поручать лов в запруде Диви одному из соплеменников. В этом году его выбор падет на Эльфина. Тогда все увидят, отступили невзгоды от его сына или тот сойдет в могилу таким же бесталанным, каким вышел из материнского лона.

Гвиддно потеребил гривну — знак своей власти — и улыбнулся в бороду, поворачивая к селению. Хорошо придумано. Если Эльфин вытащит богатый улов, все поверят, что он удачлив, а нет — все равно ему хуже не будет. Пусть тогда ищут наследника среди младших двоюродных братьев и племянников Гвиддно.

Король шагал между тесно стоящих домов каера — по большей части прочных крытых соломой срубов, хотя порой встречались и старые круглые низкие хижины. Почти триста родичей — членов двух файнов, ведущих происхождение от общего предка, — звали Каердиви домом и укрывались от опасностей за его круговым рвом и надежным бревенчатым частоколом.

Гвиддно шагал по селению, приветствуя жителей, время от времени останавливаясь, чтобы перекинуться с кем-нибудь словечком. Он знал их всех, знал их надежды и страхи, их сердца и умы, знал, о чем они мечтают для себя и своих детей. Он был хороший король, и все его любили, даже владетели отдаленных кантрефов, платившие ему подать как верховному правителю.

Рыжие свиньи, искавшие желуди под дубом Совета в центре каера, при его приближении с визгом бросились прочь. На одной из нижних ветвей висел на кожаном ремне железный брус, и Гвиддно, взяв железный же молот, несколько раз ударил по брусу. Очень скоро жители начали сходиться на зов.

Когда собрались почти все старшие, Гвиддно сказал зычно:

— Я созвал Совет, дабы объявить, кто через два дня забросит сеть в мою лососевую запруду.

Ответом ему был одобрительный гул.

— Я выбрал Эльфина.

Гул смолк. Такого решения не ждал никто. Люди переглядывались, кое-кто за спиной сложил пальцы от нечисти.

— Я знаю, о чем вы думаете, — продолжал Гвиддно. — Вы считаете Эльфина неудачником...

— Он проклят! — раздался голос из толпы, остальные согласно загудели.

— Тише! — выкрикнул кто-то. — Пусть вождь говорит.

— Лов станет Эльфину испытанием. Вытащит богатую добычу — проклятие снято.

— А если нет?

— Если нет, ищите другого наследника. Я не останусь королем дольше Самайна. Время выбирать нового предводителя.

Эта последняя и самая значительная новость была встречена почтительным молчанием. Одно дело — удачи и неудачи Эльфина, совсем другое — выбор нового короля.

— Возвращайтесь к своим занятиям. Я все сказал, — произнес Гвиддно, а про себя подумал: "Ну все, дело сделано, пусть потихоньку переваривают".

Пока народ расходился, бард Хафган вышел вперед и поклонился королю. Он был в длинном синем одеянии, несмотря на ясный весенний день.

— Зябнешь, Хафган? — спросил Гвиддно.

Друид скривился и поглядел на солнце, застывшее сейчас в зените.

— Я чувствую холод приближающегося снега.

— Снег? Сейчас? — Гвиддно поднял глаза: высоко-высоко в ясном солнечном небе плыли белые облака. — Но уже почти Бельтан — зимние снега миновали.

Хафган засопел и плотнее закутался в плащ.

— Я не буду спорить о погоде. Ты не посоветовался со мной насчет ловли лососей. Почему?

Гвиддно отвел глаза. Ему не хотелось открывать душу друиду, который не сражается, не женится, не знает обычных человеческих забот.

— Ты медлишь с ответом, — заметил Хафган. — Ложь часто застревает в горле.

— Я не буду тебе лгать. Я не посоветовался с тобой, потому что не счел это разумным.

— Вот как?

— Эльфин — мой единственный сын. Ради своих сыновей человек должен сделать все. Я решил, что в этом году ловить будет Эльфин. Я не хотел, чтобы ты встал поперек моего замысла.

— Думаешь, я возразил бы?

Гвиддно смотрел в землю.

— Это была твоя ошибка, Гвиддно Гаранхир. Твой замысел свидетельствует о мудрости, но его разрушит погода. Я мог бы тебя предупредить.

Гвиддно вскинул голову.

— Снег!

Бард кивнул.

— Близится буря. Ветер и снег с моря. Лосось пойдет поздно, и запруда будет пуста.

Гвиддно печально покачал головой.

— Не говори Эльфину. Может, что-нибудь да вытянет.

Друид насупился и собрался идти прочь.

— Великая Матерь всегда щедра.

— Я немедленно принесу жертву. Быть может, она смилостивится.

— Не думай, что тебе удастся отвратить бурю, — бросил Хафган через плечо.

Гвиддно поспешил в свой просторный дом. Если богиня и не защитит Эльфина, возможно, она хотя бы немного облегчит его долю.

Утром в канун Бельтана темные тучи затянули небо и с моря налетели ледяные порывы, несущие снег с дождем. Тем не менее в отцовском доме Эльфин встал рано, надел доху и вышел навстречу двум родичам — смотрителям лососевой запруды.

Все время, пока лошадей укрывали лишними меховыми попонами, пока садились в седла и ехали к реке, спутники Эльфина бормотали себе под нос и делали знаки против нечисти. Тот старался не замечать их грубости и жевал ломоть черствого черного хлеба, кутаясь в охотничий плащ и гадая, что принесет ему сегодняшний день.

Эльфин был крепким юношей с широким открытым лицом и добрыми карими глазами, русоволосым и рыжеусым. Он любил застолье, еще больше — выпивку, хорошо и охотно пел. Он не искал себе лишней работы, но и в помощи никому не отказывал. Короче, он был равно хорош и нравом, и лицом.

В отличие от окружающих Эльфин легко сносил свое невезенье и словно бы не замечал его. Он только дивился, из-за чего возникает столько шума. Да и что пользы задумываться — удача и несчастье в руках богов, которые распределяют свои дары, как им заблагорассудится. Судя по его опыту, все идет как идет: бейся-не бейся, ничего не изменишь.

Да, погода могла бы выдаться получше. Мокрый снег и ветрище — плохое подспорье для рыбной ловли. Но что с того? Разве он в силах прекра-

тить снег или поставить преграду ветру?

Тропа от селения вилась вдоль чистых вод Диви, сейчас холодных и серых под темным стальным небом. Ветки с уже проклюнувшимися почками гнулись под тяжестью снежных шапок. Пронизывающий ветер обжигал лица, седоки горбились, вбирая головы в плечи, кони, опустив головы, брели вперед.

Когда они добрались до запруды, утро было уже в разгаре. Плотные тучи по-прежнему закрывали небо, снег валил все так же густо, но ветер заметно ослабел. Смотрители спешились. Поперек реки, на мелководье, висели на шестах сети. И на них, и на кольях, торчащих из черной воды, лежал снег. Заснеженные лиственницы, словно одетые в белое друиды, строго смотрели на Эльфина из-за реки.

— Вот запруда, — пробасил один из смотрителей, здоровенный детина по имени Киалл. — Валяй.

Эльфин дружелюбно кивнул и принялся стягивать одежду. Раздевшись догола, он пошел к воде, осторожно перебираясь через мокрые валуны. Наконец он вступил в реку и, обхватив руками плечи, чтобы унять дрожь, побрел к первой сети.

Она тяжело шла из темной воды, и Эльфин тянул рьяно, однако сеть оказалась пустой.

Он бросил быстрый взгляд на берег, на оскалившихся родичей, которые не тронулись с места, пожал плечами и медленно двинулся к следующему шесту. Кожа его от холода покрылась пупырышками. Вторая сеть была пуста и третья тоже. В четвертой же обнаружилась запутавшаяся коряга.

— Злополучный день, — проворчал Киалл, и голос его зычно разнесся над водой. Эльфин притворился, что не слышит, и продолжал работу.

— Чего зря мерзнуть, — отозвался второй смотритель, Эрмид. — Разведем костер.

Оба принялись собирать сухую растопку. Когда Эльфин в следующий раз поднял глаза, на полянке возле реки уже горел костерок. Он выбрался из воды и присоединился к товарищам.

Опустившись на колени возле костра, юноша блаженно застонал, чувствуя, как оттаивает в тепле зазябшее тело.

— Что, вдоволь наловился? — спросил Киалл. Эрмид грубо хохотнул.

Эльфин протянул руки к огню и ответил, стуча зубами:

— Н-намерзся вдоволь, эт-т-то верно.

Ответ разозлил Киалла. Он вскочил и затряс кулаком перед лицом Эльфина.

— Ты! Эта твоя неудача хуже всех прежних вместе взятых! Теперь мы в этом году ничего не поймаем!

Эльфин обиделся, но отвечал спокойно:

— Я еще не закончил того, для чего пришел.

— Что толку? — ревел Киалл. — Слепому видно, что ты сегодня ничего не вытащишь!

Юноша вновь вошел в ледяную воду и медленно двинулся к противоположному берегу, проверяя одну сеть за другой. Киалл глядел ему вслед, потом сказал Эрмиду:

— Все, я на это насмотрелся. Едем домой.

Они загасили снегом костер, уселись в седла и уже развернули коней, когда услышали крик Эльфина. Киалл продолжал ехать вперед, но Эрмид помедлил и оглянулся. Эльфин по пояс в воде брел к берегу, волоча за собою черный куль.

— Киалл, погоди! — крикнул Эрмид. — Эльфин что-то вытащил!

Киалл натянул поводья, обернулся через плечо.

— Чепуха, — рявкнул он. — Дохлятина.

Эльфин снова крикнул, и Эрмид спешился. Киалл с досадой наблюдал за ними, тихо бранясь себе в усы, потом все-таки развернулся назад. Он подоспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как Эльфин с Эрмидом вытаскивают на берег большой кожаный мешок.

— Смотри, что Эльфин нашел! — крикнул Эрмид.

На Киалла это не произвело ни малейшего впечатления.

— Мокрый бурдюк, плевка не стоит.

Эрмид вытащил нож и принялся вспарывать мешок.

— Полегче! — предупредил Эльфин. — Не повреди мое счастье!

— Счастье его! — буркнул Киалл, слезая с лошади. — Вот уж верно! Все прошлые годы запруда давала лососей на сотню серебром, а тебе достался никчемный мешок!

— Кто знает? Может, то, что внутри, стоит сотни серебром, — ответил Эльфин и, взяв нож, аккуратно вспорол кожу.

Затем они с Эрмидом раскрыли мешок и вытащили сверток серого тюленьего меха, перетянутый кожаными ремнями. И мех, и ремни были сухими.

— Смотри-ка! — вскричал Эрмид. — Вода туда не попала!

Эльфин положил сверток на землю и трясущимися руками — они дрожали больше от волнения, чем от холода, — начал развязывать туго затянутые узлы. Когда последний ремень был снят, он поднял было руку развернуть мех, да так и замер.

— Чего ждешь? — рявкнул Киалл. — Покажи нам это твое счастье, чтоб мы могли рассказать клану.

— Давай же, — сказал Эрмид и потянулся к свертку.

Эльфин перехватил его руку.

— Зачем ты торопишься разделить мое невезенье, родич? — спросил он. — Давай лучше я.

С этими словами он взялся за край шкурки и потянул. На земле перед ними лежало детское тельце.

— Мертвяк, — заметил Киалл, вставая.

Младенец лежал неподвижно, призрачно-бледный от холода, с синими губами и пальцами. Эльфин не мог отвести взгляд. Это был чудно сложенный мальчик: закрытые глаза — безупречные полумесяцы, уши — тончайшие раковины. Мягкие, как паутина, волосы цвета золота при огне легко падали на высокий лоб. Во всем крохотном тельце не было ни малейшего изъяна или порока.

— Какой красивый, — прошептал Эльфин.

— За что ж его в реку-то? — удивился Эрмид. — По мне, так вполне справный мальчишечка.

Киалл фыркнул, придерживая лошадь.

— Мальчишка заговоренный, это как пить дать. Проклятый. Бросьте его обратно, и вся недолга.

— Выбросить мое счастье? — возмутился Эльфин. — Да ни за что!

— Малый мертв, — не без сочувствия произнес Эрмид. — Брось его, чтобы проклятье не пристало к тебе.

— Какая разница, коли я и без того проклят? — Эльфин вновь завернул мальчика в шкуру и прижал к своему голому телу.

— Делай, как знаешь, — пробасил Киалл, залезая на коня. — Едешь, Эрмид?

Эрмид встал, снял со своей лошади меховую попону, набросил ее Эльфину на плечи и тоже забрался в седло.

Эльфин задержал младенца у своей груди и почувствовал, как теплеет, касаясь его кожи, крохотное тельце. Снег сыпался сквозь нависшие ветви, окутывая весь лес саваном тишины — тишины, которую разорвал слабый, приглушенный крик.

Опустив сверток, Эльфин в изумлении смотрел, как младенец у него на руках глубоко, судорожно вдохнул и вновь закричал, вытягивая крохотные ручонки. Казалось, весь мир наполнился его криком.

— Матерь-богиня! — вскричал Эрмид. — Жив малец!

Киалл лишь вытаращил глаза и машинально сложил пальцы от нечисти.

— На, — сказал Эльфин, вставая и протягивая ребенка спутнику. — Держи, пока я оденусь. Надо быстрее скакать в каер.

Эрмид не шелохнулся.

— Быстрей! — приказал Эльфин. — Я хочу довезти его живым, чтобы все увидели мое счастье.

При этих словах Эрмид спешился и быстро схватил младенца.

Эльфин вмиг натянул штаны и рубаху, сунул ноги в сапоги и застегнул плащ. Он взялся за поводья и вспрыгнул в седло, закрылся попоной и протянул руки за ребенком, который перестал кричать и теперь уютно посапывал в меховой колыбельке. Эрмид передал ему сверток и торопливо взобрался на коня. Все трое двинулись к селению. Эльфин пустил лошадь шагом, чтобы не потревожить спящего младенца.

К тому времени как он и его спутники добрались до каера, снег перестал, облака поредели, и на бледной туманной завесе призрачным диском проступило солнце. Несколько жителей издали заметили верховых и побежали созывать соседей — всем хотелось узнать, много ли наловил Эльфин. На задних седельных луках болтались пустые мешки, и односельчане, последовавшие за всадниками к дому Гвиддно, заключили, что он остался при своем счастье — не поймал ничего.

Впрочем, сверток тюленьего меха на руках у Эльфина разжег их любопытство.

— Что там у тебя, Эльфин? — кричали они, пока он проезжал мимо приземистых домишек каера.

— Скоро увидите, — отвечал он, не сбавляя шага.

— Лососей не видно, — шептались соседи. — Снова ему не повезло.

Эльфин слышал шепот, но ничего не отвечал. Он проехал через внутренний частокол и направил коня к отцовскому дому. Гвиддно и Медхир, мать Эльфина, вышли встречать сына. Оба смотрителя спешились и, притихшие, остались стоять поодаль. Хафган, друид, оперся на жезл, опустил голову на бок и сощурился, словно пытался различить какую-то тонкую перемену в облике юноши.

— Как улов, Эльфин? — спросил Гвиддно, печально глядя на пустые мешки. — Ужели и дух запруды против тебя, сынок?

— Подойти ближе и посмотри, что я выловил, — произнес Эльфин громко, чтобы слышали все собравшиеся.

Он протянул руки и показал свою ношу. Гвиддно хотел уже принять ее, но Эльфин не отдал. Вместо этого он отогнул край тюленьей шкуры так, чтобы было видно всем. В этот миг солнце пробилось сквозь редкие облака, и яркий свет озарил младенца.

— Узрите! Талиесин — светлый челом! — вскричал Хафган, ибо лицо ребенка засветилось в лучах солнца.

Медхир кинулась к ребенку; Эльфин бережно передал ей сверток и спешился.

— Да, я вытащил дитя из запруды, — сказал он. — Пусть имя ему будет Талиесин.

Народ стоял в молчании. Поначалу все лишь смотрели на светлое личико чудного ребенка, потом кто-то в толпе пробормотал: "Горе, горе! Видано ли такое? Несомненно, это сулит нам беду".

Все слышали и вскоре уже причитали и заслонялись пальцами от нечисти. Эльфин различил их бормотанье и крикнул рассерженно:

— Вам все не по нраву! Привези я трех лососей или три сотни, вы бы и тогда нашли, за что зацепиться и объявить меня бессчастным!

Он забрал ребенка у матери и поднял над головой.

— В день беды это дитя будет мне полезнее, чем три сотни лососей!

Младенец проснулся и закричал от голода. Эльфин беспомощно смотрел на него. Медхир подошла ближе и забрала ребенка, прижала к груди.

— Всякий видит, что этот ребенок — не речной дух, — сказала она. — Он кричит так же жадно, как всякий младенец, требующий материнского молока.

Эльфин печально отвел глаза. У него нет жены, и ни одна соседка не согласится выкормить найденыша. Без матери Талиесин обречен на смерть. "Верно про меня говорят, — думал юноша, — что я бесталанный". Он вспомнил, сколько раз пропускал мимо ушей деревенские пересуды, убеждая себя, что все это пустяки, и повесил голову.

— Утешься, Эльфин, — послышался голос у него за спиной.

Юноша обернулся и увидел Хафгана.

— Никогда еще запруда Гвиддно не приносила столь богатый улов. — Друид подошел к ребенку и высоко поднял дубовый жезл. — Ты мал, Талиесин, и слаб в своей кожаной люльке, но язык твой исполнен блага. Быть тебе бардом, слагателем слов, славнейшим с начала времен.

Народ изумленно переглядывался. Хафган повернулся, опустил посох и трижды ударил в землю. Потом он вытянул руку и указал на собравшихся.

— Вы слышали мои слова, так сохраните их в сердце. Отныне пусть никто не зовет Эльфина злосчастным, ибо он стал удачливейшим из людей.

Медхир внесла младенца в дом Гвиддно, достала козьего молока, согрела на очаге в глиняной миске и стала кормить ребенка, давая ему об-

макнутую в миску мягкую тряпочку. Гвиддно с Эльфином смотрели, как маленький Талиесин наелся и уснул. Медхир завернула его в серый тюлений мех и уложила на постель из чистой соломы.

— Теперь он будет спать, — сказала Медхир, — но на козьем молоке ему долго не протянуть. Ему нужна материнская грудь и как можно скорее.

Эльфин беспомощно развел руками.

— Кабы я знал, где найти его мать, я бы немедленно ее привел.

Гвиддно потер подбородок.

— Мать, кормилица... думаю, ребенку все равно.

Лицо Медхир просветлело.

— У меня есть родственница в Диганви, Эйтне ее зовут. Я с малышом совсем голову потеряла, не то бы сразу вспомнила. Ее дочка разрешилась две недели назад, да мертвым. Пошлем за ней — пусть выкормит нашего малыша.

— А что муж? — поинтересовался Эльфин.

— Она без мужа. Один человек, Нуин, взял ее к себе по уговору, чтобы родила ему сына. Раз ребенок родился мертвым, она свободна. Чтобы не было обиды, Нуин заплатил ее матери, сколько обещал.

— Я пошлю за девушкой, — объявил Гвиддно. — Может, она согласится.

— Я поеду сам, не теряя ни минуты,— произнес Эльфин, глядя на спящего ребенка.

— Ее зовут Ронвен, — сказала Медхир. — Передавай ей от меня привет и кланяйся ее матери.

— И скажи, — добавил отец, — что, если она выкормит дитя, Гвиддно Гаранхир даст ей телушку с бычком и четырех свиней.

Эльфин вышел из отцовского дома, оседлал гнедую кобылу для Ронвен, вскочил в седло и поскакал на север, в Диганви, ведя в поводу кобылу.

ГЛАВА третья

Келлиос блистал под огненным диском Бела, который плыл высоко в лазурном небе, влача за собой прозрачные, как паутина, ленты облаков. Улицы вымели и вымыли еще вчера, сегодня их заполнили люди, сошедшиеся со всего Сарраса на праздник и представление.

Вереница богато украшенных повозок выехала из Царских ворот в северной стене дворца Аваллаха и покатила по Церемониальному пути. Возглавляла ее сверкающая колесница, запряженная четверкой. Правил сам Аваллах. Харита выглядывала из повозки своей матери на людей, запрудивших улицы, высунувшихся из окон, шумно приветствующих кортеж. Порой царевна махала рукой и ловила цветы, которыми осыпали повозку; ее младшие братья придумали развлечение: поймав букеты в воздухе, бросали их обратно в толпу.

Наконец подъехали к арене.

— Лучшее место мое! — объявил Гуистан, собираясь выпрыгнуть из колесницы чуть ли не на ходу.

— Погоди минутку, — крикнула Брисеида. — Без толку пробиваться через толпу. Нам уже отведены места в царской ложе. Служители нас проводят.

— Я хочу сидеть впереди, — заныл Эоинн.

— Может, нас и посадят в первом ряду, — сказала Брисеида. — В любом случае вы будете вести себя, как воспитанные люди... Гуистан! Ты меня слышишь?.. и не станете драться из-за мест. Поняли?

Мальчики промычали в ответ, что будут вести себя прилично, и вылезли из повозки.

Харите было все равно, где сидеть, главное — попасть внутрь. Многие — да собственно большая часть пришедших — останутся снаружи. Бычьи игрища, столь редкие в Саррасе, всегда собирали толпы ценителей.

Одетые в синее служители проложили им путь через скопление людей к воротам стадиона. Здесь Брисеида остановилась.

— Думаю, надо подождать Белина и Элейну.

— Наши места займут, — захныкал Эоинн.

— Тихо, — сказала Харита, — радуйся, что тебя вообще взяли. Раньше сюда не пускали никогошеньки, кроме самого царя.

— Кто тебе сказал?

— Аннуби, — отвечала Харита. — Не веришь, спроси у мамы.

— Это правда? — допытывался Эоинн.

— Только самого царя? — переспросил Гуистан.

— Только самого царя и нескольких жрецов, — ответила Брисеида.

— А как же состязания? — не унимался Эоинн.

— Не было состязаний, — сообщила Брисеида. — И живых картин не было.

— Так что же они делали? — спросил Гуистан.

— Совершали священный обряд очищения, приносили жертвы Белу и вкушали особую пищу.

— Они ели конину, — важно сообщила Харита.

— Неправда! — возмутился Эоинн, не в силах в это поверить.

— Правда! — настаивала Харита. — Аннуби сказал.

— Это было давно, — объяснила Брисеида, — люди тогда верили иначе.

Харита удивилась, почему раньше верили в то, во что теперь не верят.

— А как вышло, что все так изменилось?

— Так бывает, — сказала Брисеида, — маленькие перемены, как маленькие шажки, приводят тебя в новое место. Однажды ты просыпаешься и видишь, что все стало иначе.

Подкатили Белин с Элейной, и все вместе вошли в прохладный полумрак входа, звенящий от голосов тех, кто заполнил стадион. Через мгновение они уже вновь моргали от солнечного света, а приглушенный гул превратился в могучий рев. Они вступили в королевскую ложу, большую деревянную галерею, уставленную рядами кресел и мягких скамей, под трепещущим на блестящих бронзовых столбах голубым навесом.

Служители проводили их к стульям с высокой спинкой и скамье, которая, к радости мальчиков, стояла всего во втором ряду. Несколько приближенных Белина и других царских гостей уже сидели. Белин, извинившись, сел рядом с одним из своих придворных.

Строго-настрого приказав царевичам не ронять семейную честь, Брисеида разрешила им выбирать места по своему вкусу, а сама села с Харитой и Элейной. Женщины погрузились в разговор, Харита, охваченная радостным волнением, принялась оглядываться по сторонам.

Стадион представлял собой огромный ступенчатый овал, уставленный деревянными скамьями и помостами, по большей части открытыми, хотя многие предусмотрительные зрители уже соорудили временную защиту

от палящего солнца. Из-за этих навесов стадион походил сейчас на яркое лоскутное одеяло, под которым шумела и горланила толпа.

Музыканты с трубами и барабанами расхаживали по широким проходам. На тщательно выровненном песке арены как раз напротив царской ложи трио акробатов только что сорвало аплодисменты своим выступлением; жонглеры забавляли толпу, а та бросала им монетки. Сквозь шум прорывались громкие голоса разносчиков, предлагавших ленты и резных бычков из масличного дерева.

А какие запахи — жирный аромат еды, жарящейся на густом оливковом масле, сельский запах бычьих стойл под стадионом, легкое, пропитанное солью, теплое дуновение моря!

На мгновение Хариту захлестнуло блаженство.

С верхнего яруса сидений над царской ложей послышались звуки труб: высокие, дрожащие, они пронзали воздух, словно шквал серебряных стрел, вновь и вновь отдаваясь от стен стадиона. По этому сигналу из-под царской ложи выкатили огромную, украшенную гирляндами лестницу, сбоку от арены раскрылись ворота, и под заключительные фанфары на белый песок выкатила колесница, запряженная четверкой.

— Смотрите! — закричала Харита. — Отец!

Колесница совершила круг по арене и остановилась у подножия лестницы. Царь Аваллах передал поводья вознице, Киану, легко соскочил на землю и по ступеням поднялся в царскую ложу.

Вновь заиграли трубы, Аваллах поднял руки, призывая к молчанию.

— Народ мой! — выкрикнул он (тут же наступила полная тишина). — Сегодня мы сошлись здесь, чтобы обновить узы между царем и царством. Сегодня вы — часть этого древнего и священного обряда. — Он помолчал, оглядывая волнующееся людское море. — Пусть церемония начнется!

Загремели фанфары, ворота на арену вновь распахнулись. Из полумрака на солнце медленно выкатились огромные повозки, влекомые волами в золотой упряжи. На каждой повозке разыгрывалась живая картина. Харита видела их много раз и тем не менее с жаром подалась вперед. Когда сценка проезжала мимо, девушка словно переносилась в те времена, становилась свидетельницей тех событий: вот Астрея трудится за ткацким станком у циклопов; царь Кориней побеждает великана Гоемагога; Дриопа срывает лотосы в пруду Вечности; Меламп среди мудрых змей; Тисифона бичует сыновей Инкуба, похитивших души ее детей...

Одна за другой платформы совершали медленный круг по арене под хор восхищенных вздохов. Музыканты, собравшиеся в центре арены, на-

полняли стадион мелодичными звуками. Харита смотрела зачарованно и, когда повозки проехали, вместе со всеми разразилась аплодисментами.

— Я есть хочу, — прохныкал чей-то голос.

Харита обернулась и увидела, что над ее матерью наклонился Гуистан.

— Я есть хочу.

Очарование минуты было разрушено.

— Скоро что-нибудь поедим, — успокаивала Брисеида. — Иди, сядь.

— Но я сейчас хочу! — не унимался Гуистан.

— Еду принесут, как только она будет готова. Иди обратно и сядь.

Гуистан поплелся на место, Харита, нахмурясь, смотрела ему вслед. "Зачем мне вообще братья? — думала она. — Только все портят. Без них было бы куда лучше".

У Хариты не осталось времени развить эту мысль. Вновь зазвучали фанфары, ворота широко распахнулись, и на арену выскочили юноши и девушки. Они кувыркались, ходили колесом, их гибкие тела так и мелькали в воздухе.

— Танцовщики! — восхищенно закричала Харита.

На танцорах были лишь белые кожаные набедренники, а на девушках — еще и узкая льняная полоска на груди. Такие же полоски белели в их длинных косах, некоторые украсили прически цветами, другие надели на шею венки.

Они выступили на середину арены. Навстречу им вышел верховный жрец Посейдона, он нес кувшин с водой и чашу с вином. Танцовщики обступили жреца, и тот пустил чашу по кругу, а сам полил из кувшина на головы и руки стоящих.

Закончив омовение, танцоры выполнили несколько сложных акробатических фигур. Они взмывали в воздух, описывая высокие дуги, кружились, перескакивали друг через друга.

И тут появился первый бык — молодой, резвый, широкий в лопатках, но с узким крупом. Рога его были притуплены, копыта замотаны кожей. Бык потрусил к людям на арене, разгоняясь на ходу. В последний миг он бросился на них. Танцоры рассыпались, опешивший бык остался стоять посреди арены.

Две танцовщицы воспользовались этим замешательством и перепрыгнули через его спину, в то время как танцовщик схватил быка за хвост и потянул. Телок взревел и мгновенно развернулся на месте, но за это время другие две девушки перескочили через него. Некоторое время акробаты дразнили молодое животное, разминаясь перед главным представлением.

Наконец бычку надоело гоняться за тенями. Он развернулся и стремительно побежал в раскрывшиеся деревянные ворота. Стадион грохнул от хохота, и Харите подумалось: бедняга, небось, рад-радехонек, что сумел унести ноги.

Танцовщики, размявшиеся и разогревшиеся, подтянули кожаные ремешки на запястьях и, взявшись за руки, запели песню, которой Харита никогда не слышала. Однако она видела их запрокинутые головы, выражение восторга на лицах и понимала, за что их считают избранниками богов. Они служат трудному и опасному искусству, исполненному тонкостей, которых не понимают те, кто, рукоплеща, швыряет на арену браслеты и деньги.

Танцоры принимали эти дары, но плясали только для богов и самих себя. Это выделяло их из других.

Пока они пели, двери отворились вновь. Появился новый бык — движущаяся гора, могучий исполин, черный, как смоль; его широкие ребра блестели от втертого в шкуру оливкового масла. Рога его были покрашены алой краской, а самые кончики их вызолочены. Он вскинул голову, и золото блеснуло на солнце. Зверь вышел на середину арены и принялся рыть землю копытом.

Танцовщики медленно отступили, оставив одного — своего предводителя — наедине с быком. Юноша, раскинув руки, медленно пошел на зверя. Тот фыркнул, ударил землю копытом, опустил голову и ринулся на танцора. Харита и не думала, что такой великан окажется столь резвым. Она затаила дыхание и закрыла лицо руками.

Однако танцор не испугался. В тот миг, когда бык был уже перед ним, он просто поднял ногу и наступил бегущему зверю на лоб. Его вскинуло вверх, и он легко перелетел через широкую черную спину.

Толпа ахнула. Харита, раздвинув пальцы, увидела, что бык остановился, а танцор легко приземлился у него за спиной. Прежде чем бык вновь начал разбег, двое подскочили с боков и, сделав стойку на руках, легко перемахнули через его спину. Бык вертел головой туда-сюда, но танцоров уже и след простыл.

Бык взревел от ярости и приготовился к новой атаке. Опустив голову, он ринулся вперед со скоростью несущейся колесницы. Три танцора мгновенно встали за спиной предводителя. Зверь, едва не касаясь мордой земли, налетел на них, а они, словно бы без малейшего усилия, оказались в воздухе, над рогами, и, совершив кувырок, под крики товарищей опустились на арену. Бык развернулся, взметая белый песок.

Одна из танцовщиц выбежала вперед, ухватила быка за рога и взмыла в воздух. Бык поднял голову, девушка сделала стойку на руках и удержива-

лась так, пока зверь не затряс головой, силясь ее стряхнуть. Тогда она просто согнула колени и, словно шарик, скатилась по его холке.

Следующий танцор выбежал в центр арены. Он засвистел и захлопал в ладоши, стараясь привлечь внимание быка. Наконец зверь развернулся. Юноша, обратившись к нему спиной, неподвижно ждал, пока гора клокочущей ярости налетит на него сзади.

Толпа застонала. Женщины визжали. Харита смотрела, как зачарованная, чувствуя, что сердце ее ушло в пятки.

В самый последний миг один из танцоров крикнул. Юноша согнул колени и прыгнул, вскинув руки над головой. Перегнувшись назад, он в полете ухватился за бычьи рога, рассекшие воздух там, где за мгновение до того стоял он сам. Бык вскинул голову и подбросил танцора высоко в воздух, а тот сгруппировался и, перевернувшись, опустился на арену.

Бык устал, его рот и ноздри были уже в мыле. Когда плясун коснулся ногами земли, зверь взревел от ярости и отчаяния. Другие танцоры перескочили через его холку и круп. Он развернулся, но их там уже не было. Он развернулся снова, и все трое вспрыгнули ему на спину, да так и остались стоять, держась за руки, пока живая опора силилась их стряхнуть.

Харита смеялась и кричала вместе со всем стадионом. Танцоры были так легки, их движения — так быстры и уверенны, что казалось: ступи они на воздух — и они полетят. Ей хотелось понять, каково это — изящно и дерзновенно играть с быком под пламенным диском Бела.

Она все еще смеялась, когда одна плясунья с разбегу перескочила через быка, раскинув руки и медленно поворачиваясь в полете. Она опустилась на чуть согнутые ноги, но не удержалась и по инерции упала на руки.

Это была маленькая ошибка, крохотный просчет.

Бык мотнул головой в тот самый миг, когда она перекатывалась на бок. Рог угодил ей в плечо, отбросил на спину. Товарищи кинулись на подмогу, но опоздали.

Бык поддел ее рогами и поднял. Девушка обвисла в воздухе, ее руки и ноги нелепо болтались, алые ленты крови струились на белый песок.

Бык наклонил голову и теперь добивал девушку на земле. Безмолвный крик застыл у Хариты в гортани. Предводитель одной рукой ухватил быка за рог, другой — за ноздри. Бык метался и вскидывался, яростно тряся головой, но юноша крепко обвил его шею. Двое других подбежали и сняли с кровавого рога обмякшее тело девушки.

Толпа застонала, увидев страшную рваную рану у нее в боку; грудь девушки окрасилась ярко-алым, кожа приобрела смертельную бледность.

Харита обернулась, и Брисеида обхватила ее за плечи. Харита уткнулась лицом в материнское плечо и зарыдала:

— Он убил ее... Она погибла!

Потрясенная Брисеида пыталась успокоить дочь:

— Ш-ш-ш, не плачь. Смотри, смотри, ее уносят. Она жива! Смотри, она машет рукой!

Это была правда. Как только случилось несчастье, ворота распахнулись, выбежали служители с сетями и, опутав быка, поволокли его с арены. Тем временем трое товарищей несли девушку к ближайшей двери. Голова ее была запрокинута назад, глаза открыты. Одной рукой она зажимала кровоточащую рану, но уже у самой двери вскинула другую в торжественном приветствии.

Зрители с криком повскакали с мест — в их голосах были изумление и радость оттого, что девушка жива, восхищение ее мужеством. Крик перешел в рев, затем — в победное пение.

Все еще дрожа, Харита подняла голову и увидела, как девушку уносят с арены.

— Она поправится?

— Думаю, да, — отвечала Брисеида. — Надеюсь, что да.

Служители втолкнули быка в ворота и на арену выпустили другого. Танцоры возобновили представление, но искра, оживлявшая их искусство, погасла. После первых же номеров бык, по-видимому, тоже утратил интерес к происходящему и устремился в ворота, как только их открыли.

— Ладно, я рада, что на сегодня все, — вздохнула Элейна. — Я люблю смотреть, но неприятно, когда кого-то из них ранят.

Харита уставилась на тетку. Красивая юная девушка чуть не лишилась жизни, а Элейна говорит, что это "неприятно". Она поглядела вокруг, на людей, которые, казалось, начисто забыли о том, что случилось несколько минут назад. Ей захотелось вскочить и закричать, ткнуть пальцем в бурые пятна на песке, потребовать уважения к мукам девушки, пролившей кровь ради их забавы.

Однако толпа уже увлеклась новым зрелищем: на арену вышла вереница ученых слонов. Ярко раскрашенные, они бесшумно ступали за дрессировщиком, и каждый следующий держался хоботом за хвост идущего впереди. Харита любила слонов, в другой день она завопила бы от радости. Но не сегодня. Ее сердце осталось с раненой танцовщицей, и ни о чем другом она не могла думать.

Харита так и не сумела отвлечься. До конца представления она смотрела и не видела, слушала и не слышала. Она ела то, что ей предлагали, но не

чувствовала вкуса еды. Начало вечереть, и в ушах послышался голос матери: "Пора идти. Хочешь просидеть здесь всю ночь?"

Тени уже удлинились, солнце склонилось над морем.

— Харита, ты что, спишь?

— Нет. — Она легонько мотнула головой. — Не сплю.

Мать встала.

— Надо поторопиться.

— Куда мы?

— На жертвоприношение. Ты забыла? — Брисеида пристально вгляделась в дочь. — Харита, ты не заболела?

Та резко встала.

— Я хочу ее видеть.

— Кого?

— Девушку.

— Какую девушку? О чем ты, Харита?

— Сейчас мы пойдем на холм смотреть, как жрецы приносят жертву Белу, — напомнила тетя.

— Я должна ее увидеть.

— Кого? — Царица опустилась на колени рядом с дочерью. — Харита, ответь мне. О ком ты говоришь?

— Девушка... танцовщица. Я должна ее видеть.

— Но уже поздно. Мы не успеем...

— Нет. Мне надо ее увидеть. Обязательно! — кричала Харита.

Брисеида встала, лицо ее нахмурилось.

— Ладно, внизу есть комната, где переодеваются танцоры. Возможно, она там, если только врачи не велели перенести ее в храм.

Все трое спустились в комнатку под царской ложей. Там было темно и прохладно, свет еле сочился сквозь узкие окна-щелочки и решетку наверху. Их встретил жрец в белой одежде. Он снял высокий колпак и теперь казался почти квадратным. Его длинные вьющиеся волосы распустились по плечам.

— Мы пришли проведать раненую, — объяснила Брисеида.

— Вы хотите сделать пожертвование? — спросил жрец.

— Нет, мы...

— К ней нельзя, — сказал он и собрался закрыть дверь.

— Ты что, не узнал свою царицу? — резко осведомилась Элейна. Она взялась рукою за дверь. — Это царица Брисеида и ее дочь. Я Элейна, царица Тайрна. Мы хотим сейчас же видеть танцовщицу.

Дверь заскрипела и приоткрылась чуть пошире.

— Она отдыхает.

— Мы на одну минуту, — сказала Элейна. — Это ее подбодрит.

Брисеида протянула руку, и четыре серебряные монетки перекочевали к жрецу. Дверь распахнулась.

— Сюда, — произнес жрец, указывая на узкую дверку в стене.

Все четверо прошли в длинную комнату почти без мебели: здесь были лишь стол, несколько стульев да кое-какие акробатические снаряды. Они миновали большие двойные двери, ведущие на арену, и оказались перед дверью во внутреннюю комнату. Брисеида легонько постучала и вошла. Даже в полумраке можно было без труда различить лежащую на постели фигуру. Харита бесшумно подошла.

Девушка лежала без покрывала, в одном лишь набедреннике да толстых бинтах на талии. Свежая кровь просочилась сквозь перевязку, кожа блестела от липкого пота, дыхание было частым и хриплым.

— Она спит, — прошептала Харита.

С минуту они смотрели на девушку, потом повернулись, чтобы уйти. Раненая услышала их и открыла глаза.

— Ньери?

Голос у нее был нежный и слабый.

Харита обернулась, и глаза их встретились.

— Кто ты? — спросила танцовщица.

— Я Харита... Я видела, как ты плясала.

— Что тебе? — прошептала девушка.

— Я хотела... Мы пришли... — Харита затрепетала и взглянула на мать, ища поддержки.

— Мы пришли посмотреть, как ты, — объяснила Брисеида.

— Что ж, вы посмотрели, — отрезала девушка. — Теперь уходите.

— Давай, Харита, нам надо идти, — сказала мать.

Харита мялась.

— Ты поправишься? — спросила она.

— Уйдите! — прошептала девушка.

— Ну же, Харита, — позвала Элейна.

— Ты поправишься? — мягко, но настойчиво повторила Харита.

— Что тебе с того? — тихо произнесла раненая. — Мало тебе арены — ты пришла к моему смертному ложу смотреть, как я умираю?

Слеза выкатилась из ее глаза и сбежала по бледной щеке.

— Харита, ты идешь? — позвала царица.

Однако дочь ее не шелохнулась.

— Ты умираешь?

Девушка открыла глаза. Губы ее дрожали.

— Оставьте меня в покое, — сказала она и отвернулась.

— Мы пришлем кого-нибудь, — начала Харита.

— Уйдите, — в этом шепоте была предсмертная решимость.

Харита повернулась и вышла вслед за матерью и царицей Элейной.

— Неблагодарная дрянь, — сказала Элейна в коридоре. — Мы предложили ей помощь, а она велела нам убираться.

— За что, мама? — спросила Харита, чуть не плача. — За что она нас ненавидит?

— Возможно, она усмотрела в нашем приходе что-то обидное.

— Да она хуже воспитана, чем ее любимые быки! — фыркнула Элейна. — И вообще, поделом ей. Говорят, они с этими быками занимаются всяким непотребством.

— Прошу тебя, Элейна, — тихо сказала Брисеида, кивая на дочь.

Когда они вышли на солнечный свет, Харита остановилась. Она взглянула на жреца, сидевшего теперь в кресле у входа.

— Почему у нее не было врача? — спросила она.

— Должен был быть, — ответила Брисеида.

Харита с жаром повернулась к матери.

— Нам нужно немедленно послать за царским врачом.

— Для нее? — подняла брови Элейна.

— Его трудно будет сейчас найти, — сказала Брисеида.

— Надо разыскать. Я пообещала ей, что мы кого-нибудь пришлем.

Брисеида взглянула на дочь, затем снова на темный дверной проем.

— Ладно, попробую.

Проведя в седле два дня и почти целую ночь, Эльфин добрался до Диганви, довольно большого поселения на высоком холме в устье Аберконви. Закончился отлив, и он, подъезжая, видел, как десятка два местных жителей собирают на берегу раковины. Некоторые здоровались, другие молча продолжали работу.

Перед каменным домиком старуха чистила рыбу. Две кошки терлись у ее ног и хватали падающие потроха. Эльфин остановил коня и поздоровался с хозяйкой.

— Я приехал узнать о девушке по имени Ронвен, родственнице моей матери, — сказал он. — Не укажешь ли, где ее найти?

Старуха подняла голову от рыбины, внимательно оглядела всадника и вторую оседланную лошадь.

— Укажу, — отвечала она, — коли буду знать, кто ее спрашивает.

— Я Эльфин ап Гвиддно Гаранхир, отец мой — король и правитель Гвинедда. Если ты меня не знаешь, то меня знает ваш предводитель, — объяснил он. — Я никому не желаю зла, хочу лишь помочь родственнице.

Старуха отложила рыбу, кряхтя, поднялась и высохшей рукой указала на холм, усеянный черноголовыми овцами.

— Сродница твоя живет вон там. Спроси дом Эйтне — ты найдешь его сразу под крепостной стеной.

Эльфин продолжил путь. Как он ни устал, его поддерживала надежда на успешный исход поездки. На гребень холма он въехал в тот миг, когда солнце соскользнуло за край моря, оставив после себя оранжевое сияние. С дюжину или чуть больше домишек лепилось на склоне холма вокруг укрепления — грубой каменной башни, окруженной рвом и бревенчатым частоколом. Кое-где в узких окошках каменных строений уже теплились огоньки.

У ближайших хижин его облаяли две тощие собаки. Из-за низкой овечьей ограды появился мальчик с палкой и принялся лупить ближайшего пса. Эльфин спросил у него, как проехать к нужному дому.

Мальчик не ответил, только указал палкой на белый каменный дом в конце узкой улочки, образованной двойным рядом круглых строений и

вымощенной битыми ракушками. Эльфин подъехал к дому, спешился и потянулся, расправляя усталые члены. Из дверей вышла женщина, неуловимо похожая на Медхир, и с интересом уставилась на него.

— Ты меня знаешь? — спросил он.

— Откуда мне тебя знать, господин? Впервые тебя вижу.

— Может, меня ты и не знаешь, — сказал Эльфин, — но знаешь мою мать.

Эйтне подошла ближе, вгляделась пристальнее.

— Конечно же! — вскричала она наконец, улыбаясь и обнимая его за плечи. — Сын Медхир, Эльфин! Малыш Эльфин! Дай-ка на тебя глянуть... Большой мужчина! Как там моя двоюродная сестрица?

— Здорова и шлет тебе привет.

Эйтне бросила взгляд на гаснущее небо.

— Что бы тебя к нам ни привело, дело может подождать до завтра. Сегодня ты ночуешь у нас. Мы живем вдвоем — я и дочь, муж утонул два года назад. Возле очага есть свободное место.

— Хорошо, я останусь у вас, но только на одну ночь, потому что завтра мне надо ехать домой.

Эльфин стреножил коней и пустил их на холм щипать свежую весеннюю травку, а сам вошел в дом вслед за Эйтне.

Возле очага стояла на коленях девушка и ворошила угли, чтобы развести огонь и приготовить ужин. Вот она поднесла к красной головне пучок сухой травы, и пламя вспыхнуло, выхватило из мрака ее лицо.

Ронвен повернулась к Эльфину, и он увидел девушку редкой красоты, с длинными золотисто-русыми волосами, большими карими глазами и лицом сказочной белизны. Она легко встала, и Эйтне представила его дочери, сказав:

— Сын моей родственницы, Эльфин ап Гвиддно, сегодня ночует у нас. Надо приготовить трапезу, достойную королевского сына, потому что его нам и выпало счастье принимать.

Ронвен склонила голову и принялась за работу. Она принесла мясо, сыр и хлеб, уложила их на узкую доску в конце комнаты. Эйтне вытащила бурдюк с медом, налила себе и Эльфину.

Юноша принял глиняную чашу, плеснул каплю домашнему духу, отхлебнул.

— Ах, даже в доме моего отца нет такого вкусного меда, — сказал он.

— Слыхала, Ронвен? — произнесла довольная хозяйка. — Вот и следи, чтобы чаша его не пустела. — Она улыбнулась и внимательно взглянула на гостя. — Славно, когда в доме мужчина. Мы отпразднуем твой приезд — быть может, он сулит нам добро.

— И я на это надеюсь. Подробнее расскажу потом.

— Да, потом, а пока скажи, как там моя сродница в Каердиви? Много месяцев от нее не было вестей.

Эльфин стал рассказывать о Медхир и о всех происшествиях в Каердиви за долгие месяцы зимы: кто заболел, кто умер, а кто родил, какие виды на урожай и как в этом году скот. Эйне ловила каждое слово и могла бы слушать весь вечер, но тут подошла Ронвен и сказала, что ужин готов.

Женщины подняли накрытый стол и перенесли его на середину комнаты. Они пригласили Эльфина сесть ближе к очагу на единственном стуле, а сами расположились на трехногих табуретах. Ронвен положила ему на деревянную тарелку жареного мяса, ломти желтого сыра и маленькие черные хлебцы. Эйтне вновь разлила мед, и они приступили к еде.

— Мясо нежное и зажарено превосходно, — заметил Эльфин, облизывая жирные пальцы. Он отломил крошечку сыра, положил в рот и сказал: — Сыр мягкий, как сметана, и очень вкусный.

Эйтне улыбнулась.

— Это все Ронвен сготовила. Все соседи знают, что это у нее дар от самой Бригитты. Слышал бы ты, как ее нахваливают.

Ронвен потупилась.

— Матушка! — прошептала она с укоризной. — Гость не для того приехал, чтобы слушать про меня глупости.

Эльфин, который с первой минуты не сводил с нее глаз, воскликнул:

— Глупости? Как бы не так! Я скажу то же: сама богиня не испечет такого вкусного хлеба, не сварит такого мягкого сыра!

— Ты льстишь мне, Эльфин ап Гвиддно, — отвечала Ронвен, впервые глядя прямо ему в глаза. — Сын повелителя привык к лучшей еде.

В дрожащем свете очага ее тонкие черты казались еще более привлекательными, и сердце у Эльфина забилось сильнее. Почему такая красавица не замужем?

— Истинные слова — не лесть.

Эйтне широко улыбнулась и протянула Эльфину блюдо жареного мяса со словами:

— Ешь! Ты долго ехал и голоден. Мы уже сыты. Прошу, ешь вволю.

Эльфин положил себе добавки, но вскоре отодвинул тарелку. По правде сказать, у него пропал аппетит. Хотелось только сидеть и смотреть на Ронвен.

После ужина стол убрали, стул и табуретки придвинули к очагу.

— Может быть, наш гость лучше заснет, если прежде услышит песню, — сказала Эйтне.

Ронвен сердито взглянула на мать, но Эльфин ее подбодрил:

— Я бы с радостью послушал. Ты играешь на арфе?

— Играет ли? — ответила за нее мать. — Все вокруг говорят, что ее игра слаще пения птиц самой Рианнон. Возьми арфу, девонька, сыграй юному Эльфину.

Ронвен повиновалась. С крюка в дальнем конце дома она сняла маленькую арфу в кожаном футляре, потом уселась у огня и заиграла. Эльфин снова устроился на стуле.

Голос у Ронвен был чистый и мелодичный, как бегущий по проталине весенний ручей, пальцы проворно сновали по струнам. Эльфин закрыл глаза, и музыка наполнила его душу. "Какая девушка, — думал он, — какое редкое сокровище...".

Очнулся он все на том же стуле, но завернутый в шерстяное одеяло. В очаге догорали уголья. Ронвен с матерью спали в углу на лежанке из камыша. Он шевельнулся, Ронвен проснулась и подошла.

— Прости, — сказала он тихо, чтобы не потревожить Эйтне, потому что хотел поговорить с Ронвен наедине. — Должно быть, я заснул, пока ты играла.

— Ты устал с дороги, — отвечала она. — Только не спи на этом стуле всю ночь, а то к утру все тело занемеет. Позволь постелить тебе у огня.

— Прошу, не утруждай себя.

— Мне это не в труд, а в радость. Сегодня матушка улыбнулась впервые за долгое время. Я не знаю, что за дело привело тебя в Диганви, но так или иначе ты осчастливил мою мать.

— А что бы обрадовало тебя, Ронвен? — спросил он.

Во взгляде ее скользнула печаль.

— Похоже, мне на роду не написано быть счастливой.

— Не верю. Что-то должно быть и для тебя.

Вместо ответа Ронвен принялась сооружать лежанку из камыша. Сверху она постелила телячью кожу.

— Доброй ночи, — сказала она и вернулась на свою постель.

— Спи спокойно, — прошептал Эльфин и лег возле очага.

Проснувшись наутро, он услышал пение Ронвен и остался лежать тихо, чтобы вновь насладиться ее голосом. Когда юноша наконец встал, то увидел, что она приготовила ему завтрак. Эйтне в хижине не было.

— Матушка ушла к овцам, — сказала Ронвен, прочитав в его глазах вопрос. На ней была простая белая рубаха и широкий белый пояс с нашитыми по спирали раковинами. Эльфин заметил, что ее тело еще несет следы

недавней беременности. — Не знаю, что у тебя тут за дело, но, наверное, им лучше заняться на сытый желудок.

— Сперва песня, затем трапеза, — блаженно отвечал Эльфин. — Уже два дара за этот день, а солнце еще не взошло.

Ронвен покраснела.

— Я не хотела тебя будить.

— Спасибо, что разбудила, потому что теперь мы можем поговорить. Я хотел спросить тебя кое о чем.

— Сядем? — спросила она, указывая на стол.

Эльфин помог ей перенести стол на середину комнаты. Ронвен подала еду, и они уселись. Юноша откусил сыра и задумчиво взглянул на сидящую рядом девушку. Свежий морской ветер шуршал в соломенной крыше и доносил с холма блеянье овец.

Ронвен поднесла ко рту хлеб, потом снова положила кусок и устремила на Эльфина прямой и бестрепетный взгляд.

— Почему ты так на меня смотришь, господин?

— Почему ты зовешь меня господином?

— Твой отец — король, ты его сын. Со временем ты станешь правителем.

— Необязательно.

— Необязательно, — согласилась Ронвен, — но чаще всего бывает именно так. Матушка сказала, что твой отец — прославленный воитель, своей рукой добывший много голов. Твои родичи буду рады назвать тебя господином.

Эльфин уперся руками в стол.

— Ты бы хуже обо мне думала, если бы мне не суждено было стать правителем?

— Меня мало тревожат честолюбивые мечты, — отвечала Ронвен.

Прямота ее ответов изумила Эльфина. Вот женщина, которая говорит от сердца. Он не знал, что и думать. Ронвен с минуту изучала его, потом сказала:

— Ты хотел о чем-то спросить меня?

Эльфин кивнул.

— Ты ценишь прямоту, поэтому отвечу открыто. Три дня назад, в канун Бельтана, я нашел в отцовской лососевой запруде младенца. Я приехал спросить, не согласишься ли ты его выкормить. Таково было мое намерение.

— И что? Ты передумал?

— Да.

Ронвен закрыла лицо руками.

— Что люди обо мне говорят... не буду спорить... все правда.

Ответ озадачил Эльфина.

— Не знаю, что говорят о тебе люди, и знать не хочу. Довольно того, что я видел своими глазами.

Ронвен отняла руки от лица, но глаз так и не подняла.

— Можешь не объяснять.

— И все же я объясню. Ты говоришь с человеком, проклятым в глазах родичей. Злосчастья преследуют меня с самого рождения.

Ронвен подняла голову.

— Никогда не поверю. Твои родичи, наверное, последние глупцы.

Эльфин улыбнулся. Ему нравилась ее манера говорить напрямик.

— Не скрою, удел мой горек, — продолжала она. — Утроба моя отравлена, ни один мужчина не захочет меня взять.

— Ронвен, — ласково произнес Эльфин, наслаждаясь звуком ее имени, — это неважно. Я холостяк с ребенком, у которого нет матери. Я приехал искать кормилицу, а нашел суженую.

Глаза у девушки округлились.

— Что ты сказал?

— Позволь спросить напрямую. — Он протянул к ней руку. — Ронвен, согласна ли ты выйти за меня замуж?

Ей потребовалась минута, чтобы осмыслить его слова. Наконец она улыбнулась сквозь слезы счастья.

— Согласна, — сказала она, беря его руку. — И буду служить тебе до последнего вздоха.

Эльфин широко улыбнулся, сердце его пело. Он встал, поднял Ронвен и поцеловал. Она прижалась головой к его груди и застыла.

— Я стану такой женой, что все будут завидовать моему мужу, — прошептала она.

— Тогда воистину я буду королем, — ответил Эльфин.

Оставив Ронвен собирать вещи, он пошел искать Эйтне. Та сидела на камне, глядя на холм и на море за ним. У ее ног пощипывали травку несколько овец. Заслышав его шаги, она повернула голову и широко улыбнулась.

— Холодно здесь на ветру-то. — Она плотнее закуталась в платок. — И тоскливо. А женщине без мужа еще тоскливее.

Эльфин различил печаль в ее голосе и сказал:

— Я попросил Ронвен выйти за меня замуж, и она согласилась.

Эйтне медленно кивнула и вновь стала смотреть на море.

— Она будет хорошей женой, но мне нечего дать ей в приданое, кроме благословения.

— Вот и довольно.

— Люди меня осудят, если я ничего не сумею дать вам в дом.

— Твоя дочь сама — лучшее приданое, я ничего, кроме нее, не возьму.

Эйтне обрадовалась этому ответу, хотя разлука с Ронвен ее и печалила.

— Ты нравишься мне, Эльфин. Коли ты не хочешь нашего добра, может, возьмешь старуху служить тебе в твоем доме?

— У тебя есть свой.

— Да какая в нем жизнь без Ронвен!

— Тогда едем с нами. Моя матушка будет рада родственнице. А я собираюсь построить себе большой дом, и ты будешь жить с нами.

Остаток утра они провели, складывая пожитки. Многие из жителей Диганви собрались посмотреть, что происходит. Эйтне хвастала направо и налево, что Эльфин — король Гвинедда, приехавший за ее дочерью, и что сама она будет служить в королевском доме.

Как ни странно это звучало, приходилось верить. Эльфин, со своей стороны, повел себя как будущий король — приказал зрителям не пялиться без дела, а грузить вещи. Он поговорил с вождем Диганви и предложил ему домик Эйтне в залог прошлой и будущей дружбы двух деревень.

Наконец, когда солнце уже близилось к зениту, все трое двинулись в путь. Ронвен и Эльфин ехали на одной лошади, Эйтне — на гнедой кобыле, нагруженной домашним скарбом. За ней шел на веревке баран, а следом — блеющие на ходу овцы. В таком порядке они и доехали до Каердиви, счастливые и готовые начать новую жизнь.

Глава пятая

Жрецы медленно поднимались по крутому склону священного холма — завершающему отрезку Церемониального пути — мимо белых скальных выходов, там и сям проглядывающих из зеленой травы. Их тени, удлинившиеся под вечерним солнцем, двигались сбоку от закутанных в пурпурные мантии людей, ступающих по вымощенной красным камнем дороге к вершине, чтобы там встать вокруг большого каменного алтаря. Когда-то в незапамятные времена верхушку холма сровняли и воздвигли круглое каменное возвышение. Уже позднее добавили стройные колонны в астральных точках, отвечающих различным зодиакальным домам, чьи символы вырезали тут же, на возвышении. Священное место оставили открытым, чтобы Бел и Кибела во все время суток освещали алтарь.

За жрецами в одиночестве шествовал Аваллах. На нем тоже было пурпурное, усеянное звездами одеяние. За ним на почтительном удалении следовали Харита с матерью и Элейна. Лишь члены царского дома, особо приглашенные главой семьи, могли присутствовать при жертвоприношении. Народ смотрел снизу, как их монарх исполняет обряды на вершине холма.

Как обычно, Аваллах раздавал приглашения более чем щедро, и к тому времени как все собрались, на площадке сгрудилась порядочная толпа. Харита протолкалась к одной из колонн и прислонилась к холодному камню. Семеро жрецов собрались вокруг треножника, на котором стоял большой медный котел. На поверхности котла были выбиты таинственные знаки, а по ободу — древние загадочные письмена.

Жрецы стояли, воздев руки, закрыв глаза, и что-то бормотали нараспев. Один — чье одеяние лучилось серебром и чей колпак был выше всех остальных — опустил руки и кончиками пальцев коснулся обода сверкающего сосуда. В тот же миг из котла поднялся серовато-белый дымок.

Жрец — верховный жрец храма, как решила про себя Харита, — подошел к алтарю, взял медный кувшин и приблизился к царю, занявшему место рядом. Сперва он полил водой протянутые руки Аваллаха, затем — ру-

ки семерых жрецов. Когда ритуальное омовение закончилось, верховный жрец поставил кувшин на место и, взяв сверкающую медную чашу, вручил ее царю.

— Отец такой красивый, — прошептала Харита.

— Да, — согласилась Брисеида и добавила: — Ш-ш-ш.

Верховный жрец встал рядом с курящимся котлом и простер над ним руки. Держа ладони в струях дыма, он произнес короткое заклинание, затем повернулся к другому жрецу, и тот подал ему трубу. Она имела форму изогнутого слонового бивня и была украшена изображением обвившей ее змеи. Верховный жрец поднял трубу к губам и, поочередно поворачиваясь к каждой стороне света, выдул по длинной, низкой, протяжной ноте.

Когда последний звук растаял в воздухе, три жреца поднялись на возвышение. Один вел на золоченой веревке огромного вола, двое других шагали по бокам от животного. Вол был белый, как снег на вершине горы Атлант, его рога и копыта сверкали позолотой, украшенный белой кисточкой хвост безвольно свисал.

Вола вывели на середину возвышения и привязали золоченой веревкой к кольцу на камне. Верховный жрец взял с алтаря нож — изогнутое медное лезвие на длинной рукоятке, украшенное солярными знаками. Подняв нож к закатному солнцу, он трижды произнес молитву и затем еще трижды, обратившись к бледной встающей луне.

Когда молитва была закончена, жрецы, приведшие вола, легонько коснулись его передних ног, и животное послушно преклонило колени; золоченую веревку протащили в кольцо и туго натянули. Жрецы возле котла затянули свой речитатив, верховный жрец занес нож над головой вола.

Харита отвернулась и закрыла глаза. Затаив дыхание, она ждала, когда раздастся предсмертный крик. Однако шли минуты, а все по-прежнему было тихо. Она открыла один глаз. На дальнем конце площадки возникло какое-то движение и гул. Что там такое?

Толпа расступилась, и Харита увидела, что кто-то приближается — темный, волосатый, прихрамывающий, как раненый медведь, — и задохнулась от изумления, потому что узнала его.

Этот был тот самый человек в звериных шкурах, с черной всклокоченной бородой и свалявшимися волосами, с непокрытой головой шагавший под солнцем, в руке его был необычный посох с желтым камнем в навершии, глаза горели животным безумием. Человек, которого она видела в Лиа Фаиле.

Сейчас он был здесь, и его появление мешало обряду. Верховный жрец сделал движение, словно желая его остановить. Незнакомец трях-

нул посохом— и жрец остановился. Прочие жрецы застыли, как в столбняке.

Незнакомец подошел и встал посреди возвышения, поднял и с грохотом опустил посох. Потом он сурово оглядел стоящих вокруг и заговорил.

— Тром я был. — Голос срывался, как будто его обладатель давно отвык говорить. — Тром я есть и пребуду. — Он поднял посох. — Князья Атлантиды, внемлите мне!

Люди начали переглядываться, повторяя имя: "Тром! Тром пришел!".

"Кто этот Тром? — гадала Харита. — Кто он и зачем явился сюда?".

Незнакомец поднял обтянутый кожей посох. В закатном свете желтый камень блеснул зловещим огнем.

— Слушай меня, о Атлантида! Я — труба глаголющая, я — восковая табличка, я — язык божества! Слушайте...

Голос осекся, наступила тревожная тишина. Народ ошалело таращился, на всех лицах застыло изумление.

— Вы... вы все! — Он обвел собравшихся диким взглядом, — вы видели знамения небесные, вы слышали звуки в голосе ветра, ощущали, как трепещет земля, вы обращались к соседу и спрашивали, как это понять... — Хрипящий голос снова осекся.

Подняв руку, Тром описал в воздухе круг и оперся на посох, словно собирался поведать тайну.

— Земля движется, дети праха. Небеса колеблются, и звезды сбиваются с пути. Воды... ах, воды алчут пищи. Океан голоден, дети мои, он ворочается на своем ложе, не находя покоя, он корчится. Червь пожирает его чрево, и он кричит. Слышите? — Он сдавил посох, как будто хотел задушить змею, и замотал косматой головой из стороны в сторону. — Слышишь, Атлантида?

Невольные слушатели оторопело смотрели на Трома. Голос его вздымался и падал, и Харита ощутила головокружение, как будто земля под ногами утратила свою прочность. Она нащупала пальцами мрамор и крепко вцепилась в колонну.

— Тром я есть и пребуду... Слушай, о Атлантида, глас твоего сына, трубы глаголющей. Свет Бела умирает на западе... — Он воздел посох к алозолотому закату, — и мы умираем с ним, дети. Мы умираем. Вы, князья... — Он указал на Аваллаха с Белином, — приготовьте ваши дома. Приготовьте ваши гробницы!

Аваллах с перекошенным лицом шагнул к безумцу, но Тром обернулся к нему, высоко воздел посох и грянул им о возвышение. Грохот раскатился подобно грому. Король застыл.

— Слушайте! — шипел Тром. Вновь его руки описали большой круг. — Язык бога глаголет: семь лет вы будете брести слепо, семь лет будете тягаться в суетных устремлениях, семь лет будет ваша кровь орошать древнюю землю, семь лет будете тщетно сеять и жать, дети праха, семь лет будет ветер гулять по вашим пустым дворцам.

Внемлите мне, о цари! Я, Тром, видел лицо грядущего. Я, Тром, свидетель событий, о которых я говорю. Я, Тром, слышал крики детей... погибших. Все погибло. Все... погибло.

Огромная всклокоченная голова опустилась, мощные руки повисли. Тром закачался, словно спящий. Пальцы на посохе дрожали. Дрожь перешла в судорогу, сотрясшую все тело. Голова запрокинулась, глаза распахнулись. Он невидящим взором уставился в небо, на лице застыла маска восторга, на губах выступила слюна.

Харита с ужасом видела, как пророк рухнул на землю, закатив глаза, и забился в конвульсиях. Из горла его вырвался невнятный крик, как будто из глотки силой вырывали еще не оформившиеся слова. Зубы обнажились и скрипели. В углах губ выступила кровь.

Тром распрямился — глаза его вылезли из орбит — и с пронзительным воплем обмяк, как неживой, сила покинула его мышцы, он лишился сознания.

Верховный жрец смог наконец двинуться и встревоженно глядел на своих помощников. Аваллах шагнул к простертому телу и смотрел на него, словно не в силах поверить своим глазам.

— Унесите его, — приказал он после долгого молчания.

Несколько жрецов подбежали, схватили бесчувственного пророка и грубо поволокли прочь.

— Народ мой, — произнес Аваллах, обращаясь к изумленным зрителям, — не позволяйте бессвязным словам безумца омрачить наше священное торжество. Мы собрались, чтобы обновить узы верности между царем и его страной. — Он поднял одну руку к садящемуся солнцу, другую — к встающей луне. — Бел начинает странствие через подземный мир, прекрасная Кибела восходит на свой трон. Так... так всегда было и всегда будет. Давайте же исполним древний и чтимый обряд.

Он вернулся на свое место во главе зрителей. Верховный жрец схватил нож и, подойдя к волу, положил руку ему на шею. Одним молниеносным движением нож описал дугу и впился в мясо. Винно-красная кровь оросила белоснежный бок; бессмысленное животное даже не моргнуло.

Один из жрецов подставил кратер под алую струю, с которой, бурля, уходила воловья жизнь. Вскоре голова животного повисла, вол осел на ка-

мень и в следующий миг повалился на бок. Три жреца, сняв одеяния, бросились на тушу с ножами и топорами. Верховный жрец поднял кратер с кровью и пошел к царю, державшему в руках чашу.

Верховный жрец наполнил чашу, водрузил кратер с остатками крови на алтарь и вернулся к царю.

— Кто ты? — спросил он.

— Я страна, — был ответ.

— Откуда идет твоя жизнь? — спросил верховный жрец.

— От народа.

— Перед Белом Всевидящим и Кибелой Всезнающей обнови свою жизнь, — приказал жрец. — Пей.

Царь поднес к губам сверкающую медную чашу и выпил еще теплую кровь. Три жреца, разделав тушу, начали горой складывать куски на алтарь. Печень отложили в отдельный сосуд для гадания по внутренностям. Воловью голову водрузили на гору, рога ее торчали в стороны, огромные безжизненные глаза таращились в небо.

Два жреца с помощью двух длинных шестов сняли с треножника кипящий котел, поднесли к алтарю и опрокинули на гору воловьего мяса. Огонь взметнулся столбом, поджигая жертву. Лицо и руки Хариты обдало жаром.

Огонь трещал, мясо горело, густой сине-черный дым поднимался в небо. Через некоторое время верховный жрец взял щипцы, вытащил из огня несколько кусков и положил на поднос, где они продолжали шипеть и шкворчать. Поднос он протянул царю.

— Что твоя пища? — спросил жрец.

— Служить людям, — последовал ответ.

— Перед Белом Всевидящим и Кибелой Всезнающей, — нараспев произнес жрец, — ешь и насыться.

Аваллах взял кусок мяса, съел, взял следующий. Принесли печень, и верховный жрец взял ее в руки для исследования, понюхал, ощупал пальцами. Другой жрец подошел, принял у него печень. Верховный жрец достал золотой кинжал и привычным движением рассек орган. Толпа ахнула: темная масса разошлась, и на руки жрецу вывалился извивающийся клубок длинных белых червей.

Верховный жрец, бледный, как смерть, обратил испуганный взор к Аваллаху.

— В огонь их! — хрипло выкрикнул царь. — Сожги эту мерзость!

Жрец скривился, сгреб пораженную печень вместе с гнусными паразитами и бросил в пламя.

Повалили густые черные клубы, в сумеречное небо взметнулись желтые языки. В воздухе запахло паленым. Харита закашлялась и, подняв глаза, увидела, как три звездочки мигнули в дыму. Она следила за ритуалом, который видела множество раз, но который казался теперь древним, даже архаичным, как будто все — холм, вол, жрец, котел, царь, толпа — все принадлежит прошлому, такому давнему, что его уже не понять и можно лишь ощутить в биении бегущей по жилам крови.

Взошла луна; большая и бледная, она висела на горизонте, привязанная к земле серебряной нитью, ее незрячий диск надзирал за ночным миром.

И Харита ощутила колыхание под ногами, дрожь камня, проникающую в кости, в сердце, в мозг, так что вскоре вся она уже тряслась от подошв до кончиков тонких пальцев. Она чувствовала, как энергия струится через нее от земли к диску Кибелы и обратно. Казалось, от нее должно исходить сияние, как если бы из кончиков ее волос посыпались искры или ударили лунные лучи.

Она оглядела стоящих рядом — такие привычные, знакомые лица. Она посмотрела с холма на город внизу, столичный Келлиос, на мириады окон — звезды на земной тверди — и дальше, на синий полумесяц, мерцающий за длинной дугой залива. Все казалось знакомым до боли — как будто она уже десять тысяч лет стоит на вершине холма и смотрит на ту же неизменную картину. И зрелище это пронизало самую глубинную ее суть, которая в большей мере она сама, чем даже ее имя.

И все же... что-то изменилось. Что-то неуловимое, но чрезвычайно важное — как перемена ветра предвещает конец длительной засухи и приближение дождя, как один-единственный шаг переносит путника через невидимый рубеж государств. Харите было знакомо это предчувствие чего-то нового, неведомого.

После церемонии, когда от воловьих костей остался лишь легкий пепел, от крови — густые потеки на древнем алтарном камне, участники в свете факелов спустились с холма. Харита плыла в полудреме, движения ее были медленны и тягучи, как будто она всю жизнь проспала и вот-вот проснется. С каждым шагом прошлое отступало все дальше, спадало с нее, как источенные червями одежды, как истлевший от времени саван.

Сердце ее колотилось, кровь стучала в висках. Все казалось необычайно ярким, и каждый предмет излучал холодный, мерцающий ореол. Мыслям открылись неведомые просторы, словно ей в душу вдохнули мудрость веков. Она знала то, чему никогда не училась, и знание водоворотом бурлило в ней.

Харита спускалась с холма в город, явственно видя и слыша все вокруг и ничего в то же время не замечая.

Слова возникали в ее голове, как будто написанные огнем: "Я — Матерь народов, я — Лоно знаний.... я — Атлантида".

Было уже очень поздно. Лампы почти догорели, и полная луна светила через открытую балконную дверь. Аваллах и Брисеида разговаривали вполголоса. Брисеида обняла супруга, а он гладил ей шею и плечи.

В дверь тихо постучали. Аваллах неохотно встал.

Царь открыл дверь, и свет упал на лицо Аннуби. Прорицатель извинился.

— Прости меня, государь. Я не стал бы тебя тревожить, но...

— Что там у тебя?

— Это насчет танцовщицы... сегодня днем.

Аваллах тряхнул головой.

— Ничего не понимаю.

— Я просила мне сообщить, — объяснила подошедшая Брисеида. — Что с девушкой?

— Мне очень жаль, моя царица.

— Умерла?

Прорицатель кивнул.

— Рана была глубокой, и она ослабела от потери крови. Ничего нельзя было поделать.

— Она очень мучилась?

— Она держалась до конца. Было больно, да, но, мне кажется, она сама предпочла бы оставаться в сознании.

Царица рассеянно кивнула.

— Спасибо, Аннуби.

Прорицатель поклонился царю, повернулся и исчез. Брисеида закрыла за ним дверь и взглянула на мужа.

— Какая, в сущности, чепуха. — Она положила голову ему на грудь. Они обнялись и застыли так на целую минуту.

— Какой длинный и насыщенный день, — сказал Аваллах наконец. — Я утомился.

— Иди ложись. Я задую лампы.

Царь поцеловал ее и направился в опочивальню. Брисеида заходила по комнате, гася светильники. Возле балконной двери она помедлила — из сада доносилась нежная мелодия. Кто-то пел. Царица подошла к балюстраде.

На залитой лунным светом траве стояла Харита в одной тонкой ночной рубашке. Она медленно поворачивалась, воздев руки к небу и запрокинув голову. Лицо ее выражало восторг, с губ срывался странный напев.

Брисеида открыла было рот, чтобы ее окликнуть, потом раздумала и прислушалась. Поначалу она не смогла разобрать слов, а когда смогла, у нее перехватило дыхание.

"Матерь народов, Лоно знаний, я — Атлантида... Атлантида... Атлантида... Я — Атлантида".

ГЛАВА шестая

Хафган стоял, закутавшись в полуночно-синий плащ и сжимая дубовый жезл в правой руке. Он задержал взгляд на ночном небе, потом вновь заходил посолонь вкруг врытого стоймя камня посреди каменного кольца, останавливаясь лишь затем, чтобы съесть несколько лесных орехов знания из кожаной ременной сумки.

Он ходил медленными кругами, слушая, как шуршит прошлогодней травою ветер и кричит на далеком дереве охотница-сова. Полная луна ярко светила на землю, двигаясь своим положенным курсом, и Хафган на ходу примечал свойства этого света. Шли ночные часы — друид вслушивался, взвешивал, оценивал.

Когда луна встала точно над центральным камнем, друид завел песнь-прорицание; он бормотал тайные строки про себя, медленно, с чувством, ощущая, как проникается их силой. Тяжелая завеса, окутывавшая в прочее время его чувства, постепенно истончалась и наконец стала совсем прозрачной. Теперь он мог заглянуть в Иной мир, где глаза его видели, уши слышали, а мозг воспринимал то, что обычно скрыто от смертных.

Бормотание перешло в пенье, голос окреп, по невидимым воздушным тропам разнеслись слова:

Матерь-земля, сына узри!
Матерь-небо, узнай меня,
верного твоего раба.
Мудрости отец, говори со мной,
чтобы мне различить твой глас.
Привратник Знаний, раствори врата,
чтобы мне в царство твое войти.
Великая богиня, царица жизни, свет-серебро,
с рогами быка, бредущая мраком
ночи священной.
Ты, лучезарная,
то достигающая полноты,
то идущая на убыль,

покажи своим ходом
тайный знак;
яви мне знаменье в твоем обличье.

С этими словами он остановился, раскинул руки, сбрасывая плащ, и двумя руками поднял посох над головой.

Падучая звезда озарила небо. Через мгновение вслед за ней пронеслась вторая, затем еще, и вот все небо охватил звездопад — жгучие искорки, словно хвост от пылающей головни.

Когда все закончилось, Хафган опустил посох и полез в суму за горстью орехов. Потом он присел на ближайший камень и принялся задумчиво жевать, размышляя о виденном. Так, в раздумье, сидел он, пока луна не начала клониться к утру. Тогда, взяв плащ, он вышел из каменного круга и медленно побрел к своей хижине на краю каера.

Рано утром обитатели Каердиви собрались у жилища друида. Многие видели странный звездопад и сочли его предвестником скорых бедствий.

Его звали:

— Проснись, друид! Скажи нам, какая грядет напасть! Хафган! Неужели ты спишь, когда на нас надвигается беда? Проснись!

Не получив ответа, они подняли такой шум, что сам Гвиддно Гаранхир вышел к ним и спросил:

— Родичи, что вы кричите так рано утром? Что стряслось?

— Неужто ты один не знаешь? — завопила обезумевшая от страха женщина. — Неужто никто тебе не сказал?

— Вчера ночью был звездопад, — подхватила другая. — Наверняка нас ждут скорби и несчастья.

— Если так, — отвечал Гвиддно, теребя ус, — Хафган скажет, что нам делать.

— В тот-то и беда, — вставил один из собравшихся, — наш друид не хочет с нами говорить.

Гвиддно кивнул Киаллу. Тот отодвинул телячью шкуру, висевшую в дверном проеме для защиты от ветра, и вошел в хижину. Через секунду он появился снова.

— Нет его, — объявил Киалл. — Но уголья в очаге еще теплые.

— Значит, он ушел утром, — сказал Гвиддно. — Без сомнения, он отправился посовещаться с другими друидами и, вернувшись, все вам объяснит. Так что идите по своим делам.

— Какие дела? — запричитала одна из женщин. — Того и гляди, мы все погибнем.

Гвиддно топнул ногой.

— Единственное, что вам пока грозит, — потерять день, толпясь возле этой хижины. Ну-ка по домам и за работу. Слышали? Солнце встает, день начался.

Кто-то заворчал, некоторые женщины громко всхлипывали, но народ все-таки разошелся и вернулся к дневным занятиям. Солнце взошло и ярко засияло над землей. Из-за горизонта не появились морские разбойники, небо не обрушилось. К полудню тревога отчасти рассеялась; жители Каердиви успокоились, хотя о знамении думать не перестали.

Священная роща росла на вершине холма, называемого Гарт Грегтин, над родником. Выше того места, где вода выбивалась из склона, стоял камень с надписью на огаме, посвященный Тиви, духу ручья. Поднимаясь к дубраве, Хафган остановился почтить духа, поцеловал камень и пошел дальше.

На вершине холма он прошел между двумя каменными изваяниями: Ллеу — бога бардов и воителей, и Дон — матери богов, затем вступил под сень священных деревьев, где уже собрались окрестные друиды: все они, как Хафган, видели знамение и хотели его обсудить.

Кормах, высокий, седовласый старец, сидел на каменном седалище в окружении помощников и оватов. При виде Хафгана он приветственно воздел руки.

— Смотрите! Вон идет тот, кто лучше меня разбирается в небесных знамениях.

Хафган склонил голову и отвечал с улыбкой:

— Только Кормах из Долгеллау может сказать такое, и ему поверят.

Старый друид встал, они обнялись. Оваты и филиды помладше собрались вокруг, чтобы послушать, — Хафгана в среде собратьев уважали.

Наконец Кормах поднял рябиновый посох и трижды ударил по каменному седалищу. Остальные смолкли и расселись в кружок посредине священной рощи. Несколько филидов обнесли их желудевым отваром и лесными орехами. Затем Кормах заговорил.

— Если не возражаете, — начал он, — я буду говорить первым, как пристало старейшему.

— Ты главный из нас, — подтвердил Хафган, — так что молим, продолжай.

Остальные — числом почти двадцать — его поддержали. Приложив тыльную сторону ладони ко лбу, Кормах издал длинный, протяжный стон, который собравшиеся подхватили, так что гул раскатился по всей роще.

Через несколько секунд верховный друид опустил руку и сказал:

— Мы правильно сделали, что собрались вместе, — одна голова хорошо, а двадцать лучше! Прошлой ночью я видел в небе великий знак — звезды сыпались, как огненный дождь. А сегодня земля теплеет под летним солнцем, хотя только прошел Бельтан. Скажите мне, братья, что это вам говорит?

— Смерть, — ответил молодой друид. — Падучая звезда всегда означает смерть.

— Такой сильный звездопад предвещает смерть кого-то могущественного, — произнес другой. — Короля?

Они заспорили, кто из властителей достоин такого знамения. Кормах терпеливо слушал, потом вновь ударил посохом по камню.

— Хафган, ты ни разу не раскрыл рта. Ужели оставишь нас в неведении?

Хафган выпрямился.

— Верно, падучая звезда часто обещает смерть, но она же порой — предвестница рождения. Ибо, как все мы знаем, рождение и смерть — одно. Всякое родившееся умрет, и все, что умерло, возродится. Одно поглощается другим и обретает в нем полноту.

— Хорошо сказано, — промолвил Кормах. — Что еще ты нам поведаешь?

— Как рассудили наши младшие собратья, столь великий звездопад должен означать смерть кого-то могущественного — царя или даже многих царей.

Друиды изумленно зашумели.

— Объясни, молим, — сказал Кормах, когда все стихли.

— Хорошо, — отвечал Хафган. — Звезды упали в западное море, где лежат острова Бессмертных. У нас говорят, что монарх и его страна — одно. Посему я вижу в этом знамении гибель западных земель, а следовательно, и смерть — смерть многих царей.

— А как же рождение?

— Звезды падали из царственного дома солнца, и я буду ждать явления венценосного отрока.

— Венценосный отрок родится вслед гибели царей, — сказал Кормах. — Внемлите и запомните, братья: Хафган глаголет истину.

— Когда это будет? — спросил друид из соседнего селенья Ир Виддфа.

— Ждите и наблюдайте, братья, все будет во благовремении. Довольно того, что мы знаем — это случится. Час рождения явит себя знамениями и чудесами. Предупредите народ. — С этими словами Кормах поднял жезл и объявил: — Сегодняшний сбор окончен.

Друиды поднялись с мест, но не торопились расходиться по своим селениям — всем хотелось поговорить. Кормах отвел Хафгана в сторону, под раскидистые ветви большого старого дуба.

— Верно ли я слышал, — спросил он, — будто счастье Каердиви умножилось?

— Верно, — отвечал Хафган. — Кто тебе сказал?

Старый друид улыбнулся.

— Ветер многое расскажет тому, кто умеет слушать.

— А людские языки — еще больше, — сказал Хафган.

Кормах предостерегающе поднял палец.

— Раз в одном месте прибыло, в другом убудет. Равновесие сохранится. Но расскажи мне о младенце.

— Дивный, необычный ребенок. Я назвал его Талиесин. Он будет сильнейшим и самым ученым бардом, возможно, самым великим из нас всех. Если б он не родился раньше, я бы решил, что звезды падали в его честь.

— Тогда я должен скорее прийти на него взглянуть, — сказал Кормах.

— Приходи. Давно мы вместе не поднимали чаши. Побеседуем... — Хафган в задумчивости не договорил фразу.

— Что там? Увидел что-то?

— Нет, вспомнил твои слова о земле, что теплеет под солнцем. Поначалу я о них не задумался.

— Так задумайся, — сказал Кормах, — и поведай, на какие мысли это тебя наводит.

— Бельтан, как мы знаем, — междувременье, когда силы земли и неба, воды и воздуха особо подвижны. Зима есть смерть, и сама она умирает весной. Если зима утверждает себя на пороге весны, значит, смерть силится возобладать над жизнью. Сегодня нас отогревает летнее солнце, а значит, жизнь взяла верх в этой борьбе.

— А звездопад?

— Быть может, она победила большой ценой.

Кормах задумчиво кивнул.

— Мысли твои глубоки и полны истины. — Верховный друид положил руку на руку Хафгана. — Скоро рябиновый жезл перейдет к тебе. А пока, полагаю, пришло тебе время учить. Я пришлю тебе двух лучших моих филидов.

— Большая честь для меня.

Кормах сжал руку Хафгана, лежащую на посохе.

— Тебе нужна будет помощь в воспитании младенца.

— Скажи мне, Кормах, бывали ли прежде такие знамения, как нынче?

Старый друид прикрыл глаза и оперся на посох.

— Лишь однажды, — ответил он после долгого молчания. — Много лет назад — до того, как родился кто-либо из ныне живущих, до того, как римляне пришли на Святой остров, когда эта роща была молодой порослью, — люди видели подобный знак. Правда, звезды не падали, но сошлись в небе и так остались. Говорят, это было удивительное знамение.

— И что оно возвещало?

Кормах открыл глаза.

— Как что? Рождение Иисуса, Сына Благого Бога. Того, Кого римляне зовут Христом.

— Понятно, — ответил Хафган. — Быть может, этот будет столь же благоприятен.

— Мы вправе надеяться, — промолвил Кормах. — Как все люди, мы вправе надеяться. Что ж, до летнего солнцестояния я зайду к тебе посмотреть младенца. Береги его.

— Не бойся, о нем будут хорошо заботиться, — заверил Хафган. — Я прослежу.

Кормах поднял глаза к раскидистым ветвям дуба.

— Когда я родился, он был уже стар. Теперь я состарился и скоро умру, а дуб все так же крепок. Мы — малые твари, Хафган. Век наш короток.

— Он достаточно долог, чтоб изучить то, что от нас требуется.

— Да, мы успеваем узнать то, что должны, но не успеваем ничего изменить, — горестно согласился Кормах. — Это наша беда. Каждый должен учиться заново. Какая трата сил — вновь и вновь совершать ошибки, те же ошибки в каждом поколении, биться во тьме неведения. — Он воздел руку к дереву. — Привет тебе, стойкий собрат! Знай нашу слабость и будь к нам снисходителен.

— Пошли, Кормах. Солнце греет, и день погожий. Я немного пройдусь с тобой, и ты расскажешь, что тебя так гнетет.

Они вышли из рощи и двинулись вниз под лучами солнца, задержавшись у родника, чтобы утолить жажду.

ГЛАВА седьмая

Когда солнечный шар блеснул за синим ободом моря, Харита встала. Она плеснула в таз благовонной воды из кувшина, умылась, вытерлась, надела голубую льняную рубаху, потом поспешно завязала белые кожаные сандалии, схватила из чаши две свежие смоквы и выбежала во внутренний дворик. Здесь ее младшие братья — Эоинн и Гуистан — уже присматривали за погрузкой возов.

Мальчики с головой ушли в порученное дело, им было не до Хариты. Она проскользнула между слугами, убедилась, что ее собственный дорожный сундучок привязан крепко, и отошла в сторонку понаблюдать за работой.

Конюхи подвели оседланных коней, и мальчишки тут же затеяли ссору — каждый хотел выбрать себе лучшего. Киан, старший из детей Аваллаха, уже юноша, взялся беспристрастно уладить спор. В разгар перепалки подошел Майлдун и с улыбкой тихим голосом объявил, что возьмет спорного коня себе.

Киан до того походил на отца, что порой казался его более моложавым близнецом. Майлдун, всего на несколько лет младше брата, напротив, не имел с царем практически ничего общего. Высокий и стройный, как молодой кипарис, он говорил вкрадчиво, а чаще вообще молчал, однако был расчетлив до мелочности и подвержен припадкам гнева.

За Харитой следовал Эоинн, на несколько лет младше сестры. Как и она, он унаследовал от матери золотистые волосы, а также любовь к учению. Любовь к лошадям, впрочем, была у него своя, и если б он мог читать, галопируя без седла во весь опор, то, наверное, воображал бы себя счастливейшим из смертных.

Гуистан, самый младший, темными кудрями пошел в Аваллаха, а у Брисеиды взял голубые глаза и отчасти грациозность движений. Он не разделял с Эоинном любовь к книгам и очень рано научился бесследно испаряться при одном упоминании об ученье. У него был меткий глаз и твердая рука, он чудесно схватывал сходство, но уничтожал свои рисунки, стоило кому-нибудь их похвалить или хотя бы заикнуться о его способностях. Он обо-

жал дразнить и разыгрывать старших братьев, хотя за эти забавы частенько бывал бит.

Все четверо представлялись Харите неизбежным злом. Они были мужчины, а значит, жили в другом, отдельном от нее, мире. Они не обижали ее, чаще просто не замечали, а если она уж очень навязывалась, недоумевали или сердились. Если в редкие минуты они и снисходили до нее, то лишь как до занятной зверушки, в остальное же время считали докучной помехой.

Харита, впрочем, быстро уставала от их подчеркнутой снисходительности. Она научилась жить сама по себе, терпеть братьев, когда того требовали обстоятельства, а в прочие часы не замечать их, как они не замечали ее.

Сегодня Харита чувствовала себя особенно великодушной: наконец-то ей предстоит нечто особенное, во всяком случае необычное, волнующее. Ничто — даже грубость и самодовольство братьев — не в силах омрачить этот день.

В то время как Харита с растущим предвкушением чуда следила за погрузкой, появился Аннуби. Весь его багаж составляла маленькая незатейливая шкатулка из дерева гофер. Харита поздоровалась и спросила:

— Это все, что ты берешь с собой?

Прорицатель с головой ушел в свои мысли; он рассеянно улыбнулся и пробормотал:

— А, Харита, привет! Ты что-то сказала?

— Шкатулка — это все?

Он растерянно взглянул на суетящуюся толпу.

— Слишком много людей, слишком много шума. Все происходит слишком стремительно.

— Стремительно? Я жду-не дождусь, пока мы тронемся с этого скучного места.

Аннуби покачал головой и взглянул на девочку.

— Вот-вот, тяга к новизне нас всех и погубит.

Он зашагал прочь, и Харита заметила, что он надел штаны для верховой езды, но при этом не мягкие кожаные сапожки, а башмаки на прочной подошве, пригодные для пешего хода, и не плащ, а парадную алую мантию. Весь его вид являл нелепое смешение — как будто он еще не решил, как и куда отправляется.

Царский возница въехал во двор на парадной царской колеснице, запряженной тройкой молочно-белых коней. Аваллах собирался пересесть на нее только перед самым въездом в Посейдонис, да еще один раз, когда

по окончании Совета цари торжественно поедут из храма по Звездной дороге.

Следом появился Аваллах, встал, подбоченился и включился в процесс. Харита подкралась бочком, обхватила его руку. Он взглянул на нее уголком глаза, похлопал по ладоням.

— Рада, Харита?

— Да, отец. Очень рада.

— Вот и славно.

Он улыбнулся и вновь занялся погрузкой. Киан подошел, обменялся с отцом несколькими словами, и они ушли вместе. Харита снова осталась одна.

Казалось, вещи и провизию будут складывать вечно. Харита устала ждать и ушла во дворец. Сразу за дверью, между колоннами, Аннуби разговаривал с ее матерью. Брисеида выставила ладони, как будто что-то отталкивала; голова ее была наклонена, она внимательно слушала. Когда прорицатель закончил, царица кивнула, положила руку на его локоть, печально улыбнулась и пошла прочь. Аннуби мгновение смотрел ей в спину, затем двинулся следом.

Харита гадала, что это был за разговор. Чуть позже в боковой кухоньке ее разыскала Илеана, прислужница царицы. Харита сидела за столом и вместе с одной из судомоек за обе щеки уплетала смоквы с медовыми лепешками.

— Царевна Харита, время ехать. Я с ног сбилась, покуда тебя нашла.

— Я устала ждать и проголодалась.

— Неудивительно, что ты голодна, — сказала Илеана. — Когда тебе предлагают, ты ничего не ешь. Ладно, идем. Все уже готово.

Харита медленно встала.

— Не забудь свое обещание, — сказала судомойка, когда Харита встала, прихватив со стола последнюю лепешку. — Если получишь два одинаковых подарка...

— То лишний отдам тебе — я помню. — Харита разломила лепешку и отправила половину себе в рот. — Счастливо!

Когда они с Илеаной вышли во двор, отъезжающие уже рассаживались по повозкам. Младшие царевичи забрались в седла и разъезжали по двору, громко выражая свое нетерпение. Каждая повозка стояла на четырех больших, легких колесах; на двух широких сиденьях легко помещались четверо. Над задней скамьей на обручах был натянут алый навес от солнца, два алых флажка — по одному с каждой стороны высоких козел — трепетали на легком ветру.

— Чуть не отправились без тебя, — сказала Брисеида, когда Харита устраивалась рядом с матерью.

Во двор въехал небольшой отряд верховых воинов — царская охрана. Острые наконечники длинных копий поблескивали на утреннем солнце. Старший обменялся с Аваллахом несколькими словами. Царь сел на коня, воины выстроились в авангарде процессии, и повозки покатились. Они медленно проехали под исполинской аркой за ворота дворца и задребезжали по дамбе, соединявшей его с Келлиосом.

— Наконец-то, — вздохнула Харита, крутясь на сиденье, чтобы увидеть уменьшающиеся дворцовые стены. — Наконец-то я уезжаю.

Царский поезд проехал мощеными улицами столицы и, оставив море позади, покатил по лесистым холмам на юг. По пути лежало много городов, и везде население выходило встречать процессию. Люди выстраивались вдоль дороги, махали руками, дарили подарки. Каждый вечер путники разбивали шатры возле города или деревни, а местное население развлекало их песнями и плясками. Так миновали Ираклион, Парнифу, Кардис, Энопу, Ксанфини... Дальше начинался пологий спуск к реке Коран — южной границе царства Аваллаха. Широкая, плодородная долина протянулась из сердца континента к морю, отделяя Саррас от Корании. Переправившись, еще два дня ехали лесистыми нагорьями, прежде чем увидели холм над великой гаванью Ис, а на нем — дворец Сейтенина.

На подъездах к дворцу несли дозор всадники. Они доложили о приближении гостей, и навстречу Аваллаху выступили воины в светло-серых плащах, с серыми вымпелами на древках серебряных копий. Воины выстроились в колонны по обе стороны дороги и замерли навытяжку, выставив копья; вымпелы трепетали на ветру.

Проехав сквозь строй, процессия оказалась перед высокой стеной. Путь преградили огромные бронзовые ворота. Их створки украшало изображение двух исполинских осьминогов, тянущихся друг к другу щупальцами. Перед воротами ждал сам Сейтенин в парадной колеснице.

— Приветствую тебя, друг, добро пожаловать! — воскликнул он, когда Аваллах подъехал поближе.

Сейтенин сошел на землю, спешился и Аваллах. Они обнялись, и Сейтенин предложил гостю подняться к нему в колесницу. Вместе они въехали в ворота и покатили по широкой мощеной дороге к дворцу на холме.

Брисеида наблюдала за встречей из повозки.

— Сейтенин очень радушен, — заметила она.

Аннуби, сидевший напротив царицы, сощурился на солнце и сказал:

— По мне, так даже слишком. Он явно хочет произвести впечатление. Интересно, на кого?

— Как на кого? На нас. Мне его прием кажется вполне искренним.

— Возможно. Однако за этим кроется что-то еще, можно не сомневаться. — После этого он замолк и больше не проронил ни слова.

Харита слышала разговор и перевела взгляд с дворца на Аннуби. Прорицатель явно нервничал, руки его беспокойно теребили колени. Когда процессия проезжала в тени дворца, он вздрогнул и поднял глаза на возвышающиеся стены.

Брисеида положила руку ему на локоть, спросила:

— Аннуби, что с тобой?

Он поднес дрожащую руку к лицу, заслонил глаза.

— Н-ничего, моя царица. Ничего. Зазнобило чуть-чуть. — Он выдавил слабую улыбку.

Ответ Аннуби удивил Хариту, потому что и ее пробрал холодок, хоть и не так сильно. Хотелось расспросить поподробнее, но она чувствовала, что сейчас не время. "Я спрошу позже", — подумала она и вновь перевела взгляд на дворец.

Здание раскинулось вширь, свидетельствуя о тщеславии своих владельцев: каждый следующий монарх усложнял первоначальный план, добавляя кто стену, кто — вал, кто — башенку, флигель или крыло. Все это окружали сады, парки, виноградники, пруды, конюшни и голубятни. Многие столетия усовершенствований породили впечатляющий памятник богатству коранийских владык.

Когда повозки проехали через ворота и мосты и оказались среди строений, Харита больше не могла сдерживать изумление.

— Глядите! — воскликнула она. — Есть ли во всей Атлантиде дворец грандиознее?

— Только у Верховного царя в Посейдонисе, — отвечала ее мать. — Но этот не сильно ему уступает.

— А народу-то! — Харита не могла оторвать взгляд от толпы, высыпавшей на внутреннюю стену. Люди махали руками и бросали на дорогу цветы. — Неужели все живут во дворце?

— Многие, — отвечала Брисеида, — хотя кто-то, вероятно, и в городе.

— Сколько у Сейтенина жен? — полюбопытствовала Харита.

Мать рассмеялась.

— Почему ты спросила?

— Если у царя такой большой дворец, ему нужно много жен, чтобы его

заполнить. А если много жен, то много и детей; может, окажутся и мои сверстницы.

— Думаю, хоть одна да есть. У Сейтенина семь жен и много детей. Ты обязательно найдешь себе подружку.

Харита на мгновение задумалась, потом спросила:

— Почему у Сейтенина семь жен, а у отца всего одна?

Царица улыбнулась.

— Любовь — большая загадка, как ты скоро узнаешь.

— Ты имеешь в виду политику, — фыркнул Аннуби.

— Не хотела бы я оказаться одной из семи, — объявила Харита. — Если я когда-нибудь выйду замуж, то желаю быть единственной.

— Можешь не тревожиться, — со смехом отвечала царица. — Обычай брать много жен постепенно отмирает.

— Хорошо, — твердо отвечала Харита. — Но почему так?

— Времена меняются, милая. Посмотри вокруг себя! — почти выкрикнул Аннуби. Потом смутился и пробормотал. — Простите, что вмешался.

— Да что там, прошу тебя, продолжай, — мягко промолвила Брисеида. — Мне хотелось бы знать, что ты думаешь.

Аннуби отвернулся и почти шепотом произнес:

— Я и так сказал слишком много. Против воли вырвалось.

— Пожалуйста, Аннуби, — попросила Харита. — Скажи нам.

Прорицатель на миг поднял глаза к небу.

— Времена меняются, — повторил он. — Люди бросают свои дома, целые народы кочуют с места на место, мир становится все теснее. Люди не уважают власть, знания оскудевают. Цари в сердце своем замышляют войны или предаются праздности и безумию. Богослужение отошло от древних канонов, жрецы Бела разжирели и отупели, но всем все равно, всем все равно...

— Скажи хоть что-нибудь приятное, — попросила Брисеида, стараясь его ободрить. — Ведь не может же быть, чтобы все было так плохо.

— Приятное? — Он приложил длинный палец к закушенной губе и с ненавистью взглянул на дворец Сейтенина. Когда он вновь обратил свой взор к женщинам, глаза его блестели недобрым удовлетворением. — Вот вам приятное: сделанного не воротишь, но потерянное порой удается найти.

— Временами мне кажется, — сказала Брисеида, — что тебе просто нравится говорить загадками.

Харита слушала и удивлялась. Что с Аннуби? Он всегда ходил с кислой миной, но только с приездом людей Белина стал таким отрешенным и

встревоженным. Что ему наговорили? Чем так расстроили? А может, дело в чем-то совсем другом?

Они продолжали ехать в молчании и через некоторое время оказались во внутренних дворах, где их ждали слуги Сейтенина, одетые в лучшие ливреи. Зрелище было впечатляющее: гостей встречали четыреста человек — кухарки и ключники, гонцы и привратники, постельничие и конюшие, лакеи и горничные, равно как и советники всех рангов; у каждого во дворце имелось свое собственное место и обязанности.

Повозка остановилась, Харита обвела глазами толпу.

— А где они? — спросила она.

— Кто? — не поняла мать.

— Дети Сейтенина.

— Скоро ты их увидишь.

Гостям помогли сойти с повозок и проводили их во дворец. Харита дивилась на огромные золоченые двери и притолоки, на массивные колонны, удерживающие тяжелые кедровые балки, на которых, в свою очередь, покоился расписной потолок. В парадном покое гостей приветствовали жены Сейтенина и целая орава детей. Каждый держал завернутый в шелк подарок.

С торжественными словами приветствия они выступили вперед и вручили каждому гостю по подарку. Харита страшно огорчилась, увидев, что, за исключением нескольких младенцев на руках у кормилиц, дети Сейтенина были намного старше ее, причем заметно преобладали мальчики. Она нахмурилась, взглянула на мать и обиженно прошептала:

— Здесь никого для меня нет!

Мать улыбнулась, принимая подарок от девушки в ослепительной оранжевой тунике, длинном ярко-алом плаще и ожерелье из красных кораллов.

— Потерпи, — сказала Брисеида и перевела внимание на дар и дарительницу.

Харита стала смотреть в пол и возить ногой. Она пинала носком каменную плиту, когда увидела две смуглые ножки в синих кожаных сандалиях. Перед ней стояла девочка моложе ее раза в два. Она протягивала крохотный подарок, неумело завернутый в лоскут желтого шелка.

Харита приняла подарок вежливо, но без особой радости. Девочка щербато улыбнулась — у нее не хватало переднего зуба.

— Меня жовут Ливана, — сказала она, сильно пришепетывая. — А тебя?

— Харита.

— Открой мой подарок, — попросила Ливана, кивая на сверток.

Харита медленно развернула лоскуток. Из него выпал браслет — неровно обточенные нефритовые бусины, вразнобой надетые на цветную нитку.

— Спасибо, — буркнула Харита, крутя браслет в руке. Она смотрела на роскошные подарки, которые получили другие: сапожки и сандалии из мягкой кожи, серебряные кольца и браслеты, золотой кинжал с сапфиром в рукоятке для Аваллаха, луки и колчаны со стрелами для царевичей, амфора оливкового масла для Аннуби, лаковая, инкрустированная жемчугом шкатулка с тремя хрустальными флаконами бесценных духов для Брисеиды.

Она снова взглянула на свой подарок — дешевенький браслет из тех, что россыпью лежат у каждого уличного торговца. Однако дарительница не заметила ее разочарования.

— Я шама его шделала, — прошепелявила она. — Нарочно для тебя.

— Я с радостью его принимаю, — отвечала Харита. — Откуда ты знала, что я приеду?

— Матушка шказала. Ну же, надень. — Ливана подошла ближе и взяла браслет. Харита протянула руку, Ливана надела нитку ей на запястье. — Чуть великоват, — заметила она, — но ты выраштешь. Ты какая по шчету?

— По чему?

— По шчету. Иш царевен. Я пятая. У меня четыре шештры, но вше они штарше. И дешять братьев. Трое, правда, еще младенчики.

Харита улыбнулась: несмотря на разницу в возрасте, Ливана явно ей нравилась.

— В таком случае я — первая, потому что других царевен нет.

— Нет? — Ливана изумленно тряхнула головой. — Тебе, должно быть, очень шкучно.

— Порою да, — согласилась Харита.

— Хочешь пошмотреть мою комнату?

— Ну... — неуверенно начала Харита, оглядываясь по сторонам. Народу было полно, однако, похоже, никто, кроме Ливаны, ею не интересовался. — Ладно, пошли.

— Можешь пожить у меня, ешли хочешь, — говорила Ливана на ходу. — Мы попрошим, чтобы принешли кровать. Мешта хватит.

Они вышли из зала в облицованный зеленым мрамором коридор. Ливана трещала без умолку и тянула Хариту за руку, как будто боялась потерять. Харита теребила браслет и внезапно подумала, что никто никогда не делал подарка ей — то есть специально для нее и ни для кого другого.

После того как гости отдохнули и подкрепились, Сейтенин послал к Аваллаху придворных — пригласить его со свитой на луг. Аваллах согласился, и их провели на лужайку со множеством шатров внутри внешней стены. Вся земля была уставлена шестами, между которыми развесили гирлянды фонарей и флажков. В центре луга стояли большие жаровни с углями, над ними медленно вращали на вертелах целых быков и вепрей, в то время как повара поливали мясо приправленным травами маслом из деревянных кадок.

Посредине внутреннего круга палаток перед скошенной площадкой возвышался помост, а на нем — несколько десятков сидений. Как только повозки остановились на краю луга, несколько мальчиков и девочек в венках и цветных лентах выбежали навстречу. Среди них была и Ливана. Они одарили гостей цветами — Харита получила от новой подруги большой букет, — после чего отбежали и составили хоровод.

Ливана тянула Хариту за собой, та отказывалась.

— Беги с ними, — сказала царица, выталкивая Хариту и забирая у нее цветы. — Ты несколько дней просидела в повозке.

Харита дала Ливане руку, и они присоединились к танцорам. Мальчик снял с головы корону из лент и надел на царевну; забили барабаны, флейты и лиры заиграли нежный напев, и начался танец.

Аваллах спешился, помог Брисеиде сойти с повозки и подвел ее к встречающей коранийской знати. Царя, царицу, Аннуби и других важных гостей пригласили в ближайшую беседку, где уже разливали по золотым ритонам подслащенное вино, с утра охлаждавшееся в роднике.

Четверо царевичей, оставшиеся в седлах, не видели ничего для себя занятного, пока не появились сыновья Сейтенина с луками и мишенями. Царевичи соскочили с коней и присоединились к своим новым друзьям. Каждому не терпелось похвастаться своей меткостью.

Когда золотисто-алый шар Бела склонился к западному краю горизонта, гости и хозяева заняли место на возвышении. Музыканты заиграли на дудочках и тамбуринах, а коранийцы в ярких нарядах представили сцены из далекой древности: Атлант сражается с демиургом Калипсом за только что созданную землю; Посейдон вбивает трезубец в склон священной горы, в то время как его жена, Гея, убивает Сета, дракона, приползшего пожрать их сына Антея; Девкалион и Пирра выходят из ковчега и воздвигают алтарь Белу.

Каждая следующая сценка казалась лучше предыдущей; Харита была готова смотреть всю ночь, если бы не начало смеркаться. С наступлением сумерек зажгли фонари, превратившие луг в зеленое бархатное море, оза-

ренное мягким сиянием трехсот золотых лун. Гостей усадили, подали еду. Длинные столы гнулись под тяжестью дымящихся блюд — здесь были большие куски жареного мяса, рыба в виноградных листьях с ломтиками лимона, горы свежеиспеченных хлебов, корзины со сладкими фруктами с далекого юго-запада, тушеные овощи в булькающих котлах, сладости, тягучее вино.

Аваллаху и его семье выделили почетные места, рядом с ними усадили коранийскую знать, и после долгой череды торжественных тостов начался пир. Харита сидела между Гуистаном и долговязым сыном коранийского первосвященника. Тот все время перегибался через нее, чтобы поговорить с Гуистаном о собачьих бегах, которые, похоже, составляли единственное развлечение коранийской молодежи.

— У меня четыре пса, — говорил сын первосвященника (Харита тут же забыла его имя). — Завтра будут бега, я точно выиграю. Они очень резвые.

— Если они и вправду такие резвые, выстави их на царские бега в Посейдонисе. Туда допускают только самых быстрых.

— Они быстрые, — настаивал юноша, — самые быстрые в Девяти царствах. Когда-нибудь я выставлю их и в Посейдонисе.

— Я предпочитаю скачки, — важно объявил Гуистан.

— У моего дяди есть скаковые лошади, — не хотел уступать собеседник. — Он получает венки и цепи на всех больших состязаниях.

— Как его зовут? — с набитым ртом осведомился Гуистан.

— Каистер. Он очень знаменит.

— Никогда о таком не слышал, — сказал Гуистан.

Юноша засопел и отвернулся. Харите стало его жаль, Гуистан частенько дразнил и ее саму. Она локтем двинула брата в бок.

— Ой! — воскликнул тот. — За что?

— Он просто хотел с тобой поговорить. Ты мог бы вести себя повежливее, — прошептала она.

— Я и вел себя вежливо! — сердито зашипел Гуистан. — Я что, рассмеялся ему в лицо?

Несмотря на выходку Гуистана, пиршество продолжалось. Ночь была заполнена едой, смехом и танцами. Харита ела, пока не почувствовала, что не силах проглотить больше ни куска, потом ушла танцевать с другими юношами и девушками. Они собрались под фонарями и ходили змейкой между шестами и беседками.

Танцоры пели, голоса звучали все громче, змейка двигалась все быстрее и быстрее, пока наконец кто-то не споткнулся и все не повалились

друг на друга. Харита смеялась, лежа на земле, фонари и звезды кружились над ее головой.

Она закрыла глаза и попробовала отдышаться. Смех вокруг стих. Она села. Остальные застыли, неподвижно глядя в темноту. Харита поднялась на ноги.

Что-то темное вырисовывалось чуть поодаль, там, куда не достигал свет фонарей. Оно шло на них. Смолкшие танцоры попятились. Тень приближалась, и вот уже фонари выхватили из мрака руки, ноги, голову и туловище мужчины.

Он не стал подходить ближе, а остался стоять на границе света и тьмы, глядя на танцоров. На уровне его плеча поблескивал холодный желтый отблеск, похожий на горящий кошачий глаз.

Харита похолодела. Она узнала его. Он стоял, не двигаясь, но она чувствовала на себе его невидящий взгляд. Затем он развернулся и ушел так же тихо, как пришел.

Кто-то из старших мальчиков хихикнул и закричал вслед уходящему обидные слова, но тот уже исчез в темноте. Змейка быстро выстроилась вновь, но у Хариты пропало всякое желание танцевать. Она вернулась за стол и просидела там до конца праздника, как Ливана ни уговаривала ее пойти повеселиться.

Луна взошла и теперь качалась на благоуханном ночном ветерке, изливая на землю серебряный свет. Гости насытились едой и весельем и стали собираться во дворец.

Хариту, засыпавшую на ходу, усадили в царскую повозку, она сразу забилась в уголок и закрыла глаза.

— Смотри!

Голос раздавался в самом ухе; Харита зашевелилась.

— Вон... еще, — произнес другой голос.

Харита открыла глаза и подняла голову. Все вокруг смотрели в небо, и Харита тоже устремила взор вверх. Небеса сияли бессчетными звездами; казалось, небесный огонь горит в твердыне богов и просвечивает через мириады выбоин в чаше неба.

И вот глаза ее, привыкшие к темноте, различили звезду, которая пронеслась по небу и упала в море за дворцом. В следующий миг упала другая, затем третья. Харита взглянула на мать и хотела было открыть рот, когда лицо Брисеиды озарилось светом и все разом вскрикнули.

Харита обернулась. Небосвод пылал. Сотни звезд летели к земле, словно небесное пламя сошло ее спалить. Они сыпались и сыпались, рассекая ночь, как горящие ветки, брошенные в темный океан.

— Неужели это никогда не кончится? — воскликнула Харита. Глаза ее горели светом падучих звезд. — Глянь, мама! Должны быть, они упадут все. Это знамение.

— Знамение, — прошептала Брисеида. — Да, великое знамение.

Звездопад кончился так же внезапно, как и начался. Неестественная тишина повисла над землей — как будто вся вселенная ждала, что будет дальше. Однако ничего не произошло. Онемевшие зрители переглядывались, словно спрашивая: "Ты тоже видел? Мне не почудилось?".

Постепенно вернулись ночные звуки, и участники торжества тронулись к дворцу. Однако царица еще долго смотрела в ночное небо, прежде чем сесть с остальными. Харита дрожала и терла ладонью о ладонь, чувствуя, как озноб пробирает до костей.

Повозки проехали по залитому луной лугу к дворцу Сейтенина. Гости медленной вереницей вступили в зал, многие оживленно, хотя и вполголоса обсуждали увиденное. Брисеида обернулась и заметила одиноко стоящего Аннуби. Он смотрел в небо.

— Скоро вернусь, — сказала она спутникам и подошла к нему. — Что ты видел, Аннуби? — спросила она.

Прорицатель отвел взор от неба, и она заметила печаль в его глазах.

— Я видел, как звезды падали с неба в безлунную ночь. Я видел, как огонь бороздил океанские волны.

— Не говори со мной жреческими загадками, — мягко попросила Брисеида. — Ответь мне прямо, что ты видел?

— Царица моя, — отвечал Аннуби. — Я не жрец, а то увидел бы более ясно. А так я увидел лишь то, что мне было дано.

— Аннуби, — упрашивала царица, — уж я-то тебя знаю. Скажи мне, что ты видел?

Он снова взглянул в небо.

— Я видел, как свет жизни погас в пучине.

Царица на миг задумалась, потом спросила:

— Чьей жизни?

— Чьей? — Он смотрел в звездную ночь. — Не знаю.

— Но...

— Ты спросила, что я увидел, — резко сказал Аннуби, — и я ответил. Больше я сказать не могу. — Он круто повернулся и пошел прочь.

Брисеида проводила его глазами и вернулась к своим спутникам.

Аннуби в одиночестве вышел на террасу холма. Он ничего не видел, не слышал, не чувствовал. Ноги его шагали по сумеречным тропам будущего, которое на мгновение приоткрылось ему в мерцании звездопада.

Глава восьмая

Эльфин и его спутницы переехали реку и двинулись по лесной дороге вдоль южного берега, пока не достигли наконец холма перед Абердиви, на плоской вершине которого стояла бревенчатая крепость его отца. Они оставили позади загоны с черными свиньями и бурыми коровами — те поднимали головы, заслышав стук копыт, — миновали легкие — из жердей и соломы — службы и оказались у окруженного рвом каера.

Обитатели Каердиви встретили их неприязненными взглядами — Эльфину здесь явно не обрадовались. Не по душе пришлись его родичам и незнакомые женщины с их малочисленным овечьим стадом.

Тем не менее, когда всадники достигли больших домов в середине каера, за ними следовала немалая толпа любопытных. Гвиддно вышел на порог вместе с Медхир, которая держала на руках маленького Талиесина.

— Приветствую тебя, Эльфин! — крикнул Гвиддно. — Вижу, ты съездил успешно.

— Более чем успешно, отец, — отвечал Эльфин. — Я поехал искать кормилицу, а привез жену.

Под изумленный говор толпы он спрыгнул с лошади и помог спешиться Ронвен.

— Жену! — вскричала Медхир. — Да неужто это правда?

— Истинная правда, — отвечала Эйтне.

Медхир увидела, что с гнедой кобылы слезает ее двоюродная сестра.

— Эйтне! — И Медхир, прижимая к груди ребенка, бросилась к новоприбывшей. — Как же я рада тебя видеть!

Женщины обнялись. Эйтне взглянула на спящего младенца.

— А это, видать, малыш, которого нашел Эльфин?

— Он самый, он самый. — Медхир отогнула край одеяльца, чтобы Эйтне могла разглядеть ребенка.

— Ой, какой пригожий! Эльфин сказал, что мальчик миленький, но не сказал, что такой раскрасавчик. Да я никогда таких хорошеньких не видела.

— То же можно сказать о твоей дочери, — отвечала Медхир, с удовлетворением глядя на молодую женщину. — Маленькая Ронвен, как же давно я тебя не видала. Да, ты уже не девочка: выросла, похорошела, настоящая красавица. — Она обняла раскрасневшуюся Ронвен (Эльфин так и сиял от счастья). — Добро пожаловать к нам.

Талиесин заворочался и закричал. Медхир передала младенца Ронвен:

— Я кормила его, как могла. Он все время голодный.

Ронвен развернула одеяльце и посмотрела на ребенка. Солнечный свет упал ему на лицо. От удивления малыш перестал плакать и, увидев склоненные над ним лица, загукал и заулыбался.

— Только гляньте! — вскричал Гвиддно. — Она его взяла, и он сразу успокоился. Узнал мамочку!

— Он прекрасен, — промолвила Ронвен, не сводя глаз с малыша.

— Так что там насчет женитьбы? — спросил Гвиддно. — Это так неожиданно.

Глядя на собравшихся односельчан, Эльфин произнес:

— Давайте войдем в дом и умоемся с дороги. Тогда я рассажу, что со мною случилось.

Гвиддно приказал двоим расседлать лошадей, и все вошли в дом, оставив зрителей изумленными, но с новой пищей для пересудов. В доме Талиесин снова заплакал. Ронвен унесла его в уголок, на лежанку, и, спустив рубаху с одного плеча, стала кормить грудью. Старухи засуетились у очага. Эльфин, довольно поглядывая на всех троих, начал рассказывать о случившемся в Диганви.

Он говорил в течение всей трапезы, а когда закончил, Гвиддно спросил:

— Как к этому отнесся правитель Киллидд?

— Очень хорошо. Он с радостью согласился, когда я предложил ему дом Эйтне. Он стар и не хочет ссор между нашими кланами. Он говорит, что ему довольно пиктов на севере.

Гвиддно задумался.

— Верно сказано. Меня они тоже тревожат. Наглеют с каждым годом. Они ждут лишь удобного часа, чтобы на нас напасть.

— Не посмеют, пока в Каерсегойнте есть гарнизон.

— Ненадежный мир. Хорошо, что они там, а не здесь. Лучше бы их не было вовсе. — Он помолчал. — И все же они храбрые воины и всегда готовы вступить в бой. Есть ли новости?

— Немного. У них, как и у нас, зима прошла тихо. Киллидд говорит, к ним приезжал трибун, просил людей — оборонять вал. Они отказались — мол, весной люди нужны сеять. Дал взамен лошадей.

Гвиддно кивнул. Помимо ежегодной подати, которую всегда отвозил самолично (чтобы магистраты не забыли, кто платит), он старался как можно реже встречаться с римлянами и почитал за удачу, когда это ему удавалось. Хотя многие правители, как тот же Киллидд, вели с ними торговлю, а иные предводители за серебро участвовали в их походах, сам Гвиддно предпочитал держаться от них подальше. Как-то выходило, что любая сделка оборачивалась к выгоде смуглолицых, оборотистых латинян, а остальные оставались в дураках.

— Итак, теперь насчет свадьбы, — сказал король. — Я весьма доволен.

Он повернулся взглянуть на Ронвен, которая сидела у окна. Ее волосы пламенели в закатном свете, струящемся в узкую щель. Не чувствуя на себе его взгляда, она продолжала кормить младенца.

— Да, — продолжал Гвиддно. — Ты молодец.

— И когда свадьба? — поинтересовалась Медхир.

— Как можно скорее. Завтра, если удастся все подготовить, или послезавтра.

— Закатим свадебный пир! — воскликнул Гвиддно. — Такой, какого свет не видывал!

— Завтра? — начала Медхир, глядя на Эйтне. — Помогай нам Бригитта, завтра никак нельзя, и послезавтра тоже.

— А почему? — спросил Гвиддно. — Как Эльфин решил, пусть так и будет.

— Господин, ты забыл, что Ронвен только что разрешилась от бремени. Они не смогут возлечь вместе по меньшей мере до конца месяца.

— Ничего не поделаешь, — согласилась Эйтне, со страхом поглядывая на Гвиддно и Эльфина.

— Это не свадьба, если молодые не разделят ложа, — неуверенно добавила Медхир.

— Что ж, многие делят ложе задолго до свадьбы, — заметил Эльфин. — У нас будет наоборот.

— Видите? Вы поднимаете шум из-за пустяка. Пусть женятся, — объявил Гвиддно. — Ронвен и Эльфин будут жить здесь, пока не смогут спать вместе в доме, который я для них выстрою.

Эльфин поблагодарил отца, но сказал:

— Я хочу сам выстроить дом. — Он гордо взглянул на Ронвен. — Это будет мой дар жене.

Наскоро договорились о приготовлениях и объявили новость клану. Тут же закипела работа. Рыли ямы для костров, складывали туда хворост; чистили котлы, наполняли их кореньями и брюквой, заливали водой;

охотников с длинными шестами отрядили за дикими кабанами и оленями; резали и свежевали скот; из моря тащили сетями рыбу; на длинном столе из расколотых пополам бревен составляли бочонки меда и эля; пекли особые свадебные хлебы и готовили факелы.

Охваченные праздничной суетой, родичи вскоре позабыли свою неприязнь к Эльфину и теперь смотрели на него с расположением. Как-никак, не каждый день женится королевский сын. А в Гвинедде не было еще властителя щедрее, чем Гвиддно Гаранхир. Никто не сомневался: будет пир горой и каждый наестся вволю.

На следующее утро густые клубы дыма поднялись от костров, и деревня наполнилась ароматом жареного мяса. Ради праздника всех освободили от работы, и люди, разбившись на кучки, продолжали приготовления, болтая и пересмеиваясь. К полудню всадники, отправленные с первыми лучами света во все шесть кантрефов за именитыми соседями и родственниками, начали возвращаться с гостями.

Все они выставляли на общий стол свои — и немалые — подношения: копченое мясо и рыбу, большие белые круги сыра, доставленные на шестах, груды сладких ячменных хлебов, бурдюки с медом и добрым темным пивом, кур и дикую птицу, ягнят и козлят, яйца, масло и крынки со сквашенным молоком. Родич Эльфина, дядя из восточного кантрефа, носивший на шее толстую золотую цепь, привез телегу бурдюков с вином, купленным у гарнизона в Городе Легиона.

Когда солнце начало клониться к закату и все гости прибыли, Гвиддно влез на пирамиду из бочек и громко протрубил в охотничий рог. Народ тут же собрался, и король крикнул:

— Начнем же свадебное торжество моего сына!

И закипело веселье! Эльфин вышел из отцовского дома в ярко-желтой рубахе, мягких кожаных сапожках и зеленых штанах, подвязанных на коленях голубыми шелковыми лентами. За широкий кожаный пояс заткнут украшенный изумрудами кинжал, новый красно-рыжий плед скреплен на плече золотой пряжкой с гранатами, на шее — большая серебряная гривна. Народ расступился, освобождая место, и Эльфин прошел в середину людского кольца.

Следом вышли Медхир с Эйтне и стали по бокам дверного проема — придержать закрывавшие его шкуры. Из дома выступила Ронвен, выпрямилась и медленно вошла в круг. На ней было длинное ярко-зеленое льняное платье, расшитое золотом по подолу и шее. На груди лежало витого золота ожерелье, голые предплечья украшали золотые браслеты в виде змей, другие браслеты позвякивали на запястьях. Ярко-пурпурный шелко-

вый плащ окаймляла бахрома с крохотными серебряными колокольчиками. Талию Ронвен опоясал жемчужный кушак, башмачки из позолоченной кожи поблескивали на солнце. Золотисто-рыжие волосы, заплетенные в длинные косы, убранные белыми полевыми цветами и подколотые драгоценными булавками, волнами ниспадали на спину.

Эльфин смотрел, как она медленно идет навстречу, и понимал, что никогда не видел женщины красивее. Большинство собравшихся тоже обворожила ее красота.

Когда Ронвен встала рядом с Эльфином, к ним вышел Хафган с дубовым жезлом в руках. За ним следовали два его новых филида, один — с глиняной чашей, другой — с кувшином вина. Друид тепло улыбнулся молодым и сказал:

— Сейчас самое благоприятное время для свадьбы. Смотрите! —Он указал жезлом на первую вечернюю звезду, уже сиявшую в безоблачном небе. — Звезда самой богини смотрит вниз и благословляет вас своим светом.

Он взял чашу, наполнил ее вином и воздел сперва к садящемуся солнцу, затем к встающей луне, всякий раз сопровождая свой жест особым свадебным приговором. Потом вручил чашу Эльфину со словами:

— Сие означает жизнь, пей же ее до дна.

Эльфин принял чашу и в три глотка осушил. Хафган вновь налил и с теми же словами протянул чашу Ронвен. Та выпила. В третий раз друид наполнил чашу и вложил в руки молодым.

— Сие означает вашу новую совместную жизнь. Пейте вместе до дна.

Эльфин и Ронвен, отпивая поочередно, осушили чашу. Тем временем Хафган, склонившись, связал узлом полы их плащей.

— Разбейте чашу! — приказал он, когда с вином было покончено. Они подчинились. Чаша упала и разбилась на три большие части. Мгновение друид разглядывал черепки, затем поднял жезл и воскликнул:

— Я провижу долгий и плодоносный брак! Союз, которому во всем будет сопутствовать удача!

— Долгих лет Эльфину и Ронвен! — закричали гости. — Счастья и благополучия их дому!

Круг разомкнулся, Эльфина с молодой женой подвели к длинному деревянному столу, усадили на охапку камыша, накрытую пятнистой оленьей шкурой, и пир начался. Еду подавали на деревянных подносах, и лучшие куски доставались молодым. Огромный серебряный кубок наполнили вином и поставили перед ними. Место нашлось всем. Почетных гостей рассадили за низкими деревянными столами справа и слева от молодых,

сообразно знатности рода, остальных — на расстеленных по земле шкурах и половиках.

За едой много смеялись, говорили громко и оживленно. Наконец, пресытившись яствами, потребовали развлечений.

— Хафган! — весело воскликнул Гвиддно. — Песню! Спой нам, бард!

— Спою, — отвечал друид, — но окажите милость, разрешите мне спеть последним. Пусть начнут мои филиды.

— Ладно, побереги голос, — отвечал Гвиддно, — однако мы ждем твоей песни еще до конца пира.

Ученики достали арфы и начали петь. Они пели старые песни о победах и поражениях, о доблести героев, о любви их жен, о дивной красоте и трагической смерти. И, пока они пели, взошла луна со свитою звезд и вечер сгустился в ночь.

Эльфин взглянул на жену с любовью. Ронвен ответила сияющим взглядом и приникла к мужу, склонилась к нему на грудь. И все, кто их видел, отметили перемену в Эльфине. Казалось, это другой человек.

Когда филиды закончили, народ стал просить Хафгана. "Песню!" — кричали одни. "Сказанье!" — требовали другие.

Друид взял арфу и встал перед столом.

— Что ты хочешь услышать, повелитель?

Он обращался к Эльфину, и все это заметили, хотя Эльфин отверг предложенную ему честь, сказав:

— Решать моему отцу. Уверен, его выбор будет угоден всем.

— Тогда — сказанье, — объявил Гвиддно. — Про героев и волшебство.

Хафган задумался, перебирая струны арфы, потом произнес:

— Что же, послушайте сказанье о Пуйле, князе Аннона.

— Прекрасно! — вскричали слушатели; чаши и кубки вновь наполнились вином, и гости расселись внимать рассказчику.

"Во дни, когда роса творенья была еще свежа на земле, Пуйл правил семью кантрефами Диведа, и семью Гвинедда, и семью Ллогрии. Однажды проснулся он утром в Каер Нарберте, главной своей твердыне, поглядел на холмы, изобилующие всяческой дичью, и замыслил призвать людей и отправиться на охоту. И вот как оно было...".

Звучный голос Хафгана продолжал, знакомая история разворачивалась к удовольствию всех слушающих. Некоторые куски друид излагал нараспев, подыгрывая себе на арфе, как требовал обычай. История была одной из самых любимых, и Хафган повествовал хорошо, на разные голоса изображая героев. Вот его рассказ:

"И вот, та часть королевства, где Пуйл собрался охотиться, называлась Глин Кох, и он немедля поскакал туда со множеством людей, и они скакали дотемна и поспели к тому самому мигу, когда солнце садилось в западное море, начиная путь через Иной Мир.

Они разбили лагерь и легли спать, а на заре следующего утра встали и вошли в леса Глин Коха, и спустили гончих. Пуйл протрубил в рог и, как конь его был самым резвым, поскакал впереди всех.

Он мчался за добычей сквозь чащу и вскоре далеко оторвался от спутников. Вслушиваясь в лай своих собак, он услышал лай чужой своры, несущейся навстречу. Он выехал на опушку и увидел широкую и ровную поляну, а на ней своих собак, которые в страхе пятились от другой своры, гнавшей перед собой великолепнейшего рогача. И вот, пока он смотрел, чужие псы догнали оленя и завалили.

А были эти чужие псы окраса невиданного — сами чистейшей белизной сияют, а уши алые, как жар, горят. И Пуйл поехал на сияющих псов и разогнал их, и пустил на убитого оленя свою свору.

И вот, пока он кормил собак, перед ним возник всадник на огромном сером в яблоках коне, в бледно-сером одеянии и с охотничьим рогом на шее. Всадник подъехал и сказал:

— Сударь, я знаю, кто ты, но не приветствую тебя.

— Что ж, — отвечал Пуйл, — быть может, ты знатнее меня и не должен этого делать.

— Ллеу свидетель! — воскликнул всадник, — не сан мой и не знатность тому помехой.

— Так что же? Поведай, если можешь, — сказал Пуйл.

— Могу и поведаю, — сурово отвечал всадник. — Клянусь всеми богами земными и небесными, это оттого, что ты грубиян и невежа!

— Чем же я тебя обидел? — удивился Пуйл, не знавший за собой никакого проступка.

— Не видал я большей грубости, — отвечал незнакомый всадник, — чем прогнать от оленя свору и пустить свою. Только невежа может так поступить. Однако я не буду тебе мстить, хоть и мог бы, но велю барду опозорить тебя на стоимость ста таких оленей.

— Господин, — взмолился Пуйл, — если я тебя обидел, то готов немедленно загладить вину.

— Как именно? — спросил всадник.

— Как того потребует твоя знатность.

— Так знай, что я — венчанный король земли, из которой я родом.

— Здрав будь, король! Но какой же землей ты правишь? — подивился

Пуйл. — Ибо сам я — король всех здешних земель.

— Я — Араун, король Аннона, — отвечал всадник.

Тут Пуйл призадумался, потому что не к добру это — говорить с существом из Иного Мира, будь то хоть царь, хоть смерд. Однако он уже пообещал загладить свою вину и должен был держать слово, чтобы не навлечь на себя еще больших бед и бесчестья.

— О король, скажи мне, коли желаешь, как с тобой помириться, и я охотно это исполню.

— Слушай, как это сделать, — начал всадник. — Правитель, чье царство граничит с моим, постоянно вторгается в мои владения. Его зовут Гридлуйн Горр, владетель Аннона, и если ты избавишь меня от этой докуки — что будет совсем легко, — то я готов жить в мире с тобой и твоими потомками.

И король произнес древнее заклятье, и Пуйл принял его обличье, так что теперь никто не мог бы их различить.

— Видишь? — сказал король. — Теперь ты — как я с лица и по виду; отправляйся в мое царство, займи мое место и правь, как желаешь, пока не пройдет год и один день, а там снова встретимся.

— Ладно, но если я даже пробуду год на твоем месте, как мне найти твоего супротивника?

— Я и Гридлуйн Горр поклялись ровно через год от сего дня встретиться у брода через реку, разделяющую наши страны. Ты придешь вместо меня и нанесешь единственный удар, от которого ему не оправиться. Но как бы он ни просил ударить еще — не соглашайся, невзирая на все его мольбы. Ибо я часто с ним бился и много нанес ему смертельных ударов, но он на следующий день снова оказывался целехонек.

— Хорошо, — сказал Пуйл, — я сделаю, как ты говоришь. Но что тем временем будет с моим королевством?

И король Иного Мира произнес другое древнее заклятье и принял обличье Пуйла.

— Видишь? Теперь никто в твоем королевстве не узнает, что я — не ты, — сказал Араун. — Я буду на твоем месте, как ты — на моем.

И они оба отправились в путь. Пуйл заехал в царство Арауна и наконец добрался до самого его двора — палат, домов, покоев и зданий, красивей которых ни разу в жизни не видел. Слуги встретили его, помогли снять охотничий наряд и облачиться в тончайшие шелка, а затем проводили в большой покой, куда тотчас вступила большая дружина — отменней он никогда не видел. А с дружиной и королева — писаная красавица, в платье переливчатого золота, с волосами цвета спелой пшеницы в яркий солнечный день.

Королева села по правую руку от него, и они завели разговор. Пуйл нашел ее самой нежной, заботливой, доброй и милой женщиной. Сердце его растаяло, и он возмечтал найти себе королеву хоть вполовину столь благородную. Они провели время в приятных беседах, за вкусной трапезой и питьем, песнями и всяческими забавами.

Когда же пришло им время почивать, Пуйл с королевой вместе взошли на ложе, но, едва они легли, он повернулся лицом к стене, да так и проспал ночь. И так продолжалось весь год. Днем между ними были ласковые слова и нежное обращение, и все же каждую ночь он поворачивался к ней спиной.

Весь год Пуйл пировал, охотился и справедливо правил королевством Арауна, пока не пришла ночь поединка с Гридлуйном Горром — поединка, о котором помнили даже в самых далеких уголках страны. И вот Пуйл прибыл в назначенное место, сопровождаемый благороднейшими людьми королевства.

Едва они подъехали к переправе, появился всадник и громким голосом объявил:

— Слушайте, люди! Это поединок между двумя королями и только между ними. Каждый из них претендует на земли своего соперника, посему разойдемся и пусть сражаются между собой.

Два короля сошлись на середине брода. Пуйл размахнулся копьем и ударил Гридлуйна Горра в середину щита, так что щит раскололся, а Гридлуйн Горр перелетел через конский круп и рухнул на землю с глубокой раной в груди.

— О король, — вскричал Гридлуйн Горр, — не знаю, за что ты хочешь меня убить, но, раз начал, именем Ллеу заклинаю — добей меня!

— Сударь, — отвечал Пуйл, — я раскаиваюсь в том, что сделал тебе. Пусть тебя прикончит кто-то другой, а я отказываюсь.

— Верные мои сподвижники! — вскричал Гридлуйн Горр, — унесите меня; смерть моя пришла, не быть мне вам больше опорою.

Тут тот, кто был в обличье Арауна, обернулся к благородным мужам, собравшимся вокруг, и сказал:

— Братья! Разочтитесь между собой и решите, кто из вас мне покорится.

— Король! — вскричали те, — все мы тебе покорны, и нет в Анноне иного короля, кроме тебя.

И он принял свидетельства их верности и вступил во владение спорными землями. К полудню следующего дня он объединил оба королевства под своей властью и отправился на условленное место. Приехав в Глин

Кох, он нашел Арауна, короля Аннона, который его дожидался. И оба они обрадовались встрече.

— Да вознаградят тебя боги за твою дружбу, — сказал Араун. — Я слышал все о твоих свершениях.

— Да, — отвечал Пуйл, — когда ты достигнешь своих владений, то увидишь, что я для тебя сделал.

— Знай же, — сказал Араун, — за свою дружбу ты можешь взять из моего королевства, что пожелаешь.

И Араун вновь произнес древнее заклятье, и каждый король обрел свой прежний вид, и оба отправились в свои королевства. Когда Араун прибыл к своему двору, то возрадовался, узрев собственную свиту, дружину и красавицу-королеву, с которыми не виделся целый год. Они же ничего не знали о разлуке и ничего необычного в нем не заметили.

День он провел в забавах и увеселениях, за разговорами с женой и советниками. Когда же пришло им время почивать, они с королевой вместе взошли на ложе. Араун поговорил с супругой, приласкал ее и возлег с нею. За весь год не видела она такого обращения и потому подумала про себя: "Удивительно, сегодня он совсем не такой, как весь прошлый год".

И она размышляла об этом долгое время и все еще пребывала в раздумьях, когда Араун проснулся и заговорил с ней. Когда она не ответила, он обратился к ней во второй раз и в третий, говоря:

— Жена, отчего ты молчишь?

— Скажу тебе правду, — промолвила она, — отвыкла я говорить с тобою на ложе.

— Госпожа моя, — удивился он, — мне казалось, мы говорили каждый вечер...

— Стыд мне и позор, — отвечала она, — если с той минуты, как мы ложились, между нами было сказано хоть словечко или ты хоть раз повернулся ко мне лицом — не говоря уже о чем другом! — за весь прошедший год.

"Боги земные и небесные, — подумал Араун, — с каким редким человеком я подружился. Столь крепкая и неколебимая дружба должна быть вознаграждена". И он рассказал жене обо всем, что с ним приключилось.

— Сознаюсь, — сказала она, когда он закончил, — ты и впрямь сильно доверяешь своему другу.

Тем временем Пуйл прибыл в свое королевство и начал расспрашивать приближенных, как они поживали в прошлом году.

— Король и повелитель, — отвечали они, — вы были проницательны, как никогда прежде, а также добры, любезны и щедры к своему народу. По

правде сказать, ваше правление никогда не было таким благотворным, как в этот год. Посему мы благодарим вас от всего сердца.

— Не меня благодарите, — отвечал Пуйл, — а того, кто был все это время на моем месте. — Он увидел изумленные взоры и обо всем рассказал.

И вот за то, что он год жил в Ином Мире и так успешно им правил, и за то, что доблестью своей объединил два королевства, он прозывался с тех пор Пуйл Пен Аннон, что значит Пуйл Государь Иного Мира.

А хотя он был молод и пригож, у него не было королевы. И помнил он прекрасную госпожу, королеву Иного Мира, и тосковал по ней, одиноко прогуливаясь между холмов вокруг своего двора.

Однажды в сумерках он стоял на вершине кургана и глядел на свое государство, когда перед ним появился некий муж и сказал:

— На этом месте лежит заклятье: если кто посидит на нем, то либо получит смертельную рану и умрет, либо узрит чудо.

— Что ж, тоска меня так извела, что мне все равно, умру я или буду жить, а чудо, может, меня и развеселит. Я сяду на этом кургане, а там будь что будет.

Пуйл сел, и муж исчез, а перед ним предстала женщина на великолепном белом коне, бледная, как луна, когда та встает над спелыми нивами. Женщина была в платье из тонкого льна и блистающего золотого шелка и ехала к нему ровным и уверенным шагом.

Он спустился с кургана навстречу ей, но, едва достиг дороги у подножия холма, как она повернула и поскакала прочь. Пуйл бросился вдогонку, но, чем быстрее он бежал, тем дальше она оказывалась. Он опечалился и вернулся в свой каер.

Однако всю долгую ночь он размышлял о виденном и сказал себе: "Завтра вечером я возьму самого быстроногого коня в своем королевстве и снова сяду на этом кургане". Так он и поступил, и вот, когда он сел, вновь появилась женщина. Пуйл вскочил в седло и, пришпорив коня, поскакал к ней. И хотя дама ехала мерным и важным шагом, когда Пуйл достиг подножия, она была уже далеко. Королевский конь летел, как ветер, но, чем быстрее он скакал, тем дальше оказывалась всадница.

Пуйл очень удивился и сказал: "Клянусь Ллеу, без толку преследовать эту даму. Во всем королевстве нет более резвого коня, однако мне не удалось приблизиться к ней ни на шаг. Не иначе как здесь какая-то загадка". И сердце его преисполнилось такой горечи, что он закричал, будто от сильной боли:

— Девица, ради того, кого любишь сильнее всех, погоди!

Тут же всадница остановилась и повернулась к нему, отбросив с лица шелковое покрывало. И была она прекраснее всех смертных женщин, прекраснее цветущей весны, прекраснее первого зимнего снега, и летнего неба, и золота осенней листвы.

— С радостью подожду тебя, — отвечала она, — а если бы ты попросил раньше, твой конь так не умаялся бы.

— Госпожа, — почтительно сказал Пуйл, — откуда ты? И, если можешь, открой мне, куда путь держишь?

— Сударь, — отвечала она весьма учтиво, — я еду по своему делу и рада тебя видеть.

— Приветствую тебя, коли так, — отвечал Пуйл, думая, что красивейшие девицы и дамы, которых он видел, — дурнушки по сравнению с ней. — Дозволь спросить, какое твое дело?

— Дозволяю. Первое мое дело — найти тебя.

Сердце у Пуйла подпрыгнуло.

— По мне, это самое замечательное дело. Однако не скажешь ли, кто ты такая?

— Скажу, — отвечала девица. — Я — Рианнон, дочь Хэфайдда Старого, и меня отдают замуж против моей воли. Ибо до встречи с тобой я не желала ни одного мужа и, если ты меня отвергнешь, никогда никого не полюблю.

Пуйл не верил своим ушам.

— Дивное создание, — сказал он, — если бы мне предложили выбрать из всех женщин этого мира и других, я бы обязательно выбрал тебя.

Девица улыбнулась, и глаза ее засветились счастьем. Пуйлу показалось, что сердце его сейчас разорвется.

— Что же, коли таков твой ответ, — сказала она, — обещай разыскать меня до того, как меня отдадут замуж.

— Обещаю, — сказал Пуйл, — и чем быстрее, тем лучше.

— Сударь, — продолжала девица, — приезжай ко двору моего отца, когда он задаст пир, и потребуй меня в жены.

Пуйл пообещал так сделать. Он вернулся к себе, созвал дружину, и к исходу дня они добрались до двора Хэфайдда Старого. Пуйл приветствовал Рианнон и ее отца и сказал:

— Сударь, пусть это будет свадебный пир, ибо как правитель этой страны я требую в жены твою дочь, коли она согласна.

Хэфайдд Хен сильно нахмурился, но ответил:

— Ладно, будь по-твоему. Мой двор в твоем распоряжении.

— Тогда начнем пир, — сказал Пуйл и сел рядом с Рианнон.

Но не успели они сесть, как за дверьми послышался шум и в зал вошел могучий, благородного вида муж в богатом наряде. Он подошел к Пуйлу и приветствовал его.

— Добро пожаловать, друг, садись с нами, — сказал Пуйл.

— Не могу, — отвечал тот. — Я проситель и должен прежде исполнить свое дело.

— Так исполняй.

— Дело мое к тебе, государь, я пришел с просьбой.

— Так проси, и если в моих силах тебе помочь, я с радостью это выполню, так как сегодня у меня счастливый день.

— Нет! — вскричала Рианнон. — Зачем ты так сказал?

— Он уже дал ответ перед всем двором, — засмеялся незнакомец, — и теперь должен держать слово.

— Друг, если ты друг, скажи, в чем твоя просьба, — промолвил Пуйл, и сердце его упало.

— Ты, государь, хочешь возлечь сегодня с девицей, которую я люблю больше всего на свете, и я прошу: пусть она станет моей женой, а этот пир — моим свадебным пиром!

Пуйл молчал, не в силах молвить ни "да", ни "нет".

— Сколько ни молчи, — воскликнула в сердцах Рианнон, — ты можешь дать только один ответ!

— Госпожа, — жалобно молвил Пуйл, — я не знал, кто это такой.

— Это тот, за кого меня хотели отдать против моей воли, — сказала она. — Его зовут Гуал, сын Клида, и теперь ты должен сдержать слово, дабы не навлечь на себя еще худших бед.

— Как же я сдержу слово, если это меня убьет?

— Может быть, выход есть, — сказала она и зашептала ему на ухо.

— Я тут состарюсь, ожидаючи, — сказал Гуал.

Пуйл просветлел лицом и сказал:

— Больше тебе ждать не придется. Как ни горько это мне, ты получишь, что просил.

И он встал и вышел из зала вместе с дружиной.

Гуал громко насмехался:

— Воистину, свет еще не видывал такого глупца. — И он сел на место Пуйла рядом с прекрасной Рианнон и сказал: — Пусть начнут мой свадебный пир. Сегодня ночью я возлягу с моей нареченной.

Но не успели подать яства, как в дальнем конце зала послышался шум.

— Кто там шумит? — спросил Гуал. — Приведите его сюда, я с ним разберусь!

Слуги вытащили вперед нищего в лохмотьях.

— Ха! Гляньте на него! — воскликнул Гуал. — Что ты здесь делаешь, оборванец?

— Если угодно, сударь, у меня к вам просьба, — сказал нищий.

— Что у тебя за просьба, которую я не мог бы исполнить одним пальцем ноги?

— Просьба нетрудная, — сказал убогий. — Дай мне маленький мешочек еды. Только от великой нужды тебя прошу.

— Бери, — горделиво отвечал Гуал. Он заметил на поясе у Рианнон маленький кожаный мешочек. — На, — рассмеялся он, — наполни его, чем хочешь.

Нищий взял мешочек и стал складывать в него еду, но, сколько ни клал, мешочек не наполнялся. Гуал в нетерпении махнул слугам, чтобы те помогли, но мешочек оставался пустым.

— Слушай, попрошайка, неужели твой мешочек никогда не наполнится? — сердито спросил Гуал.

— Не наполнится, пока ты, господин, не встанешь, не примнешь его ногой и не крикнешь: "Довольно!".

— Давай, Гуал, и покончим с этим, — сказала Рианнон.

— С радостью, если это поможет нам избавиться от попрошайки.

Гуал поднялся и поставил ногу на мешок. Тут нищий так его дернул, что Гуал полетел в мешок вниз головой, а нищий тут же затянул ремешок. Из-под лохмотьев он вытащил охотничий рог, громко протрубил, и тут же в зал вбежала боевая дружина. Нищий сбросил лохмотья и оказался Пуйлом Пен Анноном.

— Помогите! — кричал Гуал из мешка. — Что за игру вы затеяли?

— Игра называется "барсук в мешке", — отвечал Пуйл, а его воины принялись осыпать мешок пинками и побоями.

— Сударь, — сказал Гуал, — послушай. Недостойная это смерть для меня — быть убитым в мешке.

Тут выступил вперед опечаленный Хэфайдд Старый и сказал:

— Государь, он говорит правду. Недостойная это смерть для мужа — быть убитым в мешке. Выслушай его.

— Слушаю, — сказал Пуйл.

— Тогда позволь мне с тобой примириться, — сказал Гуал. — Назови твои условия, и я соглашусь.

— Ладно, обещай, что не будешь мне мстить, и побои прекратятся.

— Обещаю, — сказал Гуал из мешка.

— Согласен, — отвечал Пуйл и велел дружинникам выпустить его.

И Гуала выпустили из мешка, и он отбыл в свое королевство. Снова принесли яства, и начался свадебный пир. Все ели и веселились, а когда пришло время почивать, Пуйл и Рианнон взошли на свадебное ложе и провели ночь в ласках и удовольствиях.

На следующее утро они вернулись в Каер Нарберт, где семь дней продолжался пир, на котором присутствовали знатнейшие мужи и жены королевства. И никто не ушел без подарка, будь то пряжка, или кольцо, или самоцветный камень.

Так началось правление Пуйла и Рианнон, прекраснейшей из прекрасных, и на этом заканчивается эта ветвь Мабиногион".

Последние отзвуки арфы смолкли в ночном воздухе, и бард склонил голову. Костры догорали, еле-еле светили факелы. Многие из гостей закутались в шкуры и заснули прямо за столами или вытянулись у огня.

— Славно спето, Хафган, — произнес Гвиддно, сонно глядя на лежащих гостей. — Ты лучший из бардов. Но на сегодня довольно. Давайте отдохнем, ибо пир продолжается и завтра мы услышим другое сказание.

С этими словами Гвиддно завернулся в шкуру, свернулся у костра и заснул. Эльфин и Ронвен встали, забрали олений мех и тихо проскользнули в дом Гвиддно, где вместе опустились на лежанку из свежего тростника и заснули в объятиях друг друга.

Глава девятая

— Уже поздно, а тронуться надо будет засветло, — сказал Сейтенин. Голос его гулко отдавался в полупустом покое. Тяжелые кипарисовые балки терялись в высоте потолка, богато украшенные стены блестели в свете качающихся медных светильников, и казалось, что комната заполнена подвижными тенями. — Скажите, что открыла вам ваша мудрость.

Три жреца стояли перед царем, одетые в пышные церемониальные одежды — длинные белые хитоны с поясами из витого серебра и изумрудного цвета хламиды, отделанные серебряной бахромой. Их бритые головы покрывали высокие белые колпаки. Все они слегка улыбались и осеняли себя знаком Солнца. Аваллах сидел подле Сейтенина; Аннуби стоял за спиной своего повелителя, сузив глаза и положив руки на спинку кресла.

— Государь, — произнес жрец, стоявший впереди других. — Мы прочли в храме положенный текст, посовещались между собой и решили, что это благоприятнейшее знамение: оно обещает процветание всем, кто его видел.

— Объясните, — сказал Сейтенин. — Я хочу знать подробнее.

— Как пожелаете, — с кислой улыбкой отвечал жрец. — Мы считаем, что звездопад означает небесное семя, которым Хронос оплодотворил Океан. От него родится новая эра, в которой Девять царств будут мудро и справедливо повелевать миром.

— Да будет так, — произнес другой жрец, кланяясь. Колпаки согласно закивали.

— Когда же это случится? — спросил Сейтенин.

— Вскоре. Как и при рождении человека, будут знамения, по которым мы сумеем точнее определить время, и тогда объявим народу.

Сейтенин взглянул на Аваллаха и сказал:

— Прошу, говори, если желаешь. Вижу, ты не удовлетворен ответом.

— Ты проницателен, Сейтенин, — сказал Аваллах. — Я не удовлетворен, поскольку слышал, что знамение это отнюдь не столь благоприятно,

как внушают нам эти ученые люди. Скорее оно сулит огромные бедствия. — Он посмотрел жрецу прямо в лицо. — Что ты на это ответишь?

Жрецы сразу подобрались — как, в их искусстве посмели усомниться? — и напыжились.

— Кто тебе это сказал? — спросил первый жрец, глядя на Аваллаха. В его голосе сквозило презрение.

Аваллах сверкнул глазами, но сдержал гнев.

— Я жду ответа на свой вопрос, — сказал он.

Жрецы нагнулись друг к другу и зашептали. Наконец они выпрямились и старший сказал:

— Государь, это трудно объяснить тому, кто не сведущ в искусстве пророчества.

— А вы попробуйте, может, я не так глуп, — промолвил Аваллах. — Во всяком случае, я хочу слышать ваши доводы.

Жрец беззвучно выругался, но начал объяснять.

— Мудрым ведомо, что из всех земных и небесных знамений наиболее благоприятны являемые в расположении звезд. Мы знаем, что небесные Дома, чрез кои проходят звезды...

— Да, да, — нетерпеливо перебил Аваллах. — Можешь это пропустить. Я не тупица.

— Если говорить упрощенно, небеса представляют собой совершенный порядок, к которому стремится все земное. Поскольку звезды падали из Дома Случая, проходя через Дом Царей, следует ожидать притока благ, особенно для царствующих семей. Звездопады обычно сулят удачу. Об этом есть упоминания в священных текстах — так много, что долго было бы их перечислять, но все они подтверждают наш взгляд. — Жрец развел руками, показывая, что такое внятное объяснение убедит всякого здравомыслящего человека.

Однако Аваллах не удовлетворился.

— А разве не верно, что у счастливого знамения есть близнец?

Жрец, похоже, удивился.

— Да, конечно, верно. Для многих знамений возможно двойное толкование.

— И разве не правда, что близнец удачи — опасность?

— Да, правда.

— И разве не правильно, что знак у опасности и удачи на самом деле один?

— Они близнецы, государь. Ты прав.

— Не близнецы, — настаивал Аваллах. — Это один знак.

— Да, — чересчур осторожно сказал жрец. — Однако священные тексты говорят ясно: звездопад следует толковать только в благоприятном смысле.

— Почему?

— Потому что так было всегда.

— Вы хотите сказать, потому что за таким знамением никогда не следовало ничего дурного?

— Именно так, — отвечал жрец; его собратья самоуверенно закивали.

— По-моему, неразумно утверждать, что какого-то события не будет просто потому, что такого не бывало прежде. Все когда-то случается в первый раз.

Жрец захлебнулся от возмущения и обратился за поддержкой к Сейтенину:

— Государь, если ты недоволен, отошли нас прочь. Однако я уверен, что мы вникли в это дело самым тщательным образом.

Сейтенин примиряюще поднял руку.

— Я, со своей стороны, вполне удовлетворен. Однако, возможно, вы согласитесь рассмотреть вопрос, поставленный Аваллахом? Мне кажется, это не повредит.

— Как пожелаете, — ответил жрец.

Все трое разом повернулись и вышли. Казалось, воздух наэлектризован их возмущением.

Когда дверь за ними затворилась, Сейтенин повернулся к Аваллаху и сказал:

— В том, что ты говорил, безусловно, есть зерно истины. Однако я удовлетворен ответом жрецов. Считаю, что им виднее.

— Я не согласен и буду оставаться начеку.

— Если ты встревожен, оставайся. Но... — Сейтенин положил руки на подлокотники и резко встал, — завтра мы уезжаем, и нас обоих ждут жены. Предадимся более приятным занятиям. — Он двинулся к двери.

— Я надолго не задержусь, — сказал Аваллах. — Доброй ночи.

Сейтенин закрыл дверь, звук его шагов затих в коридоре.

— Ну? — Аваллах встал и повернулся к прорицателю. — Что ты скажешь?

Аннуби покосился на дверь.

— Они напуганы. Слова их по большей части — ложь. Ложь и глупость. Ты был прав, что возразил им, но, боюсь, теперь они и вовсе упрутся насмерть. Ученым людям нелегко сознаться в своем невежестве.

— Напуганы? С чего бы это? Может быть, они знают больше, чем говорят?

— Как раз наоборот: они знают меньше, чем кажется из их слов. Они просто не знают, как толковать звездопад, и скрывают свое неведение за приятной для слуха ложью. — Аннуби фыркнул. — Они говорят о случаях, описанных в священных текстах, хотя прекрасно знают, что знамения такой силы чрезвычайно редки.

— Странно. Зачем им это? Разве не лучше выказать излишнюю осторожность?

Аннуби отвечал с презрением:

— Чтобы все увидели, как они несведущи? Нет, чем разочаровывать людей или могущественного покровителя, лучше наплести сладкой чепухи, которую проглотят за милую душу!

Аваллах изумленно покачал головой.

— Ничего не понимаю.

— Они разучились читать знамения, — объяснил Аннуби дрожащим от ярости голосом. — Они не могут признаться в этом никому, даже себе. Они забыли, если когда и знали, что призваны служить, а не править!

— И потому, не обладая знанием, говорят громко, чтобы заглушить несогласных. — Аваллах помолчал и добавил: — Если отрешиться пока от этого, как насчет знамения? Ты по-прежнему считаешь его грозным?

— В высшей степени грозным. Я в этом ни на йоту не сомневаюсь.

— Что Лиа Фаил? Можно ли ждать помощи от него?

— Да, конечно. В свое время. Однако он мал, силы его, как ты знаешь, невелики. Впрочем, он поможет нам различить более близкие события.

— Тогда буду доверять ему и тебе, Аннуби. А сейчас, раз ничего пока поделать нельзя, предлагаю пойти лечь.

В этот миг вошли два мальчика со щипцами для снятия нагара. Они увидели важных особ, торопливо поклонились и попятились к дверям.

— Входите! — крикнул Аваллах. — Мы уже закончили. Поберегите лампы для завтрашнего вечера.

Два царя со своими свитами выехали из дворца Сейтенина и взяли путь на восток к Посейдонису. Дни были ясные и теплые, дорога — широкая и хорошо вымощенная, общество — веселое, так что путешествовать было одно удовольствие. Обитателей придорожных городов заранее извещали о приближении высоких гостей, и они высыпали на улицы приветствовать путников.

В первую ночь остановились у самой дороги на клеверном поле. На следующую — возле города, чьи жители задали роскошный пир, на котором угощали местной едой и напитками, прославленными по всей

Корании. Еще две ночи провели в благоуханном кедровом лесу; на пятую гостили в поместье одного из вассалов Сейтенина, который для такого случая устроил состязание всадников.

Путь продолжался. Ехали полями и лесами, по пологим холмам и широким, плодородным долинам, где паслись дикие лошади и буйволы. И вот к полудню двенадцатого дня добрались до царской дамбы, ведущей к столице. Повозки и колесницы прокатились по лесистым горкам и по мостам над бурными речками, сотрясавшимся от цокота конских копыт. Когда же солнце позолотило нижнюю часть неба, путники выбрались наверх и остановились полюбоваться на широкую котловину, вместившую город царя царей.

Посейдонис был огромен; собственно, он представлял собой город в городе, потому что сам дворец Верховного царя не уступал иной столице — идеальный круг поперечником в тысячу стадий, подобие священного солнечного диска. Круг рассекал канал, идущий от храма Солнца к морю, — такой широкий, что в нем могли разминуться три триремы, прямой, как древко копья, и облицованный камнем на всем своем протяжении.

Прямой канал пересекали три других, образующих как бы вложенные друг в друга кольца. Царские покои входили в ансамбль огромного храма, занявшего весь срединный остров. Через идеально концентрические каналы были перекинуты горбатые мосты, под которыми легко проходили грузовые суда.

Город окружала исполинская внешняя стена из белого камня, на которой через равные промежутки высились островерхие башенки. В башнях были литые ворота, в каждой из своего металла — бронзы, чугуна, меди, серебра, золота, орихалька. Через эти ворота въезжали с товарами купцы из всех Девяти царств и даже из дальних стран. Если не считать ворот и длинного канала, ведущего в порт, белый каменный занавес тянулся без единого зазора.

А вдали беловерхой пирамидой высилась гора Атлант; холодная и неприступная, окутанная белым одеянием облаков, она упиралась в ясный и чистый небесный свод. Священная гора богов возвышалась над городом, напоминая всем живущим в ее тени, что боги, как и гора, выше всех, далеки, бесстрастны, не проронят ни слова, но все видят и за всем наблюдают.

Все это Харита успела разглядеть за время недолгой стоянки. Она много раз слышала восторженные рассказы путешественников, но и помыслить не могла, что столица настолько огромна, настолько подавляет воображение. Повозка катилась вниз, а Харита все смотрела и смотрела на сверкающие стены и крыши.

Трубачи на высоких башенках внешней стены заметили царский поезд, и звонкие фанфары возвестили приближение гостей. Всадники в цветах Верховного царя вылетели на людные улицы — расчищать путь. Повозки проехали в ворота и покатили по улице Портиков, названной так потому, что ее обитатели — богатые купцы — украсили фасады своих огромных домов длинными, высокими, многоцветными колоннадами, увенчанными перекрытиями для защиты от палящего солнца.

Повозки проехали по улице, через ворота, между высоких стен, мимо людных торговых рядов, звенящих голосами продавцов и покупателей. Харита мельком видела черных волов и желтовато-бурых верблюдов, навьюченных заморским добром, и даже раскрашенного слона, прикованного цепью к колонне. В воздухе висел тяжелый аромат специй и благовоний, верблюды кричали, собаки лаяли, дети визжали, разносчики предлагали товар. Куда ни глянь, поблескивал бесценный орихальк — желтая медь. Казалось, весь город выкован из этого металла богов, так сиял он в яростном свете Бела. Череда повозок проползла через крикливые торговые кварталы и наконец выехала на пересечение с Дорогой процессий — широкой, ровно вымощенной улицей, ведущей прямиком к храму-дворцу Верховного царя.

Здесь повозки понеслись быстро и вскоре въехали на высокий изогнутый мост через первый канал. Вдоль перил выстроились знамена Девяти царств, и под каждым стоял воин с длинным щитом и серебряным копьем.

Процессия прогромыхала по мосту и оказалась в первом из внутренних колец. Здесь в высоких, узких домах из белого глазурованного кирпича жили над своими мастерскими царские ремесленники — кузнецы, ткачи, гончары, резчики по дереву, столяры, плотники, штукатуры, каменщики, красильщики, шорники, тележники, сапожники, свечники, мастера, делающие лютни и лиры, валяльщики, чеканщики, литейщики, жестянщики, медники, горшечники, кожевники и стекольщики.

Булыжная мостовая чуть подрагивала от идущих рядом тяжелых работ, воздух, наполненный пылью и копотью, звенел от стука бесчисленных молотов, молотков и молоточков, бьющих по камню, дереву и металлу. Как и воины на мосту, здесь все были в цветах Верховного царя — длинных зеленых рубахах с широкими серебряными воротами и в синих штанах.

Процессия проехала первое кольцо домов и оказалась перед вторым круговым каналом. Этот мост, как и первый, представлял собой две высокие башни по двум сторонам канала, соединенные крытым перехо-

дом, с которого можно было спустить ворота. На древках развевались знамена Девяти царств, под ними стояли воины в парадных доспехах — шлемах в форме улитки, кирасах в форме раковины гребешка и с такими же щитами.

За мостом началось второе внутреннее кольцо, которое после первого показалось могильно тихим: это была обитель жрецов, которые служили в храме Верховного царя или учили в храмовых школах. И здесь дома были сложены из обливного кирпича, но уже голубого; у всех были узкие окна и двери с закругленным верхом. Венчали их обнесенные перилами куполалуковки. Между домами были рассеяны многочисленные круглые башни с наружными винтовыми лестницами, однако заканчивались они не куполами, а ровными площадками, с которых жрецы при помощи своих инструментов изучали ночное небо.

Над этим кольцом висела плотная голубая дымка — повсюду курился благовонный фимиам, ибо на каждом углу, в каждом закутке или аллее стояли жрецы, вдыхали дурманящий дым или вглядывались в камни прозрения. Паломники из всех Девяти царств стекались сюда за благословением и советом, а главное — в надежде узнать свое будущее из уст мудрейших и святейших людей земли.

Повозки пересекли второе кольцо и оказались перед третьим, последним мостом. Он был из камня, и вдоль его перил шли изваяния прежних Верховных царей. Над мостом возвышался дворец — блистающая многоярусная гора, венчаемая длинным обелиском. Обелиск этот, высеченный из исполинского кристалла топаза, на восходе солнца вспыхивал золотым огнем.

Массивные квадратные основания завершались куполами из желтой меди, башенки и ротонды упирались в небо золотыми маковками, исполинские колонны стояли ровными рядами, поддерживая крыши и портики, а над всем величественно вздымались высокие башенки с позолоченными верхушками. Никто не взялся бы счесть покои и галереи; каждый ярус украшали роскошные сады; фонтаны и водопады блестели на солнце.

Процессия проехала под огромной аркой и оказалась в первом непомерно огромном дворе, где рядами застыли в ожидании слуги. Не успели путники сойти с повозок и колесниц, как те уже бросились разгружать царскую поклажу и на головах тащить ее во дворец. Со всех сторон зазвучала музыка — это из-за колонн выступили музыканты и двинулись приветствовать гостей.

Заметно опережая музыкантов, шагал высокий человек во всем зеленом. В руке он держал жезл из слоновой кости с золотым набалдашником.

— Это сам Верховный царь? — шепотом спросила Харита.

— Нет, это его управитель, — отвечала мать. — Он проводит нас во дворец и представит Верховному царю.

Управитель низко склонился перед царями, тихо к ним обратился, и все поднялись по ступеням и прошли через колоннаду во дворец. Харита, которой казалось, что даже у самого Бела не может быть такого величественного дворца, ступала на цыпочках, словно боясь прикоснуться ногою к мрамору.

Они вошли в первый зал, и управитель перепоручил их слугам, сказав:

— Вам приготовлены покои. Вы захотите отдохнуть с дороги. Верховный царь ждет вас с нетерпением и примет сегодня вечером в чертоге Океана. Вас проводят, когда подойдет время. — Он величаво кивнул. — До той поры, если вам будет чего-нибудь недоставать, зовите слуг.

Аваллаха с родными и челядью провели бесчисленными коридорами в открытый портик, за которым начинались двухъярусные покои.

— Ваши — верхние, государь, — объяснил слуга. — Нижние — для вашей свиты. Сам я буду здесь, — он указал на боковую дверцу. — Вы ни в чем не будете иметь нужды. Моя обязанность — исполнять любые ваши желания.

С этими словами он проводил их в комнаты и тихо удалился.

Харита привыкла к роскоши и богатому убранству, однако, войдя в отведенный ей покой, задохнулась от восторга: всюду, куда ни глянь, прохладные переливы шелка и богатый, теплый блеск сандалового дерева и тика. Она пронеслась по комнате, трогая все подряд, и выскочила к белой мраморной балюстраде маленького балкончика.

— Глянь, мама, ты когда-нибудь видела такой чудесный сад?

Брисеида вышла на балкон и увидела пышную зелень в самом разгаре цветения. Тенистые дорожки вились вдоль ручейков, берущих начало от мягко плещущих, обсаженных цветами прозрачных ключей.

— Замечательно, — согласилась мать. — Даже красивее, чем мне помнилось.

— А вот еще, — радовалась Харита, — моя собственная лесенка, чтобы я могла спуститься в сад, когда захочу. — Она взглянула на огромный сияющий купол над рощей акации как раз напротив балкона. — Что это? Главный храм?

— Нет, это зал Совета, в котором заседает Великий Совет.

— Я хочу пойти посмотреть на него! Я хочу видеть все!

— Скоро все увидим, — рассмеялась Брисеида. — Точно знаю, что занятий тебе хватит до самого отъезда. Давай же... — Она легонько подтол-

кнула дочь в комнату. — Смотреть будем потом. Сейчас нужно помыться и переодеться. Нужно быть готовыми к тому времени, когда нас придут звать.

Харита медленно вступила в комнату и тут же просветлела, заметив небольшую ванну, заранее наполненную душистой водой. Она тут же разделась и залезла в ванну.

— Ой, как здорово! — прошептала она, погружаясь в теплую воду.

— Ладно, купайся, — сказала мать. — Я пришлю Илеану тебя одеть.

— Я могу одеться сама, — отвечала Харита, плещась в плавающих лепестках.

— Волосы не намочи! — предупредила мать. — Мы будем обедать с Верховным царем в обществе остальных царей и их семейств; ты должна выглядеть как можно лучше. Илеана тебя оденет.

Когда служанка вошла, Харита еще нежилась в ванне.

— Если угодно, царевна, встань, и я тебя вымою, — сказала Илеана, присаживаясь на мраморный бортик.

— Я уже вымылась, — отвечала Харита, вставая. — Можешь вытирать.

Она вылезла из воды, и служанка завернула ее в широкое льняное полотенце.

— Царица выбрала для тебя голубое платье.

— Я хочу надеть зеленое.

— Царица велела следовать ее выбору.

Харита высокомерно пожала плечами и позволила надеть на себя голубое платье. Затем Илеана завила ее и причесала, а локоны убрала голубыми и белыми шелковыми лентами. На ноги были надеты новые белые сандалии, на шею — венок из маленьких белых цветков. Харита взглянула на свое отражение в большом зеркале из полированного серебра. Она увидела стройную девушку с волосами цвета солнечных лучей, высоким, ровным челом и большими зелеными глазами. Она на пробу улыбнулась и пощипала щеки, чтобы вызвать румянец.

Через несколько минут прибыл слуга и повел их в пиршественную залу. Едва Аваллах вошел в дверь, зазвучали фанфары и герольд провозгласил: "Царь Аваллах Саррасский, его супруга, царица Брисеида, царевичи и царевна!".

Зал освещали тысячи светильников. Гостей было много, разговаривали они громко, и Харита подумала, что герольда никто не слышал, однако, не успели они переступить порог, как Аваллаха подстерегли и заключили в крепкие объятия.

— Белин! — вскричал Аваллах. — Рад тебя видеть. Когда приехал?

— Вчера. Хорошо добирались?

— Сносно... сушь такая стоит. Мы ехали вместе с Сейтенином.

Белин понизил голос.

— Он на нашей стороне?

Аваллах кивнул.

— Хорошо. — Белин похлопал Аваллаха по плечу и повернулся к царице. — Брисеида, я не собирался тобой пренебрегать. — Он наклонился, и они поцеловались. — Очень рад тебя видеть.

— Не извиняйся, Белин. Тебя уже поздно перевоспитывать. — Она взглянула на Аваллаха. — Ты в точности как твой брат.

Белин рассмеялся.

— Нас раскусили, Аваллах. Эта женщина знает про нас все.

— Ты не один? — спросила Брисеида, всматриваясь в движущуюся толпу. — Не вижу Элейны. Полагаю, она здесь.

— Да, но, к сожалению, сегодня вечером ей пришлось остаться в комнатах.

— Жаль. Она хорошо себя чувствует?

— Неплохо. По правде сказать, я отговаривал ее ехать. Куда ей, на сносях-то? Но она настояла. Сказала, на свежем воздухе и в приятном обществе ей будет лучше, чем одной в душном дворце. Если она разрешится в поле у дороги — тем лучше, так она говорит.

Он беспомощно пожал плечами.

— Скажи ей, я завтра зайду. Может, ей захочется прогуляться по саду — если это не слишком ее утомит.

— Она с удовольствием пройдется. — Белин повернулся к остальным. — Кто тут у нас? Киан, Майлдун, привет; Эоинн, Гуистан, какие молодцы выросли. Я рад, что вы все приехали. Прокатимся вместе верхом? Может быть, завтра днем.

Царевичи в один голос выразили свое одобрение.

Белин заметил Хариту.

— А, Харита, маленькая моя лапочка. — Он обнял ее, потянул за ленту. — Да не такая и маленькая, как я погляжу. Приглядывай за ней, Аваллах, — сегодня она многих сразит насмерть.

Хариту удивил этот разговор, ведь Белин с Элейной были в Келлиосе всего несколько дней назад. Не успела она об этом сказать, как появился тот же слуга и повел их к столу со словами:

— Вскоре войдет Верховный царь. Не угодно ли вам сесть?

— Да, да, конечно, — сказал Белин. — Я иду за свой стол. Поговорим завтра.

Аваллаха с семьей провели через толпу к столу на возвышении — одному из девяти, поставленных для царей и их ближайших родственников. Харита, севшая рядом с матерью, которая разместилась по правую руку от царя, слышала, как ее отец называет остальных гостей.

— Это Хугадеран из Гесперы. Смотрит в нашу сторону, но делает вид, что не замечает меня. Этого я и ждал, — сказал Аваллах. — А вот каменный Мусеус с советниками; ни разу не видел, чтобы он улыбался. — Он перевел взгляд. — А вот Итазаис Азилийский с надутой физиономией, как будто ниже его достоинства сидеть в таком обществе. За ним, вон, видишь, Мейрхион из Скафы — вот человек, который всегда слышит доводы разума.

Аваллах замолк и завертел головой.

— Не вижу Нестора — не собирается же он войти после Верховного царя.

— Может, его сегодня не будет, — сказала Брисеида.

— А, вот наконец и Сейтенин. Говорю тебе, Брисеида, он нравится мне все больше и больше. Со временем он мог бы стать мне вторым братом.

Через несколько минут оглушительно зазвучали фанфары, и герольд возгласил громко:

— Царь Керемон, Верховный царь Девяти царств, и его супруга, царица Данея.

Зал смолк. Цари и их семьи встали. Вошел Верховный царь с царицей, оба в одеяниях из оранжево-желтого шелка, расшитых золотом по подолу и манжетам. На Керемоне был короткий золотой плащ и золоченые сапожки, на голове — золотой обруч с солнечным диском на лбу. Данея была в золоченых сандалиях и простом золотом венце. Ее золотисто-русую косу украшали золотые кольца. Плащ шлейфом тянулся сзади, скользя по полу златотканой каймой.

Они медленно прошли на свои места за высоким столом, по дороге приветствуя гостей. Когда они приблизились к столу Аваллаха, тот учтиво поклонился.

— Добро пожаловать, царь Аваллах, — произнес Керемон, наклоняя голову. — Царица Брисеида, я рад, что ты приехала вместе с супругом. Мы давно не имели счастья принимать вас в нашем дворце. Добро пожаловать вам всем.

Верховный царь двинулся было дальше, но тут взгляд его упал на Харите. Он помедлил и обернулся к ней.

— А это кто? Аваллах, я не знал, что у тебя есть дочь. — Керемон худой рукой приподнял ей подбородок. — Как твое имя, прелестная?

— Харита, государь, — отвечала она.

Керемон улыбнулся, глаза у него были решительные и светлые.

— Харита — прекрасное имя для прекрасной. Добро пожаловать, Харита. Надеюсь, у тебя будет время посмотреть Великий город.

Харита поклонилась, а когда вновь подняла глаза, Верховный царь уже отошел. Она видела, как он ступает — прямой, стройный, в блестящем переливчатом шелке, — и подумала, что никогда не видела никого столь же величавого, столь же царственного.

— Он настоящий бог, — прошептала она матери.

Брисеида взглянула на дочь, но не ответила. Харита смутилась и залилась румянцем. Пир продолжался. Сотни слуг беспрерывно сновали по залу, разнося подносы с яствами и напитками. Однако Харита не откусила ни кусочка. Она во все глаза глядела на Верховного царя и его жену, воображая себя на месте Верховной царицы такой же безмятежной и величественной, как сама Данея.

После еды начались забавы: множество музыкантов исполняли древние народные мелодии, а хор пел. Харита была уверена, что грезит. Роскошный зал, важные гости, торжественная музыка, величавое присутствие Верховного царя — все создавало ощущение дивного сна. Это чувство было настолько сильным, что Харита неприятно удивилась, когда пир закончился и пришло время расходиться.

Казалось, вечер обрел крылья и унесся прочь. Ошеломленная, завороженная, Харита шла, не чуя под собой ног. Все в том же волшебном состоянии она разделась, залезла в крахмальную постель и погрузилась в сон. Голос Верховного царя по-прежнему звенел у нее в ушах: "Харита... прекрасное имя для прекрасной...".

Глава десятая

Свадебный пир Эльфина продолжался и на второй, и на третий день. На четвертый опустели бочки и бурдюки, к вечеру стало не хватать еды. Тут многие гости засобирались, те же, что жили далеко, остались еще на ночь, а в путь тронулись с утра, так что к полудню отбыли последние и праздничный пир закончился.

На следующий день Эльфин встал, быстро оделся и вышел из дома. Он кликнул работников, которых обещал ему отец, и повел их на место, выбранное для дома. Он наметил размеры, отдал распоряжения, и те начали копать — в полсилы, поскольку им не нравился выбранный участок, да и сама затея — ненужная, на их взгляд, наверняка не сулила ничего доброго.

К вечеру, закончив, они позвали Эльфина посмотреть работу. Он только глянул и сразу сказал:

— Это не то. Я показывал больше.

На следующий день они вновь вышли на работу и к полудню позвали Эльфина. Увидев размер ямы, Эльфин нахмурился и покачал головой:

— Мало. Раз вы меня не слушаете, я вам покажу. Смотрите... — Он взял деревянный колышек и вбил его в землю, затем второй в другом углу, увеличив квадрат до длинного прямоугольника. — Вот так.

Работники поворчали про себя, но снова взялись за лопаты.

— Зачем ему такой огромный дом? — бормотали они. — В каере всего один повелитель, и это — не Эльфин.

— Может, он надеется стать повелителем, если построит большой дом, — заметил один из недовольных работников.

— Ну, ему этого не видать, как своих ушей, — ответил его товарищ.

К вечеру яма была почти готова. Эльфин осмотрел ее и одобрил.

— Ну вот, здесь будет очаг, — сказал он, указывая в середину ямы.

— Сам и рой, — проворчал один из работников, — раз тебе нужен такой большой дом.

Он бросил лопату к ногам Эльфина.

— Ладно, — сказал Эльфин, спрыгивая в яму. Он взял лопату и прошел

к месту, которое сам перед этим указал. Здесь он начертил очаг и, нажимая ногой, вдавил в землю деревянный штык.

Однако лопата уперлась во что-то твердое.

— Корень, — заметил кто-то со смешком. — Лучше устроить очаг в другом месте.

— Это не корень, — сказал Эльфин, соскребая землю, — а валун.

Расчистив землю, он обнаружил, что камень этот плоский, большой и квадратный. Приподняв край, он увидел под ним кусок груботканой материи.

— Что это? — спросил он, наклоняясь. Грязный обрывок распался в руках, но под ним блеснуло что-то желтое. Остальные с любопытством наблюдали, как Эльфин опустился на колени и начал руками разгребать землю.

— Гляньте, — смеялись они, — он вообразил себя псом!

Эльфин, словно не слыша, вновь взялся за лопату и разок копнул. На узком деревянном штыке лежала золотая гривна.

Смех умолк. Эльфин взял гривну в руки и отряхнул прилипшую грязь. Она состояла из трех переплетенных цепей и заканчивалась звериными головами — бычьей справа и медвежьей слева.

— Смотрите, что я нашел! — воскликнул он. — Золотая гривна, королевская гривна!

Крик Эльфина услышали, и вскоре вся деревня — включая Гвиддно и Хафгана — собралась на краю ямы.

— Смотрите, что я нашел, — сказал Эльфин громко, держа гривну высоко над головой. — Золотая гривна — она лежала в земле как раз там, где я решил сделать очаг.

Толпа изумленно загудела.

— Если позволишь, я бы хотел посмотреть, — сказал Хафган, протискиваясь вперед.

Эльфин подал гривну друиду и остался стоять, скрестив руки на груди. Хафган старательно осмотрел гривну со всех сторон, потом потер краем одежды, так что она ярко заблестела.

— Вы все видели, как это было? — спросил он.

— Видели, — нехотя согласились работники.

— Есть у кого-нибудь сомнения?

Они покачали головами.

— Эльфин нашел эту гривну, он верно говорит, — сказал один из работников и объяснил, как они отказались рыть яму для очага. — Взял лопату и уперся в камень; гривна была под камнем.

Гвиддно ударил в ладоши.

— Это счастливый знак.

— Верно, — ответил Хафган. — Счастливейший из счастливых. Наверняка эта гривна украшала шею короля. Ее нашли в доме Эльфина под древним очагом.

— Что это значит? — спросил один из работников.

Хафган взвесил гривну в руке.

— Смысл ясен: где очаг короля?

— Как где — в его доме, — ответил работник.

— А кто живет в королевском доме?

— Сам король, — отвечал Гвиддно, широко улыбаясь.

— Верно, — сказал Хафган. Он протянул украшение Эльфину со словами: — Твоя ли это гривна, Эльфин ап Гвиддно?

— Моя, — отвечал Эльфин.

— Тогда носи ее, — сказал Хафган.

Народ изумленно зашумел: Хафган признал Эльфина достойным преемником отца.

Эльфин взял гривну и, старательно расправив концы цепи, надел ее себе на шею и защелкнул. Прохладная тяжесть приятно давила на плечи.

— Вот третье сокровище, которое нашел Эльфин, — произнес Хафган, обращаясь к собравшимся. — Он нашел красавца-сына, разумницу-жену, а вот теперь и королевскую гривну. Кто из вас назовет его неудачником?

Никто не шевельнулся — что возразишь на явные свидетельства?

— С этого дня пусть никто не смеет чернить имя Эльфина, ибо этим он навлечет бесчестье — не на Эльфина, но на себя. Вы все видели, что судьба повернулась к Эльфину и удача его так же велика, как прежнее невезенье. — Он воздел посох. — Вот свидетельство, что все предсказанное мной сбудется. Слушайте и запоминайте.

Народ разошелся. Эльфин вылез из ямы показать Ронвен невероятную находку. Та в отличие от остальных не выразила изумления, только потрогала украшение пальцем и сказала:

— Когда ты вошел в наш дом, я увидела у тебя на шее золотую гривну. Вот и она. Это лишь первое из славных свершений моего мужа.

В ту ночь Эльфин лежал на постели, рядом с ним Ронвен кормила малыша. Было поздно, огонь в очаге почти догорел. Хотя день был трудный, Эльфин ворочался с боку на бок, не в силах заснуть. Через несколько минут Ронвен спросила:

— Что с тобой, Эльфин? Тебя что-то гнетет?

— Нет, — ответил он, — просто не спится.

— Может тебе пройтись?

— Наверное, ты права, — сказал он, тихо встал, набросил на плечи телячью шкуру и вышел под звездное небо.

"Колдовская ночь, — подумалось ему. — В такие ночи свершаются великие дела — к добру или к худу".

Эта мысль еще вертелась в его голове, когда он услышал звук — пронзительный крик, похожий на голос ночной птицы. Он прислушался, но звук не повторился. Удивленный, он повернул к центру каера, прошел мимо большого дуба и темных домов к частоколу. У ворот он забрался на внутреннюю стену и взглянул на хлева. За бревенчатым укреплением было темно и тихо. Он уже поворачивал, когда уголком глаза заметил какой-то блеск — как будто лезвие сверкнуло в свете звезд.

Он вновь глянул — блеск исчез. Однако Эльфин уже насторожился. Вглядываясь во тьму, он различил тени, юркнувшие в ближайший хлев. Трепет пробежал по его телу. Не раздумывая, он сбросил телячью шкуру, пробежал через весь каер и ворвался в отцовский дом с криком:

— Гвиддно! Вставай! Наш скот угоняют!

Выхватив из очага горящую головню, он подбежал к воротам, выдернул щеколду и, распахнув массивные створки, понесся к хлевам. За его спиной сзывал людей охотничий рог Гвиддно, вскоре к нему присоединился набатный звон железного бруса.

Эльфин добежал до хлева, и навстречу ему выскочили четверо с мечами. Испустив леденящий крик, он бросился на них, размахивая головней. Разбойники в страхе попятились. Различив в свете факелов ужас на их лицах, Эльфин наступал, время от времени тыча вперед головней.

Другие разбойники кинулись на подмогу своим товарищам. Эльфин развернулся к ним, издал яростный боевой клич и снова взмахнул головней. Он задел одного из нападающих, тот с криком упал, остальные отступили. Горящая головня рассекала ночь, как будто Эльфин задумал поджог.

Его родичи из каера подбежали к хлеву и увидели странное зрелище: Эльфин, безоружный, с одной лишь головней, теснит десяток разбойников с мечами и копьями. Они бежали, как если бы он преследовал их на стремительной колеснице.

Сородичи бросились на помощь, яростный боевой клич разорвал холодную ночь. Один из угонщиков проскользнул Эльфину за спину и поднял копье.

— Берегись! — крикнул Гвиддно.

Эльфин услышал предупреждение и обернулся, когда копье рассекало воздух возле него. Он выбросил руку и, схватив неловко брошенное древко, поймал его в воздухе. Сжимая копье, он развернулся навстречу врагам. Те как раз уперлись в низкую каменную стену. Отступать им было некуда, и они с криком устремились на него всей толпой. Эльфин размахнулся со всей силы и метнул копье.

Посланное точно в цель, оно пробило тонкий кожаный щит первого разбойника, прошло сквозь его тело и сквозь тело напиравшего сзади. Оба, насаженные на одно копье, рухнули разом.

Оставшиеся скотокрады бросились бежать, перескочили через стену и пропали в ночи. Обитатели каера пустились в погоню, но, никого не догнав, вернулись на место битвы.

Здесь они нашли Эльфина, голого, дрожащего. Он стоял над телами убитых разбойников, по-прежнему держа в руках горящую головню. Гвиддно подошел к нему и сказал:

— Никогда не видел, чтобы так вели себя в бою.

— Кто это был? — спросил Эльфин.

Киалл, одним из первых добежавший до хлева, наклонился над мертвыми и посветил им в лицо факелом. Потом выпрямился и сказал:

— Ни разу таких не видел. И одежда чудная, и лица.

— Ирландцы? — спросил Гвиддно.

Киалл помотал головой.

— Да нет, вроде.

— Неважно, откуда они, — сказал кто-то. — Главное, наш скот цел.

— Пастухи должны были поднять тревогу, — вспомнил Гвиддно. — Где они?

— Убиты. — Все повернулись к говорящему, который указывал на дальнюю стену. — Если бы не Эльфин, мы бы обнаружили кражу только к утру, когда воров бы и след простыл.

Сородичи в изумлении взглянули на Эльфина.

— Как ты узнал о набеге? — спросил отец.

— Не знаю, — отвечал он, недоуменно тряся головой. — Я не мог заснуть и вышел пройтись. Что-то услышал, увидел, как блеснул возле хлева меч. Вгляделся — а там люди. Побежал к королю, разбудил его, схватил головню из очага. Прибежал сюда...

Киалл поднял один из брошенных мечей.

— Эти мечи измазаны смолой и грязью — как и лица этих несчастных, — сказал он, поворачивая лезвие, чтобы все увидели. — Как мог ты различить блеск?

Эльфин только мотал головой.

— Не знаю. Просто увидел и побежал.

— Но почему ты не подождал нас, сынок? — спросил Гвиддно. — Это дурацкое молодечество — бросаться одному против всех.

— Может, и дурацкое, — произнес кто-то из селян, — только я видел лицо Эльфина во время боя. Да оно горело, как головня в его руке!

— Ярче, — подхватил другой. — Он пришел в боевое исступление и излучал свет — как древние витязи!

— Видали? — добавил третий. — Он поймал копье и бросил во врагов.

— За раз уложил двоих! — выкрикнул четвертый.

Раздались победные выкрики. Киалл бросился на мертвых скотокрадов с мечом и отсек им головы с плеч. Потом протянул кровавые трофеи Эльфину со словами:

— Ты пошел на врага с одной головней. Славься же, Эльфин, сын Гвиддно Гаранхира, боец отменный!

— Славься, Эльфин! — закричали другие.

И в каер Эльфин въехал на плечах у сородичей, еще несколько часов распевавших победные песни в его честь.

ГЛАВА одиннадцатая

— Видел ты что-нибудь столь же... — Харита замолкла в поисках нужного слова, — ...столь же великолепное?

Гуистан взглянул на нее сверху вниз и фыркнул.

— Ясное дело, Верховный царь живет в свое удовольствие. А почему бы нет? Его право. — Мальчик бросил в рот еще виноградину. — Бог, как-никак.

— Не настоящий же.

— А то, — настаивал Гуистан. Он раздавил виноградину пальцем. — Спроси Аннуби. Когда царь становится Верховным царем, он становится богом. В свинарнике ему жить, что ли?

— Я сказала, что дворец великолепен, — не сдавалась Харита. — И считаю, что Верховный царь тоже великолепен. Мне все равно, бог он или нет.

— Пф! — Гуистан встал и пульнул в Хариту виноградной кожурой.

Она пригнулась, схватила из миски апельсин и швырнула вслед убегающему брату.

— Ненавижу тебя! — крикнула она.

Апельсин ударился о мраморный пол, лопнул и покатился, оставляя за собой лужицы сока. Харита раздраженно отвернулась

— Это ты меня так встречаешь?

Харита обернулась и увидела в дверном проеме темноволосую женщину в просторной тунике и плаще. Лопнувший апельсин лежал у ее ног.

— Тетя Элейна! — вскричала Харита и бросилась через всю комнату ее обнять.

— Ну-ка, — сказала Элейна, беря ее за руку. — Положи ладонь вот сюда. — Она приложила пальцы Хариты к своему выступающему животу. — Чувствуешь что-нибудь?

— М-м... нет, — отвечала Харита. Элейна сдвинула ее руку на другое место, и почти сразу Харита ощутила под ладонью сперва дрожь, затем сильный толчок. Она отдернула руку.

— Это что, маленький?

Тетя кивнула.

— Ножка или локоток. Бедняжка вертится теперь целыми днями. Тесно ему, хочется на свободу.

— Ты видела сад? — внезапно спросила Харита, беря Элейну за руку и подводя ее к балкону.

— Только из окна.

— Я уже почти весь обошла. Давай покажу.

— Хорошо, только сперва дождемся твою мать. Мы еще не поздоровались.

— Она пойдет с нами, и вы сможете поговорить в саду. — Харита кинулась к дверям. — Сейчас приведу ее.

Мать разговаривала с Илеаной, которая укладывала ей волосы.

— Мама! Тетя Элейна пришла, мы собрались в сад, и она зовет тебя тоже.

— Спасибо, Илеана. — Царица отпустила прислужницу и вслед за дочерью прошла в соседнюю комнату. Элейна по-прежнему стояла на балконе. Заслышав шаги, она обернулась и раскрыла объятия.

— Брисеида!

Царица замерла на полушаге. Тень прошла по ее лицу.

— В чем дело, Брисеида?

— Что с тобой, мама? — спросила Харита.

Царица уже пришла в себя.

— Просто... так, ничего. — Она подошла ближе и поцеловала невестку. — Как ты, Элейна? Все так же?

— Да, в основном. Обещают, что ребенок родится со дня на день — по-моему, уже не первый месяц обещают. Я сомневаюсь.

— Пойдемте, прогуляемся, — предложила Харита. — Я хочу показать вам сад.

— Да, я просто умираю без свежего воздуха.

Харита повела их по каменной лестнице в сад, выбрала наугад дорожку и побежала. Женщины пошли за ней. Сперва девочка носилась взад-вперед, упрашивая их идти побыстрее, но постепенно совсем оторвалась от медлительных спутниц. Обернувшись, она увидела, что они присели отдохнуть на каменную скамью, и совсем приуныла. "Так мы вообще ничего не посмотрим", — подумала она.

Она пошла было к ним, мать увидела ее и махнула рукой.

— Иди вперед, Харита! — крикнула она. — Мы скоро нагоним.

Радуясь свободе, Харита побежала вперед и вскоре запуталась в извилистых аллеях роскошного сада. Она порхнула мимо аккуратно подстри-

женной ограды, через смешной деревянный мостик в лимонную рощу. Деревья еще стояли в цвету, и аромат заставил ее замедлить шаг; она пошла неторопливо, напевая себе под нос, купаясь в сладком, бодрящем благоухании.

Дальше в рощице она отыскала тенистый прудик с каменным фонтаном посредине — вода лилась изо рта большой зеленомраморной рыбы. Струи искрились на солнце, наполняя тихий водоем. Харита встала на колени, опустила руки в воду, смочила шею и лоб. Влага приятно остужала.

Она легла на траву и стала смотреть, как плывут в небе облака, потом закрыла глаза. До слуха донеслось пение — чистая тягучая мелодия, похожая на звон падающих в пруд капель. Некоторое время она слушала; слова были странные, выговор необычный, как если бы пели на чужом языке.

Харита встала и пошла на звук по краю прудика, ныряя под низко нависшие ветви багряника. Она добралась до стены папоротника, раздвинула душистые зеленые листья и осторожно вышла на залитую солнцем поляну.

Здесь на высоком трехногом табурете сидела женщина с волосами цвета пламенеющего золота в переливчатой темно-изумрудной тунике. В руках она держала серебряные пяльцы, но ткани в них не было, и Харита не видела ни иголок, ни ниток. Как только Харита вышла на поляну, песня смолкла. Женщина повернула голову и с приветливой улыбкой взглянула на девушку.

— А я-то гадаю, кто меня слушает, — сказала женщина. — Подойди поближе, девочка.

Харита сделала медленный, осторожный шажок.

Женщина рассмеялась — как будто с листьев закапала роса.

— Кажется, ты меня боишься.

Харита пошла чуть быстрее и встала рядом с женщиной.

— Откуда ты знала, что я тебя слушаю? — спросила она.

— Какая же ты хорошенькая, Харита.

— Ты меня знаешь?

— Если бы я тебя не знала, откуда бы я знала, как тебя зовут?

— Кто ты? — спросила Харита и тут же побелела от ужаса, осознав свою дерзость.

— Зачем бояться? — спросила женщина. — По мне, прямой вопрос — признак доброты. Чего только не скрывают за ложной учтивостью.

Харита смотрела во все глаза. Что-то очень знакомое было в этой женщине, и все же...

— Не узнаешь меня, да? — спросила женщина. — Может быть, в шелках и венце вспомнишь.

Женщина плавно повела руками. Ее изображение в воздухе пошло волнами, как отражение на воде. Перед Харитой предстала Верховная царица в ярко-алом шелке, в длинном плаще и с узким золотым обручем на лбу. Ее косу поддерживали золотые кольца.

Харита поклонилась и осенила себя знаком Солнца.

Царица рассмеялась.

— Узнала-таки! Я рада. Как скучно говорить, когда не знаешь, к кому обращаешься.

Когда Харита вновь подняла глаза, изображение уже рассеялось. Верховная царица приняла свой прежний облик. Харита изумленно заморгала.

— Чему ты так удивлена, Харита? Это довольно простой обман зрения.

— Царица, — отвечала Харита, чуть запинаясь. — Я никогда не видела ничего подобного.

— О, если знать, можно делать много такого... и много чего посерьезнее. Однако зови меня Данеей, потому что, мне кажется, мы станем друзьями. — Верховная царица подняла серебряный обруч. — Знаешь что это, Харита?

— Пяльцы для вышивания?

— Похоже на них, но нет. Это волшебный обруч. Я подниму его так... — Она взяла обруч двумя руками — ...а ты скажешь, что в нем видишь.

Девушка взглянула и сперва не увидела ничего, только царицыно плечо и кусок поляны. Она уже открыла рот, чтобы об этом сказать, но Данея приказала: "Погоди! Сосредоточься. Вглядись".

Харита свела брови от напряжения. Постепенно изображение в обруче подернулось дымкой и закружилось, как в водовороте. У Хариты начало мутиться в голове, она почувствовала, что теряет сознание. Однако она принудила себя смотреть. Кружение прекратилось. Она увидела дворец на холме, окруженный яблонями.

— Ой, это же мой дом! — вскричала она в изумлении. — Наш дворец в Келлиосе!

— Что еще ты видишь?

Харита всмотрелась в заколдованное кольцо, как в зеркало, и увидела девочку, бегущую по двору. За ней бежала бурая собака. Девочка остановилась, подбросила палку, собака подпрыгнула вверх и поймала.

— Это Велпа, дочь нашего старшего повара.

— А теперь?

Изображение в обруче снова закружилось. Теперь это было изображение самого сада. Две женщины шли рядом и увлеченно разговаривали между собой.

— Это мама с Элейной, — сказала Харита. Ее мать подняла голову. — Они меня слышат?

— Нет, но ощущают твое присутствие, когда ты говоришь. — Верховная царица опустила обруч на колени. — Отлично, Харита. Не у всех получается так хорошо, некоторые вообще ничего не видят. Возможно, у тебя есть колдовской дар.

— А Велпа правда там была?

— Да, ты видела ее там, где она сейчас.

— Он всегда показывает то, чего хочешь ты? Или он — как Лиа Фаил?

— Ты умеешь смотреть в Лиа Фаил?

Харита кивнула.

— Аннуби меня научил.

— Но порой ты прибегала к нему без спросу. Я угадала?

— Да, — неохотно подтвердила Харита. — Но я не хотела ничего плохого.

— Разумеется. Ты любопытна, а это для будущей волшебницы замечательно.

— А ты волшебница?

Верховная царица величаво кивнула.

— Так говорят.

— А ты можешь меня научить? Я что угодно за это отдам.

Данея улыбнулась и подалась вперед.

— Ой ли? Это куда труднее, чем ты полагаешь. Чтобы узнать то, что известно мне, уйдут годы, а это только начало. Тебе придется оставить дом, родных и очень много трудиться. Такие знания даются большой ценой, и не многие готовы ее платить.

Харита молчала.

— Не отчаивайся, дитя. Твоя любовь к родным похвальна — на свете есть много хорошего, кроме волшебства, — утешала Данея, и Харита поняла, что Верховная царица как бы читает ее мысли. — Однако жизнь не настолько предрешена, как нам кажется. Не нужно быть волшебницей, чтобы понять: порою случается невозможное.

С дальнего края прудика позвали: "Харита, где ты? Харита...".

— Твои мама с тетей тебя ищут. Иди к ним.

Харита повернулась, чтобы уйти.

— Я еще увижу тебя? — спросила она.

— Конечно. Мы еще встретимся.

— Как мне тебя найти?

— Как сегодня.

Харита вновь раздвинула папоротники и обернулась, чтобы помахать рукой. Однако Верховная царица исчезла — даже травинки примятой не осталось там, где она только что сидела.

В лимонной рощице у пруда Харита нашла мать и Элейну. Они быстро шли ей навстречу.

— Харита, — сказала мать, — где ты была? Мы тебя искали.

— Я лежала у пруда... — начала она, — ...и ...и, наверное, уснула. — Харита сама удивилась, зачем лжет. — Простите.

— Ничего, — вмешалась Элейна. — Но я уже на сегодня нагулялась. Пора назад.

Они пошли вместе, женщины тихо разговаривали, Харита бесцельно брела следом. Мысли ее занимали странные и удивительные чудеса, которые она совершит, когда станет волшебницей.

— Нет, — сказал Аваллах, сурово покачивая головой. — Сейтенин прав. К Верховному царю идти рано. У нас нет доказательства Несторовых намерений.

— Мы знаем о его намерениях все! — сердито вскричал Белин. — Как насчет лазутчиков? Документы при мне. Мы покажем их Керемону, и он вынужден будет согласиться. Надо идти немедленно, пока Нестор не настроил его против нас.

— Однако, если мы пойдем к Керемону сейчас и он потребует доказательств — доказательств войны, которых у нас нет, — это тоже настроит его против нас.

— А если мы еще немного подождем, — вставил Сейтенин, — Нестор сам предоставит нужные доказательства. Все видели, что его не было на вчерашнем пиру. Может быть, дальше он обличит себя еще более явно.

— Небольшое промедление не повредит, — сказал Аваллах.

— И даст нам время отыскать новых союзников.

Белин нахмурился, но сдался.

— Ладно, только мне горько ждать, пока этот... этот змей безнаказанно строит против нас козни.

— Белин, — мягко сказал Сейтенин, — это очень серьезное обвинение. Девять царств живут в покое уже две тысячи лет. Надо любой ценой сохранить этот мир.

— И, если потребуется, сразиться за него, — вставил Белин.

— Если потребуется. Но лишь после того, как будут исчерпаны другие средства, — сказал Сейтенин. — Если мы спустим псов войны с цепи, мы должны быть готовы последовать за ними. А значит, уверены — более чем уверены — в правильности своих действий.

— Я не позволю захватить себя врасплох, — сказал Белин. — Все мы знаем, что за человек Нестор.

— Да, — сказал Аваллах, — такие сами себя губят. Надо только смотреть и ждать.

— Лишь бы, пока мы ждем, колеса его колесниц не подняли смертного праха в наших собственных дворах. — Белин отодвинул стул и встал. — Я вас покину.

Он поднял руки в солнечном знамении, повернулся и вышел из комнаты.

— Ах, — вздохнул Сейтенин, когда дверь закрылась. — Какой порывистый!

— Он все принимает близко к сердцу. Это у него от отца.

— Да. Я помню царя Пеллеса. Помню и нашу с тобой первую встречу. Ты был совсем мальчиком — немногим старше твоего Гуистана, твой отец приезжал по какому-то делу и взял тебя с собой.

— Удивительно, что ты это помнишь. Ты сам был немногим старше. Наши семьи связывает давняя дружба.

— Давняя и крепкая, — кивнул Сейтенин и легонько повел глазами.

Аваллах откинулся в кресле и улыбнулся.

— Я подумываю о том, чтобы укрепить эти узы.

— Заключить договор?

— Нет, сыграть свадьбу.

— Ясно.

— Как насчет брака между моей дочерью и твоим старшим сыном — Терантом, кажется?

— Мне эта мысль по душе. Терант — славный юноша, а твоя Харита, судя по всему, вырастет красавицей. Лучшей пары не сыскать.

— Тогда по рукам.

Сейтенин взял со стола ритон и поднял его.

— За вечную дружбу между нашими домами.

— За вечный мир. — Аваллах чокнулся с ним и выпил. Потом налил еще вина и на миг остановил взгляд на кубке. — Мир меняется. Нам не удастся продержаться долго.

— Возможно, — мягко отвечал Сейтенин. — Но все же попытаемся. Наше время еще не вышло.

Аваллах поднял глаза от ритона и улыбнулся.

— Думаю, ты прав. И кто сказал, что новая эпоха будет хуже теперешней?

Пока они говорили, в окно ворвался гулкий, низкий звук огромного колокола. Оба царя встали из-за стола и пошли к двери.

— Ну вот, уже Совет. Я надеялся, что у нас будет день-два на переговоры с остальными, — заметил Аваллах.

— Нет никакой спешки, успеем еще поговорить. Главное — выяснить, что замышляет Нестор.

Аваллах остановился.

— Что бы я ни говорил Белину, чует мое сердце — прав он.

— Идем, — сказал Сейтенин, — расскажешь мне, что ты думаешь. Нам потребуется вся наша хитрость, чтобы обойти Нестора.

Они вышли в широкий коридор и двинулись на звук колокола, пока не оказались в просторной прихожей. В центре ее стояло золотое дерево, на котором были развешаны пурпурные царские одеяния. Несколько царей уже собрались возле дерева. Жрец золотыми крюком на эбеновой палке аккуратно снимал с ветки облачение.

Другой жрец надел мантию на царя. Тот завязал ленты на шее и пошел дальше. Сейтенин с Аваллахом подошли к дереву и получили свои наряды. Мантии были шелковые, богато расшитые: на правой стороне — сияющие солярные знаки, на левой — серебряные лунные диски. По подолу, вороту и шейным лентам шла вышивка нитью из желтой меди.

Надев мантию, каждый властитель проходил в ротонду — большой круглый зал, от пола до потолка заполненный нишами. В каждой стоял мраморный бюст царя, высеченный искусным ваятелем. Казалось, в зале постоянно присутствуют безмолвные, но внимательные слушатели.

Цари прошли в сводчатую дверь и подошли к своим местам, расположенным по кругу вдоль стен зала. Каждое кресло было вырезано из цельного куска железного дерева и раскрашено в цвета соответствующего царства; спинку образовывал солнечный диск с расходящимися лучами. За кольцом кресел шли ступенчатые выступы, на которых размещались слуги и зрители.

Аваллах сел и стал наблюдать за остальными. Он увидел, что кресло прямо напротив него — кресло Нестора — осталось пустым. Аваллах взглянул на Сейтенина, указывая глазами на пустующее место. Сейтенин задумчиво кивнул.

Как только цари расселись, двери по бокам ротонды открылись и вошли зрители. Снаружи зазвенел гонг. Все встали. Вошел Верховный царь со

скипетром в правой руке и державой в левой. Скипетр был из миртового дерева с золотым солнечным диском в навершии; держава — шар из бледного лунного камня.

Все поклонились и воздели руки в солнечном знамении. Служители внесли треножник и подставку: державу положили на треножник, скипетр утвердили на подставке. Верховный царь сел, под ноги ему подвинули скамеечку.

— Пусть начнется первое заседание Великого Совета.

Цари и зрители сели. Керемон сказал:

— Мы здесь, чтобы дать правосудие народу. Да руководит нами Бел. Пусть Хранитель записей огласит первое дело.

Вышел строгого вида человек со свитком в руке.

— Пусть Ямалк из Азилии выйдет и принесет свою жалобу, — выкрикнул он, и голос его прокатился под куполом зала.

С верхнего яруса спустился человек, одетый, как обычный ремесленник. Он встал перед Хранителем записей, и тот спросил:

— Известно ли тебе, какова кара за ложный навет?

Ямалк сложил руки и закивал головой.

— Хорошо, — сказал Хранитель, отходя в сторону. — Изложи свою жалобу как можно более кратко.

— Меня зовут Ямалк, — робко начал ремесленник. — Я из Лассипоса, мы с братом кожевники и красильщики. — Он поднял руки, показывая бурые ладони в подтверждение своих слов. — Десять месяцев назад я купил на рынке лавку рядом с моей собственной. Прежний владелец умер, и лавку продала мне вдова. Я тут же перенес свои вещи на новое место.

На следующий день пришел человек и забрал мое добро, сказав, что лавка принадлежит ему. Он показал мне расписку с печатью покойника — мол, лавку он купил, когда тот был еще жив.

Ямалк разволновался, голос его звучал все громче.

— Однако я знал своего соседа, никому он лавку не продавал. Когда я пошел к его вдове, она отказалась со мной говорить. Я отправил к ней брата, но, когда тот пришел, ее уже и след простыл. Мы полагаем, что она сбежала из города.

Кожевник беспомощно развел руками.

— Человек, который назвался владельцем лавки, забрал мое добро, дескать, все это его, раз ему принадлежит лавка со всем содержимым. Я лишился своего добра и денег за лавку и теперь прошу рассудить меня с тем человеком.

Первым задал вопрос царь Итазаис из Азилии:

— Где тот, кого ты обвиняешь?

— Я его больше не видел.

— А что стало с лавкой?

— Он продал ее торговцу пряностями.

Следующим заговорил Мусеус из Микены:

— Здесь ли человек, которого ты обвиняешь?

Ямалк огляделся по сторонам.

— Я его не вижу.

— Получил ли ты расписку от вдовы прежнего владельца? — спросил Керемон.

— Должен был получить, государь, — объяснил Ямалк, — да она мне сразу не отдала, а потом я не мог ее разыскать.

— Сколько ты заплатил за лавку? — спросил Итазаис.

— Шесть тысяч кронариев серебром.

— Это недешево за лавку на рынке, так ведь?

— Это очень хорошая лавка, государь, очень. На углу площади, у входа, мимо нее все идут.

— Понимаю, — сказал царь. — И чего же ты хочешь?

— Чтобы мне вернули мое добро и документ на владение лавкой.

— Есть еще вопросы? — спросил Верховный царь.

Никто не ответил, и Керемон продолжал:

— И как мы рассудим?

Цари выносили свое суждение, говоря: "Я решаю в пользу кожевника".

Когда все высказались, Керемон сказал:

— Итазаис, ты проследишь, чтобы судебное решение было исполнено?

— Да, государь.

Царь обратился к кожевнику:

— Ямалк, ты получишь документ на право владения лавкой. Того, кто тебя обманул, и жену бывшего владельца — полагаю, они были в сговоре, — разыщут и заставят уплатить тебе три тысячи серебром.

— Да будет так, — сказали цари.

Ямалк, вне себя от радости, быстро поклонился, и его вывели из залы.

Хранитель записей назвал следующего жалобщика. Суд продолжался. Цари выслушивали людские горести и вершили правосудие. Наконец солнце начало садиться, и ударил большой колокол. Верховный царь объявил заседание закрытым до следующего удара колокола.

Цари вышли из ротонды, и их пурпурные мантии вновь повесили на золотое дерево. Белин присоединился к Аваллаху и Сейтенину, и они вместе пошли в отведенные им покои.

— Видели? — спросил Белин. — Что вы об этом думаете?

— Думаю, — отвечал Сейтенин, — что Нестор — глупец. Что за оправдание он выдумает — ума не приложу. Однако немилости ему не избежать.

— Не явиться на совет — это измена, — сказал Белин.

— Если он не явился сознательно, — напомнил Сейтенин. — Мы в этом не уверены.

— Мне это нравится все меньше и меньше, — сказал Аваллах. — Если он не появится и завтра, думаю, надо поговорить с Верховным царем.

— Да, — согласился Сейтенин. — Подождем до завтра. И, если Нестор не объяснится, я потребую его к ответу прямо на заседании.

Белин ухмыльнулся.

— Потребуй обязательно. Знаю, остальных тоже интересует, почему его нет.

— Ты ни с кем об этом не говорил? — строго спросил Аваллах.

— Нет. Но я слышал разговоры. Не только мы встревожены поведением Нестора.

— Тогда нам и впрямь следует заговорить о нем напрямую — но только завтра. До завтра — ни слова о нем, — сказал Сейтенин. — Здесь я должен вас покинуть, друзья мои. — Он зашагал по коридору.

— Что ж, Белин, — сказал Аваллах. — Я голоден. Раздели со мной трапезу.

— С удовольствием бы, но я обещал жене поужинать с ней.

— Раз так, передавай ей мой поклон. Надеюсь, мы увидимся с ней до отъезда.

— Обязательно, но не стоит, чтобы нас часто видели вместе.

Аваллах обнял Белина за плечи.

— Мы братья, и естественно, что мы вместе. Если лазутчики Нестора здесь, они не заметят в этом ничего подозрительного.

Они обнялись.

— Тогда до завтра, — сказал Белин.

— До завтра, — подтвердил Аваллах. — Спокойной ночи.

Глава двенадцатая

На следующий день вновь ударили в колокол у ротонды, цари надели мантии и собрались в зале Совета. Аваллах заметил, что место Нестора так и осталось не занятым и что несколько других царей, нахмурясь, смотрят на пустое кресло. Отсутствие Нестора явно вызывало недовольство остальных членов совета.

Вошел Верховный царь, и, как в прошлый раз, началось заседание: хранитель записей вышел, чтобы огласить первое дело. Однако не успел он зачитать имя, как в прихожей раздался шум. Все головы повернулись к сводчатой двери в тот самый миг, когда вошел Нестор. Его пурпурная мантия развевалась, лицо исказил дикий оскал, чело было мрачнее тучи, а взоры метали молнии. Длинные соломенно-желтые волосы взмокли от пота и влажными прядями свисали на плечи; сапоги и одежду покрывала пыль. Он был худощав, узок в кости, с тонкими, почти изящными чертами.

Он поклонился Верховному царю, осенил себя знаком Солнца и стремительно зашагал к своему креслу.

Комната взорвалась голосами, галерея за креслами взволнованно гудела. Керемон невозмутимо взглянул на запоздавшего царя и, когда шум улегся, сказал:

— Здравствуй, Нестор. Я рад, что ты наконец-то до нас снизошел.

Нестор сморгнул. Ирония Верховного царя явно его задела.

— Государь, — отвечал он, — я глубоко сожалею о неудобствах, которые доставило мое отсутствие.

Керемон посмотрел на него в упор, взгляд его посуровел.

— Сожалеешь о неудобствах? Это все, что ты хочешь сказать?

— Я прошу о снисхождении.

— Не понимаю.

— Государь, если изволите, сейчас я не готов об этом говорить. Прошу меня простить.

— Ни за что! — выкрикнул Керемон. — Никакого прощения, пока я не узнаю, в чем дело.

Нестор встревоженно огляделся по сторонам.

— Я предпочел бы промолчать, государь.

— Несчастный! — закричал Верховный царь, вскакивая с кресла. — Мне все равно, что предпочел бы ты! Я требую объяснений и получу их, не то прощайся с короной!

Нестор скривился, как от боли. Он медленно поднялся с кресла и с явной неохотой вышел на середину зала.

— Государь, — сказал он мягко, — я хотел этого избежать. В мои намерения не входило сеять вражду.

— Мы ждем, — с жаром произнес Керемон.

— Тогда буду говорить напрямик. Восемь дней назад я отплыл в Посейдонис. На четвертый день мы увидели терпящий бедствие корабль возле неведомого островка у берегов Микенеи.

Он набрал в грудь воздуха и закрыл глаза, как будто ему больно продолжать.

— Я приказал кормчему повернуть и помочь несчастным на судне, которые иначе погибли бы. Но не успели мы подойти к тонущему кораблю, как нас зацепили абордажными крючьями и атаковали. А поскольку у нас не было оружия, мою команду безжалостно перебили, а меня взяли в плен.

Послышался общий вздох.

— Продолжай, — сказал Верховный царь. — Мы слушаем.

— Думаю, меня тоже хотели убить, но я предложил откупиться золотом. Главари разбойников заспорили. Я ухватился за эту возможность и стал молить, чтобы меня отпустили. Золото их убедило, и меня посадили в маленький челн. С вечерним приливом я добрался до берега.

Два дня я шел пешком, пока не добрался до деревушки, где смог одолжить лошадь. Я скакал пять дней кряду, и вот я перед вами.

Нестор развел руками, чтобы показать плачевное состояние своего платья.

Керемон нахмурился.

— Ужасающий рассказ, царь Нестор. Что ты думаешь об этом горестном событии?

— Это война, государь.

— Легко же ты произносишь это слово, — заметил Верховный царь.

— Я не знаю другого слова, которое бы тут подходило.

— И все же это серьезное обвинение, Нестор, — бесстрастно произнес Керемон. — Назови того, кого ты считаешь зачинщиком нападения.

Нестор повернулся и с выражением крайней муки на лице поднял руку и ткнул пальцем. Аваллах не знал, что его больше изумило: направленный прямо ему в лицо перст Нестора или его невероятная дерзость.

— Это был... — хрипло прошептал Нестор, как будто необходимость назвать обидчика причиняла ему тяжелейшее страдание, — Аваллах Саррасский!

— Лжец!

Это выкрикнул не Аваллах — голос раздался с соседнего места. Белин вскочил, кулаки его были сжаты, лицо — белее полотна.

— Все ложь!

Изумленные голоса прокатились по галерее.

— Тихо! — сурово выкрикнул Керемон. Он взял скипетр и несколько раз ударил им в пол. — Тихо!

Когда все немного успокоились, Верховный царь сказал:

— На наш суд вынесено серьезнейшее преступление, кара за которое — смерть. Приступим же к разбирательству немедленно.

Его глаза обвели зал и остановились на стоящем царе.

— Нестор, ты должен знать, что Совет не примет такого обвинения без доказательств.

— Знаю, государь.

В голосе его звучало чуть ли не раскаяние.

— Итак, представишь ли ты подтверждения?

— Если изволите, государь. — Нестор громко хлопнул в ладоши, и в зал вошел слуга с маленьким сундучком в руках. — После нападения разбойники забрали меня на свой корабль и заперли в трюме. Пока они решали мою судьбу, я искал что-нибудь, что смогу предъявить, если мне удастся спастись. Я уже почти отчаялся, когда обнаружил это...

Он открыл сундучок и вытащил кусок ткани, встряхнул его, расправляя, и все увидели кусок царского штандарта. Даже без герба зеленый и желтый цвета ясно указывали на страну — Саррас.

— Из этого я заключил, что на меня напали по приказу Аваллаха, — громко произнес Нестор, и в голосе его послышалась нотка торжества. Он протянул обрывок знамени Верховному царю, который, едва глянув, передал его дальше.

— Ты предъявил очень серьезное обвинение, Нестор, — промолвил Верховный царь. Он перевел взгляд на Аваллаха. — Что скажешь, Аваллах?

— Ничего, — спокойно произнес Аваллах. — Бессмысленно обращать внимание на бред сумасшедших, и нет никакого проку препираться с безумцами.

В зале раздались смешки, на галерее многие расхохотались в открытую. Напряжение в ротонде спало. Стало ясно, что Аваллах не станет спорить с Нестором — больно велика честь.

— Я всецело на твоей стороне, Аваллах, — с явным облегчением произнес Верховный царь. — Однако Нестор обвиняет тебя в тяжком грехе. Неужели ты не ответишь?

— О, это был очень занятный рассказ, государь, особенно та часть, где наш друг за пять дней проскакал от Микенейского побережья до Посейдониса. Такие подвиги входят в историю. Надо не забыть рассказать детям.

Нестор в ярости озирался. Он открыл было рот, чтобы возразить Аваллаху, но Верховный царь остановил его знаком руки.

— Как насчет знамени? — спросил Керемон. — Нестор показал кусок твоего царского штандарта.

— Вот как? — холодно удивился Аваллах. — Я видел только желто-зеленый клочок без всякой эмблемы.

— Это было знамя! — в ярости воскликнул Нестор. — Клянусь перед богами, что это так.

— Давайте спросим мнение Совета, — сказал Верховный царь.

— Государь, — начал Мусеус из Микенеи, — если оставить на время знамя, которое представляется мне настоящим, я тоже склонен усомниться в некоторых деталях Несторова рассказа.

Остальные согласно загудели.

— Говори открыто, — приказал Керемон.

— Как уже заметил Аваллах, трудно добраться от побережья до Посейдониса за пять суток, даже если скакать день и ночь. Что до самого пленения — неужто мы поверим, что кто-то из нас вот так, без всякого повода, нападет на собрата?

— Если мне позволят сказать, я хотел бы обратить внимание именно на этот момент, — произнес другой царь.

— Да, Хугадеран?

— Мне кажется, что именно такое — внезапное — нападение должно увенчаться успехом. Если оно провалилось, в него трудно поверить. А не это ли мы видим перед собой?

— Вот в этом я и хотел бы разобраться: что мы перед собой видим, — произнес Верховный царь. Нестор собрался возразить, но Керемон отмахнулся от него. — Кто-нибудь хочет еще что-то спросить? Нет? Тогда я воспользуюсь правом Верховного царя и разрешу это дело единолично — если стороны не возражают.

— Как тебе угодно, государь, — отвечал Аваллах.

— Согласен, — прошипел Нестор сквозь сжатые зубы.

— Садись, Нестор, — приказал Керемон. Царь быстро поклонился,

злобно взглянул на Аваллаха и сел. — Теперь вернемся к нашим занятиям. Пусть Хранитель записей огласит первое дело.

Совет заседал, пока не ударил колокол. Когда цари выходили из зала, Керемон обратился к Нестору и Аваллаху:

— Жду вас обоих сегодня к ужину. Слуги вас проводят.

Аваллах подошел к брату и Сейтенину, которые ждали в переходе. Когда они остались одни, Сейтенин сказал:

— Молодец, Аваллах. Восхищаюсь твоей выдержкой; я бы так не смог.

— Уверяю тебя, это произошло по наитию. Если бы мы не подозревали чего-то подобного, я бы повел себя совсем иначе, — отвечал Аваллах, потом добавил, повернувшись к Белину. — Документы, отобранные у лазутчиков, при тебе?

— Конечно. Надежно заперты.

— Принеси их мне. Они понадобятся мне за ужином у Верховного царя.

За трапезой в своих личных покоях Верховный царь явил чудеса дипломатии, и все равно ему еле-еле удалось сохранить мир за столом. Аваллах держался учтиво, а вот Нестор обиженно молчал и лишь иногда фыркал на редкие замечания Аваллаха.

Наконец с едой было покончено. Все трое откинулись на спинки кресел, держа по кубку сладкой миндальной наливки, и Верховный царь сказал:

— Я надеялся, что мы придем к согласию по скорбному происшествию на сегодняшнем утреннем совете.

— К согласию, государь? — заносчиво произнес Нестор. — Я ждал бы извинений — хотя и не готов их принять.

— Давай не будем об извинениях, — вмешался Аваллах, — разве что ты сам извинишься за клевету, которую на меня возвел.

— Ты назвал меня клеветником!

— Более того, я называю тебя лжецом, — сказал Аваллах, отхлебывая вино.

— Прошу вас! — вмешался Керемон, — соглашение, которое я предлагаю, таково: Нестор отзывает свою жалобу, Аваллах соглашается забыть о нанесенной ему обиде.

Оба царя ощетинились, но Нестор заговорил первым:

— О его обиде! Как насчет моей обиды? Я лишился команды и претерпел множество страданий.

— Вот как? — Керемон посмотрел на него в упор. — Покуда я не вижу ничего, что подтверждало бы твои слова.

Нестор ткнул пальцем Аваллаху в лицо.

— Как это ничего?! Он...

— Ничего, — повторил Керемон, багровея. — Клянусь богами земными и небесными, ничего! Твой рассказ шит белыми нитками. На что ты надеялся — на чарующую силу своего голоса? У нас нет никаких причин верить тебе, Нестор.

Цари в ярости смотрели друг на друга.

— Я прошу Аваллаха меня простить, — сказал Верховный царь, — ибо сознаю, как велика его обида.

Нестор оскалился и ухватился руками за край низкого стола, как будто хотел его опрокинуть.

Керемон повернулся к Аваллаху.

— Что скажешь? Уже поздно, а нам надо к чему-то придти.

— Хорошо, — медленно сказал Аваллах, — ради общего согласия я готов на мировую и не буду требовать возмещения.

— Ну? — Верховный царь повернулся к Нестору.

— Коли уж вы оба против меня, мне остается только покориться.

Нестор медленно встал, бросил убийственный взгляд на Аваллаха, повернулся на каблуках и вышел.

Керемон подлил в тонкие хрустальные кубки еще вина.

— Вот ведь хитрец. Однако теперь все улажено, и не будем о нем думать.

— Хотелось бы надеяться, что улажено.

— Как ты думаешь, почему он выбрал именно тебя?

— Не знаю. Для меня это полнейшая загадка. Как и вот это. — Он запустил руку в карман и вытащил документы, отобранные у лазутчиков на верфях Белина.

— Что это?

— Эти документы отобрали у двух огигийцев, которых задержали у Белина на верфях; они выдавали себя за азилианских торговцев. Однако, как отсюда явствует, они собирались не просто нанять корабль.

Керемон хмуро проглядел бумаги.

— Да, вижу... амбары... число ворот в городе... глубина залива... запасы питьевой воды... Исходя из этого... — он поднял встревоженный взгляд, — ...следует ожидать вторжения.

— Мы тоже так думаем, государь.

— Кому еще про это известно?

— Только мне и Белину. — Аваллах помялся, затем добавил: — И Сейтенину.

— Никому больше не говорите. И вообще забудьте об этом происшествии.

— Забыть, государь? Но это... — он указал на документы, — ...объясняет его гнусную выходку на совете.

— Я разберусь по-своему, Аваллах. Предоставь это мне.

Мгновение Аваллах смотрел на Верховного царя.

— Как вам будет угодно, государь. — Он осушил кубок и встал. — Если вы меня извините, то день был долгий, и я хотел бы откланяться.

— Да, конечно, — любезно согласился Керемон. Он встал и проводил Аваллаха до дверей. — У всех нас был утомительный день. Хорошо выспаться не помешает.

— Доброй ночи. — Аваллах повернулся и шагнул в дверь.

Верховный царь положил руку ему на плечо.

— Прошу, как ни трудно это тебе, забудь обо всем. И не задирай Нестора. Вообще держись от него подальше.

— Вот это как раз несложно. Я не собираюсь иметь с ним ничего общего ни сейчас, ни впредь.

— Я выясню, что за этим кроется, Аваллах. Положись на меня.

— Как вам будет угодно, — сказал Аваллах. — Предоставляю это вам.

ГЛАВА тринадцатая

Весть о подвиге Эльфина быстро распространилась по всем шести кантрефам. Теперь родичи при встрече приветствовали его уважительно. Вновь и вновь обсуждали между собой чудесную перемену в королевском сыне.

Ведь надо же, каким смельчаком себя явил. Не иначе как в него вселился дух древнего героя — может, того самого, чью гривну он носит. Верзила Киалл, один из главных хулителей Эльфина, стал теперь самым горячим его приверженцем.

Эльфин радовался хвалам и уважению родственников, однако не возгордился и всячески старался преуменьшить свою роль в поразительной череде событий, начало которой положила находка младенца в лососевой запруде. Да и Хафган, предсказавший эту перемену, тоже стал иначе относиться к юноше. Их все чаще видели вместе и гадали, что нужно друиду.

Однако того интересовал не столько Эльфин, сколько найденыш, Талиесин.

— Время подумать о будущем, — сказал Хафган через несколько дней после победы над угонщиками скота. Они с Эльфином сидели на солнышке возле дома Эльфина. От добровольных помощников теперь не было отбоя, и работа продвигалась быстро: столбы пилили, обтесывали и вбивали по периметру вырытой ямы, соединяли брусьями и балками, стены из расколотых бревен привязывали накрепко, щели замазывали глиной — вскоре предстояло уложить камышовую крышу.

— События четвертого дня развеяли последние предубеждения твоих сородичей. Весть будет передаваться из уст в уста, и ты станешь знаменитым. Я сам об этом позабочусь — сложу песнь о твоем подвиге. Его будут помнить, а ведь это лишь первый в череде многих.

— Ты льстишь мне, Хафган, — сказал Эльфин. — Я сам не знаю, что мне думать о случившемся. Я чувствую себя прежним, но не могу отрицать, что все это было. Ты считаешь, в том, что говорят, есть зерно правды?

Хафган наградил его долгим, одобрительным взглядом.

— Ты мудр, что не позволяешь ложной гордости вскружить тебе голову. Принимай все, что с тобой происходит, даже хвалы, но не тщеславься ими, ибо тщеславие губит королей.

— Однако ты только что сказал, что сложишь обо мне песнь...

— И сложу. Однако знай, что я сделаю это по необходимости, а не из желания приумножить твою славу.

Эльфин ошалело уставился на друида.

— Не понимаю тебя, Хафган.

— Близится время, когда народу понадобится сильный предводитель. Им станешь ты — ты сменишь своего отца.

— Совсем не обязательно, — возразил Эльфин.

Хафган постучал пальцем по его золотой гривне.

— Сам Ллеу указал на тебя. Однако мы должны заглядывать дальше.

— Дальше? О чем ты?

— О младенце. О Талиесине.

— Что с ним?

— Он станет бардом.

— Ты говорил это.

— Барда надо учить.

Эльфин вытаращил глаза — ему показалось, что друид лишился рассудка.

— Да он еще младенец!

Хафган прикрыл глаза.

— Знаю. Учеба должна начаться, когда подойдет время, а это будет скоро.

— Я все равно не понимаю, чего ты от меня хочешь.

— Чтобы ты пообещал отдать ребенка мне — когда подойдет время.

Эльфин колебался.

— Куда ты его заберешь?

— Мне незачем будет его забирать. По большей части он будет здесь, в Каердиви. Собственно, если ты захочешь, пусть живет в твоем доме. Но учебой его должен руководить я.

— Это важно?

Друид взглянул ему прямо в глаза.

— Очень важно.

— Ладно, согласен. И с Ронвен поговорю. Вроде ей не с чего возражать, разве что со временем у нее возникнет желание сделать из Талиесина короля.

Хафган медленно встал.

— Скажи ей вот что: Талиесин может однажды сделаться королем, однако в первую очередь он будет и останется бардом. Таким он и сохранится в народной памяти — величайшим из всех бардов.

Эльфин на мгновение задумался и сказал:

— Ты будешь воспитывать моего сына, Хафган. Обещаю, потому что вижу: ты ищешь выгоду не для себя, а для народа.

— Хорошо сказано, владыка Эльфин, — отвечал друид.

В этот миг раздался стук молотка. Эльфин обернулся на свой дом и увидел, что Киалл, забальзамировавший головы убитых грабителей в кедровом масле, прибивает их к новенькому крыльцу.

— Это жилище воителя, — произнес тот, отступая на шаг, чтобы полюбоваться своей работой. — Теперь это увидят все.

— Жилище воителя, — пробормотал Эльфин, качая головой. — Это удача, а не воинское искусство, что копье сразило двоих.

— Не смейся над верой простых людей, — отвечал Хафган. — Воинская удача ведет к власти, ибо за теми, кому она улыбнется, идут без оглядки. — Он помолчал, потом указал на Киалла. — Я говорил о будущем. Твое будущее — вот.

— Киалл?

— И такие, как он. Воеводе пристало иметь дружину.

— Дружину! Хафган, у нас нет дружины с тех пор, как мой дед был мальчишкой. Теперь, когда в Каерсегойнте есть гарнизон, нет нужды обороняться самим.

— Времена меняются, Эльфин. Меняются нужды.

— Как же я соберу дружину?

Друид нахмурился, сердясь на такую несообразительность.

— У тебя шесть кантрефов, приятель! Что толку быть королем, если ты в шести кантрефах не сможешь собрать дружину!

— Но ведь я не король, а только его сын.

— Твой отец не собирался долго оставаться королем. А как только я закончу песню, люди потекут к тебе со всех сторон. Ты получишь свою дружину.

— А ты, Хафган, что получишь ты?

— Имя.

— Имя — и все?

— А ничего больше и нет.

Друид повернулся и медленно пошел прочь. Эльфин проводил его взглядом и вернулся к дому — проверить, как идет строительство. Киалл все еще прохаживался возле крыльца, и Эльфин не без удивления понял,

что тот ждет одобрения. Он остановился, поглядел на прибитые к крыльцу головы, потом на Киалла.

— Ты оказал мне честь, что позаботился об этом, — сказал он.

Верзила просиял. Его физиономия расплылась в улыбке.

— Надо, чтоб люди знали.

— Ты сам заслужил немалую славу, Киалл. Не упомню, сколько раз твое имя превозносили за пиршественным столом.

Эльфин сам изумился действию своих слов. Великан ухмыльнулся и залился краской, как девица, чьи неумелые заигрывания наконец-то заметили.

— Я готов сражаться рядом с тобой, только позови, — с жаром произнес Киалл.

— Я хочу собрать дружину, Киалл. Мне нужна твоя помощь.

— Моя жизнь, государь, принадлежит тебе. — Киалл тыльной стороной ладони коснулся лба.

— Я беру тебя на службу, — серьезно отвечал Эльфин.

Они посмотрели друг на друга. Киалл шагнул вперед и что есть силы обнял Эльфина. Потом, смутившись, повернулся и пошел прочь.

— Ты будешь хорошим королем.

Эльфин обернулся и увидел, что Ронвен смотрит на него из дверей.

— Ты видела?

Она кивнула.

— Я видела, как будущий правитель завоевывает поддержку. Более того, я видела, как человек, отбросив прежние обиды, мирится с врагом и, ни в чем его не упрекнув, обретает друга.

— Мне не хотелось делать ему больно. И потом он лучший воин в клане. Мне потребуется его помощь.

— Вот поэтому-то ты и будешь хорошим королем. Мелкие людишки, не колеблясь, отплачивают обидой за обиду.

— Короли, дружины... — Он изумленно мотнул головой. — Мне и не снилось...

Ронвен подошла ближе, коснулась рукой его щеки.

— Эльфин, зачем говорить о снах? Очнись, погляди вокруг. Разве это сон? — Она тронула золотую гривну. — А я? Может быть, и я тебе снюсь?

— Снишься, — ответил Эльфин и со смехом обнял ее за талию. — Такой красивой женщины быть не может.

Из дома послышался детский крик. Ронвен выскользнула из его объятий и убежала в дом, чтобы через мгновение вернуться с Талиесином на руках.

— Видишь отца, малыш? — Она повернула ребенка, чтобы он заглянул Эльфину в лицо. Эльфин пощекотал его под подбородком, и мальчик заулыбался.

Взгляд Талиесина приковала золотая гривна на отцовской шее. Он протянул крохотную ручонку и ухватился за блестящую медвежью голову.

— Эта гривна пока тебе велика, — сказал Эльфин. — Но не бойся, со временем ты до нее дорастешь.

— Какой он хорошенький, — прошептала Ронвен. Глаза ее светились любовью. — А как он на меня иногда смотрит — такими умными глазками, как будто знает, о чем я думаю. Или словно желает заговорить. Я уверена, он хочет мне что-то сказать.

— Хафган тоже считает его заколдованным. — Эльфин взял крохотную ручку в свою. — Я обещал отдать мальчонку ему в обучение; Талиесин будет жить с нами, но воспитанием его займется Хафган. Только подумай, король и бард в одном доме!

Несколько дней спустя военный трибун римского гарнизона в Каерсегойнте приехал в Каердиви поговорить с Гвиддно Гаранхиром. Всю его защиту составляла поношенная кожаная кираса и короткий меч на перевязи. Он был невысок, но спокойная властность придавала ему внушительность. Быстрый взгляд и решительные манеры показывали — этот человек не повторяет приказ дважды. И все же годы командования самым дальним, почти забытым форпостом Империи смягчили жесткую воинскую закалку, полученную в армии Цезаря. При нем был курчавый черноволосый юноша, из-под густых черных бровей которого смотрели алчные карие глаза.

Они прискакали с севера по узкой идущей вдоль моря дороге, свернули, подъехали к воротам с дальней стороны каера и остановились подождать, пока кто-нибудь их заметит.

— Авит, военный трибун Двадцатого легиона Черных Орлов к правителю Гвиддно! — крикнул римлянин первому же появившемуся местному жителю.

Ворота раскрылись. Всадники подъехали прямиком к королевскому дому. Вышел Гвиддно.

— Привет тебе, правитель Гвиддно! — выкрикнул Авит, слезая с коня. Он кивнул своему молодому спутнику, и тот тоже спешился.

Гвиддно жестом подозвал двух работников, чтобы те увели лошадей.

— Вы проделали долгий путь, — сказал Гвиддно приветливо (куда более приветливо, чем был настроен на самом деле). — Заходите и отдохните.

— Я принимаю твое гостеприимство, — ответил трибун.

Все трое вошли в дом. Медхир засуетилась, поставила перед каждым по кубку и миске с хлебом и плодами. Провозгласили здоровье Гвиддно и трибуна, плеснули вина на землю — почтить богов, — выпили и вновь наполнили кубки. Юноша взялся было за свой, но трибун нахмурился, и тот отдернул руку.

— Ты оказал нам милость своим приездом, — сказал Гвиддно.

— Я давно тебя не видел, лорд Гвиддно... — начал Авит.

— Я плачу подати! — перебил Гвиддно.

Трибун поднял руки, желая показать, что не имел в мыслях ничего обидного.

— Я отнюдь не думал говорить о податях, — сказал Авит. — Более того: если бы все платили так исправно, как ты, я был бы только рад. Нет, я хотел лишь сказать, что давно не имел удовольствия разделить твое общество.

— За этим ты сегодня и приехал? Ради моего общества?

— Отец! — В голосе, прозвучавшем от дверей, сквозила и сердечность, и укоризна. — Мне сказали, у нас важные гости.

— Это правда, — согласился Гвиддно без особого жара.

— Привет тебе, королевич Эльфин, — кивнул трибун. — Позволь представить центуриона Магна Максима, недавно назначенного в Двадцатый.

— Привет тебе, центурион Максим, — произнес Эльфин, садясь вместе с ними.

Римляне удивленно переглянулись. Гвиддно заметил это и сказал:

— Мой сын примет участие в разговоре. В последнее время он живо интересуется моими делами.

— Понятно, — ответил Авит. — Что ж, королевич Эльфин, это похвально. Твой отец весьма уважаемый человек.

— Они приехали сюда ради моего общества, — объявил Гвиддно.

— И твоей помощи, — напрямую выложил Авит. — Я не хочу скрывать истинную причину моего приезда. Нам нужна поддержка.

— Поддержка! — фыркнул Гвиддно. — Мало им податей, еще и поддержку подавай!

— Ты знаешь, — мягко произнес Авит, — что я родился в Гвинедде, как и мой отец до меня. Мои мать и бабка — здешние, моя жена — тоже. Я почти такой же бритт, как и ты, лорд Гвиддно. Мы — граждане одной Империи.

Гвиддно снова фыркнул, но промолчал. Трибун продолжил:

— Все мужчины в нашей семье были воинами. Мы честно служим

Империи вот уже много поколений. У меня есть надел земли возле Арфона. Когда я уйду на покой, то стану твоим соседом.

— Я понимаю, о чем ты, — сказал Эльфин. — Помочь тебе — все равно что помочь родичу.

— Или самому себе, — вставил Максим.

— Ой ли? Может быть, это не император запускает руку в мою мошну, когда приходит время платить подати?

— Если бы не армия императора, в твою мошну давно бы запустили лапу пикты, да еще бы и глотку тебе перерезали, старый ты...

— Довольно, Максим! — Авит сурово глянул на подчиненного. — Прошу простить центуриона, он новичок в провинции и не знаком со здешними обычаями.

Гвиддно скривился и отвернулся прочь. Эльфин спросил, не обращая внимания на отцовскую грубость:

— О какой помощи ты просишь, трибун?

Авит оперся на локти и подался вперед.

— Нет надобности говорить, что пикты в последнее время осмелели, с каждым годом они забираются все дальше на юг, грабят и убивают. Этим летом мы ждем их в Гвинедде, может быть, даже в Диви. И не они одни: круитни, аттакотты, скотты и саксы — все безродные дикари снялись с насиженных мест. Они лезут из каждой щели в камнях.

— Пусть придут, — сказал Гвиддно. — Мы их встретим.

— Да, конечно, — терпеливо отвечал Авит. — Однако деревни вдоль побережья и в долинах не укреплены. Они не смогут дать отпор.

— Что мы можем сделать? — спросил Эльфин.

— Наместник Флавиан обещал выслать когорту — нести дозор к северу от вала. Сегойнту приказано выделить вспомогательные части для Дэвы и Эборака. Правитель полагает, что если наше присутствие станет более заметным, они не посмеют сунуться — может быть, даже остановятся совсем. Я прошу, чтобы вы дали людей в эти вспомогательные части.

Прежде, чем Гвиддно ответил, Эльфин сказал:

— Мы согласны.

Авит с Максимом переглянулись. Авит не сумел спрятать улыбки.

— Мы дадим вам все, что будет нужно. Я слышал, вы просили людей у Киллидда.

— Просили. Он дал коней, что тоже хорошо, но нам нужны люди.

— Неужто у императора мало своих людей? — с вызовом произнес Гвиддно.

— Войны в других странах истощают наши силы. Ни один легион не укомплектован полностью.

— Людей вы получите, — решительно произнес Эльфин.

Отец вскинул на него глаза, но промолчал.

— Ты воистину щедр. — Авит откинулся на спинку стула и отхлебнул из кубка.

— У моей щедрости есть цена, трибун Авит.

— Да? — Авит устало выпрямился.

— Я дам людей и припасы, но я хочу, чтобы воинов обучили и со временем вернули мне.

— Охотно обещаю, — сказал Авит. — Однако позволь спросить, зачем тебе это?

— Я хочу собрать дружину.

— Понятно. — Трибун мигом сообразил, о чем речь. — Обученная римлянами дружина будет много сильнее обычной.

— Ты не одобряешь?

— Официально? Да, не одобряю. Но не буду тебе препятствовать. Мы должны признать, что Риму все труднее защищать своих подданных. Отсюда до ближайшего гарнизона полдня езды — обученная дружина даст вам то, чего не можем обеспечить мы.

— Дружина? — удивился Гвиддно. Он медленно кивнул и сощурился, как будто увидел сына в новом, неожиданном свете.

— Сколько людей вам нужно?

— Сколько сможете дать.

— Центурию, — вставил Максим.

— Сто человек? — Эльфин быстро подсчитал. — Ладно, пусть будет сто. Я войду в их число.

— Королевич Эльфин, нет надобности...

— Нет, есть. Я хочу научиться командовать. Я возглавлю своих людей.

— Решено! — Трибун Авит ударил по столу кулаком, улыбнулся и поднял кубок. — За погибель всех врагов Рима!

Они выпили, и воины поднялись.

— Приезжай, как только соберешь людей. Чем раньше, тем лучше. Тогда у нас будет больше времени, чтобы их обучить.

— Мы приедем еще до следующего полнолуния, — пообещал Эльфин.

— Что ж, до встречи.

Авит и Максим приветственно вскинули руки и вышли из дома.

Эльфин с отцом провожали их. Когда всадники пропали из виду, Гвиддно повернулся к сыну.

— Ты не говорил мне, что хочешь собрать дружину.

— Не успел. Но если тебя тревожит...

— Нет. Это хорошая затея. Я займусь припасами. — Он внезапно улыбнулся. — А ты будешь королем и воеводой. Как властители древности. — Глаза Гвиддно вспыхнули предвкушением. — Придет Самайн, и никто не оспорит твоего права стать королем!

ГЛАВА четырнадцатая

Харита встала рано и быстро оделась. Она взяла из чаши на столе спелую грушу и выпорхнула на балкон полюбоваться садом. Откусывая мягкий спелый плод, она увидела, что кто-то бредет внизу по обсаженной виноградом тропинке. Это был Аннуби. Он смотрел в землю, ноги его волочились, руки странно подергивались.

Положив недоеденную грушу на перильца, Харита легко сбежала по ступеням и пошла за прорицателем. Он настолько ушел в свои мысли, что не замечал ее. Харите прискучило идти следом, она догнала его и пошла рядом.

— Где ты был, Аннуби? Я не видела тебя с самого приезда.

Он повернулся к ней и ехидно заметил:

— Ты не спишь? Неужто уже полдень?

— Кто же спит? Сегодня Праздник царей. Я не хочу ничего пропустить.

— Да тебе и не удастся.

Он вновь уставился в дорожку под ногами.

— Зря ты пьешь это гадкое греческое вино, — сказала Харита, — ты такой же кислый, как и оно.

Если Аннуби и слышал ее, то не показал виду.

— Я разговаривал со жрецами... ха! — препирался со склизкими, ядовитыми, безмозглыми тварями.

Харита рассмеялась.

— Так вот где ты пропадал? Со жрецами? Чем они тебя расстроили?

— Они бормочут, лепечут, нюхают друг у друга под мышкой и притворяются, будто знают, что делают. Они давят прыщи на своих никчемных задах и усмехаются своими невыносимыми усмешечками... и все это ложь, Харита, все ложь! Ложь льется у них изо рта, как гной из открытой раны.

— Другими словами, ты услышал не то, что хотел услышать...

— Они позорят священный сан. Они стонут, и воют, и закатывают глаза при малейшем намеке на дельную мысль. Все! Больше к ним ни ногой!

— Если они такие жалкие твари, что тебе до них? Зачем тратить на них свое время?

Губы Аннуби вытянулись в линию. Он начал было говорить, но захлебнулся словами.

— Вот видишь? Ты просто устал и злишься. Иди во дворец, съешь что-нибудь, и тебе станет лучше.

Аннуби взглянул на нее — волосы сияют золотом в утреннем свете, яркие глаза горят жизнью, стройные руки и ноги покрыты загаром от долгого пребывания на солнце — и кивнул.

— Пусть тебе всегда будет так же светло, солнышко, — сказал он.

Они немного прошли в молчании, потом вернулись в царские покои, где уже накрыли стол и подавали трапезу. Харита уселась, положила себе свежих смокв и теплых лепешек. Аннуби остался стоять в дверях, глядя на стол и собравшихся за ним. Брисеида заметила его и медленно встала. Видимо, в глазах ее читался молчаливый вопрос, потому что прорицатель слегка мотнул головой. Брисеида только кивнула.

— Ну же, Аннуби, съешь хоть что-нибудь, — сказала она мягко. — Царь уже ушел, и Киан с ним. А у нас еще времени вдоволь. Садись, перекуси.

Аннуби на неверных ногах прошел к столу и упал на стул. Слуга предложил ему тарелку с финиками, фруктами и сыром. Аннуби взглянул и только мотнул головой. Слуга отошел.

— Аннуби встречался со жрецами, — объявила Харита. — Он сказал, они ведут себя, как ядовитые твари.

— Твари! — рассмеялся Майлдун.

— Расскажи нам, чего они наговорили, — попросил Эоинн.

— Да, расскажи нам! — потребовал Гуистан.

— Оставьте Аннуби в покое, — велела Брисеида. — Он много трудился и устал.

— Они показали тебе какие-нибудь свои секреты? — спросил Майлдун.

— Предсказали будущее? — не отставал Эоинн.

— Скажи нам! — упорствовал Гуистан.

Аннуби мрачно взглянул на мальчиков и проговорил:

— Жрецы сказали мне, что любопытство — большой порок трех юных саррасских царевичей.

— Они ничего подобного не говорили! — фыркнул Майлдун.

— Ты все врешь! — выкрикнул Гуистан.

— Довольно, мальчики! — прикрикнула Брисеида. — Идите.

Царевичи повскакали из-за стола и с топотом выбежали из комнаты. Брисеида легонько вздохнула.

— Прости, Аннуби. Мне кажется, они с каждым днем становятся все более невоспитанными.

Аннуби казался рассерженным, однако лишь пожал плечами и сказал:

— Они молоды, и жизнь кажется им безграничной. Нет ничего невозможного, непосильного или непознаваемого. Мир и все, что в мире, принадлежит им. Пусть их... пусть.

— Трудно вообразить, что и я так когда-то думала, — ответила Брисеида. — А ведь думала, наверное.

— И ты думала, и мы все... когда-то. Это проходит, — заметил Аннуби и добавил: — Ничто не длится вечно.

Харита увидела глубокие борозды на его лице и поняла, что давным-давно не видела Аннуби улыбающимся. Она перевела взгляд на мать, и в памяти мелькнул образ: мать с прорицателем стоят среди колонн, Брисеида трогает его за рукав и отходит со странным, напряженным выражением на лице. Сейчас это выражение вернулось.

— Да, ничто не вечно, — согласилась Брисеида, распрямляя плечи. Она вскинула голову, слабо улыбнулась. Глаза ее сияли.

Аннуби медленно встал.

— Я пахну кровью и фимиамом. Мне надо пойти вымыться и сменить платье, — сказал он.

— Отдыхай, Аннуби. Если захочешь, подойдешь к нам позже.

Он ответил не сразу.

— Очень хорошо, я присоединюсь к вам во дворе.

Царский советник шагнул в дверь, потом повернулся и вновь вошел в комнату.

— Это не предрешено. — Он горько хохотнул. — Ничто не предрешено. Это я, по меньшей мере, усвоил.

— А теперь иди, отдыхай. Поговорим позже. А?

Он взглянул на нее утомленными глазами.

— Спасибо тебе, Аннуби, — сказала она просто.

Прорицатель поклонился, осенив себя знаком Солнца.

— Знамения — лукавые гонцы, — отвечал он. — Пусть солжет и это.

Харите весь разговор показался донельзя странным. Когда Аннуби вышел, она спросила:

— Мама, что такое? Что стряслось?

Вместо ответа царица обняла ее. Харита приникла к матери.

— Харита, — шептала Брисеида, касаясь губами ее волос, — ты столькому должна научиться... а времени так мало.

— Но в чем дело?

Брисеида не отвечала — Харита уже подумала, что она не слышала вопроса, — потом отстранила дочь на расстояние вытянутых рук.

— Слушай, — сказала она хрипло, — Харита, сердце мое, я тебя люблю. Ты понимаешь?

Озадаченная Харита сглотнула вставший в горле комок.

— Я тоже тебя люблю. Но...

— Не спрашивай, милая. — Царица покачала головой. — Любовь — это все, Харита. Не забывай.

Харита кивнула и зарылась лицом матери в шею, почувствовала ласковое прикосновение ее рук.

— Ну вот, — сказала Брисеида в следующий миг. — Пора. Элейна будет ждать нас у входа в храм. Ты готова идти?

Харита кивнула, стряхивая повисшую на ресницах слезу.

— Готова.

Они вышли и вместе со всеми направились к храму, где должен был состояться обряд с участием всех царей.

В храме Солнца было четыре внутренних дворика, один над другим, и у каждого из них колонны были из своего металла: у нижнего — из бронзы, у следующего — из латуни, у третьего — из золота, а у самого верхнего — из орихалька. В этом-то верхнем дворе цари и собрались поклониться Белу и обновить царские обеты участием в древнем обряде.

Восемь царей и Верховный царь в простых рубахах из неотбеленного полотна вошли во двор и собрались вокруг огромной жаровни, наполненной тлеющими углями. Перед ней остановился верховный жрец, прочие встали попарно за спиной у каждого царя.

Когда все было готово, верховный жрец начертил в воздухе солнечный знак и высоким, срывающимся голосом воззвал к Белу. Руки его рассекли воздух. Он кивнул жрецам, и те взяли царей за плечи.

— Власть — земная одежда, — провозгласил верховный жрец. — Все, что надето, можно сорвать.

При этих словах раздался громкий треск: жрецы ухватили царские рубахи, разорвали сверху донизу и бросили на пол. Цари выступили из обрывков своих одежд, приблизились к жаровне и встали, протянув к ней руки. Верховный жрец поднял большой алебастровый сосуд и плеснул из него на угли. Зашипело, и к сводчатому потолку устремился благовонный дым.

— Пусть дыхание бога очистит вас, — сказал жрец. — Он взял ветку иссопа, подержал ее над паром и пошел между царями, охаживая их веткой сперва по рукам, потом по груди и плечам, спине, бедрам и ягодицам. Цари глубоко вдыхали ароматный дым и без звука сносили побои.

Завершив круг, верховный жрец вернулся на свое место. Два жреца поднесли ему тяжелую чашу, еще один подал ложку на длинной ручке. Верховный жрец, зачерпнув из чаши, полил склоненную голову первого царя — раз, другой, третий, пока тот весь не залоснился от золотистого масла.

Так, последовательно, он помазал Итазиаса, Мейрхиона, Хугадерана, Мусеуса, Белина, Аваллаха, Сейтенина и Нестора. Закончив, он провозгласил:

— Вы прошли очищение и помазание. Предстаньте перед богом и просите его милости.

Дверь в конце двора растворилась. Цари медленно прошествовали в круглое внутреннее помещение, где в центре кольца из трехногих табуретов стоял большой железный кратер, наполненный горящими угольями. Цари уселись на табуреты лицом к котлу. Вошли голые по пояс жрецы с кувшинами. Дверь закрылась. В комнате стало темно, только светилось раскаленное железо, бросая на стены алые отблески.

Раздалось оглушительное шипение, от углей поднялся приторно-сладкий пар и окутал сидящих на табуретах властителей. Цари глубоко вдыхали дурманящий аромат.

Жрецы, стоя вокруг, хлестали ветвями иссопа их голые, потные тела. В комнате было тихо и темно, только свистели ветки в руках у жрецов и шипели уголья, которые время от времени поливали из очередного кувшина.

Прошел час, другой; в конце третьего дверь отворилась, цари встали, распрямили плечи и, пошатываясь, вышли во двор. Каждого из них встречал жрец с охапкой душистых эвкалиптовых листьев. Цари пригоршнями брали листья и стирали с тела масло и пот. Затем верховный жрец подал каждому снежно-белую полотняную мантию и завязал ее на шее золотым шнурком.

Аваллах вышел из комнаты, обтерся листьями и предстал перед верховным жрецом, который подал ему мантию. Когда жрец завязывал шнурок, Аваллах впервые заподозрил что-то неладное. Служитель храма смотрел на дверь, и в глазах его читалась тревога. Аваллах взглянул туда же — вроде все в порядке.

Он посмотрел на Белина. Тот стоял нахмурясь, с листьями в горсти, но не вытирался. Что-то не так... но что?

Верховный жрец завязал шнурок и пошел мимо Аваллаха к двери. Только тут царь догадался, в чем дело: девять их вошло в комнату, и только восемь вышло.

Аваллах двинулся за жрецом. По полу комнаты змеился благовонный дым, железный кратер еще светился. И здесь, смутно различимый на по-

лу, на который он упал, лежал Керемон — на боку, подтянув колени к груди.

В два шага Аваллах очутился подле Верховного царя. Он опустился на колени, положил ладонь туда, где должно было биться сердце. В комнату ворвался Белин.

— Умер?

— Да, — тихо отвечал Аваллах.

Вбежали остальные цари. Итазаис опустился на колени рядом с Аваллахом и прижал ухо к груди Верховного царя. Потом медленно выпрямился, тряся головой, не в силах поверить в случившееся.

Ледяное молчание сомкнулось над царями. Аваллах вгляделся в их лица. Даже в слабом свете раскаленного кратера было ясно — каждый из них просчитывает, взвешивает, оценивает возможные выгоды.

— Как это случилось? — хрипло прозвучал в тишине голос Мусеуса.

Итазаис взглянул на тело.

— Не вижу раны.

— Надо вынести его на свет, — сказал Аваллах, выпрямляя Керемону ноги. Итазаис взялся под мышками, и они вынесли тело во двор. Остальные гурьбой следовали за ними.

— Смотрите! — крикнул Хугадеран, указывая на Итазаиса. — Взгляните на его руки!

Итазаис в ужасе опустил взгляд: с его левой руки текла свежая кровь.

Аваллах перекатил тело на бок. Под лопатками уже собралась кровавая лужица.

— Поднимите ему руку! — распорядился он.

Никто не шевельнулся, и Аваллах сам поднял обмякшую руку. Тело просело, рана открылась. По ребрам Керемона на пол заструился багровый поток.

— Убийство! — завопил, расталкивая царей, верховный жрец и бегом бросился со двора с криком: — Убийство! Верховный царь убит!

Было уже очень поздно, когда Аваллах вернулся в свои покои. Брисеида встретила его в дверях. Она мягко подтолкнула его к дивану.

— Сядь, — сказала она. — Отдохни. Я приготовила еду.

Она пододвинула ему низкий столик и поставила подсвечник.

— Я не голоден, — ответил он, потирая лицо руками.

Она принесла поднос с холодным мясом и хлебом, поставила чашу с фруктами.

— Вино есть? — спросил он.

— Да, — отвечала она, — но не стоит пить на голодный желудок. Ты ничего не ел весь день.

— Принеси вина.

Она налила кубок и подала одной рукой, держа в другой поднос с хлебом и мясом. Он взял хлеб, она протянула кубок.

— Очень было тяжело? — спросила царица.

— Хуже, чем я мог себе представить. — Аваллах осушил кубок и протянул его жене, чтобы она вновь наполнила его. Отломил кусок хлеба, положил в рот, медленно прожевал. Она подала ему вино, обошла диван, положила руки на плечи мужа и стала массировать усталые мышцы в основании шеи. Он закрыл глаза и уронил голову на грудь.

Через некоторое время он взял ее за руки и притянул к себе, поцеловал и снова отхлебнул вина.

— Аннуби вернулся?

— Еще нет, — отвечала Брисеида. — Я велела ему прийти сюда и дожидаться тебя. Я не знала, сколько ты там пробудешь.

Аваллах кивнул, отломил еще хлеба. Краска постепенно возвращалась на его лицо. Брисеида взяла фруктовый ножик, разрезала грушу, протянула ему кусочек. Царь откинулся на спинку и закинул ноги на столик, держа кубок у груди.

— Орудие так и не нашли.

— А в комнате никто ничего не видел и не слышал? — спросила Брисеида.

— Один-то все видел.

— Нестор?

— Готов поспорить на свое царство, что он.

— Но почему?

— Думаю, Керемон решил его низложить. Возможно, Нестор посчитал, что, убив Керемона, он устранит угрозу себе и сможет легче начать войну.

— Кто-нибудь обвинил его в открытую? — полюбопытствовала Брисеида.

— Белин, — устало отвечал Аваллах. — Но орудия так и не нашли — я сам искал. А поскольку убийство произошло, когда все мы там были вместе и никто ничего не видел и не слышал, выходит, что Керемона сразил сам бог.

— Ты в это не веришь.

— Не верю, но другие готовы поверить, потому что это их устраивает. Эту версию предложил Итазаис, а Мусеус набросился на нее, как собака на кость. Для них это лучше, чем разбираться с обвинением Белина.

— А Нестор?

— Нестор хитер и хладнокровен, он умеет держать рот на замке и не давать новых поводов для обвинений. И все равно я уверен, что это он. Или кто-то по его наущению. Так или иначе, кровь Верховного царя на его руках.

— Что будет теперь?

— Это мы узнаем, как только вернется Аннуби.

— Я хочу сказать, кто наследует Керемону?

— У него осталась вдова из царского дома.

Брисеида удивленно подняла брови.

— Данея?

— Данея. Кто же еще? — Губы Аваллаха горько скривились. — Царство может перейти к вдове, если нет наследника и если она царских кровей.

— Но я думала...

— Вероятно, так же думал и Нестор, — сказал Аваллах. — Мейрхион нам напомнил. Чтобы принять бразды правления, ей нужно лишь одобрение Совета царей.

— Но согласится ли Совет?

— Обязательно. Я сам выступил за это.

— Ты? — Брисеида подняла брови. — Но, Аваллах, ты же мог стать Верховным царем.

— Мог бы. — Он пожал плечами. — Белин и Сейтенин меня бы поддержали. Однако Мусеус тоже метит на это место. Нестор с Хугадераном могли бы припугнуть Итазаиса, и он бы примкнул к ним.

— А Мейрхион стал бы на твою сторону.

— И голоса бы разделились пополам. — Он взглянул на жену, взял ее за руку. — Извини.

— Я не стремлюсь к венцу Верховной царицы, муж мой, — сказала она. — И мне не нужен Посейдонис.

— А мне нужно одно — разоблачить Нестора и разрушить его замыслы. — Он снова отхлебнул вина. — Избрать Данею — единственный выход. Обойти ее можно, только доказав, что она не может или недостойна править, а это неправда. И я не хочу, чтобы Совет забыл: один из нас — убийца. Ради своей выгоды некоторые предпочли бы закрыть на это глаза.

Брисеида положила голову ему на плечо.

— Ужасное, чудовищное убийство. Мне бесконечно жаль Данею — горе ее, наверное, безутешно.

Довольно долго они сидели в молчании, прежде чем раздался стук в дверь.

— Это Аннуби, — сказала Брисеида. Она подошла к двери и впустила прорицателя.

Аваллах встал и повернулся к своему советнику.

— Что скажешь?

— Нестор бежал из города, — ответил Аннуби.

Брисеида в изумлении взглянула на мужа.

— Ты знал это?

Аваллах кивнул.

— Как он бежал?

— На корабле. В гавани его дожидалась трирема.

— Когда это случилось?

— Начальник гавани не может сказать точно; полагаю, его молчание куплено. — Прорицатель гадливо скривился. — Однако за несколько монет невозможно скрыть час своего отплытия. Я поговорил с людьми, видевшими, как отходила трирема; это было никак не больше трех часов назад.

— Спасибо, Аннуби. Отдыхай, ты понадобишься мне завтра.

— Спокойной ночи, государь. — Он повернулся к царице, пожелал ей хорошо почивать и вновь исчез в темном коридоре.

— Что это значит? Я про Нестора, — сказала Брисеида, едва дверь затворилась.

— Он расписался в своей вине, — с яростью произнес Аваллах. — Но бегство его не спасет. Он ответит за все.

Брисеида задумалась, потом спросила:

— А тебя не удивляет, что Нестор приготовил галеру до Совета? Выходит, он знал, что решение будет не в его пользу?

— Кто-то его предупредил, — нахмурился Аваллах. — М-м-м, какая же у меня мудрая жена!

— Значит, кто-то еще с ним в сговоре.

Аваллах только отмахнулся.

— Лишь Белин и Сейтенин знали, что я поддержу царицу. Нет. — Он мотнул головой. — Нестор приготовил галеру на всякий случай.

Брисеида подошла ближе и обняла мужа.

— Знаю, дурно так думать, но я рада, что не мне сегодня ночью ложиться одной. Я бы этого не вынесла.

— Я тоже, — прошептал Аваллах, прижимая ее к себе. — Я не настолько силен.

ГЛАВА пятнадцатая

На третий день после разговора с трибуном Эльфин отправился собирать дружину. С ним ехал Киалл — первый из воинов будущей центурии. В Махинллете, деревушке из мазанок возле брода в сердце долины Диви, их приняли с радостью. Глава клана, рыжебородый великан Гвейр Паладир, так хлопнул Эльфина по спине, что у того затрещали позвонки.

— Ах ты! Королевич Эльфин! Гляньте-ка на него! Женатая жизнь пошла тебе впрок, как я посмотрю! Пошли, разопьем чарочку-другую. — Он повернулся к родичам. — Эй, ребята! Принесите лошадям воды и клочок сена.

Все трое вошли в дом Гвейра, где его жена-толстуха сразу захлопотала, выставляя перед нежданными гостями глиняные горшки и миски.

— Не суетись, жена, просто принеси нам пива.

Она поставила перед Гвейром внушительных размеров горшок. Тот налил чарки, так что потекло через край, и поднял свою со словами:

— Да здравствует наш повелитель, пусть копье его всегда разит в цель!

Выпили, налили еще.

— Ну, Эльфин, старина, какие новости? Слышал, на вас был набег?

— Да, хотели угнать скот... — начал он.

— Лорд Эльфин сразил двоих одним ударом, — вставил Киалл. — Сам видел. Пришел в исступление и насадил двоих на копье.

— Слыхал, — отвечал Гвейр, одобрительно кивая. — Слыхал.

— Их было немного, — объяснил Эльфин, — и они не ждали отпора.

— Вышел на них с голыми руками, — бахвалился Киалл. — Сам видел.

— Они были испуганные и заморенные. Я погрозил им щитом, они бросили оружие и разбежались.

— У него не было щита! — выкрикнул Киалл. — А копье он ухватил в воздухе, когда оно летело ему в сердце!

Гвейр хохотнул в бороду.

— Тут-то негодяи должны были призадуматься! Вы их узнали?

Эльфин пожал плечами.

— Помельче, чем круитни, и некоторые с раскрашенными лицами.

— Пикты! — воскликнул Гвейр, ударяя по столу кулаком. — Это они, грабители проклятущие, осаждают вал вот уже второе лето подряд.

— Далеконько на юг они забрались, — заметил Эльфин.

— Верно говоришь. А уж раз зашли, жди их снова — вот увидишь.

— Поэтому я и здесь, — сказал Эльфин. — Я собираю дружину.

Кустистые рыжие брови Гвейра удивленно поднялись.

— Дружину, говоришь? — Он перевел взгляд с одного гостя на другого, и по лицу его медленно расползлась улыбка. — Дружину, значит?

— Мне потребуется сто человек.

— Сто?!

— И столько же лошадей.

Гвейр оперся на локти, ссутулил мощные плечи.

— Это немало, Эльфин. Очень немало.

— Мы будем не скотокрадов пугать, а защищать наш народ и землю. Мою дружину обучат в римской кавалерии.

— В римской? — Улыбка сошла с его лица: до Гвейра постепенно доходила вся серьезность затеи.

— Я договорился с трибуном Каерсегойнта. Мы даем ему на лето людей и коней, а он возвращает их обученными и готовыми к бою.

Гвейр колебался.

— Сто людей и сто коней, — пробормотал он.

— Мы соберем их, — уверенно сказал Эльфин, — если приложим все силы. Я хочу быть с ними, чтобы научиться командовать. Трибун сказал, что кроме круитни на юг от Вала пробиваются аттакотты и скотты из Ирландии, и еще какие-то саксы. Набегов следует ждать ко времени сбора урожая, если не раньше.

— А что, гарнизон их не остановит?

— Нет, — Эльфин твердо покачал головой. — Во всех гарнизонах недобор. Им не сдюжить.

— Я плачу немалые подати, — буркнул Гвейр Паладир.

— Подати податями, на людей не хватает. А хоть бы и хватало — дикари осмелели. Если мы будем смотреть и ждать, головы наших детей скоро украсят их пояса.

— Неужто все так плохо? — усомнился Гвейр.

— Уж поверь, — сказал Киалл.

— Да. И будет еще хуже. — Эльфин положил ладони на стол. — Сильная дружина — главная наша надежда.

— А лорд Гвиддно? Что говорит он?

— Соглашается. Или мы собираем дружину, или будем смотреть, как жгут и грабят наши деревни, угоняют женщин и скот.

Гвейр запустил пятерню в тронутую сединой гриву.

— Я и не знал.

— Так ты нас поддержишь?

— Да, да. Гвейр Паладир свою часть выполнит. Махинллет даст людей и коней.

Эльфин просиял.

— Вот и славно! — Он поднял кубок. — Здрав будь, Гвейр.

— Да, и да будут здравы враги наших врагов!

Они выпили, утерли пену с усов, и запыхавшаяся хозяйка поставила на стол дымящийся горшок. Пока она разливала похлебку по деревянным мискам, Эльфин спросил:

— Так на сколько человек нам рассчитывать?

Хозяйка предостерегающе взглянула на мужа. Гвейр покусал губы и, не обращая внимания на выразительный взгляд жены, сказал:

— На пятнадцать... нет, пусть будут все двадцать!

Жена грохнула на стол чугунок и, колыхаясь, вышла из комнаты.

— Пусть будет десять, — ответил Эльфин. — Этого довольно. Мы не хотим оставить деревню без мужчин. Тебе понадобятся работники в полях и во время уборки.

— Десять так десять, — широко улыбнулся Гвейр. — Клянусь светом Ллеу, это будет славная дружина!

Так оно и продолжалось. В Нетбо, Исгибор-и-Коеде, Талибонте, Невенире, Динодиге, Арлехведде, Плас Гогерддане, Бреви Вауре, Абериствите и других селениях королевства Гвиддно Гаранхира — везде Эльфин встречал ласковый прием и просил дать ему людей. Там, где откровенность и разумные доводы не достигали цели, Эльфин упрашивал, грозил, льстил и ловил на слове. Одного за другим убеждал он местных правителей.

В Каердиви он вернулся через пять дней, заручившись обещаниями получить сто двадцать человек. Гвиддно Гаранхир порадовался сыновним успехам.

— Когда они приедут? — спросил он.

— За три ночи до полнолуния. Они должны привезти еды для себя и корма для лошадей на всю дорогу. Мы даем мясо, пиво и хлеб.

— Как договаривались. Надеюсь, трибун Авит оценит нашу щедрость, — неохотно согласился Гвиддно.

Эльфин сурово взглянул на него.

— Слушай, отец. Мы делаем это не для Авита или кого-то еще. Это для нас самих. Ты слышал центуриона Максима: мы будем защищать себя и свое добро. Важно, чтобы это понимали все.

— Да все я понимаю, — раздраженно произнес Гвиддно. — Мне вот что не нравится: разве я плачу подати не для того, чтобы римляне охраняли мои земли?

— Гвейр, Тегир, Эбрей и остальные — все слово в слово говорят одно и то же, — ответил Эльфин. — Но это не меняет главного — власть Рима не безгранична. А даже и будь она безгранична, легион не может поспеть всюду. Дружина нужна нам самим и обойдется в пустяк — часть летней подати. Глуп тот властитель, который ради такой малости ставит под удар все.

Гвиддно нехотя согласился.

— А ведь было время, когда соседство с гарнизоном что-то да значило.

Эльфин ухмыльнулся:

— Погоди, к концу лета у нас будет свой гарнизон.

Последующие недели были посвящены сбору припасов для поездки в Сегойнт на все долгие летние месяцы. Для Эльфина время отъезда выпало неудачное, ведь он только что женился и беспокоился о своей семье. Он старался как можно больше времени проводить с женой и сыном. Они с Ронвен часами гуляли вдоль реки и по обрывам над морем, смотрели, как ядреными звездными ночами и ясными солнечными днями весна преображает поблекший за зиму мир.

— Ты уезжаешь так надолго, — вздохнула Ронвен, ставя обед на стол в их новом доме. — Мы будем скучать.

— Я уже без тебя скучаю, — нежно сказал Эльфин, ловя ее за руку и притягивая к себе. — Сумеешь ли ты быть сильной? Вытерпишь ли разлуку?

— Не скажу, что это будет легко, но я рада, что ты едешь. Я знаю, как тебе это важно. Ты должен ехать ради нашего будущего.

Эльфин притянул ее руку ко рту и надолго прижал к губам.

— Ах, Ронвен...

— Полнолуние и новолуние прошло с тех пор, как мы поженились, супруг мой.

— Да.

— Срок нашего разделения окончился. Пора нам быть вместе.

Эльфин рассмеялся и обнял ее за талию.

— Ты очень прямолинейная, Ронвен. А еще ты очень красивая, очень сильная, очень добрая — короче, женщина по моему вкусу.

Она отбросила с глаз прядь каштановых волос, взяла Эльфина за руки и повела к ложу.

Хафган сидел на залитом солнцем пне, крутил в руках посох, синий плащ был переброшен через одно плечо. Его серо-зеленые глаза были устремлены в небеса; казалось, он задремал, но два мальчика, сидящие у его ног, знали, что он бодрствует.

— Наблюдайте, — нараспев говорил Хафган, — как они летят. Как они держат крылья?

Два филида подняли глаза к небу и увидели стайку лесных голубей, летящих в сторону холмов к востоку от каера.

— Они летят низко, Хафган, крылья их прижаты к телу, — ответил один.

— Тебе это что-нибудь говорит?

Мальчик с минуту глядел на голубей, потом пожал плечами и сказал:

— Несуразные птицы, поди с ними разберись.

— В природе нет ничего несуразного, Блез, — укорил его Хафган. — Каждое тело создано для своего образа жизни. Посему, столкнувшись с необычной задачей, оно может вести себя несуразно. Мы наблюдаем, мы видим, а когда причины того, что мы видим, известны, мы знаем. — Хафган указал на голубей. — Ну-ка, посмотрите снова и скажите мне, что вы видите.

— Они мечутся, летят то выше, то ниже. Не могу представить себе никакого объяснения.

— Думай, Блез! Кричат ли они, пролетая у нас над головой? Спасаются ли они от хищника? Не против ли ветра они летят? Не ищут ли они, где опуститься?

Темноволосый юноша взглянул из-под руки.

— Они летят против ветра. Хищника нет. Пролетая, они не кричат.

— Ты не видишь причины?

— Нет, учитель, не вижу, — упавшим голосом произнес Блез.

— Ты молчишь, Индег. Надеюсь, это признак мудрости. — Хафган повернулся к другому своему ученику. — Каков твой ответ?

— Я тоже не вижу причины, по которой лесные голуби летят именно так, — отвечал юноша. — На мой взгляд, это необъяснимо.

— Посмотрите еще раз, безмозглые вы мои, — вздохнул Хафган. — Глядите выше. — Юноши подняли глаза. — Еще, еще. Выше. Еще выше. Что вы видите? Кто там? Кто парит на распластанных крыльях?

— Сокол! Вижу! — закричал Блез, подпрыгивая. — Сокол!

— Да, сокол. А какой?

Блез снова сник.

— Не могу различить на такой высоте.

— Я тоже, — хохотнул Хафган. — Однако сама высота должна тебе подсказать.

Блез наморщил лоб.

— Кречет или сапсан. Голуби летят низко, плотной стаей, чтобы от него скрыться.

— Молодчина! Однако, клянусь рогатым Цернунном, это все равно что вырывать зуб!

Блез проводил взглядом голубей, скрывшихся в лесу, и, сияя, обернулся к наставнику.

— Теперь я понимаю. Близость хищника влияет на их полет. Они летят так от страха!

— Страх! Что вы знаете о страхе?

— Это мощный побудитель к действию.

— Мощнейший из побудителей, — добавил Индег. — Самый сильный из них.

— Страх толкает к действию робкого, а смелого делает отчаянным, это правда, — ответил Хафган. — Однако есть более сильный побудитель.

Индег и Блез удивленно переглянулись.

— Что это? — спросили они.

— Надежда, — мягко произнес Хафган. — Надежда сильнее всего на свете.

Пока они размышляли над его словами, друид повернулся и поднял руки со словами:

— Смотрите! Вот шествует тот, кто недавно не знал надежды, а ныне возвысился над людьми.

Филиды обернулись и увидели Эльфина с Ронвен, шедших рука об руку.

— Будущий повелитель нашей земли, — объявил Хафган. — Привет тебе, Эльфин! — (Два ученика внимательными темными глазами смотрели на приближающуюся пару.) — И тебе привет, леди Ронвен.

— Это твои слуги, Хафган? — спросил Эльфин, подходя и указывая на двух юношей, одетых в серые рубахи и штаны. У каждого был перекинут через плечо темно-бурый плащ.

— Цена значимости.

— Надеюсь, не слишком тяжелая?

— Тяжелая, еще какая. Бремя чужих ожиданий всегда нелегко, — он

строго взглянул на молодого правителя и добавил: — Однако судьба берет и другую плату.

— Я заплачу, — беспечно отвечал Эльфин. — Сто пятнадцать человек, Хафган. Слышал? С такой дружиной будут считаться.

— Да, и удача потребует от тебя больше, чем прежнее невезенье.

Эльфин улыбнулся, глубоко вздохнул.

— Какой же ты скучный, Хафган! Погляди, какой денек! — Он откинул свободную руку, словно желая обнять все мироздание. — Разве можно в такую погоду думать о невезенье?

Хафган увидел, что они с Ронвен держатся за руки, пальцы их переплетены, увидел любовь в глазах Ронвен, ее растрепавшиеся волосы.

— Пейте жизнь большими глотками, Эльфин и Ронвен. Отныне ваши души неразделимы.

Ронвен при этих словах смущенно зарделась. Однако Эльфин звучно рассмеялся.

— Неужели ничто не ускользает от тебя, Хафган? Неужели ты видишь все?

— Я вижу довольно. — Он склонил голову набок. — Я вижу честолюбивого юношу, которому отцовская корона, возможно, покажется маловатой.

Смех замер на губах Эльфина. Гневный румянец залил его щеки.

— Завидуешь?

— Ба! — Хафган только отмахнулся. — Ты знаешь меня, а если не знаешь, так должен бы знать. Я говорю лишь о том, что есть или может случиться. Но я вижу, что бросаю слова на ветер. Иди своей дорогой, Эльфин. Не обращай внимания на мои слова.

— Будь здоров, друид, — процедил Эльфин.

Они с Ронвен пошли по дороге к каеру, Хафган и два его ученика остались смотреть им вслед.

— Дурак, лезет не в свои дела, — пробормотал Эльфин.

— Никогда так не говори, — сказала Ронвен. — Это до добра не доведет — так отзываться о барде. Что он тебе сделал кроме хорошего?

Эльфин сердито молчал.

— Чего он от меня хочет? — начал он, потом взорвался: — Я делаю, что он говорит, а когда мне это удается, он говорит, что я возгордился. Чего он хочет?

— Думаю, — отвечала Ронвен, тщательно подбирая слова, — он хочет, чтобы ты стал лучшим королем в истории нашего народа. Может быть, лучшим в этой стране. Если он тебя укоряет, то лишь затем, чтобы ты не забыл добытое столь дорогой ценой.

Эльфин на мгновение задумался, потом широко улыбнулся.

— С такой мудрой женой и таким настойчивым бардом мне, похоже, не остается иного выбора. Простым я был, простым и останусь до конца моих дней. — Он крепко сжал ее руку. — Однако, моя госпожа, сегодня в твоих объятьях я чувствовал себя величайшим из смертных.

— Так будет всегда, — отвечала Ронвен. Глаза ее сияли. — У тебя будет лишь одна жена, Эльфин ап Гвиддно. Я намерена удержать за собой это место.

Они прошли по длинной насыпи через ворота и увидели первых из Эльфиновых людей. Они стояли возле дуба — шесть коренастых юношей из Талибота — и держали в поводу коней — быстрых, неутомимых местных пони. При виде Эльфина юноши опустились на одно колено.

— Они еще совсем мальчишки, — заметила Ронвен.

— Да, но к Самайну они станут мужами. — С этими словами Эльфин зашагал к ним, протягивая руки. — Встаньте, кимброги! — воскликнул он, поднимая ближайшего с колен. — Вы еще не воины, да и я пока не ваш король. Мы соотечественники, а не римляне, и не ползаем друг перед другом на брюхе.

Юноши, похоже, были смущены, но заулыбались и поздоровались со своим таким простым и доступным повелителем и его женой, на которую смотрели с явным восхищением.

— Вы — первые в моей дружине, — сказал Эльфин, — и ваше рвение делает вам честь. Сегодня вы будете есть за моим столом, а завтра мы приготовимся встречать остальных. Идемте, друзья, поднимем кубки, споем песню-другую. В ближайшие недели нам будет не до песен.

В следующие два дня Каердиви стал напоминать воинский лагерь. Люди и кони прибывали со всего Гвинедда. Когда все собрались, Эльфин приказал устроить пир. В центре каера вырыли яму и зажарили двух оленей. В ту ночь они пировали и веселились, распевая юными голосами берущие за душу песни кимров.

Эльфин и Ронвен ушли с пира и легли вместе в своем новом доме — в первый раз с его постройки и в последний перед расставанием. После любовных утех они лежали в объятиях друг друга и слушали песни, разносящиеся по ветру.

— Я буду каждый день приносить жертвы Ллеу и Эпоне, чтобы ты вернулся цел.

— М-м-м, — сонно пробормотал Эльфин, — спокойной ночи, госпожа моя.

Ронвен тесно прижалась к нему.

— Спокойной ночи, мой господин.

Она долго лежала, слушая, как ровно он дышит во сне. Мягкая тишина ночи накрыла их, словно теплым крылом, и Ронвен наконец погрузилась в мирную дремоту.

Сто двадцать пять человек выехали следующим утром с Эльфином во главе. Гвиддно и Ронвен с маленьким Талиесином на руках стояли в воротах, окруженные жителями каера. Они провожали дружину. Длинная колонна всадников исчезла из виду, провожавшие вернулись к обычным дневным заботам.

Ронвен ненадолго задержалась у ворот.

— Видишь, как они едут, Талиесин? — прошептала она, прижимая его головку к своей щеке. Младенец пускал пузыри и тянулся ручонкой. — Они вернутся нескоро и сильно переменившимися.

Обернувшись, она увидела, что на нее смотрят Медхир, Эйтне и несколько других женщин.

— Теперь начинается женский труд, — сказала Медхир. — Самый тяжелый труд: ожидание.

Остальные согласно закивали и зацокали языками.

— Я легко стерплю ожидание, — сказала Ронвен, — зная, что эти смелые люди ради нас переносят куда большие тяготы.

— Это ты сейчас так говоришь, — отвечала Медхир, слегка задетая ее словами. — Однако дай срок, и ты узнаешь, как тоскливо оставленной жене.

Женщины снова закивали.

— Слушай ее, Ронвен, — воскликнула Эйтне, — она знает, что говорит.

Ронвен обернулась к женщинам. В глазах ее вспыхнул огонь.

— А вы послушайте меня, вы все! Когда Эльфин вернется, он найдет свой дом прибранным, дела в порядке, жену веселой и ласковой. Никогда мой господин не услышит от меня и слова укоризны.

Она повернулась и быстро пошла через каер, высоко подняв голову. Несколько молодых женщин, тоже проводивших мужей, последовали за ней. Вместе они принялись готовиться к возвращению своих любимых.

ГЛАВА шестнадцатая

Тело Верховного царя отнесли во внутреннее помещение храма, где жрецы шесть дней и шесть ночей готовили его к погребению в соответствии со сложным древним обрядом. Еще через три дня состоялись умеренно торжественные похороны. Присутствовали оставшиеся цари. Все они несли на лицах приличествующую случаю скорбь, все хвалили усопшего в умело составленных, рассчитанных речах. Если кто-нибудь кроме Верховной царицы искренне горевал о Керемоне, то умело скрывал это.

Сейтенина звали срочные дела, и он покинул Посейдонис на следующее утро после похорон. Аваллах и другие цари задержались еще на несколько дней — исключительно ради приличия. Вопрос о наследовании был решен, соболезнования вдове выражены, официальные дела улажены.

А вот для Хариты эти лишние дни оказались подарком — так как делать было больше нечего, ей позволили сколько угодно бродить с братьями по городу. Они посмотрели храм Солнца с его подземными бычьими аренами и башнями для астрономических наблюдений; великолепную гавань, где из воды вставал бронзовый Посейдон, вооруженный золотым трезубцем, в сопровождении буйной стаи синих дельфинов; царскую библиотеку, в которой хранились тысячи томов на всех известных языках мира; огромную ярмарочную площадь с фонтаном-сфинксом; пещеру со священным горячим источником в горах и многое другое.

Когда подошел наконец день отправления, Харита неохотно уселась в повозку рядом с матерью. Она сидела насупясь, покуда процессия проезжала по Церемониальному пути и далее по мостам через три городских кольца. На улице Портиков Брисеида повернулась к дочери и сказала:

— Не горюй, Харита, ты еще здесь побываешь.

"Да, — подумала она, — я еще здесь побываю. Этот город будет моим". Она больше не оглядывалась, но смотрела вперед на дорогу, по которой однажды вернется.

Следующий день был похож на предыдущий, как если бы та же рука достала его из того же колодца: диск Бела взошел и закатился, люди спали

под звездными, безоблачными небесами, а белая дорога медленно скользила из-под колес.

Как-то утром в начале второй недели пути длинная вереница повозок въехала в темную чащу на дальнем краю земель царя Сейтенина. Радуясь возможности скрыться от палящего солнца, Аваллах разрешил после обеда немного отдохнуть в тенистой прохладе. Они с царицей прилегли, остальные последовали их примеру — устроились под лиственной сенью и погрузились в глубокую полуденную дремоту.

Харите спать не хотелось, и она побрела по тропинке, собирая цветы и напевая песенку, которая сложилась у нее в ночь после жертвоприношения. Голосок ее серебряной капелью звенел в лесной чаще.

Она не поняла, как далеко отошла от лагеря, пока не услышала далекие крики и не догадалась, что кого-то выслали ее искать. Она тут же повернула и побежала назад по извилистой тропинке, надеясь сократить расстояние прежде, чем ее найдут.

Вскоре она услышала еще крики — резкие, испуганные. Она бросила цветы и побежала быстрее. Ржали лошади. Звенели мечи. В чем дело? Что там такое? Через несколько минут, задыхаясь — сердце, казалось, выскочит из груди, — Харита выбежала на место привала.

Немыслимый ужас предстал ее глазам: люди, пошатываясь, брели с разрубленными головами или сидели, потрясенно глядя на кровавые обрубки, оставшиеся от рук или ног. Многие лежали на мокрой от крови земле, уставясь в безоблачное небо, с пронзенными стрелами горлом или грудью.

Ни Аваллаха, ни Брисеиды, ни братьев она не видела. Харита с воплем кинулась на место страшной трагедии, ужас холодными пальцами стиснул ей сердце. Она бегала среди мертвых и умирающих, зовя близких срывающимся от отчаяния голосом.

Она споткнулась обо что-то и упала ничком на обезглавленное тело царской прислужницы, Илеаны. Вскочила, побежала дальше с криком:

— Мама! Мама! Где ты?!

Повозка все так же стояла возле дороги. Одна лошадь вырвалась из упряжки, другая лежала на боку, тяжело дыша, из брюха ее торчали четыре стрелы. Харита подбежала к повозке. Царица Брисеида лежала на земле рядом с задним колесом. Длинная алая полоса шла через ее горло и еще одна — по запястью руки, которой она пыталась заслониться.

Лицо Брисеиды покрывала восковая предсмертная бледность, незрячий взор устремился в голубое ничто, такое же пустое, как смотрящие в

него глаза. Повсюду была кровь, много крови... Она омочила землю под головой царицы, залила кожу и порванную одежду и продолжала хлестать из ужасной раны.

— Мама, — прошептала Харита. — Ой, мама...

Брисеида повела глазами, но они оставались пустыми и затуманенными.

— Харита, — хрипло произнесла она. В уголке ее рта появились алые пузыри. — Я... не вижу тебя, Харита...

— Я здесь, мама.

— Харита... ты меня слышишь?

— Да... слышу, — сказала девушка и, наклонившись, взяла материнское лицо в ладони. — Я здесь. Мы вне опасности.

— А... другие?

— Думаю, тоже. Я не нашла отца.

— Холодно... Накрой меня, Харита...

— Сейчас... — Харита взяла из повозки дорожный плащ и укутала им мать. — Лучше?

— Я устала... — Брисеида медленно закрыла глаза, — очень устала... Обними меня...

— Нет! Не надо, пожалуйста! — Харита обхватила мать, прижалась щекой к ее лбу.

— Позаботься о них, Харита... — Голос ее перешел в еле слышный шепот... — Больше... никого... не осталось...

Царица кашлянула, судорога прошла через ее тело, и она больше не шевелилась.

Когда Харита через некоторое время приподняла голову, то увидела долговязую фигуру Аннуби. Он шел с места побоища. Она встала, подошла к нему, ухватила за руки.

— Она мертва... моя мама мертва.

— Этого не должно было случиться, — сказал он, глядя прямо перед собой. — Этого никто не ждал.

— Где мои братья, Аннуби? — выкрикнула Харита. — Где мои братья?

— В безопасности. Я сумел их уберечь, — отвечал он.

— А мой отец, Аннуби... где он? — она вновь зарыдала.

— Поскакал за этими... за людьми Нестора. Они напали на нас во время сна — перебили сонных. Нас предали. Я спал. — Он повернулся к Харите. — Ты что-то говорила про свою мать?

— Она мертва! — вскричала Харита. — Ой, Аннуби, ее нет, нет!

— Где она?

— Там, — отвечала Харита, указывая на повозку.

Прорицатель подошел к мертвой царице, встал на колени и коснулся ладонью ее щеки.

— Прости, Брисеида, — прошептал он. — Мы видели, но не видели... слепцы... Я должен был догадаться... предотвратить. Смерть царской особы... я думал... это о Верховном царе... — Он устало махнул головой. — Я не знал, что будут другие. Я спал... слишком долго.

Стоявшая рядом Харита начала всхлипывать.

Он выпрямился и резко обернулся, обнял Хариту за плечи.

— Нет, Харита, сейчас не время для слез.

— Не понимаю, — плакала она. — Я рвала цветы... я слышала... я нашла ее...

Подбородок ее задрожал.

— Знаю. Но сейчас ты должна думать не только о себе. Есть и другие. Скорбеть будем позже, а сейчас перед нами большая работа. Ты мне нужна, чтобы заняться ранеными.

Она высморкалась, утерла глаза, и они вместе двинулись по месту побоища, разбирая, кто живой, а кто мертвый, и по возможности оказывая помощь.

Харита работала, не думая ни о чем, чувства ее притупились, руки и ноги делали, что говорил Аннуби. Она помогала перевязывать раны и вправлять сломанные кости — тянула, держала, приподнимала, обматывала, завязывала, где велели. Они еще продолжали заниматься ранеными, когда впереди на дороге послышался стук копыт.

— Прячься! — зашипел Аннуби.

Харита не шевельнулась. Прорицатель взял ее за руку и развернул.

— Под повозку! Быстро!

В этот момент из леса вылетела колесница. С нее спрыгнул Аваллах. Из ран на его плече и груди шла кровь. Харита подбежала к нему, обвила руками за шею.

— Ты цел?

Аваллах оторвал ее от себя и медленно подошел к Брисеиде. Мгновение он смотрел на мертвое тело жены, затем встал на колени и поднял его на руки. Он отнес свою царицу в тень деревьев, где они спали перед нападением, мягко опустил на землю и сложил ей руки на груди.

Харита подошла, взяла его за руку.

— Она вернулась за тобой, — сказал Аваллах, не глядя на нее. — Она была в безопасности, но вернулась искать тебя.

Он вырвал руку.

В этот миг подъехал Киан с остатками стражи — отряд, выехавший из Сарраса, не досчитался более чем половины. Царь быстро повернулся и принялся отдавать распоряжения:

— Мы поскачем к Сейтенину. Я хочу добраться до его дворца, пока не стемнело. — Он повернулся к прорицателю. — Аннуби, приведи царевичей. Я хочу их видеть.

В мягком грунте вырыли неглубокие могилы и закопали мертвых. Тело царицы накрыли плащом и отнесли в повозку. Харите велели в одиночку сопровождать мертвую мать. Аннуби, посчитавший наказание суровым и ненужным, попробовал было вмешаться.

— Государь, — предложил он, — разреши мне взять девочку к себе, и тебе не придется о ней думать.

— Она поедет с царицей, — твердо объявил Аваллах.

К концу дня двинулись. Когда повозки тронулись с места, Харита оглянулась: на месте трагедии стояла полная тишина; разбросанные там и сям у дороги и под деревьями кучки взрытой земли и уже облепленные мухами конские трупы молчаливо свидетельствовали о бойне.

До Сейтенинова дворца добрались посреди ночи. Ворота уже давно заперли, но быстро отворили, услыхав, кто ждет на дороге. Сейтенин босой, в ночной рубахе выбежал к ним во двор. Он приветствовал Аваллаха и, обменявшись с ним несколькими словами, отправил слуг назад во дворец. Через несколько минут появились жрецы, и тело мертвой царицы препоручили их заботам.

— Иди и ты с ними, — приказал Аваллах Аннуби, а сам пошел с Сейтенином во дворец.

— Я зайду к тебе потом, — сказал Аннуби Харите. — Съешь что-нибудь, если сможешь.

Харита печально кивнула. Пришли слуги проводить их в опочивальни. Хариту с братьями разместили в царских покоях: ее отдельно, царевичей отдельно.

Голый по пояс, Аваллах сидел на табурете, а жрец промывал его раны, смазывал их душистым бальзамом и перевязывал чистыми бинтами. Сейтенин сидел напротив, лицо его горело яростью, но глаза смотрели холодно и отрешенно. Он слушал, как Аваллах рассказывает о горестных событиях сегодняшнего дня.

— Они накинулись на нас с двух сторон, — сказал Аваллах, — и без всякого предупреждения. Мы спали возле дороги. Их было четверо на одного нашего. Мечи и луки. Они стреляли на скаку, затем принялись рубить всех

без разбору. Несколько минут, и они унеслись прочь. А-а! — он скривился от боли.

— Осторожнее, болван косорукий! — прикрикнул Сейтенин на жреца. Тот смиренно извинился и продолжил свое дело.

Аваллах сглотнул:

— Я собрал кучку воинов и поскакал следом. Они свернули с дороги, и мы вскоре потеряли их в лесу.

Жрец закончил перевязку и тихо удалился. Сейтенин накинул на Аваллаха плащ и протянул ему чашу неразбавленного вина.

— Выпей, это притупит твою боль.

Аваллах поднес чашу к губам со словами:

— Моя боль притупится, когда я проволоку Нестора по улицам за моей колесницей и прибью его обезглавленное тело к моим воротам.

— Это был Нестор? Ты уверен?

Аваллах взглянул на Сейтенина в упор.

— Кто же еще?

— Ты его видел?

— Нет! — Аваллах встал с табурета. — Но, клянусь богами, я знаю, что это он.

— Сядь, сядь. — Сейтенин усадил его на место. — Пей. Мне просто интересно, посмел ли он напасть самолично.

— А ты бы посмел?

Сейтенин покачал головой.

— Я — нет. — Он помолчал, печально взглянул на Аваллаха и сказал: — Я вне себя от гнева и скорби, что это гнусное деяние свершилось в моих землях. Можешь располагать моими людьми. Если хочешь отправить их на поиски...

Аваллах устало мотнул головой.

— Я бы сам их возглавил, если б имел хоть малейшую надежду догнать негодяя. Но нет, он уже далеко.

— И что ты будешь делать?

— Поеду домой хоронить жену, — глухо ответил Аваллах. Он отхлебнул вина. Напряженные складки на его лице немного разгладились.

— А потом?

— Не знаю.

Сейтенин рывком встал.

— Да, конечно. Незачем думать об этом сейчас. Я оставлю тебя. А пока тдыхай. Давай поговорим завтра. — Он пошел к двери, затем остановился и оглянулся на него. — Мне очень жаль царицу, Аваллах. Я скорблю

вместе с тобой. Брисеида была замечательной женщиной. Прими мои соболезнования.

Он пожелал Аваллаху спокойной ночи и ушел, мягко прикрыв за собой дверь.

Харита сидела на краю ложа и смотрела на стену. На стене был нарисован смуглый улыбающийся мальчик на синем дельфине посреди моря, кишащего всевозможными тварями. Она слышала, как скрипнула, открываясь, дверь и раздались робкие шаги.

— Харита? — произнес нежный шепелявый голосок. — Харита, мне ужашно жаль.

Царевна медленно подняла гляза. Это была Ливана в тонкой ночной рубашке, ее круглое личико выражало глубокую печаль.

— Я шлышала про твою... — Она не смогла договорить, просто подошла к подруге и обняла ее за шею. — Ой, Харита...

— Это было ужасно, — сказала Харита. — Ужасно, Ливана. Ее всю изрубили... Она умерла на моих глазах.

— Не надо говорить. — Ливана взяла Хариту за руки и опустилась рядом. Довольно долго они сидели в молчании — чувства их было не выразить словами.

Взошла луна и залила комнату бледным светом. Ливана шевельнулась, погладила Харитину ладонь.

— Ложишь и попытайшя ушнуть. Я вернушь утром.

Харита легла, Ливана натянула на нее покрывало и на цыпочках вышла из комнаты.

— Это все я, — шептала Харита, глядя сухими глазами во тьму. — Это я виновата.

На следующее утро Харита проснулась рано. Она была одна в комнате. Когда Ливана пришла, то застала ее сидящей на кровати в мятой от ночного сна одежде. Волосы Харита зачесала назад и подвязала. Вдвоем они спустились на кухню и позавтракали вместе с младшими детьми царя Сейтенина. Тут же были Эоинн и Гуистан, по всей видимости, не пострадавшие во время нападения. Они кивнули Харите и продолжили разговор с тремя сыновьями Сейтенина.

— ...тысяча, — говорил Эоинн

— Нет, десять тысяч! — вставил Гуистан.

— Все с длинными мечами, — сказал Эоинн.

— И вот такущими стрелами! — добавил Гуистан.

— На быстрых конях, — сказал Эоинн.

— Киан говорит, они были такие быстрые, что растворились в воздухе! — подхватил Гуистан.

— Охота вам про такое шлушать! — топнула ногою Ливана.

— Мы просто попросили рассказать, что там было, — захныкал один из мальчиков постарше.

— Я вам шкажу, что там было! Людей поубивали — вот што там было. — Она сердито глянула на Эоинна с Гуистаном. — Вашу родную мать убили — неужели вам вше равно?

Она резко повернулась и увела Хариту в дальний угол комнаты, где возле очага стоял маленький стол. Один из поваров принес им тарелку с овсяными лепешками и фрукты. Они ели в молчании. Через несколько минут мальчишки выбежали с кухни.

— Они мне не братья, — сказала Ливана.

Харита улыбнулась кончиками губ, но глаза ее оставались печальными.

— Мои ничуть не лучше.

— Иногда я думаю, что повитуха украла царшких детей и положила в колыбельку швоих.

— Хотя сама знаешь, что такого не может быть, — чуть просветлела Харита.

— Не может, но это многое бы объяшнило.

Харита рассмеялась.

— Иногда мне тоже казалось, что мои братья — подкидыши, а я — единственная настоящая дочь Аваллаха и Бри... — Голос ее осекся.

— Идем ко мне, — предложила Ливана. — Рашкажешь о царшком городе. Я ни ражу не была в Пошейдонише.

— Мне потребуется несколько дней, чтобы все рассказать, — говорила Харита, выходя вслед за Ливаной из кухни.

— Ну что ж, теперь и пошлушаю.

Девочки направились к Ливане в комнату. Путь их лежал через огромный сводчатый покой.

— Харита!

Резкий выкрик заставил их остановиться на полушаге и обернуться. Царь Аваллах стоял на лестнице, уперев руки в бока, и хмуро смотрел на девочек.

— Отец? — голосок Хариты гулко отдался в огромном пустом покое.

— Мы уезжаем сию минуту. Иди во двор и дожидайся повозок.

Харита открыла было рот, но Аваллах развернулся и ушел. Она осталась смотреть ему вслед.

— Я пойду ш тобой, — сказала Ливана.

Они стояли по дворе, почти не разговаривая, пока не пришло время прощаться.

— Прощай, Харита! — крикнула Ливана, когда Харита садилась в повозку своей матери. Тело Брисеиды обвили душистыми полотняными пеленами — приготовили к погребению. Вновь Аннуби попробовал вступиться за девочку, и вновь Аваллах настоял, чтоб она сопровождала тело матери в одиночку.

До самого Сарраса с ними ехали вооруженные люди Сейтенина, но дорога оставалась спокойной, и, хотя они останавливались и расспрашивали крестьян и купцов, никто не видел отряда, который описывал Аваллах. Весть о гибели Брисеиды намного опередила процессию, и, когда они достигли Царской дороги, ведущей ко дворцу Аваллаха, по обеим ее сторонам уже стояли заплаканные люди с оливковыми ветвями в руках.

Через два дня тело Брисеиды в зеленом и золотом одеянии, с золотой тиарой на голове, отвезли в открытой повозке под зеленым шелковым балдахином из дворца в царскую усыпальницу.

Белая мраморная усыпальница стояла на вершине зеленого холма. Из долины к ней вела длинная, зигзагообразная лестница. Дроги везли запряженные цугом вороные кони, впереди ехали три колесницы, тоже запряженные воронымн. Над головами коней покачивались длинные султаны из черных перьев. В колесницах ехали Эоинн, Гуистан и Харита, правили Аваллах, Киан и Майлдун.

Дорога из дворца спускалась вдоль яблоневых рощ и пролегала через лес, прежде чем упереться в лестницу. Колесница катила по улицам Келлиоса, Харита стояла рядом с безмолвным, мрачным Майлдуном. Когда похоронная процессия достигла леса, она обернулась взглянуть на толпу провожающих, растянувшуюся до самого города.

Что-то в этой картине заставило ее вглядеться пристальнее. Почему это зрелище кажется таким знакомым? В следующий миг Харита уже точно знала, что видела все это — колесницы, лошадей в черных султанах, народ, идущий за похоронными дрогами, — все предстало ее взору в мутных, взвихренных глубинах Лиа Фаила.

Харита покачнулась. Разум ее мутился. Руки ухватились за поручень, ей пришлось опереться на борт колесницы. Майлдун взглянул на ее внезапно побелевшее лицо и сказал:

— Смотри вперед; будешь крутить головой — укачает.

Она выпрямилась и стала смотреть на дорогу впереди, на белую гробницу, сияющую от яркого солнца.

— Харита, что с тобой? — назойливо звучал в ушах голос Майлдуна. Она взглянула на брата, и тот поплыл у нее перед глазами, как плыла в волнах полуденного зноя гробница. — Что с тобою, Харита?

"Я видела это все, — думала она и вспомнила, что видела тогда и другое: дикого темноволосого человека в шкурах, с пророчеством на обожженных солнцем губах. — Я видела его, видела Трома. Я видела похороны моей матери... Я видела все и ничего не сделала, чтобы это предотвратить. Я видела и не видела".

Тело Брисеиды медленно внесли по длинной лестнице, где поместили на мраморное ложе, убранное зеленым шелком и цветами. Царская семья стояла по одну сторону, покуда жители Сарраса вереницей тянулись мимо по другой, рыдая в голос и призывая Бела в сверкающей колеснице отвезти душу усопшей в подземное Царство теней.

Тело уложили в огромный каменный саркофаг глубоко в сводчатом подземелье. В свете факелов жрецы под древние песнопения, призванные облегчить душе переход в иной мир, закончили готовить его к последнему пути. Харита бесстрастно простояла всю церемонию, губы ее оставались плотно сжатыми.

Наконец медленно опустили тяжелую каменную крышку, и она с глухим стуком встала на гроб. Когда остальные повернулись уходить, Харита сошла со своего места и приблизилась к саркофагу. Она сняла с запястья нефритовый браслет и положила на резную крышку. Затем вместе с остальными вышла из усыпальницы в начавшие сгущаться сумерки.

Диск Кибелы висел над восточным краем земли, бледный и болезненный. В долине лежали длинные синие тени, в воздухе веяло прохладой. Не оглядываясь, Харита двинулась по ступеням. "Покойся с миром, мама, — беззвучно прошептала она. — Я тебя любила".

С О Л Н Ц Е - Б Ы К

ГЛАВА первая

Внемлите! В тиши и полуденном покое я слышу ор опьяненной кровью толпы. Словно молитва, возносится к небесам мое имя. "Харита! Харита! — сотрясается стадион. — Тройку! Сделай тройку! Харита!".

А я стою одна на белом песке арены, мое тело смазано маслом и ярко блестит на солнце, руки подняты, они вбирают неистовство толпы, напитываются им. Колючий воздух царапает ноздри и легкие.

Боль нарастает во мне. Я дрожу от боли и волнения. Я трепещу. Внемлите! Они кричат мне!

"Харита! Харита! Харита!".

Мы — Чайки, и я — предводительница. Мы хорошо плясали сегодня, никто не ранен. Пусть толпа ревет от восторга. Мы — Чайки, лучше нас нет. Сегодня мы потрудились на славу. Пусть вопят, требуя продолжения, — мы на сегодня отплясались. Пусть другие танцуют им на потеху, мы выложились сполна.

Я киваю остальным, они выбегают на песок и встают рядом со мной. Сцепив ладони, мы поднимаем руки над головой. Чайки! Мы медленно поворачиваемся. Толпа встает. Крики оглушают.

И посыпалось. Золото, серебро. Я отпускаю своих танцоров собирать деньги, но сама стою неподвижно. Я стою, высоко вскинув голову, пот струится по телу, солнце печет загорелую кожу. Я стою, и толпа швыряет на арену браслеты и кольца, золотые и серебряные цепи, медные чаши и украшенные жемчугом кубки. Все летит на песок, а мы подбираем. Почему бы нет? Это наше право.

Мы — Чайки! Вы не понимаете, что это значит? Мы — лучшие. А я, Харита, лучшая из лучших.

Царский храм Солнца в Посейдонисе — два огромных сложенных вместе треугольника, белокаменные террасы, покоящиеся на колоннах. Мрамор блестит на солнце, красновато-золотистые медные шпили огненными иглами тянутся в синее-пресинее небо. Жрецы в белых одеяниях,

словно неутомимые духи, снуют по холодным тенистым коридорам или толпятся на террасах, поучая смиренных послушников.

Харита, в пышной желтой рубахе, позвякивая золотыми монистами и браслетами, шла по террасе мимо высоких колонн, ее загорелые ноги в белых кожаных сандалиях легко ступали по холодному мраморному полу. Она знала, что предстоит столкновение, и была к нему готова.

Дважды за последние два месяца ее вызывал к себе Белрен, жрец-смотритель бычьей арены. Тогда дело ограничилось неопределенными предупреждениями, которые она проигнорировала. В третий раз ей так легко не отделаться.

Она шагнула в сводчатый дверной проем между красными лаковыми столбиками и скользнула между двумя служками раньше, чем те успели ее остановить.

Белрен, серьезный, важный, со следами шрамов, полученных на арене, поднял голову.

— А, Харита, — сказал он, вставая из-за груды бумаг. — Не ждал тебя так быстро.

— Я явилась без промедления, как пристало твоей послушной дочери. — Харита холодно улыбнулась и склонила голову.

Белрен тоже улыбнулся без теплоты и махнул слугам, чтобы их оставили вдвоем.

— Разумеется. Прошу, садись.

Он указал на обитую шелком скамью в оконной нише.

— Я постою, Белрен. Это разрешено.

— Разрешено? Харита, ты меня удивляешь. Ты считаешь меня врагом?

— Врагом? — с иронией переспросила она. — Конечно, нет. А ты меня?

— Ты знаешь, что не считаю. А не знаешь, так зря. Я твой друг, Харита. Конечно, ты в это не веришь, но я желаю тебе добра.

— Вот как! — выпалила она. — Тогда почему ты не разрешаешь мне выбирать быков? И почему изводишь нас своими дурацкими правилами?

Белрен медленно покачал головой, как бы не веря своим ушам.

— Вот видишь? Ты уже забыла свое место.

— Я знаю свое место, Белрен. Оно на арене с моими танцорами.

— Твоими танцорами, Харита?

— Да, с моими. — Она шагнула вперед, глаза ее сверкали. — Кто их учит? Я. Кто втирает бальзамы в их усталое тело, разминает затекшие мускулы? Я. Кто перевязывает им раны? Кто слушает их крики, когда по ночам им снятся страшные сны? Я.

— Не сомневаюсь, ты прекрасный руководитель, Харита...

— Прекрасный руководитель? Нет. Я — Чайки, и они — это я.

Белрен побагровел и пошел на нее. Харита не двинулась с места.

— Ты заносишься, Харита.

— Я никогда не заношусь, — выкрикнула она. — Иначе продержалась бы я так долго? — Она помолчала, потом заговорила мягче. — Ты знаешь, сколько я уже здесь?

— Знаю. Ты служишь долго и успешно.

— Семь лет я на арене. Подумай! Я танцую семь лет! Скажи, Белрен, было ли такое до меня?

Белрен на мгновение смутился.

— Нет, — тихо ответил он. — На моей памяти не было.

— И до того тоже. — Она подошла ближе. — Четыре года, как я возглавляю Чаек. Сколько из них погибло с тех пор?

— Одна или две, наверное. Тебе сопутствует удача.

— Ни одной! Никто из моих танцоров не погиб с тех пор, как я их собрала! Кто еще может этим похвастаться?

— Ты говоришь о танцах с быками, как об игре.

— Это и есть игра. Ты сам знаешь, что бы ни говорил народу. Да и народ знает, что это игра. Золото, серебро — ты думаешь, они швыряют свои побрякушки богу? Он швыряют их нам! Нас осыпают золотом.

— Это жертва. Она принадлежит храму.

— Да. Она принадлежит храму, но нам великодушно позволяют оставить немного себе. Потому что ты знаешь, на кого ходят смотреть.

— Народ ходит смотреть на священный танец, — фыркнул Белрен.

— Народ ходит смотреть на меня! — воскликнула Харита. — Или ты думаешь, что наши соотечественники ни с того ни с сего так полюбили танцы с быками? Или другие арены тоже заполнены до предела?

— Они заполнены, — осторожно возразил жрец.

— Да — когда там появляются Чайки.

— Ты возгордилась, Харита. Что, если бы я сказал, что тебе больше нельзя выступать?

Она запрокинула голову и расхохоталась.

— Нельзя выступать? Да кто посмеет это объявить? Ты? Хотела бы я на это посмотреть! Ты выходишь на середину арены и объявляешь, что Чайки больше здесь не появятся. Да тебя разорвут в клочья! Народ взбунтуется!

— Ты считаешь себя настолько могущественной?

— Не себя. Я, как и ты, всего лишь служу богу. — Она уперла руки в бока и вплотную подошла к жрецу. — Однако, когда я танцую, я становлюсь богом!

— Не кощунствуй!

— Я не кощунствую! — Она наклонила голову и сощурила глаза. — Я скажу тебе, что мой танец угоднее богу, чем все твои денежные расчеты!

— Ты думаешь, меня волнуют деньги?

— А что же тебя волнует?

Белрен помолчал, сердито глядя на нее.

— Меня волнует, что ты оскорбляешь священное искусство. Меня волнует, что ты ставишь себя выше законов храма. Меня волнует, что твое ненасытное тщеславие обесценивает танец.

— Твоими устами говорит ревность. Продолжай.

— С тобой бессмысленно говорить, Харита. Тебе кажется, что все ополчились против тебя. Ты видишь лишь то, что хочешь увидеть.

— Я вижу то, что есть, — прошипела она. Мышцы ее под тонкой тканью напряглись.

— Сомневаюсь. — Он отвернулся от нее и медленно опустился на скамью, покачивая головой. — Что с тобой делать, Харита?

— Мне все равно, что ты делаешь с другими командами. А Чайкам разреши выбирать быка. Отмени свои правила, позволь мне распоряжаться по своему усмотрению.

— И ты будешь счастлива?

— Счастлива? Я не знала, что мы обсуждаем мое счастье.

— Я сказал, что я твой друг.

— Тогда отдай нам половину сбора.

— Половину?!

— А почему бы нет? Без меня ты не получал бы и десятой доли теперешнего.

Белрен взглянул на нее в упор, потом пожал плечами.

— Половину так половину. Что еще?

— Обещай никогда больше не угрожать мне.

— Когда это я тебе угрожал?

— Когда говорил, что больше не позволишь мне танцевать. Что это как не угроза? Предостережение?

— Называй, как хочешь.

— Дай слово, — настаивала Харита.

— Я никогда не буду тебе угрожать. Это все?

Харита широко улыбнулась.

— Когда я просила чего-нибудь для себя?

— Ладно. Ты получила все, чего хотела. Взамен я тоже хотел бы кое-что попросить.

— Что именно?

— Совсем немного. — Белрен махнул рукой, показывая, что речь идет о пустяке. — Я хотел бы, чтобы ты отдохнула.

— Отдохнула? — настороженно переспросила Харита.

— Да, и как следует.

— И как же долго я должна отдыхать?

— Месяцев шесть.

— Шесть месяцев! — взвыла Харита. — Ты пытаешься меня убить!

— Я пытаюсь тебя спасти!

— От кого?

— От тебя самой! Разве ты не понимаешь?

— Если я, как ты говоришь, шесть месяцев буду отдыхать, а потом выйду на арену, что, по-твоему, будет? Ты сам был когда-то танцором и знаешь, что это значит.

— Тогда, возможно, тебе пора уйти.

Харита посмотрела так, будто ее ударили.

— Я не уйду, — прошептала она. — Возможно, я погибну на арене, но я не уйду.

Белрен взглянул на нее печально.

— Помню, как ты задумала сделать тройное сальто. Никому еще это не удавалось. Никто не верил, что у тебя получится. Но у тебя вышло с первого раза.

Харита улыбнулась воспоминанию.

— Я два дня крошки не могла съесть — а это оказалось так просто.

— Да, и что теперь? Ты делаешь тройку чуть не каждое выступление. Она утратила свою новизну.

— Люди ждут ее, — отвечала Харита. — Ради нее и приходят.

— Скоро они захотят от тебя чего-то нового, а потом еще и еще. Что тогда, Харита?

— Тогда я сделаю что-нибудь еще более трудное, — с вызовом отвечала Харита.

— А потом? Сколько ты продержишься?

— Сколько захочу.

— Нет, Харита, это не так. Ты все же не богиня, что бы ты о себе ни мнила. Нет, однажды ты попытаешься взлететь слишком высоко и упадешь.

— Ну и пусть!

— Отдохни, Харита. А еще лучше, уйди с арены.

Она смотрела на собеседника во все глаза. В его голосе слышалось нечто новое — сочувствие. Однако она не поддалась.

— Как ушел ты?

Он не обиделся.

— Еще год-два учебы, и ты станешь жрицей. Ты близка к этому. Ты сможешь вернуться домой, к своему народу.

— Так вот как ты хочешь от меня избавиться!

Белрен встал и подошел к ней вплотную.

— Харита, — нежно произнес он. — Я смотрю на тебя с тех пор, как ты появилась в храме. Твоя способность к танцам — бесценный дар, который надо хранить вечно. Однако ты уже не прежняя дерзкая юница, ты стала старше. У тебя должны быть иные мечты, иные чаяния.

— Ты говоришь, вернуться домой? У меня нет дома, Белрен.

— Нет дома? Все мы знаем, что твой отец — царь Аваллах Саррасский. Он должен гордиться тобой, твоим искусством.

— Мой отец ни разу не видел, как я танцую.

Белрен молча кивнул, потом сказал:

— Да, конечно, ему некогда, он воюет...

— Дурацкая война! Все только и говорят, что об этой смешной войне. — Она резко отвернулась. — Нет, дело не в войне.

— Ты знаменита во всех Девяти царствах. Тебе будут рады в любом месте, которое ты захочешь назвать домом.

— Я уже решила, Белрен, — печально отвечала она. — Мой дом — в храме. Мой дом — арена.

— Она станет и твоей могилой.

— Что в этом плохого? Я много лет назад посвятила свою жизнь богу.

— Жизнь — да, но не смерть.

— Жизнь, смерть — какая разница? Так и так я приношу себя в жертву.

Белрен вздохнул и отвернулся.

— Ладно, Харита. Можешь идти.

Она пошла к двери и уже потянула ручку на себя, но замялась и вновь повернулась назад.

— Спасибо, Белрен... Прости...

Он поднял руки.

— Не надо извиняться. Только обещай, что подумаешь о моих словах.

Харита кивнула, торопливо вышла из комнаты и закрыла дверь. Она пошла по коридору, сперва медленно, потом все быстрее и быстрее, пока не перешла на бег. С разгона она налетела на группу идущих навстречу жрецов. Те попытались ее остановить, но Харита вырвалась и побежала дальше, не разбирая дороги.

Она очнулась, увидев знакомое чистое озерцо с фонтаном. Прохладные послеполуденные тени лежали на аккуратно подстриженной лужайке; свет висел в воздухе, тягучий, как сладкий мед, и Харита вспомнила, как впервые вошла в этот сад и увидела в точности такую же картину.

Она медленно побрела вдоль пруда, воскрешая в памяти далекий день, когда гуляла здесь с матерью. Постепенно она почувствовала на себе чей-то взгляд, обернулась и увидела Верховную царицу. Как ни странно, Харита не удивилась — видимо, в глубине души она ждала этой встречи. Царица сидела на высоком трехногом табурете и грустно смотрела на Хариту. Девушка подошла.

— Ну, Харита, мы давно не виделись, — сказала царица Данея, и губы ее скривила горькая усмешка. — Я знала, что мы еще встретимся, но ждала этого раньше.

— Так это ты меня сюда привела? — спросила Харита. Ей подумалось, что она не случайно забрела в сад.

— Тебя привели твои собственные ноги. — Царица подняла глаза к чистому, начинающему розоветь небу. — Это мое любимое время суток — вечерние сумерки.

— Чего тебе от меня надо? — резко спросила Харита.

— Зачем такая подозрительность, дитя мое? — Царица вновь посмотрела на нее. — Этому ты научилась на арене?

— Похоже на то.

— Тогда мы должны расширить твое образование. — Верховная царица снова взглянула на небо. — Помню... — сказала она наконец, — помню девочку такую любопытную, такую живую, что она вся была, как огонь. Я не думала, что этот огонь можно загасить. — Царица подняла бровь и вновь взглянула на Хариту. — Неужто это была ты?

Слова эти задели Хариту за живое. Она поднесла руку к горлу.

— Была... когда-то, — с трудом выговорила она.

— Да... когда-то. — Царица надолго замолкла. Слышно было, как льется в прудик вода. Где-то запела птица, провожая ушедший день.

— Я пришла встретить ту, с кем подружилась, — сказала Данея наконец, — и не вижу ее.

Харита только кивнула. Руки ее бессильно повисли.

— Отбрось это все, Харита, — сказала царица.

— Я боюсь... Столько времени прошло... столько событий... Слишком много.

Царица встала с табурета и указала на дорожку.

— Пройдись со мной немного.

Они двинулись вдоль тенистой аллеи. Харита чувствовала, как тугой клубок ее мыслей и чувств расслабляется; впервые в жизни ей захотелось услышать от кого-нибудь, как ей поступить.

— Я так запуталась, — вздохнула она.

— Ты привязана к нежеланному прошлому и невозможному будущему. Оттого ты и запуталась.

— Ты знаешь, что со мной было?

— Знаю, дитя мое: ты пыталась себя убить. Ты выбрала бычью арену — то есть смерть. Но ты не погибла, а стала величайшей танцовщицей в истории нашего народа. Это должно было чему-то тебя научить.

— Я не могу их оставить, — сказала Харита. — Они все, что у меня есть. Я их предводительница, их жизнь. Если я уйду, они все погибнут.

Царица остановилась и повернулась к Харите.

— Отпусти их на волю, Харита. Дай волю себе.

— Что я буду делать?

— Дитя мое, ты будешь делать то, для чего рождена на свет. — Верховная царица улыбнулась, и Харите внезапно почудилось, что прошлого не было — как будто она все та же девочка, сгорающая жаждой узнать извечные тайны.

— Приходи ко мне, когда будешь готова, — сказала царица. Она резко повернулась и пошла по дорожке. — Тебе пора решаться, Харита.

Царица исчезла в сгустившейся тени. Харита некоторое время смотрела ей вслед, пока не поняла, что глядит в пустоту. Вечерний ветерок зашелестел по саду, по коже побежал холодок. Харита повернулась и пошла прочь.

Глава вторая

Талиесин стоял посреди рощи, крепко сцепив руки за спиной, и, закрыв глаза, с ученической сосредоточенностью нараспев повторял урок, а на ветке над его головой пела малиновка. Хафган сидел на пне, положив на колени рябиновый посох, рассеянно слушал питомца и смотрел сквозь просвет в листве на клочок синего неба.

— ...рыб в скорлупе, — говорил Талиесин, — три рода: те, что перебираются на руках и ногах, те, что, не имея ни рук, ни ног, бездвижно лежат на песке или прилепляются к камням и... и... — Он резко открыл глаза. — Не помню, что дальше.

Хафган оторвал глаза от неба и наградил мальчика строгим взглядом.

— Ты не помнишь, что дальше, потому что не думал, что говоришь. Твои мысли где-то далеко, Талиесин, а не с морскими рыбами.

Талиесин помрачнел, но лишь на какой-то миг. Не в силах больше скрывать переполнявшую его радость, он расплылся в улыбке.

— Ой, Хафган, — сказал он, подбегая к друиду, — отец сегодня возвращается! Все лето его не было. Не могу я думать о глупых рыбах.

— Я отдал бы мое змеиное яйцо за овата, будь тот вполовину так умен, как глупая рыба.

— Ты знаешь, о чем я.

— Как я могу знать то, чего ты не говорил, дружок? — Хафган протянул руку и взъерошил золотистые волосы мальчика. — Однако мы болтаем без всякого толка. Давай вернемся, чтобы ты мог поджидать отца вместе с другими мальчишками.

Талиесин хлопнул в ладоши.

— Однако, — предупредил Хафган, — по дороге домой ты расскажешь мне, от чего помогает корень камнеломки.

— Камнеломки? Никогда о такой не слышал.

— Вот за это и расскажешь стихами, — ответил Хафган.

— Прежде поймай меня! — крикнул Талиесин через плечо и побежал.

— Думаешь, я такой тихоход? — Хафган в один прыжок догнал его, подхватил и поднял высоко в воздух.

— Перестань! — вопил Талиесин, беспомощно извиваясь. — Сдаюсь! Сдаюсь!

Он еще не договорил, как Хафган опустил его на землю.

— Ш-ш-ш!

— Что такое...

— Ш-ш-ш! — прошипел друид. — Слушай!

Талиесин мгновенно смолк и завертел головой, ловя любой звук, однако слышал лишь обычные лесные шумы.

Наконец Хафган взглянул на мальчика.

— Что ты слышал?

Талиесин мотнул головой.

— Я слышал малиновку, лесного голубя, пчел, шелест листвы — больше ничего.

Хафган наклонился поднять посох, а выпрямившись, принялся стряхивать травинки с серого одеяния.

— Ну, — весело поинтересовался Талиесин, — что слышал ты?

— Наверное, это были пчелы.

— Скажи.

— Я слышал то же, что и ты, — отвечал друид. Он повернулся и пошел к каеру.

— Ой, Хафган, скажи, что ты услышал такого, чего не услышал я.

— Я слышал трех сверчков, куропатку, ручей и еще кое-что.

— Что? — Мальчик просветлел. — Моего отца? — с надеждой спросил он.

Хафган остановился и посмотрел на питомца.

— Нет, не его. Что-то другое. Если подумать, наверное, это донеслось не из мира людей. Я слышал стон — долгий, низкий стон сдерживаемой боли.

Талиесин остановился и снова закрыл глаза, пытаясь различить звук, о котором сказал Хафган. Друид прошел несколько шагов, потом обернулся.

— Ты уже ничего не услышишь. Звук прекратился. Может быть, мне и вовсе померещилось. Пошли домой.

Талиесин догнал наставника, и они в молчании дошли до Каердиви. У наружных ворот их ждал встревоженный Блез. Завидев их, он со всех ног бросился навстречу учителю.

— Ты слышал, Хафган? — Он прочел ответ в глазах друида и спросил: — Что это, по-твоему, значит?

Хафган повернулся к Талиесину:

— Беги домой. Скажи матери, что мы вернулись.

Талиесин не двинулся с места.

— Беги, — повторил Хафган.

— Если ты меня отошлешь, я все равно прокрадусь за вами и подслушаю, что ты ответишь.

— Ладно, будь по-твоему, — смягчился друид. Он снова повернулся к Блезу и сказал: — Надо еще подумать, но, полагаю, это начало.

Блез мгновение растерянно смотрел на него, потом заговорил сбивчиво:

— Но... но... как это... Уже? Я думал... думал... оно будет...

— Почему не сейчас? Все происходит в свое время.

— Да, но именно сегодня?

— Почему бы нет?

— Начало чего? — спросил Талиесин. — О чем ты? О Темном времени? — Он слышал это название от друида, хотя плохо понимал, что оно означает.

Хафган взглянул на мальчика.

— Да, — сказал он. — Если я правильно читаю знамения, близится время, когда миру предстоят трудные родовые схватки. Будут бури и мощные разрывы, сдвинутся корни гор и старые основания содрогнутся. Одни империи падут, Талиесин, другие империи восстанут.

— И чем это кончится?

Хафган спрятал гордую улыбку. Вот, ведь малец, а уже умеет попасть вопросом в самую сердцевину.

— Это мы все и хотели бы знать, — сказал он. — А теперь иди домой, мать, наверное, уже гадает, куда ты запропастился.

Талиесин неохотно повернулся,

— Когда разберешься, обязательно скажи мне.

— Скажу, Талиесин.

Мальчик побрел, волоча ноги, но тут радость снова взяла верх, он перепрыгнул через пенек и вприпрыжку побежал к дому.

— Смотри за ним, Блез, — сказал Хафган. — Подобный ему родится нескоро. Однако, как ни велика будет его слава...

— ...за ним придет еще более великий. Знаю. Ты много раз говорил.

Друид круто повернулся к филиду.

— Тебя утомляет моя бессмысленная болтовня?

Блез ухмыльнулся.

— Ничего, пока терплю.

— Может, тебе лучше отправиться к Индегу в Баддон Корс — говорят, он процветает. Учит необузданных сынков одного богача. Ты сможешь устроиться не хуже.

— Мне хватает одного необузданного сынка и его вспыльчивого друида.

Хафган оперся юноше на плечо, и они пошли к каеру.

— Ты правильно выбрал, Блез. И все же, знаю, порой тебе должно казаться, что ты застрял один-одинешенек на самом краю мира и ждешь, а жизнь идет где-то еще.

— Ну и пусть.

— Ты мог бы путешествовать, как я тебе говорил. Мог бы посетить Галлию или Арморику. Время еще есть. Я сумел бы какое-то время без тебя обойтись.

— Я вправду не скучаю здесь, Хафган, — сказал Блез. — Я доволен. Знаю, то, что мы делаем здесь, важно. Верю, что это так.

— И вера твоя будет вознаграждена десятикратно, стократно! — Друид остановился и медленно обернулся. — Взгляни окрест! — сказал он, глядя серыми глазами сквозь окружающую местность, как сквозь окошко в иной мир. — Мы — в центре. Это... — Он взмахнул посохом, описав перед лицом дугу, — средоточие. Мир этого не знает, может быть, никогда не узнает. Однако оно — здесь. Здесь решится будущее. Все, что отныне свершится, свершится благодаря нам. И мы с тобою, Блез, — повивальные бабки новой эпохи. Подумай об этом!

Он круто повернулся к Блезу, лицо его светилось, озаренное неземным видением.

— Важно, говоришь? Да! Многажды важнее, чем кто-либо из живущих догадывается, важнее даже, чем я или ты в силах вообразить. Нас позабудут, но наши безмолвные тени протянутся сквозь грядущие века.

— Ты говоришь о тенях, Хафган.

— В эпоху Света все, что было дотоле, покажется лишь тенью.

Талиесин вскарабкался на глыбу, с которой было видно обе дороги — вдоль морского обрыва и из леса к каеру. Отец мог приехать по любой. Еще четверо мальчишек вместе с ним шумно несли дозор, скакали с валуна на валун, состязались, кто дальше бросит камешек. День выдался спокойный и ясный, но с запада наползали тучи, низкие и темные, набрякшие завтрашним дождем.

Наблюдая за облаками и размышляя о недавних словах Хафгана, мальчик почувствовал, что сознание его устремляется прочь, как птица из клетки. Он не стал противиться новому ощущению. Это походило на полет. Он встал на цыпочки. Воздух дрожал, как в полуденный зной. Талиесин по-прежнему видел играющих рядом мальчиков, слышал их бес-

печную болтовню, но очертания их слегка плыли, а голоса доносились словно издалека. В уши его ворвался рокочущий гул, подобный грохоту бьющихся о берег волн.

Он посмотрел на запад, на сгущающиеся тучи. Вода блестела, как намасленная, а дальше, на самом горизонте, Талиесин различил остров. Он лучился и сиял, словно самоцвет или хрусталь, и был почти таким же прозрачным — Стеклянный остров.

Лучи света, бьющие из центрального пика, ударили в глаза, как копья, пронзили тело, прожгли костяк. Он почувствовал себя хрупким, словно вот-вот разлетится на куски.

Рев нарастал. Теперь Талиесин различал множество голосов. Они кричали хором:

— Рушится! Все рушится! Боги низринуты с высот, и мы умираем. Мы умираем! Все гибнет... гибнет... гибнет...

Ветер унес слова. Талиесин взглянул: Стеклянный остров таял, медленно растворялся, словно пар в воздухе. Наконец он пропал совсем. Талиесин стоял на обрыве, дрожа, голова его раскалывалась, над ухом кричали друзья.

— Талиесин! — звал один из мальчишек постарше. — Что случилось? Талиесин! Быстрее, сбегайте кто-нибудь за его мамкой!

Талиесин потряс головой и медленно оглядел сгрудившихся вокруг ребят.

— Ничего... все в порядке.

— Мы думали, у тебя припадок, — сказал другой мальчик. — Ты говорил, будто что-то видишь. Что это было?

Талиесин вновь посмотрел на море: горизонт был чист.

— Мне вроде как что-то там почудилось.

Мальчишки, вытянув шеи, стали смотреть на море, и Талиесин осознал, что они не понимают, а может, и никогда не поймут.

— Все, уже пропало. Ничего особенного.

— Может быть, ладья, — предположил кто-то из ребят помладше, со страхом вглядываясь в морской простор.

— Ладья, — отвечал Талиесин. — Да, может быть, это лишь ладья.

Мальчишкам явно было не по себе.

— Я проголодался, — сказал один. — Пойду-ка домой.

— И я, — поддержал его другой.

— Мне надо свиней покормить, — вспомнил третий.

— Ну и валите, — сказал самый старший, Турл, — а я подожду батю. Верно, Талиесин? Мы с Талиесином будем ждать хоть всю ночь напролет.

Остальные, прыгая через валуны, побежали вниз, в лощину, отделявшую их от холма, на котором стоял каер. Мальчики сели на камень и стали смотреть, как солнце склоняется к западу.

— Я скоро отправлюсь в Талибонт, — объявил Турл. — Там мой дядька живет, он будет учить меня воинскому ремеслу. Поживу у него, пока не подрасту, а потом буду вместе с отцом нести дозор у Вала. — Он взглянул на молча сидящего рядом Талиесина. — А ты?

Талиесин пожал плечами.

— Думаю, я останусь здесь. — Он ни разу не слышал, чтобы на его счет строили другие планы, во всяком случае, в его присутствии. — Так или иначе, я бы хотел остаться с Хафганом.

— Да он холощеный! — рассмеялся Турл. — Все друиды такие. Это мой брат двоюродный говорит, а он уже большой, на следующий год будет нести дозор у Вала.

— Твой двоюродный брат — дурак, — мрачно ответил Талиесин.

— А чем вы целыми днями занимаетесь? — спросил Турл, пропуская мимо ушей выпад против двоюродного брата.

— Разговариваем. Он меня учит.

— Чему?

— Всему.

— Друидским хитростям?

Талиесин не очень хорошо понимал, что разумеет под этим его друг.

— Может быть, — согласился он. — Насчет птиц, растений и деревьев, как читать звезды, ну, все такое. Полезным вещам.

— Научи меня чему-нибудь, — попросил Турл.

— Ну, — медленно сказал Талиесин, оглядываясь, — видишь вон ту птицу? — Он указал на белую морскую птицу, скользящую над волнами невдалеке от них. — Она зовется черноголовкой.

— Это все знают! — хохотнул Турл.

— Она питается только насекомыми, — продолжал Талиесин. — Снимает их с воды. — В этот миг птица зачерпнула клювом, и от него побежали расходящиеся волны. — Вот так — видишь?

Турл широко улыбнулся.

— Надо же! Никогда не знал.

— Хафган знает куда больше. Он все знает.

— А можно мне учиться вместе с тобой?

— А как же твой дядя?

Турл не ответил, и они некоторое время сидели молча, отковыривая от камня желтый лишайник. Внезапно Талиесин вскочил.

— Что это? — спросил Турл.

— Давай! — крикнул Талиесин на бегу. Он прыгал через камни по направлению к лесной дороге на дальней стороне лощины. — Едут!

— Никого не вижу!

— Едут!

Турл припустил следом и скоро нагнал Талиесина.

— Ты уверен?

— Ага.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и все, — отвечал Талиесин и они побежали дальше.

Они пересекли заросшее травой дно лощины и взбежали на противоположный склон. Талиесин первым выбрался наверх и устремил взгляд туда, где разъезженная колея переваливала через соседний холм.

— Я их не вижу, — сказал Турл.

— Погоди. — Талиесин приложил ладонь к глазам и сощурился, как будто хотел силой воли вытащить кавалькаду из-за холма. И тут они услышали легкое позвякивание, затем глухой перестук конских копыт.

В следующее мгновение над холмом вырос лес сияющих копий. Он становился все выше, под ним показались люди, и вот уже лошади понеслись с холма, а мальчики ринулись им навстречу, вопя и раскинув руки, словно хотели прямиком угодить в объятья отцов.

Предводитель дружины увидел и толкнул в бок ехавшего рядом воина. Он поднял руку, и кавалькада остановилась. Мальчики продолжали бежать. Талиесин с изумлением увидел на отце короткий алый плащ центуриона и плотную кожаную кирасу. На боку у него висел короткий меч. Ни дать ни взять римлянин, только плащ заколот на плече серебряной пряжкой в виде волчьей головы да штаны ярко-синие.

— Мы весь день вас высматривали! Я знал, что вы приедете до заката, — сказал Талиесин.

Эльфин взглянул ему в лицо и воскликнул:

— Вот как славно нас встречают! Что может быть приятнее?

— Ничего, господин, — ответил Киалл. Он во весь рот улыбнулся собственному сынишке и по-военному вскинул руку.

— Запрыгивай сюда, Талиесин, поедем вместе. — Эльфин нагнулся и втащил мальчика в седло. — Вперед! — приказал он, и конница двинулась к деревне.

У внешних ворот их встречал уже весь клан. Жены, матери, отцы, дети — все размахивали руками и выкрикивали приветствия. Эльфин выехал в центр каера и приказал отряду спешиться. Воины застыли возле коней.

— Вольно! — скомандовал Эльфин.

Радостный клич огласил деревню, и воины смешались с толпой встречающих. Эльфин с улыбкой смотрел на них, радуясь, что в этот год вновь привел их назад живыми-здоровыми.

— Ты так и родился в седле?

Ронвен держалась рукой за уздечку. Ее золотисто-рыжие волосы блестели в свете уходящего дня. На ней было новое оранжевое платье с тканым поясом в сине-зеленую полосу, на голых руках выше локтя сверкали золотые браслеты с изумрудами, на шее — узкая золотая гривна.

— Смотри, Талиесин, богиня к нам обратилась, — сказал Эльфин, наслаждаясь ее видом.

— Спускайся и увидишь, богиня я или нет.

Эльфин передал поводья сыну и спрыгнул на землю.

— Позаботься о Брехане, Талиесин. Насыпь ему сегодня лишнюю меру ячменя. — Он похлопал коня по крупу, и тот рысью побежал прочь, унося на спине счастливого Талиесина. Эльфин обнял жену, их губы соединились.

— Я соскучилась без тебя, муж мой, — прошептала она между поцелуями.

— А уж я-то, — отвечал Эльфин. — Ох, как же я соскучился!

— Идем домой. Ужин готов и ждет.

Эльфин нагнулся и ласково куснул ее в шею.

— Я не прочь отщипнуть кусочек.

— Перестань. Что люди подумают?

— Подумают, что я счастливейший из смертных!

Ронвен снова обняла его и, взявши за руку, повела в дом.

— Ты, наверное, устал. Много за сегодня проехали?

— Порядочно. Я не столько устал, сколько пить хочу.

— Кувшин на столе. Я весь день охлаждала его в колодце.

— Вы знали, что мы приедем сегодня?

— Талиесин сказал. Он был совершенно уверен. Я убеждала его не слишком на это рассчитывать, вы ведь могли и задержаться, но он стоял на своем: вы приедете до заката. Так всем и говорил.

Они подошли к дому, еще раз обнялись и, согнувшись, прошли под бычью шкуру, заменявшую дверь. Огонь потрескивал в очаге, на вертеле жарилось мясо. Молоденькая девушка, дальняя родственница Ронвен, взятая в дом весной, после смерти Эйтне, медленно поворачивала вертел и время от времени поливала мясо жиром. Она улыбнулась, когда вошел Эльфин, и тут же робко опустила голову.

Гвиддно Гаранхир, еще более поседевший и ссутулившийся, стоял у огня, одной ногой опершись на подставку для дров.

— Вернулся, значит! Ну-ка, погляжу. Ишь, какой стал крепкий — что твоя сталь.

— Отец! — Эльфин и Гвиддно обнялись. — Как я рад тебя видеть!

— От тебя несет, как от лошади, сынок.

— А ты выглохтал все мое пиво!

— Не пил я твоего пива, — подмигнул Гвиддно. — Я свое принес!

— Садись, отец, садись. Поедим вместе.

— Нет уж, я пойду. Твоя мать чего-нибудь сготовила мне на ужин.

— Не хочу ничего слышать. — Эльфин обернулся и кликнул девушку: — Шелаг! Сбегай, позови Медхир. Сегодня все едим за моим столом. Хочу, чтобы вся семья собралась вместе. Беги, беги! И тащите сюда, что она там настряпала.

— Если бы я знал, что ты хочешь устроить пир, я бы распорядился заранее, — сказал Гвиддно. — Когда возвращается дружина, положено пировать.

— Возвращение мы отпразднуем попозже. Сегодня всем хочется побыть со своими близкими. — Эльфин притянул Ронвен к себе, обнял и поцеловал в щеку. Она протянула ему оправленный в серебро рог с пивом. Покуда он пил, она сняла с него алый плащ и расстегнула тяжелую кожаную кирасу.

В этот миг Талиесин влетел в дом и прямиком кинулся к отцу.

— Расскажи мне все-все-все! — закричал он. — Все, что ты делал!

Эльфин рассмеялся и сгреб сына в охапку.

— Этак я буду говорить, пока у тебя уши не отвалятся. Ты этого хочешь?

— Но прежде все должны поесть, — сказала Ронвен.

— Твоя мать права, — сказал Эльфин. — Разговоры подождут, первым делом еда.

Вернулась Шелаг с Медхир, обе несли подносы с едой: тушеной репой, свининой и теплыми ячменными лепешками. Медхир поставила поднос на стол, повернулась к сыну — он все еще держал Талиесина на руках — и обняла обоих.

— Вот ты дома, целехонький, Эльфин. Ох, как же я рада! Уж целый год, кажется, тебя не видела.

— А я-то, матушка, как рад, что дома и цел. Это не свининой ли пахнет?

— Свининой, свининой. Садись, я тебе положу.

Эльфин, Талиесин и Гвиддно сели — Эльфин во главе стола, Талиесин рядом. Женщины суетились вокруг. Убедившись, что у мужчин все есть, они наполнили свои миски и тоже сели.

— Ах, до чего же хорошо! Честное слово, чего по ту сторону Вала не хватает, так это женской стряпни. — Эльфин поднял миску и допил остатки, потом оторвал кусок хлеба, положил его в миску, зачерпнул еще мяса из горшка и залил сверху юшкой. Он облизал губы и снова втянул в себя горячее варево.

Они ели, пили и говорили обо всем, что случилось за лето в деревне. Когда закончили, женщины убрали миски и вновь наполнили кувшины. Талиесин, все это время терпевший бессмысленную, на его взгляд, болтовню, заерзал и сказал:

— Ну теперь-то ты расскажешь, что с тобой было? Ты бился с пиктами? Убил хоть одного? А римляне там были?

— Да, — весело отвечал Эльфин, — я обещал все тебе рассказать и сдержу слово. Давай-ка устроимся поудобнее. — Он отхлебнул из рога, отер пену с усов. — Так-то лучше, — промолвил он и начал:

— Так вот, мы, как всегда, присоединились к легиону в Каерсегойнте. В этот раз меня, впрочем, наповал сразили известием, что в гарнизоне осталось триста человек — все больше пехотинцы, не отличающие холку лошади от крупа. Авита отправили в Галлию, трибуном теперь Максим.

Максим — вот это военачальник! Он с тремя сотнями может больше, чем этот невежа Ульпий со своими тремя тысячами!

— Так легион из Эборака присоединился к вам? — спросил Гвиддно.

— Прислали пятьдесят конников — сказали, что больше не могут.

— Три сотни! — в отчаянии повторил Гвиддно. — Это охрана наместника, а не легион!

— Я обсуждал это с Максимом. Он говорит, что ничего не поделаешь. Он даже писал императору Констанцию, но надежды никакой. То же самое везде: в Городе Легиона, Веруламии, Лондоне... в самом Лугуваллии на Валу всего четыреста человек, из них лишь семьдесят конников.

— Но почему? — удивилась Ронвен. — Не понимаю. Пиктов с каждым годом все больше и больше, а римляне уменьшают гарнизоны.

— Слышал я, что пикты — еще полбеды, куда хуже саксы, — отвечал Эльфин. — А они бесчинствуют в Галлии. Максим говорит, если не разбить их там, придется сражаться с ними здесь.

— Уж лучше там, — заметил Гвиддно.

— А как насчет сражений? — спросил Талиесин. — Я хочу про сражения!

— Ну что ж, мой кровожадный сын, перехожу к сражениям. Итак, мы собрались в Лугуваллии и двинулись на север. Как и в прошлом году, я взял с собой лишь одного центуриона — фракийца Лонгина; он был в коннице Августа и в седле сидит так, будто он с лошадью — одно целое. На третий

день повстречали пиктов. Человек сто. Захватили их врасплох в зарослях утесника к западу от Калидонского леса. Они растерялись и по большей части бросились бежать. Остальных мы окружили — они не успели даже наложить на тетиву свои проклятые стрелы — и без борьбы захватили их вожаков.

— А что вы с ними сделали?

— Отпустили.

— Отпустили?! — Талиесин заерзал у отца на коленях. — Зачем?

— Чтобы они вернулись восвояси и сказали родичам, что сражаться с нами бессмысленно, что они могут жить к северу от Вала, там их никто не тронет, лишь бы сюда не совались.

— Думаешь, они поняли? — спросила Ронвен.

— Они поняли, что их не убили, хотя легко могли бы убить. Думаю, они вернулись с позором, и их прикончили соплеменники.

Медхир шумно вздохнула.

— Вот ведь зверье.

— Пикты не боятся смерти, они ее приветствуют. После смерти их душа вырывается на волю, как птица, а воля — это то, к чему они стремятся больше всего. Лучше умереть, чем хоть миг прожить опозоренным. Когда кто-то из их вождей гибнет в бою, его воины закалывают себя, чтобы не возвращаться без него.

— Эта женщина права, они звери, — пробормотал Гвиддно. — Воровatые звери.

— Да, красть для них так же естественно, как дышать, — согласился Эльфин, — хотя сами они не считают это кражей. У них самих нет ничего своего, они не понимают, что это значит — владеть. Все, что у них есть, — общее. Жены, дети, лошади, собаки — все. Они смеются над тем, что мы пашем землю и сеем хлеб.

— А как воровать его, они тут как тут, — вставила Медхир.

— Просто потому, что иначе им его не добыть.

— Растили бы свой хлеб, держали б свои стада! — воскликнула Медхир. — Могли бы сеять и жать, как мы.

— Чтобы сеять, матушка, нужно жить на одном месте, они этого не могут. Они кочуют куда глаза глядят. В этом для них вся жизнь.

— Чудные люди, — пробормотала Медхир.

— А как их женщины? — полюбопытствовала Ронвен. — Такие же ужасные?

— Такие же или даже хуже. Женщина берет себе столько мужей, сколько пожелает. Дети своих отцов не знают, принадлежат всему клану. А если

у женщины нет детей, она раскрашивает себе лицо соком вайды и идет воевать вместе с мужчинами. Их дикие вопли слышны за многие лиги.

Эльфин отпил большой глоток пива и снова поставил рог.

— Так или иначе, — продолжал он, — только эту сотню мы за все лето и встретили. Вдоль побережья живут нованты, они говорят, что видели, как пикты по холмам уходили на север.

— Может быть, они оставили нас в покое, — предположила Ронвен.

— Вряд ли, — заметил Гвиддно.

— Не знаю. — Эльфин медленно покачал головой. — Мои ребята говорят, такого не может быть. — Он просветлел лицом и объявил: — Во всяком случае, на следующий год мы никуда не поедем. Я сказал Максиму, и он согласился, что, раз пикты ушли, нет смысла все лето сбивать лошадям копыта. Мы останемся дома и займемся своими делами.

— Прекрасно! — вскричала Ронвен и бросилась ему на шею. — Ты будешь здесь... ой, так ты целое лето будешь путаться у меня под ногами?! Что я буду с тобой делать?

— Что-нибудь придумаем, госпожа моя. — Он притянул ее к себе и поцеловал.

— Рад, что ты вернулся, сынок, — сказал Гвиддно, медленно вставая. — Но мне пора на боковую. Идем, женщина, — обратился он к Медхир. — Я устал.

Они заковыляли прочь.

Эльфин взглянул на Талиесина — тот спал у него на руках.

— Вот кому тоже пора в постель.

Подошла Шелаг, сидевшая в уголке рядом с очагом. Эльфин встал, протянул ей спящего Талиесина, потом нагнулся и поцеловал золотистую головку.

— Спокойной ночи, сынок.

Ронвен одной рукой обхватила мужа за талию.

— Идем, супруг, — прошептала она. — Возляжем и мы.

ГЛАВА третья

Заря обещала палящий зной, хотя солнце еще не встало. С севера тянуло пылью и выгоревшей травой. Харита проснулась и сразу поняла, какой будет день. К тому времени, когда откроются ворота стадиона и толпа начнет протискиваться на сиденья, белое раскаленное солнце повиснет в зените. Песок будет жечь ступни, быки станут капризными и непредсказуемыми, а зрители — раздражительными и требовательными.

В такой день жди беды.

Значит, надо убедиться, что Чайки готовы. Они позавтракают смоквами и медом, хлебными лепешками, копченой рыбой, сушеным мясом, молоком, орехами, финиками, и никому не будет позволено встать из-за стола, пока он не наестся. Они наденут легкую одежду и выйдут на пустой стадион — разогреть мускулы и потренироваться.

Когда все разомнутся, Харита соберет их вокруг себя, и они начнут распределять роли в сегодняшнем танце. Она уже мысленно разбила их на пары: Жоет и Галая займутся первым быком — их уверенное выступление успокоит молодых танцовщиков. Калили, Юноя и Перонн будут следующими: Юное полезно выступить с более опытными товарищами, а риск так станет меньше. Можно не сомневаться, что Белисса и Марофон в любых обстоятельствах покажут впечатляющее зрелище, но быка для них надо выбрать поспокойнее, кого-нибудь из заслуженных ветеранов арены — Желторога или Горбача.

А она сама? К ней присоединится Галая, потом — Белисса. Втроем они исполнят номер, который готовили к прошлогоднему храмовому празднику; этот вдохновенный танец они ни разу с тех пор не повторили. Тогда толпа бушевала от восторга.

А потом?

С последним быком Харита выступит в одиночку. Номер? Она ничего не будет решать заранее. Сегодня она станцует для бога Бела и только для него; движения подскажет сама пляска, надо лишь положиться на чутье, на сердце и душу. Сегодня она танцует в последний раз. Как и они все.

Остальные не будут об этом знать до самого конца. Тогда она им скажет. Не прежде: они не поймут, новость огорчит их, они потеряют форму и могут сбиться. Жизнь танцора висит на тончайшей ниточке. Малейший просчет, неверная постановка руки, секундная рассеянность — и ниточка рвется. Эти мысли занимали Хариту, покуда она надевала легкую рубаху, мылась и шла поднимать танцоров.

Заря еще только-только проклевывалась на востоке, когда Харита пересекла лужайку, отделявшую ее жилище от домика остальных танцовщиков. Те еще крепко спали. Харита подошла к насосу возле дорожки. Он был сделан в виде дельфина; она взяла его за хвост и несколько раз качнула, пока чистая прохладная вода не потекла в бронзовый таз, установленный на треножнике.

Затем она тихонько постучала и открыла дверь.

— Галая, — прошептала она, ласково тряся девушку за плечо, — проснись.

— М-м-м, — простонала танцовщица.

— Давай, вставай, сейчас принесут завтрак, и я хочу с вами поговорить.

Галая свернулась калачиком.

— Еще рано, — пожаловалась она.

— Сегодня особый день, — сказала Харита, выходя. — Одевайся и приходи.

Так она будила одного за другим. Первые уже сонно брели к бронзовому тазу, умывали лица и руки холодной водой.

— Ох, — простонал Перонн, когда пришел его черед, — ты жестокая предводительница.

— Жестокая и бессердечная. Я живу, чтобы отравлять тебе жизнь, ленивый Перонн. — Харита дернула дельфина за хвост, окатив юношу холодной водой.

— И тебе это удается!

— Где Марофон?

— Еще валяется, — отвечала Белисса. — Лежебока. Хочешь, я его подниму?

— Идите за стол, — распорядилась Харита. — Я сама его разбужу.

Чайки, шумно переговариваясь, толпой повалили прочь. Харита постучала в самую дальнюю дверь домика и вошла в комнату Марофона.

— Мар... — начала она и остановилась. На узкой лежанке сплелись два тела.

Марофон тут же проснулся и увидел ее. Он резко выпрямился, отпихнув лежащую рядом девушку.

— Харита! Прошу! Погоди, я...

Харита подошла к изножью кровати.

— Немедленно одевайся.

— Я объясню. Прошу тебя...

— Не желаю ничего слышать. Гони ее вон.

Девушка, проснувшаяся и перепуганная до полусмерти, смотрела на Хариту, прижимая к груди одеяло.

— Подожди, пока остальные уйдут, и выставь эту потаскуху. Чтобы никто ее не видел! Понял?

Марофон усиленно закивал. Харита повернулась на каблуках и вышла.

Все танцоры ели вместе в нижнем храмовом дворе возле бычьей арены, однако у Чаек был свой стол в выгороженной части двора. Готовили им отдельно из того, что Харита сама покупала на рынке.

Это вызывало ревнивое недовольство других команд, которые завидовали Чайкам, но Харита знала, как важно танцорам чувствовать себя избранными. Пусть знают, что они лучше всех. Даже если сначала это было не совсем верно, убежденность сделала свое дело. Они — Чайки, и они действительно лучше прочих.

Остальные уже ели, когда к ним присоединился Марофон. Все принялись подшучивать над соней, но никто не заметил виноватого взгляда, который он бросил на предводительницу.

Они почти закончили завтрак, когда Харита встала и объявила:

— Эй, крикливые Чайки, молчите и слушайте. Сегодня особенный день.

— У царицы лишь один день рождения, — заметил Жоет.

— Ш-ш! Не мешай, — сказала Белисса.

— Некоторые из вас знают, что я говорила вчера с Белреном, — продолжала Харита. — И вот к чему мы пришли... — Она сделала паузу.

Они перестали есть и выпрямились.

— Нам что, на головы встать? — спросил Перонн.

— Он согласился отдавать нам половину золота с сегодняшнего дня и до...

— Половину! — воскликнул Жоет, вскакивая. Танцоры недоверчиво переглядывались. Жоет сгреб Хариту в объятия и поцеловал в щеку. — Половину, клянусь золотыми яйцами Бела! Слыхали? Да здравствует наша прекрасная, решительная предводительница!

— Сядь, Жоет, — закричали остальные. — Дай ей договорить.

— Белрен также согласился, чтобы я выбирала быков. Да, и он понял, что был неправ, навязывая нам эти глупые правила.

— Мы свободны! — хором вскричали Галая и Перонн.

— И богаты! — добавил Жоет.

— В чем дело, Маро? — поддразнила Белисса, толкая юношу под ребро. — Голову сегодня под подушкой забыл?

Марофон жалко улыбнулся.

— Нет, я слышал. Я рад...

Остальные команды начали стекаться во двор.

— А теперь, — сказала Харита, — немедленно за работу. Надо размяться, пока солнце еще не очень палит. Не торопитесь. Начинайте медленно. Сегодня тут будет пекло, так что всем потребуется выдержка. — Она хлопнула в ладоши. — Ну, вперед. Я скоро вас догоню.

Танцоры отодвинули стулья и побежали через двор.

— Маро, — позвала Харита. — Пожалуйста, на одно слово.

Пристыженный танцовщик вернулся. Он открыл рот, чтобы заговорить, потом снова сжал губы и потупился.

— Я не хочу напоминать тебе о священном обете целомудрия, — начала Харита. Она говорила спокойно, но за словами ее угадывался рвущийся наружу гнев. — Мы все здесь девственны — или были девственны — и, покуда танцуем, принадлежим одному богу. Скажи, зачем ты нарушил этот святой обет? И как давно ты спишь с этой потаскухой?

— Она не потаскуха, — начал он. — Она танцовщица. Она...

— Тем хуже! Из-за тебя и она нарушила обет. Маро, о чем ты думал? И надо же, чтобы именно сегодня!

— Я... мне очень жаль.

— Будь на моем месте Белрен, вас бы отодрали и спустили со ступеней храма.

— Но ты сказала, что Белрен позволил тебе самой разбираться с нами.

— Хватит причитать, Маро, а то я еще больше разозлюсь. Да, Белрен разрешил мне действовать по моему усмотрению. Ты думаешь, я начну давать вам поблажки? Думаешь так? Отвечай!

Бедняга повесил голову и ничего не сказал.

— Теперь ты поумнел, но поздно.

Он вскинул голову.

— Ты разрешишь мне танцевать? Пожалуйста! Обещаю, это больше не повторится. Клянусь! Никогда! Поверь мне.

— Ты нарушил главный обет танцовщика. Как ты мог?

Танцор скривился от муки.

— Ты знаешь, что этим поставил под удар нас всех. Из-за тебя будут рисковать остальные.

— Я готов танцевать один, — проговорил он безнадежно.

— Мне вообще не следовало бы выпускать тебя на арену! — Харита долго смотрела на него в упор. — Но, похоже, у меня нет выбора. Если я тебя выгоню, замену придется готовить не одну неделю, а ведь и один новичок — это всегда опасность. Юноя только-только ощутила уверенность. Если сейчас добавить кого-то еще... — Она вздохнула. — Что мне делать?

— Я готов танцевать один, — повторил Маро. — Чтобы никого не подвергать опасности.

— Кроме себя. — Харита покачала головой. — Нет, лучше, чтобы остальные ничего не узнали. Будешь танцевать с Белиссой и мной — исполним номер, который я поставила к празднику.

Марофон кивнул, не поднимая глаз.

— Спасибо.

— Потом поблагодаришь. А сейчас убирайся, пока я не передумала.

Танцор, не оглядываясь, быстро пошел прочь. Его все же надо будет наказать, подумала Харита, нельзя, чтобы танцоры могли безнаказанно нарушать свой главный обет...

Хотя нет, это не имеет значения. После сегодняшнего выступления это будет неважно.

Харита и не думала, что выбрать быков окажется так сложно. Трудно было отыскать смотрителя, еще труднее — убедить начальника арены, что ей и впрямь позволено выбирать самой. Однако Харита не сдавалась — просила, уговаривала, прибегала к помощи Белрена чаще, чем ей хотелось, и добилась-таки своего.

Она прошла по подземному помещению, останавливаясь перед каждым стойлом, заглядывая за решетку, в то время как смотритель держал в руках коптящий факел. Быки смотрели на нее со смиренной безучастностью, которая обманула бы менее опытного танцора, но только не Хариту. Она знала здесь почти всех; ей довольно было раз взглянуть на копыта и рога, состояние шкуры, размер крупа и холки, расположение глаз, чтобы прикинуть, как новое животное поведет себя на арене.

Посмотрев десятка полтора и выбрав четырех, с которыми могла рассчитывать на безопасное, но зрелищное представление, Харита поняла, что не знает, с кем танцевать ей самой. Одного за другим отвергала она быков, время шло, надо было решаться. Она напоминала себе, что легко станцует с любым из здешних животных.

Последним стоял огромный рыжий бык, которого она видела впервые.

— Кто это? — спросила она у смотрителя, который оперся на прочные чугунные прутья.

— Этот-то? М-м-м, — загадочно произнес тот. Лицо его собралось в складки, и Харита догадалась, что это должно изображать знающий прищур. — Новенький. С запада, из Микенеи, значит.

— Обучен для арены?

— Да, да, конечно. Больше выступал на маленьких аренах, хотя мы слыхали, что его выставляли и в Аргосе у царя Мусеуса.

Харита внимательно посмотрела на быка. Животное, непривычное к большой шумной арене, может повести себя непредсказуемо. С другой стороны, рыжий — такой необычный цвет произведет впечатление на публику, добавит остроты ее последнему выступлению.

— Да, мы получили из Микенеи еще одного. Хотите посмотреть?

— Нет, — твердо отвечала Харита. — Годится этот. Выпустишь его под конец.

Они вернулись к начальнику арены, который как раз говорил смотрителям, каких быков готовить к сегодняшнему представлению.

— Вот кого я выбрала для Чаек. — Харита перечислила быков в той последовательности, в которой их предстояло выпустить. — И нового под конец. Для меня.

— Как хочешь, — отвечал начальник, записывая указания, — так и сделаем.

Харита вышла из подземелья и поспешила на арену. Чайки уже должны были закончить разминку, а она еще и не начинала. В комнате, где танцоры переодеваются, она сменила длинную рубаху на короткую тунику. Завязывая на ходу пояс, она выбежала на арену. Здесь разминались еще несколько команд. Чайки закончили упражнения и теперь прыгали через деревянный снаряд. Харита начала разминаться, медленно, мягко растягивая мышцы спины и ног и не сводя при этом глаз со своих подопечных.

— Колени вместе, Перонн! — крикнула она, подходя к ним. — Держи подбородок прижатым. Чувствуй изгиб позвоночника. Давай еще раз. — Она повернулась к остальным. — Белисса, Галая, Калили, Юноя — все. Я хочу увидеть семь безупречных двоек.

Они все позанимались на деревянном снаряде. Солнце поднималось все выше, песок слепил глаза. Пот ручьями катился по рукам и ногам танцоров, туники давно взмокли. Харита чувствовала, что ей самой надо бы позаниматься подольше, но не хотела утомлять остальных. Солнце может выпить их силы, упорство улетучится. Они и так уже взлетали ниже и опускались на песок ближе к снаряду.

Харита хлопнула в ладоши.

— Хватит. Довольно. Теперь отдохнем. Все в дом. Отдыхаем.

Они потрусили в комнату для переодевания, предоставив арену остальным командам. В помещении было темно и прохладно. Бронзовыми лопаточками для растирания они счистили с себя пот, вытерлись свежими льняными полотенцами, выпили воды и начали тихо расхаживать по комнате, остывая и весело переговариваясь на ходу.

— Ко мне, болтливые Чайки, — сказала Харита, выстраивая их в круг. Как только они угомонились, она начала объяснять, какие номера им предстоит показать сегодня, подробно расписывая, что необходимо сделать каждому.

Закончила она так:

— Давайте сегодня станцуем, как никогда. День ожидается трудный. Зной, солнце — все против нас, толпа будет раздражена — заставим же ее рукоплескать громче прежнего. Пусть никто из пришедших не забудет сегодняшнего выступления.

Жоет, привыкший все свои мысли выражать вслух, спросил:

— А что, сегодня какой-то особый день?

Харита замялась, и это еще пуще раззадорило их любопытство. Марофон смотрел в сторону.

— Да, — твердо отвечала она. — Или вы забыли?

Непонимающие взгляды.

— Золото! — сказала она. — Сегодня мы получим половину пожертвований. Так пусть оно сыплется нескончаемым дождем, бурной полноводной рекой.

Танцоры засмеялись и заспорили, чье выступление принесет им больше денег. Харита пошла к дверям со словами:

— Отдыхайте. Я приду, когда настанет пора переодеваться к выступлению.

Харита вернулась к себе и легла на постель, но поняла, что отдохнуть не сможет. Она продолжала думать о том, что будет дальше, после выступления, о той ужасной минуте, когда придется объявить им о своем решении.

Честно ли она поступает? Есть ли иной путь?

Конечно, они вольны выбирать сами. Если они захотят остаться при храме, их возьмут в любую команду. Этому может помешать разве что мелочная зависть. Но они перестанут быть Чайками. Без Хариты Чаек не будет.

И все же она надеялась, что они предпочтут свободу, уйдут с арены, пока их не настигло увечье или болезнь.

Белрен прав: она служит долго и успешно, но пора остановиться. Лучше закончить на пике мастерства, уйти по собственной воле.

Переполняемая этими мыслями, она встала, надела платье и сандалии, вышла и бесцельно побрела по храму, чувствуя почти забытую нервную дрожь. Сейчас она волновалась не из-за выступления, но теперешнее ощущение напомнило ей день перед первым выходом на арену.

Это было в начале весны: она уже два года провела в храме, с необычайной скоростью осваивая трудное мастерство танцовщицы. Казалось, она рождена для танца, как будто нет ничего естественнее, чем прыгать через взбешенного, остервеневшего от злобы быка. И даже в этот день, хотя ее выступление ничем особым не отличалось, зрители запомнили печальную девушку, танцевавшую с таким блеском, с такой самоотреченной покорностью судьбе.

Это презрение к опасности заметили все. Вскоре народ стал собираться нарочно, чтобы взглянуть на девушку, которая танцует со смертью. Хотя все, смотревшие на хрупкую фигурку посреди арены, не сомневались в том, что она на волосок от гибели, ей с загадочной легкостью удавалось сохранять жизнь даже во время номеров, которые другие танцоры считали слишком опасными. Вдохновенные выступления быстро завоевали ей уважение старших танцоров, и ее назначили предводительницей команды Серых.

Она оказалась требовательной руководительницей. Одному за другим членам ее команды пришлось уйти, чтобы уступить место более талантливым — их Харита выбирала сама. Вскоре Серые стали называться Чайками.

Теперь это завершится. Харита никогда себя не обманывала. Что бы ни говорила она Белрену, сама она знала: однажды придет конец. Случится ошибка, погрешность, промах — и все. Боль, кровь, да, но в то же время избавление. Жизнь оборвется.

Именно уверенность, что так оно и будет, помогала ей отдалять этот миг крови и боли. Она принимала неизбежное, более того — тешилась мыслью о нем. В ответ на смелость и покорность судьбе боги даровали ей жизнь — непрошеную, ненужную.

До сего дня. "Пора принять решение", — сказала царица. Очень хорошо, она решилась. Остальные пусть выбирают сами. Она не может вечно за них отвечать. Она покажет еще одно представление и даст им волю. Даст волю себе. Один раз они станцуют за деньги, и деньги купят им будущее.

Ноги вывели ее в окрестности храма. Она стояла в почти пустом проулке возле рынка. Торговцы снимали навесы и запирали лавки. Она поняла, что они закрываются, потому что вот-вот начнется представление.

Она повернулась и побежала туда, откуда пришла.

К тому времени, как она добежала до комнаты, где переодевались танцоры, первая команда уже вышла на арену. За криками толпы наверху никто не услышал, как Харита, запыхаясь, влетела в дверь. Она быстро оделась — влезла в жесткий кожаный набедренник, туго затянула шнуровку, обмотала грудь узким полотнищем, из шкатулки камфарного дерева достала лавровый венок на шею — его листочки были сделаны из чистого золота. Она ловко заплела длинные волосы в толстую косу и, схватив белый кожаный ремешок, чтобы ее подвязать, присоединилась к своим танцорам.

Чайки были уже готовы. Они сидели в кружок, скрестив ноги, положив руки на колени и закрыв глаза. Харита опустилась рядом, сделала три очистительных вдоха и начала:

Бел преславный, бог света и пламени,
Владыка небес, повелитель преисподней
И всего, что пребудет вовеки,
Услышь моление слуг твоих!
Старейший на небесах, призри со своего высокого трона,
Одари нас благодатью твоего присутствия,
Дай нам силу, мужество, крепость,
Нам, танцующим перед тобой сегодня.
Величие мощи, Озаряющий землю,
Укрась нашу жертву,
Вселись в наш дух,
Оживи красу нашего танца.

Трижды повторив молитву, танцоры молча встали и начали тянуться, расслабляя мышцы. Каждый старался заглянуть в глубины своей души, чтобы почерпнуть в них мужество для первого шага на арену, а там уже сработает привычка, обретенная за бесчисленные часы тренировок, и движения станут автоматическими. Однако первый шаг требовал усилия воли, и никакие тренировки тут не помогали. И каждый танцор должен был сделать это усилие самостоятельно.

По грому рукоплесканий они поняли, что первая команда закончила выступление и на арену вышла вторая. Чайки продолжали готовиться. Один за другим танцоры подходили к большой алебастровой амфоре, стоящей на треножнике в центре комнаты, обмакивали руки в благовонное масло и принимались натираться.

Харита ходила между ними, держа в руках маленький каменный сосудец. Когда она подходила к Чайкам, те становились на колени, закрыв глаза и воздев руки в знаке Солнца. Харита окунала палец в сосуд и рисовала танцору золотой кружок у основания шеи.

Крики толпы наверху становились все громче, потом разом оборвались. Танцоры молча переглянулись. Они знали, что это означает: кто-то из их товарищей лежит на арене, и алая кровь уходит в горячий белый песок.

— Бел избрал себе жертву, — прошептала Харита. — Хвала Белу!

— Хвала Белу! — повторили остальные.

Она выбросила руки в стороны, ближайшие танцоры взялись за них, и вскоре все уже держались за руки, стоя в кружок посреди комнаты.

— Кто мы? — тихо спросила Харита.

— Мы — Чайки, — отвечали танцоры.

— Кто мы?

— Мы — Чайки! — закричали они. — Чайки! Мы — Чайки!

— Мы лучше всех! — выкрикнула Харита. — Лучше всех!

— Мы — Чайки! Мы лучше всех! — подхватили они.

В этот миг большие внутренние двери комнаты распахнулись. Двое потных служителей держали створки. Не расцепляя рук, танцоры шагнули в слепящий свет. Их приветствовал многоголосый радостный рев. Харита почувствовала, как по телу пробежала знакомая дрожь. Она подняла глаза на круто вздымающиеся ряды, на орущих зрителей и медленно воздела руки. Этот простой жест заставил публику вскочить на ноги и разразиться новыми криками. В истерзанном воздухе гремело ее имя.

— Хари-та! Хари-та! Хар-ри-та-а-а!

Без всякого предупреждения в противоположной стороне открылась дверь, и на обожженную арену вылетел бык. Он тряс исполинской головой, брызгал слюной. Рога его были окрашены в алый цвет, острые концы блестели. По сигналу Хариты Жоет и Галая легко двинулись к центру овала, остальные Чайки остались на месте.

Бык сразу ринулся вперед. Наклонив голову, он несся на танцоров. Однако, когда он добежал, их там уже не было. Он оторопело вертел башкой, но они всякий раз оказывались не там, где должны быть, так что, когда танец окончился, распахнулись двери и выбежали служители с сетями, растерянный бык послушно ретировался. Зрители разразились смехом и криками. Жоет и Галая, кувыркаясь, выбежали с арены.

— Отлично, — похвалила Харита, обнимая запыхавшихся, сияющих радостью танцоров. Она снова кивнула. Теперь на середину арены выбежали, взявшись за руки, Калили, Юноя и Перонн. Перонн поднял Юною высоко над головой, а Калили кружила вокруг них, раскинув руки.

Служители выпустили следующего быка. Животное неторопливо двинулось на танцоров, потом взревело и бросилось в атаку. Толпа ахну-

ла. Видят ли его танцоры? Они, если и видели, то не подавали виду. Калили описывала круги вокруг Перонна, а тот держал Юною на вытянутых руках.

Бык кинулся на них. В последний миг Перонн выпустил Юною, та выпрямилась и легко приземлилась на бычью спину, скользнула по хребту и спрыгнула на землю в то время, как Перонн отскочил в сторону. Подбежала Калили и запрыгнула быку на спину. Она ехала стоя, сведя ноги и раскинув руки, а зверь ревел и кружился на месте, стараясь ее скинуть.

Номер прошел без сучка и задоринки. Вернувшись к остальным, которые тут же бросились их обнимать, танцоры спросили:

— Чувствуете? Там сущее пекло.

— Как быки? — спросила Харита. Она наблюдала за первыми двумя животными и заметила, как медленно те движутся.

— Вялые, — ответил Перонн.

Жоет согласился:

— Жара, и они осоловели.

Белисса и Марофон заняли места на арене. Харита дала им выполнить несколько акробатических трюков и лишь потом выбежала сама. При виде ее толпа разразилась криками, но Харита присоединилась к товарищам, не стараясь их затмить.

Номер включал в себя много зрелищных фигур, быстро сменявших одна другую, всякий раз на волосок от гибели. Бык бросался снова и снова, мотал рогами из стороны в сторону, силясь пронзить молниеносно мелькающие призраки. Он и впрямь казался сонным, отяжелевшим, тем не менее кидался с яростной решимостью, словно силился сбросить с себя сонную одурь, которая сковывает движение, мешает насадить на рога назойливых танцоров. Харита не помнила, чтобы опытный бык входил в такой раж.

Все трое легко выполняли номер. Толпа восторженно кричала, когда они без видимых усилий кувыркались в раскаленном воздухе.

Бык явно уставал. Он отступил и наклонил голову, чтобы вновь перейти в атаку. Танцоры приготовились к последнему прыжку — сложной фигуре, в которой Харита и Марофон выполняли двойки, а Белисса делала стойку на рогах.

Когда бык ринулся на них, Харита взглянула на партнеров — готовы ли они. Белисса, изготовившись к прыжку, смотрела на несущегося быка, и в это миг Маро бросил торжествующий взгляд на предводительницу, словно говоря: "Видишь? Я нарушил обет, а танцую ничуть не хуже".

— Маро! — только и успела крикнуть Харита. Бык налетел на них.

Маро повернулся к быку и приготовился прыгнуть. Уже в этот миг Харита видела, что он опоздает. Она постаралась оттянуть свой прыжок, чтобы им с Марофоном не столкнуться. Белисса отступила за их спины. Марофон, собравшись в тугой мяч, взмыл в воздух. Харита прыгнула. Она почувствовала под собой дрожание воздуха от быстро несущегося быка.

Она прыгнула низко, чтобы Марофон смог перелететь через нее, и, переворачиваясь в воздухе, услышала крик Белиссы — сигнал, что та ухватилась за рога.

Нога Марофона угодила Харите точно между лопаток, когда она завершала второе сальто и смотрела, куда опуститься. Удар вышиб воздух из ее легких, и, чтобы не опрокинуться на спину, ей пришлось приземлиться ближе, чем было задумано. Маро упал на четвереньки, и Харита, повернувшись, увидела, как он скрыл свою ошибку за дополнительным кувырком. Он вскочил, белый, как полотно. Белисса, завершив стойку, спрыгнула на землю.

Служители погнали быка в ворота, а трое танцоров отбежали на исходную позицию.

— Маро, ты что, ошалел? — заорал Жоет. — Из-за тебя чуть другие не покалечились!

— Харита, ты цела? — Белисса встревоженно оглядела ее с головы до пят. Остальные смотрели в испуганном молчании.

— Прости... я... — Маро осекся. Глаза его были расширены от ужаса. Он прекрасно понимал, что натворил.

— Со мной все хорошо, — сквозь стиснутые зубы выдавила Харита. — Уберите руки. — Ей хотелось вылить на Маро целый поток брани, но времени не было. Сейчас ей танцевать в одиночку, и за какие-то секунды нужно успеть сосредоточиться. "Представление почти закончено, — убеждала она себя, — отругаешь его после". И она выбросила мысли о происшествии из головы.

По рядам пробежал рокот:

— Ха-ри-та! Ха-ри-та! Ха-ри-та!

— Ничего, пусть покричат, — сказала она танцорам, подтянула ремешки на запястьях и вышла на середину арены.

Толпа завопила.

Харита вскинула руки.

На противоположной стороне арены служители распахнули ворота. Харита повернулась, чтобы увидеть быка, но тот все не выходил. Она ждала.

И вот он возник, соткался из воздуха, как призрак, его лоснящиеся бо-

ка сияли в яростном свете — огромный, мощный, великолепный, с перекатывающимися мускулами, белая громада тупой плоти.

Не тот бык! Осознание пронзило ее, как удар ножом. "Я же не его выбрала!".

Бык сделал несколько шагов и остановился, спокойно глядя на Хариту и ударяя по песку блестящим золоченым копытом. Рога его, тоже позолоченные, смертоносными изогнутыми клинками высились по обе стороны головы. Холка, словно снежный холм, поднималась над ширью спины, ноги казались березовыми поленьями, хвост — белым хлыстом, бьющим из стороны в сторону. Широкая розовая морда была в пене. Далеко расставленные глаза налились кровью.

Толпа мгновенно стихла. Никто еще не видел такого огромного и сильного зверя.

Почти физическим усилием Харита отбросила все чувства. Она и прежде видела незнакомых быков, и все они покорялись ее мастерству. Она медленно пошла вперед, и толпа вновь начала выкрикивать ее имя. Харита не слышала. Она различала лишь звон крови в ушах.

Белый бык тряхнул головой и затрусил навстречу, опустив рога. Харита стояла прямо на его дороге, не пытаясь отпрыгнуть или увернуться.

Страшные рога рассекали воздух. Капельки слюны сверкали на солнце. Бык с оглушительным топотом мчался вперед, расстояние между ним и Харитой стремительно сокращалось. Харита рухнула ниц перед несущимся животным.

Крик ужаса пронесся над толпой. Харита исчезла под тяжелыми копытами.

Однако вот она вновь, руки ее приветственно вскинуты. Толпа облегченно выдохнула, как один человек. Бык развернулся, мотая головой. Харита легко вспрыгнула ему на спину, сжала коленями холку. Зверь взревел от ярости, и Харита ощутила его тупую ненависть. Он убьет ее или в попытке ее убить сам свернет себе шею.

Она нагнулась, ухватилась за золоченые рога, слегка оттолкнулась и выгнула спину, целясь носками в небо. Бык понесся по кругу, пытаясь ее сбросить, однако она держалась, пока он не перестал кружить и не понесся через арену. Тогда она подобрала ноги, продела их между руками и, зацепившись локтями за рога, легко скользнула по мощному бычьему лбу, болтая голыми ногами над песком.

Бык остановился и принялся трясти головой. Раз, второй, третий. На четвертый Харита разжала руки, мячиком взлетела в воздух и, перевернувшись, опустилась на песок.

Бык, развернувшись, ринулся на нее. Но Харита была готова. Она прыгнула, взвилась вверх, перескочила через круп и быстро откатилась от надвигающихся рогов.

"Он бодает вправо", — подумала она, перебарывая дрожь при мысли о чудовищной силе и быстроте животного.

Следующая череда прыжков была выполнена безупречно, но Харита чувствовала, как беспощадное белое солнце высасывает ее силы. Она прыгала, кружилась, кувыркалась, взмывала в воздух. Однако маневры изматывали ее. Ей все труднее было отдышаться, а бык не только не уставал, напротив, чудилось, что он раз от разу набирает силу и скорость.

Однако Харита танцевала все так же самозабвенно, тело ее, такое изящное и уязвимое, казалось еще меньше рядом с исполинской горой мышц, стремящейся сбить ее с ног. Харита почти физически ощущала священный ужас толпы. Не слышалось больше криков, одобрительные возгласы смолкли. Глубокая тишина повисла над ареной; толпа, застыв, следила, как танец смерти движется к своему завершению.

Еще один прыжок, подумала Харита, и я разверну его на тройку. Последнюю тройку. Ей и в голову не приходило отказаться от своего главного, коронного номера. Он стал такой же частью ее существа, как данное при рождении имя; легче отречься от имени, чем от прыжка, принесшего ей славу величайшей танцовщицы за всю историю бычьих игрищ.

Бык метнулся. Харита прыгнула, в полете уперлась руками ему в спину, но, когда стала распрямлять локти, чтобы вытолкнуть тело вверх, что-то щелкнуло у нее между лопаток, там, куда угодил ногою Маро. Боль расплывалась багровым туманом. Она заставила себя закончить фигуру и благополучно опустилась на песок.

Бык стоял на некотором удалении, вполоборота к ней. Он тяжело дышал, бока его вздымались, как кузнечные мехи, белая шкура взмокла. Загорелая кожа Хариты тоже блестела от пота, но девушка внезапно почувствовала озноб. Спину жгло так, будто в нее ткнули раскаленной головней. Она чувствовала, как напрягаются от боли мускулы.

"Надо прыгать сейчас, — подумала она. — Потом уже не смогу".

Она двинулась бочком, заставляя быка поворачиваться так, чтобы солнце оказалось у нее за спиной. Чудище, опустив огромную тяжелую голову, смотрело налитыми глазами и ревело, как будто его мучали. Харита заметила, что пена, бегущая из открытого рта, порозовела от крови.

"Нам обоим больно, — подумала она. — Что ж, вперед! Покончим с этим".

Арена замерла, безмолвная и пустая, как склеп. Зрители, словно тени, застыли на своих местах.

Солнце безжалостно палило. Воздух обжигал легкие. Харита прикинула расстояние от себя до быка и отступила на шаг. Бык — исполинская белая глыба — стоял неподвижно.

"Вперед! — мысленно скомандовала ему Харита. — Ну же!".

Боль пульсировала в спине, дурманящая слабость разливалась по телу. Если она сейчас не прыгнет, то уже не сможет двинуться с места. Почему бык не бросается?

— Бел! — Ее голос разнесся над ареной, словно щелчок бича.

Зрители оторопели. Она что, призывает бога? Или говорит с быком?

Бык стоял, словно высеченный из молочно-белого мрамора.

— Бел! — снова выкрикнула Харита в огненное марево небес.

"Бел, — думала она, — я отдала тебе все, а ты хочешь отнять у меня последнее — мою гордость. Забери же и мою жизнь. Я не уйду с арены побежденной".

С этими словами она встала на цыпочки и побежала прямо на замершего в ожидании быка — навстречу року. В то же мгновение бык подобрался и ринулся на нее.

Она видела, как он разгоняется. В ушах отдавался чей-то крик, и она с трудом узнала собственный голос.

Она видела, как наклоняется массивная шея, золоченые копыта тяжело ударяют землю, золотые рога рассекают воздух. Она вытянула правую руку навстречу близящемуся рогу. Однако голова мотнулась в сторону, и Харита поняла, что это конец: бык боднул влево.

Времени поменять руки не было. Оставалось оттолкнуться правой ногой и принять всю силу прыжка на одну левую руку. Она знала, что это невозможно, но, если не попытаться, этот страшный рог вонзится в ее тело.

Холодная ясность мыслей изумила Хариту и, как ни странно, обрадовала. Она не чувствовала страха, лишь легкое сожаление, что не сумеет закончить этот последний прыжок.

Ее рука коснулась рога, перехваченная ремешками ладонь сомкнулась на гладкой поверхности. Ноги взлетели, ступни отыскали опору на широком зверином лбу. Бык уперся копытами, вскинул голову, силясь сбросить призрачную мучительницу, и яростно взревел, обращаясь к жгучему белому солнцу.

А Харита уже летела. Взмах бычьей головы выбросил ее в небо. Прижав колени к груди, она втянула голову и обхватила руками голени. Она перевернулась в воздухе... раз... высоко над землей... два... увидела землю и небо

опрокинутыми, медленно вращающимися... и еще раз. И тут земля с пугающей скоростью понеслась ей навстречу.

Она выгнула спину и раскинула руки, будто хотела обнять арену. Однако ее медленно разворачивало боком — из-за того, что она прыгнула с одной руки, ее закрутило и теперь продолжало вращать по инерции. Инстинктивно она выбросила левую руку, а правую прижала к груди, увеличивая скорость вращения.

Все поле зрения занял ослепительно белый песок арены. В последний миг Харита успела выпрямить ноги и приземлиться на ступни.

Хрусть!

Харита медленно выпрямлялась. Она не успела вовремя спружинить. Вся сила удара пришлась на поврежденную спину, и что-то в ней треснуло. Перед глазами поплыло чернильное марево. Она понимала, что не сможет двинуться.

Бык развернулся и остановился. Он смотрел на нее с противоположной стороны арены, расставив ноги, низко опустив голову, которую мощная шея уже не могла удержать прямо. Он смотрел на нее замутившимися красными глазами, кровавая пена клочьями висела на боках.

Харита стояла, вскинув голову. Сейчас зверь ринется на нее, и произойдет неизбежное.

"Нет, ты меня не возьмешь! Я сама отдам тебе свою жизнь!".

Медленно, с таким достоинством, с каким только позволяла двигаться изувеченная спина, она опустилась на колени, сложила руки на груди и склонила голову.

Угрожающе взревев, белый бык начал набирать разбег.

Чайки смотрели, онемев от ужаса.

— Нет! — Выкрик Белиссы разорвал тишину.

Харита подняла голову и открыла глаза.

— Не-е-ет! — эхом раскатился по арене голос Белиссы.

Харита повернулась к танцорам, улыбнулась и подняла лицо к солнцу.

Бык мчался на нее, рога и копыта сверкали.

— Проклятые тебе, Бел! — вскричала она и вскинула руки в последнем дерзком приветствии.

Их разделяло чуть больше длины тела, когда бык вроде бы споткнулся. Его передние ноги подогнулись, но задние еще продолжали бежать. Чудовищная голова грохнулась на песок и проехала, золотой рог прочертил на арене глубокую борозду. Потом он зарылся в песок, стопоря движение, и огромная шея согнулась пополам. С испуганным мычанием бык завалился набок.

Харита, не веря своим глазам, смотрела, как изо рта и ноздрей у него хлынула кровь. Ноги судорожно вздрагивали, по телу волна за волной прокатывалась дрожь. Потом бык в последний раз дернулся и затих.

В первый миг раздался один-единственный ликующий голос, заполнивший всю арену. Харита подняла глаза и увидела, что к ней бежит Жоет. В следующее мгновение все зрители были на ногах, они неистовствовали, это был оглушительный океан криков. Золото блеснуло на солнце, сперва отдельные монетки, потом все больше и больше, пока блеск не наполнил собой весь воздух. Золотой дождь, река, наводнение захлестывали арену.

— Полегче! Полегче! Я повредила спину, — услышала Харита свой голос, когда Жоет и Перонн поднимали ее на плечи, чтобы с триумфом пронести вдоль рядов. Белисса, Галая, Калили и Юноя приплясывали вокруг, смеясь и обнимаясь, а по их лицам текли слезы. Марофон, забыв про свой позор, бегал взад-вперед, хватал золотые вещицы и подбрасывал их в воздух, словно полоумный.

Рев рвался в небеса, раскатывался в безоблачной выси, грохотал в опустевших улицах царского города.

— Харита! Харита! Харита! — кричали люди. Они сыпались на арену, спрыгивали с ограждений на песок, бежали к ней, их становилось все больше, они тянули руки, чтобы ее коснуться, окружали ее волной неистового восхищения.

— Харита! Харита!

Харита ничего не сознавала от боли. Она видела тянущиеся к ней руки, видела восторженные лица, слышала свое имя. Чайки сбились в кружок, чтобы толпа не раздавила ее. Они стояли в центре арены, а их обступали вопящие люди.

За криками никто не услышал слабого рокота. Первое колебание земли прошло незамеченным. Однако рокот нарастал, дрожание усиливалось. Сидя на плечах танцоров высоко над толпой, Харита подняла глаза и увидела странное зрелище: храм Солнца трепетал в воздухе, его верхние ярусы колыхались, словно сделанные из жидкого студенистого материала. Громадный топазовый обелиск на вершине храма раскачивался туда-сюда и наконец рухнул с высоты.

Крики толпы перекрыл низкий рокот. Он шел из-под ног, и, казалось, каменные кости выворачиваются из суставов, исполинские жернова трутся один о другой, скрипят великаньи зубы, древние корни трещат и с хрустом выворачиваются из земли.

Харита видела, как с лиц вокруг нее сходит ликование и сменяется диким ужасом. Белый песок арены ходил волнами, как море. Жоет и Перонн

крепко держали свою предводительницу, хотя земля под ними дрожала и колыхалась.

В следующий миг наступила зловещая тишина, в которую ворвался отчаянный вой собак — странный, потусторонний. Чудилось, что завывают все псы в городе.

Белая пыль кружилась в воздухе, застилая солнце. Люди переглядывались в блеклом, призрачном свете, не понимая, что происходит.

Однако землетрясение кончилось, как не бывало, только тихо оседала белая пыль да выли испуганные собаки.

Увечье Хариты помогло Чайкам смириться с ее решением. Когда она объявила, что больше не выйдет на арену и они свободны, никто не посмел перечить. Все собрались в ее комнате, чтобы выслушать приговор, а выслушав, восприняли его с мрачной покорностью, без укоров и возражений. Ясно было, что о новом предводителе не может быть и речи.

— Если ты уйдешь, мы уйдем с тобой, — сказал Жоет.

— У нас есть золото, — добавила Белисса. — Можно купить дом в городе и поселиться всем вместе.

— И что потом? Что мы будем делать? — спросила Харита. — Нет, дорогие Жоет, Белисса, пора подумать о новой жизни. Разойдемся каждый в свою сторону. Мы были Чайками, это время навсегда останется с нами, но теперь оно закончилось.

— Просто мы не хотим с тобой расставаться, — всхлипнула Галая.

На лицах танцоров было написано такое уныние, что Хариту даже передернуло. Нашли из-за чего нюни распускать!

— Жизнь, Галая, — резко произнесла она. — Неужели ты так долго была мертва, что забыла значение этого слова? Когда танцор входит в храм, он приносит себя в жертву. Он мертв. Он живет только в танце. Если он танцует хорошо, бог милостиво дозволяет ему продолжать. Но однажды... однажды Бел заявляет свои права, и танцор покорно склоняется перед ним. Со мной это случилось. И я не хочу пережить такое вторично.

— Мы тебя любим, — сказала Калили.

— И я тоже люблю вас, всех и каждого. Ради этого нам и дана жизнь — ради любви. Неужели вы хотите выступать и дальше, гибнуть на глазах у друзей, один за другим? А ничего другого нас не ждет. Рано или поздно нас растопчут копытами или пронзят рогами. Печаль неуместна. Надо радоваться будущему, а не оплакивать прошлое. Белрен вернул нам жизнь. Мы целы! Мы будем жить!

Чайки переглянулись сумрачно, безнадежно, и тут заговорил Жоет.

— Тройку с одной руки, — произнес он с упоением. — Не видел бы вот этими самыми глазами, не поверил бы. А расскажешь кому — назовут лжецом.

— Кто назовет? — возразил Перонн. — Весь город видел. Люди ни о чем другом не говорят. По всем Девяти царствам слух идет. Скоро весь мир узнает!

— Когда я увидела, что ты преклонила колени перед быком, — тихо сказала Белисса, — я поняла, что тебе конец. Но когда я увидела твое приветствие... никогда этого не забуду.

— Так живи долго и помни, Белисса. — Харита обвела взглядом остальных. — И вы все живите долго и помните.

— Увидим ли мы тебя еще? — спросила Юноя.

— Конечно, увидите. Я никуда не денусь.

— Что ты будешь делать? — полюбопытствовала Калили.

— Отправлюсь на какое-то время домой, лечиться. Как встану на ноги, вернусь сюда. — Она замолчала и откинулась на подушки. — А теперь идите. Настало время мечтать и составлять планы на будущее.

Жоет и Перонн без усилия подняли кресло и поднесли к кровати. Марофон выполз из угла, в котором сидел, опустился на пол и положил ей голову на колени. Она погладила его темные волосы.

— Прости, — хрипло выговорил он. — Я хотел выбежать на арену вместо тебя. Я готов был за тебя умереть. Я думал...

— Ш-ш-ш, — прошептала Харита. — Все позади.

— Нет, я виноват.

— В чем? В том, что служитель выпустил не того быка?

— Ты знаешь, о чем я.

— Знаю, и это не имеет никакого значения.

— Но я...

— Неважно, Маро.

Он склонился над ней — в глазах его стояли слезы — и легонько поцеловал ее в щеку.

— Спасибо... спасибо за мою жизнь.

— Иди и отыщи свою танцовщицу, — прошептала она. — Возьми ее с собой. Для вас обоих начнется новая жизнь.

Жоет и Перонн подняли Хариту и с величайшей осторожностью переложили в постель. Потом, один за другим, танцоры подошли к ней и попрощались.

Несмотря на неусыпные заботы Белрена, постоянное внимание двух лекарей, которых прислала сама царица Данея, и целый поток даров, сла-

достей и цветов, грозивший порою затопить комнаты, прошло несколько недель, прежде чем Харита нашла в себе силы пуститься в путь.

Ранним утром она вышла из покоев и села в повозку, ожидавшую на площади перед храмом. Ее скромные пожитки вместе с подарками, которые она выбрала для близких, были уже уложены. Повозкой снабдила ее Данея, равно как и целой толпою слуг под бдительным оком жреца — царица лично поручила им следить, чтобы Харита ехала медленно, с остановками и чтобы любые ее просьбы немедленно исполнялись.

Они проехали полупустыми улицами и свернули на Дорогу процессий, пересекли все три городских кольца, но лишь когда миновали ворота и покатили к зеленым холмам на севере у подножия окутанного облаками Атланта, Харита осознала, что и впрямь уезжает. До нее внезапно дошло, что она не рассчитывала вернуться домой. Дом — само это слово пробудило в сердце теплое, давно забытое чувство.

Тем не менее она не знала, какой ожидать встречи. Она помнила день своего отъезда. Это было вскоре после похорон Брисеиды. Отец держался все с той же необъяснимой враждебностью, и Харита понимала, что им под одним кровом не жить. Он винил ее в смерти матери. Лишь много позже Харита узнала, что Сейтенин был в сговоре с Нестором, он-то и организовал нападение. Двурушничество Сейтенина стало поводом к войне, охватившей теперь пол-Атлантиды.

Харита тоже винила себя, но за другое. Ее вина была куда глубже, чем мнилось отцу: она осталась жива, когда ее мать погибла. Царевна считала, что зарубить должны были ее. Да, Аваллах лишился жены, но она, Харита, утратила мать.

"Ты выбрала бычью арену — ты выбрала смерть", — сказала Верховная царица. Она угадала.

Но жизнь — навязчивый дар. Как ни пыталась Харита от нее избавиться, жизнь стояла на своем. А если бычья арена чему-то ее научила, то лишь этому: все стоящее дается болью и потом. А значит, первым делом нужно вскрыть зарубцевавшиеся раны, чтобы могло начаться настоящее исцеление.

День за днем дорога взбиралась все выше, а мощный Атлант рос, пока не заслонил весь горизонт. Харита смотрела, как на нижних склонах ведут свою бесконечную игру тени от облаков. Она много спала и чувствовала, что к ней постепенно возвращаются силы.

Однако пришел день, когда Харита не смогла уснуть. Каждый камешек под колесами болезненно отдавался в спине, яростное белое солнце нещадно палило, знойный ветер вздымал едкую пыль, горы высились занос-

чиво и враждебно, окутанные мрачными серыми облаками. Харита смотрела на голые каменистые кручи, уходящие к подножию горы-исполина, и ей почудилась вдали одинокая человеческая фигура.

Она зажмурилась, а когда открыла глаза, фигура исчезла. Она вновь попыталась задремать, но смутное беспокойство не отпускало. Мысли вновь и вновь устремлялись к далекому холму. Она снова взглянула и снова различила на фоне бледного силуэта горы темные очертания человека.

— Стойте! — крикнула она. Повозка остановилась. Двое сопровождающих слуг спрыгнули со своей колесницы и подбежали к Харите.

— Что тебе угодно, царевна? — с тревогой спросил один.

— Я хочу выйти.

Слуги переглянулись, и один из них побежал прочь.

— Надо позвать жреца, — объяснил его товарищ.

— Отлично, — сказала Харита, спрыгивая с повозки. — Скажи, пусть подождет, пока я вернусь.

Она двинулась вверх по склону. После долгой езды приятно было размять ноги, и она взбиралась легко, только иногда шаги отдавались тупой болью в спине — сказывалось недавнее увечье.

На середине склона она остановилась и посмотрела через плечо. Слуги разговаривали со жрецом, смотревшим ей вслед. Она полезла дальше. Человек, которого она заметила с дороги, стоял спиной к ней, неподвижно раскинув руки, как будто молился горе. Ветер трепал его волосы и одеяние — грязную черную шкуру. Харита застыла.

Тром!

Что-то блестело у его босых ног: солнце играло в желтом самоцвете, украшавшем навершие обернутого кожей посоха. Несомненно, это он — безумный пророк.

— Тром, — позвала она, удивляясь, как легко вспомнила это имя. Она слышала его однажды и очень давно. Она подошла ближе.

— Тром, это Харита, — сказала она и тут же сообразила, что ее имя ничего ему не скажет.

Он не шевельнулся, как если бы не услышал. Харита подумала было, что он мертв, — умер вот так, стоя, а натянутые мускулы не дают ему обрести покоя и в смерти. Она протянула руку, потом испугалась и отдернула.

— С-сестра Солнца, — произнес он хриплым замогильным голосом. — Танцующая со Смертью, царевна Чаек, я, Тром, приветствую тебя.

Он начал медленно разворачиваться к ней, Харита поспешно шагнула в сторону. Пророк продолжал говорить, все так же выстреливая кусками фраз, словно слова выдирали у него силой.

— Сознаешь ли, как это странно? Дивишься ли, что из всех детей Бела избрана именно ты?

— Избрана? Я вовсе не избрана.

— Зачем же ты здесь?

— Я увидела тебя — увидела, что кто-то стоит здесь наверху, — сказала Харита, быстро теряя уверенность. Почему она здесь? Она ведь знала, что это Тром; какая-то часть ее существа поняла это в тот миг, как глаза различили далекую фигуру.

— Многие проезжали. Одна лишь ты должна была подойти.

— Я не знала, что это ты.

— Не знала ли?

— Не знала, — уверяла Харита. — Просто увидела кого-то.

— Тогда повторю: зачем ты здесь?

— Не знаю. Наверное, подумала, с человеком беда, ему нужна помощь.

— Может быть, ты приняла меня за быка и решила со мной сплясать?

— Нет. Мне... мне просто захотелось немного размяться. Я не знала, что это ты. Просто увидела кого-то и решила к нему подняться. Вот и все.

— Этого довольно.

— Так чего ты от меня хочешь?

Отчего так дрожит и срывается ее голос — от страха или просто от холодного ветра?

— Хочу? Того же, что любая живая тварь: всего и ничего.

— Ты говоришь загадками. Я ухожу.

— Стой, Танцующая с быками. Побудь еще чуть-чуть. — Он повернулся к ней, и Харита вздрогнула. Лицо его задубело от солнца и ветра, морщинистая кожа местами растрескалась и пошла язвами, грязные космы свалялись, на бороде блестела слюна. Глаза — потухшие черные уголья; по тому, как они смотрели — не мигая и постоянно слезясь, — Харита догадалась, что он слеп. — Я, Тром, буду говорить с тобой.

Харита не ответила.

— Много мудрости в молчании, да, но кто-то должен говорить. Пока не настала последняя тишина, должен раздаться глас. Кто-то должен сказать. Да, скажи им всем.

— Что сказать?

Безумный пророк повернул голову и вперил невидящий взор вдаль.

— Скажи им, что я говорил. Скажи, что Тром провещал. Скажи им, что камни возопят, что прах под ногами подымет глас, да, мощный глас! Скажи им то, что знаешь сама.

Харита снова вздрогнула, но не от холода. Вновь она стояла на жерт-

венном холме. Здесь были ее мать и Элейна, отец и Белин, братья, жрецы. Солнце садилось, и внезапно появился Тром. Она слышала его голос: "Внемли мне, о Атлантида!.. земля подвигается, небо сползает... звезды меняют ход... воды алчут...".

— "Приготовьте ваши гробницы", — прошептала Харита. — Помню. Семь лет, ты сказал — и эти семь лет истекли?

— А, так ты помнишь? Семь лет истекли, покуда ты выплясывала со слугами Бела и один раз с самим Белом, да. Семь лет, дщерь судьбы, и время на исходе. Время пришло, да, и все еще есть время.

— Для чего? — спросила Харита. — Скажи, для чего время? Можно ли отвратить бедствие?

— Может ли солнце взойти вчера?

— Что же остается?

— Есть время вырвать корни и посадить семя.

Отчаяние сомкнулось над ней, как яростные волны.

— Говори яснее, глупец! Какие корни? Какое семя? Скажи!

— Корни народа, семя наших людей, — сказал Тром, обращая к ней обветренное лицо. — Семя должно быть брошено, да, в лоно грядущего.

Она изо всех сил пыталась понять.

— Покинуть эти места? Ты это хочешь сказать?

— Здесь нет грядущего.

— Почему ты не хочешь объяснить понятно? Как я буду тебе помогать, если не знаю, что от меня требуется?

— Ты знаешь, Танцующая с быками. Делай, что должна.

Харита в отчаянии уставилась на него.

— Идем со мной. Скажешь моему отцу то, что сказал мне.

Тром улыбнулся щербатым ртом.

— Я говорил ему. Я, Тром, говорил всем. Они залепили уши навозом, да, они смеялись. Будут смеяться и над тобой. Но кто посмеется, когда земля разинет зев и всех поглотит живьем?

Она некоторое время смотрела на Трома. Было ясно, что больше он ничего не добавит.

— Прощай, Тром, — сказала она наконец и повернулась, чтобы уйти.

— Прощай, Танцующая с быками, — молвил пророк. Он уже отвернулся и вновь обратил незрячий взор к горе.

Харита вернулась к повозке. Жрец пристально смотрел на нее; Харита видела, что он взволнован. Он хотел ощупать ее спину, но Харита оттолкнула его руки.

— Хватит меня лапать! Я уже здорова.

Жрец опустил руки.

— Кого ты там увидела, царевна?

— Старого друга, — буркнула Харита. — А если тебе интересно, что он сказал, так надо было подняться со мной. — Она бросила взгляд на вершину холма, где стоял, раскинув руки и подставив тело жгучему ветру, Тром. — Мы и так здесь задержались. Подстегните-ка коней. Я спешу домой.

Утром, пока ямы наполняли углем, моросил дождик, однако к середине дня, когда мясо зашипело на вертелах, прояснилось. Под вечер началось самое веселье. Пиво, темное и пенистое, золотой мед ручьями текли из бочек в рога и кружки. Целые туши — свиные, говяжьи, бараньи — жарились на толстых железных вертелах, ароматный дым плыл над веселой пирушкой. От одной околицы до другой звенели мощные кельтские голоса, песни, как птицы, вольно взмывали ввысь.

Эльфин пел и смеялся от всей души, как пьет и смеется король, уверенный в своей власти. Всем, собравшимся за высоким столом перед его домом, он рассказывал истории, в которых превозносил смелость своих соратников. Он поднимал рог за здоровье всех и каждого, припоминал случаи, когда кто-то особенно отличился, и без устали нахваливал свою дружину. Ронвен сидела рядом с мужем, Талиесин крутился рядом, нежась в лучах отцовского присутствия, как ясноглазая выдра на согретом солнышком камне.

Когда в небе затрепетали первые звездочки, Киалл, сидевший по правую руку от повелителя, нагнулся к Эльфину и прошептал ему на ухо несколько слов. Тот кивнул и отставил рог с пивом.

— Пора, — сказал он, обводя взглядом собравшихся.

— Что пора? — спросила Ронвен.

Эльфин подмигнул ей и влез на стул. Киалл замолотил по столу рукояткой ножа. Сперва стук тонул в реве голосов, но вскоре к Киаллу присоединились остальные, и грохот, постепенно нарастая, разнесся по всей деревне.

— Лорд Эльфин хочет говорить! — выкрикнул кто-то. — Король хочет держать речь!

— Пусть говорит! — отозвался другой. — Тихо! Пусть король говорит!

По толпе пробежал возбужденный говорок, народ собрался вокруг высокого стола. Плошки, подносы и ножи сдвинули в сторону, Эльфин взобрался на стол. Он стоял, раскинув руки, будто хотел обнять весь клан.

— Сородичи! — крикнул он. — Слушайте своего вождя.

Народ затих, и Эльфин начал:

— Вот уже семь лет, как мы каждое лето обороняем Вал...

— Верно, — отозвались из толпы.

— ... и шесть лет из этих семи мы пировали по возвращении.

— Ллеу ведает, что это правда, — отвечали собравшиеся.

— Мы пируем, чтобы отпраздновать благополучное возвращение дружины, а через день-два ратники расходятся по домам, чтобы снова взяться за плуг или пастуший посох. Так было до сего дня, но отныне будет иначе, — выкрикнул Эльфин.

Народ заволновался.

— Что он говорит? Что это значит?

— С этого года дружина будет оставаться здесь! — крикнул Эльфин, обводя взглядом изумленные лица. — Впервые мы выехали отсюда мальчишками — пастухи и землепашцы, сыновья землепашцев и пастухов. Однако за семь лет мы стали воинами!

Народ одобрительно закивал.

— В древние времена короли жили со своими дружинами в деревянных палатах. Времена те возвращаются в наши края, и дружинникам пристало жить с их воеводою.

— Верно, верно, — отвечали жители каера.

— Потому прикажу воздвигнуть здесь, на этом самом месте, просторные палаты! Такие, как у древних воителей!

— Палаты! — радостно ахнула толпа.

— Отныне будем жить, как жили пращуры, не ища защиты ни на востоке, ни на западе, ни на юге, не полагаясь на Римскую империю. Будем искать защиты только у себя, полагаться только на железо в своих руках. Отныне и впредь мы защищаем себя сами!

При этих словах он вытащил меч и двумя руками поднял над головою обнаженный клинок.

Народ разразился шумными криками:

— Да здравствует король! Да здравствует лорд Эльфин!

Через улицу Хафган и Блез в синих одеяниях созерцали происходящее.

— Что ты об этом скажешь? — спросил Блез.

— Неплохо, — отвечал Хафган.

— Разумеется, но к чему это приведет?

— Ну, — отвечал друид под новые восторженные возгласы, — будет им дело на весь следующий год. Я-то гадал, чем займется дружина летом, когда не придется оборонять Вал. Эльфин прав, они теперь воины — пусть будут при воинских заботах.

— Да от них здесь и прохода не будет.

— Не ворчи, Блез. Эльфин достоин хвалы. Он и впрямь учится. Он далеко продвинулся в искусстве управлять людьми.

— Довольно ли этого? — спросил Блез.

— На сегодня довольно, — ответил Хафган. — Дай срок, в нем пробудится и другое. — Старый друид с гордостью взглянул на Эльфина. — Он добрый король и добрый отец Талиесину. Видишь, как мальчик не сводит с него глаз? Да, Блез, этого довольно.

Хафгана уже заметили, и вскоре раздались крики с просьбой рассказать историю. Крики становились все громче и настойчивее.

— Принеси-ка мне арфу, Блез, — сказал бард и начал проталкиваться к высокому столу.

— Вот и ты, Хафган, — обрадовался Эльфин. — Садись рядом со мной.

Друид поклонился, но остался стоять в торце стола.

— Чем могу служить тебе, повелитель?

— Сдается мне, пришло время для сказания. Давненько мы не слышали у огня ничего, кроме дружного храпа.

— Что мой повелитель желает услышать?

— Что-нибудь про подвиги и отвагу, — сказал Эльфин. — Что пристало сегодняшнему пиршеству. Сам выбери.

Талиесин, отиравшийся возле отца, подал голос.

— Расскажи про свиней! — крикнул он, взбираясь Эльфину на колени. — Про свиней Придери!

— Ш-ш-ш, Талиесин, — сказала Ронвен. — Хафган сам решит.

Вернулся Блез с арфой, и Хафган начал рассеянно перебирать струны, выбирая, что будет рассказывать. Зажгли фонари, сельчане и дружинники кучками расселись на земле, поближе к друиду.

Когда все угомонились, Хафган поднял арфу к плечу и, подмигнув Талиесину, заиграл.

— Слушайте же, коли хотите, сказ о Мате ап Матонви, — начал он и замолк, ожидая, пока вновь наступит тишина.

— В те дни, когда роса творения была еще свежа на земле, Мат сын Матонви правил Гвинеддом, и Диведом, и Ллогрией, и Западными землями. И вот этот Мат жить не мог без одной девицы и проводил с ней все время, когда не воевал. А звали девицу Гоевин, дочь Пебина из Дол Пебина, и была она красивейшая из смертных.

И вот в эти дни прослышал Мат про животное, которого на Острове Могущественного прежде не знали: мясо-де у него сладкое и на вкус приятней говяжьего. Итак...

Хафган рассказал, как Мат отправил своего племянника Гвидиона к Придери, сыну Пуйла, за свиньями, которых прислал тому в подарок Араун, владыка Аннона, чтобы и ему разводить свиней. Талиесин сидел, свернувшись клубочком, у отца на коленях, слушал привычные переливы в голосе барда и различал в них эхо древних деяний — деяний, вошедших в легенду так давно, что они уже изгладились из памяти, а сейчас на краткий миг ожили в словах сказителя.

"Быть бардом, — думал Талиесин, — знать тайны всего, что есть под небом и под землею, повелевать стихиями звуками своего голоса — вот это жизнь! Я вырасту и стану бардом и королем, — мысленно поклялся он. — Да, королем-друидом!".

Он поднял глаза к ночному небу и мириадам звезд, мигающих в свете факела. И ему показалось, что он безначален, что какая-то его часть существовала всегда и будет существовать вечно, что он призван к жизни с какой-то неведомой целью. Чем больше он об этом думал, тем больше убеждался, что так оно и есть.

Внимая друиду и вглядываясь в увлеченные лица сородичей, красные в свете факелов, он понимал, что связан с ними неразрывными узами и в то же время предназначен к чему-то еще, к жизни, которую слушатели Хафгана не могли бы себе даже представить.

Эти мысли наполнили его пронзительной болью, внезапная пустота вошла в него, как стрела. Мальчик закрыл глаза и припал лицом к отцовской груди. В следующий миг он почувствовал сильные пальцы Эльфина у себя на затылке.

Он открыл глаза и увидел, что мать смотрит на него и глаза ее сияют в дрожащем свете факелов, как сияли всегда, даже в темноте, — любовью к нему и к мужу. Талиесин улыбнулся, и она, отведя взгляд, снова стала слушать Хафгана.

Любовь хороша и правильна, знал Талиесин, и Хафган часто ему говорил, что любовь лежит под краеугольным камнем земли. Однако он чувствовал, что чего-то здесь не хватает. Он не мог бы это назвать; что-то большее, что-то, чего нельзя почерпнуть в человеческом сердце. Это что-то и было той стрелой, которая пронзила его, наполнив внезапной пустотой и томлением.

Он не вполне ясно осознавал эти мысли — то, что Хафган называл "мудрыми чувствами". Они часто накатывали на Талиесина, нередко, как сейчас — вне всякой связи с происходящим. Сейчас он должен был в тепле и уюте внимать сказанию о Мате — похитителе свиней. Он и внимал — той частью себя, которая оставалась маленьким мальчиком. Однако другая,

взрослая его часть наблюдала за весельем и рыдала по чему-то отсутствующему, что Талиесин не мог бы даже назвать.

"Мудрые чувства, — объяснял ему Хафган, — приходят сами собой. Ты не можешь их побороть, остается только смириться и слушать, что они тебе скажут". До сих пор Талиесин ничему от них не научился — разве что держать рот на замке. Он хранил пережитое в себе, молча снося боль. Да, Хафган иногда замечал, что на него находит, но даже Хафган ничем не мог пособить.

Он снова поднял глаза к звездам и увидел их холодное великолепие. "Я часть этого всего, — подумал он. — Я часть всего, что есть или когда-либо было. Я Талиесин; я слово написанное, звук в дыхании ветра. Я волна на море, великий Маннавиддан — отец мой. Я копье, пущенное с небес...".

Слова эти закружились у мальчика в голове. Они задели его юную душу и унеслись в пульсирующий мрак, из которого вырвались, но душа затрепетала, и на ней осталась отметина, словно выжженная каленым железом.

"Я Талиесин", — думал он, певец на заре времен.

На следующий день, когда убирали остатки пира, в Каердиви приехал на буром пони Кормах, верховный друид Гвинедда. Он был без сопровождающих и не поздоровался ни с кем из местных, а прямиком направился к жилищу Хафгана.

— Хафган! — позвал он.

Через мгновение из-под бычьей шкуры, закрывающей вход в хижину, высунулась голова Блеза.

— Кормах! — Юноша медленно вылез наружу. — Что тебя... Ой, я хотел сказать, добро пожаловать, учитель. Чем могу служить?

— Где Хафган? Отведи меня к нему.

— Ты пойдешь пешком? Это недалеко.

— Я поеду, — ответил старик.

Блез взял пони под уздцы и повел через укрепление назад к выходу из деревни. Сразу за бревенчатыми воротами он свернул с дороги и направился в лес. Протоптанная тропинка между деревьями вывела их на поляну, где Хафган обычно наставлял Талиесина.

Старику и юноше предстали мальчик и учитель в обычной своей позе: Талиесин сидел у ног друида, держа на коленях его посох, а Хафган расположился на дубовом пне и с закрытыми глазами слушал ученика. При виде Кормаха Хафган встал, и Талиесин вскочил на ноги.

— Кормах здесь!

Верховный друид слез с пони.

— Учитель, твой приезд — нежданная радость, — сказал Хафган. — Надеюсь, в Долгеллау не случилось никакой беды?

— Я приехал взглянуть на мальчика, если ты об этом, — отвечал Кормах. — Я умираю. Хотел еще раз увидеть его, прежде чем отойду к Древним.

— Умираешь? — вслух переспросил Блез.

Кормах повернулся к нему.

— Твои уши прекрасно служат тебе, Блез, а вот язык не мешало бы приструнить.

Хафган пристально взглянул на учителя.

— Сколько тебе осталось? — спросил он мягко.

— Я встречу еще один Лугназад, — произнес старик, вскидывая голову к небу, как будто мог прочесть там точную дату своей смерти, — но Самайна уже не увижу.

Хафган спокойно выслушал учителя, но Блез снова не утерпел.

— Можно что-нибудь сделать? — спросил он.

— Можно, конечно, что-нибудь всегда можно сделать. Поверни годы вспять, Блез. Заключи время в сосуд. Взмахни своим ореховым посохом и наколдуй мне новое тело взамен изношенного. Ну, чего вытаращился? Я сказал тебе, что делать. За работу!

Блез покраснел до ушей. Талиесин удивленно переводил глаза с одного на другого. За что старый Кормах так осерчал на Блеза? Ведь понятно, что тот всего лишь тревожится о своем бывшем наставнике.

— Если я тебя обидел... — начал Блез.

Кормах скривил лицо и отмахнулся.

— Иди, свари мне капусты на ужин, — сказал он филиду. — А если у тебя есть рыба, брось в котелок и ее.

Блез мигом просветлел.

— Я сбегаю наловлю! — крикнул он, опрометью бросаясь к тропинке.

— Подойди сюда, Талиесин, — сказал Хафган, поворачиваясь к мальчику. — Кормах хочет с тобой поговорить.

Мальчик боязливо подошел. Он немного опасался Кормаха, его резкой и язвительной речи — не то чтобы по-настоящему боялся, просто остерегался сболтнуть глупость в присутствии верховного друида.

Он встал перед стариком.

— Это большая честь для меня, учитель, — сказал он, прижимая тыльную сторону ладони ко лбу в знак глубочайшего уважения.

Кормах мгновение смотрел на него, потом улыбнулся, и все лицо его пошло морщинками. В следующий миг улыбка исчезла так же, как появилась.

— У тебя было видение, малыш?

Вопрос застал Талиесина врасплох.

— Н-да, — промямлил он, и только сейчас сообразил, что ничего не сказал Хафгану.

— Расскажи мне о нем.

Талиесин, замявшись, взглянул на Хафгана.

— Не смотри на него, смотри на меня! — приказал Кормах и, полуобернувшись к друиду, распорядился: — Можешь идти. Я хочу поговорить с ним наедине.

Хафган кивнул. Он вынул из-за седла рябиновый посох, подал учителю и удалился без единого слова.

Кормах проковылял к пню и тяжело сел.

— Иди сюда, малыш. Садись. Вот так, сюда. — Он снова взглянул на золотистую головку, и голос его смягчился. — Прости старика, малыш. Если я кажусь тебе грубым, то это лишь потому, что у меня не осталось времени разводить церемонии. К тому же я заслужил это право.

Талиесин взглянул на верховного друида, но ничего не ответил. В его присутствии он всегда испытывал странную смесь волнения и страха. Кормах и притягивал его, и отталкивал. При этом он прекрасно понимал, что старику не осилить и мухи: он давно иссох, как старая ветка, лицо, покрытое множеством морщин, задубело и побурело от ароматического огня, ибо так Кормах пророчествовал — обретал вдохновение, глядя на пламя.

Возможно, этим все и объяснялось: в Кормахе ощущалось присутствие Иного Мира, как если бы он стоял одной ногой по эту сторону, другой — по ту, и Талиесин чувствовал это острее других. Смотреть в эти глаза было разом и увлекательно, и немного страшно.

— Расскажи мне о видении, — повторил Кормах.

Талиесин кивнул.

— Я видел Стеклянный остров, учитель. Он был далеко в западном море и сиял, как шлифованный камень, как дивный самоцвет...

— Да? И что потом?

— Он был прекрасен, но печален. Они кричали... голоса кричали... "Погибли, — кричали они, — все погибли". Так грустно, учитель. Без всякой надежды.

— А потом?

— Потом остров исчез, и больше я ничего не видел.

— Как он исчез? Вспомни хорошенько.

Талиесин закрыл глаза.

— Он поблек. Поблек, но в то же время вроде ушел под воду.

— Ты уверен?

— Да. — Талиесин кивнул.

Кормах вздохнул и тоже кивнул. Он поднял глаза к клочку голубого неба между ветвями. На поляне было тепло, птичье пение навевало дремоту, листья тихонечко перешептывались, словно деревья разговаривали друг с другом.

— Что это значит? — спросил Талиесин. — Стеклянный остров и впрямь заколдован, как говорят?

— Заколдован? Нет. — Кормах медленно покачал головой. — Он не заколдован, во всяком случае, в том смысле, который ты в это слово вкладываешь. Он существует на самом деле. Это Западные земли, или Летние острова, вернее, то, что от них осталось. Что это значит? Да, что это все-таки значит?

Верховный друид сложил руки на посохе и опустил на них голову.

— Это значит, Талиесин, что вновь подступает тьма, и мы должны быть готовы.

— Темное время?

— Вижу, Хафган тебе говорил.

— Но откуда приходит тьма?

— Когда Верховный Дух сотворил мир, он повелел солнцу сиять, а тьму заключил в подземный мир, где она и обитает, взирая на мир света из темной холодной пещеры и исходя завистью. Однако время от времени свет слабеет, тьма вырывается наружу и пытается захватить мир. Ей это не по силам, и она уничтожает то, чем не может завладеть.

Много тысяч лет Западные земли стояли на страже света, и, пока они оставались в силе, тьма не могла покинуть пещеру. Но теперь... они ослабели. Почему, не знаю.

— А прежде такое бывало?

— Да, и неоднократно. Но каждый новый раз хуже предыдущего. Темнота набирает силу, ее все труднее разбить и загнать обратно в пещеру. В прошлый раз она на сотни лет окутала мир. Опять-таки, это было, когда люди Запада ослабели и море поглотило большую часть Летних островов.

Глаза Талиесина расширились.

— Что было потом?

— Люди Запада частью перебрались сюда, частью — в другие края, кто-то остался на последней из Западных земель. Ее отражение мы время от времени видим и называем Стеклянным островом.

— Так я и вправду его видел?

— Да, видел. Не всем это удается.

— А ты его видел?

— Дважды.

Нахмурившись, Талиесин обдумывал все, что услышал от Кормаха.

— Если Западные земли погибнут, — сказал он, — то сдерживать тьму придется нам.

Глаза Кормаха сузились.

— С чего ты взял?

— Кроме нас, некому, потому что никто больше не знает и ничего поделать не может.

Верховный друид задумался и долго сидел, глядя на мальчика, белокурого, со светлым и высоким лбом, с глазами, как лесные озера — то голубыми, то темно-зелеными, — и гибким телом. Он вырастет высоким, выше многих. Кормах еще раз взглянул на него и спросил:

— Кто ты, Талиесин?

Сказано это было вполне ласково, но мальчик вздрогнул, на лице его отразился испуг. Кормах видел его смущение и подумал, что Хафган прав. Талиесин так отличается от других, что порой забываешь, что он всего лишь ребенок. И все же что ему ведомо? Какие силы ему подвластны?

— Я Талиесин ап Эльфин, — отвечал мальчик, потом признался: — Порой мне кажется, я могу вспомнить что-то еще — надо лишь как следует напрячь память. Но у меня ни разу не получилось.

— И не получится, малыш. Во всяком случае, сейчас.

— Вчера ночью мне кое-что вспомнилось, а сегодня утром показалось полной бессмыслицей.

— Со временем ты вспомнишь все, главное — смотри и слушай.

— Скажи, учитель, а как же быть с тьмой? Надо же что-то делать.

— Каждый должен делать то, что в его силах, Талиесин. Это все, что в человеческой власти. И все же, если бы все это исполняли, не о чем было бы тревожиться. Да, этого было бы более чем достаточно.

Талиесин снова нахмурился.

— Было бы? Ты хочешь сказать, кто-то не устоит?

— Да, малыш, это так. В некоторых людях света нет, и они поддаются тьме, когда та наступает. И это во много раз осложняет нашу задачу.

— Значит, мы должны быть смелее, — бодро отвечал Талиесин.

Верховный друид взял его за подбородок.

— Разгляди меня и запомни, малыш. Кланяйся от меня тому, кто придет после. — Кормах опустил руку и в изнеможении откинулся назад.

— Запомню, учитель, — пообещал Талиесин. — Я тебя никогда не забуду.

Старик коротко улыбнулся, потом оперся на посох и с усилием встал.

— Ладно. Теперь пошли, посмотрим, чего там Блез наловил.

Они вместе покинули поляну; Талиесин вел в поводу бурого пони.

Хафган сидел на пне у ворот; когда они показались из лесу, он встал и присоединился к ним.

Кормах отправил Талиесина вперед, чтобы поговорить с Хафганом.

— У меня была еще причина повидаться с тобой. Я хотел сказать тебе, пока не сказали другие.

Хафган кивнул.

— Выбор не труден, — продолжал Кормах. — Не надо есть орехов или пить дубовую воду. Верховным друидом станешь ты.

Хафган остановился и поглядел на учителя.

— Эта честь мне не по заслугам.

— Никакая это не честь, — сказал Кормах, — это твое право. Больше никому меня не сменить.

Хафган шевелил губами, но слова застряли у него в горле. Он повернулся к обрыву и поблескивающему на горизонте серебряному ободу моря.

— Не печалься, — сказал Кормах. — Я стар и очень устал. Надо, чтобы братство возглавил кто-то помоложе. Мне повезло — я выбрал себе преемника и умру спокойно.

— Я тебя провожу... — начал Хафган.

— Нет никакой нужды.

— Прошу, дозволь тебе услужить.

Старый друид мягко покачал головой.

— Твое место здесь, с мальчиком. Оставайся. Мы еще увидимся до Самайна. — Он глубоко вдохнул. — А-ах, этот морской ветер пробуждает голод.

Хафган взял его под руку, и они тронулись к каеру.

— Мы поедим, и ты отдохнешь.

— Отдохну, — отвечал Кормах, — скоро я отдохну. А пока я предпочел бы с тобой поговорить. Уважь старика, выслушай.

ГЛАВА шестая

Харита не знала, в Келлиосе ли Аваллах или где-то далеко, ведет свою нескончаемую войну против Нестора и Сейтенина. Она была готова к обоим исходам: предстать перед отцом сразу или терпеливо ждать его возвращения. Чего она не ждала — так это увидеть царя, бродящего по огромному пустому покою, белого, как призрак, и требующего лекарство.

Все время, прошедшее после встречи с Тромом, она не находила покоя. И не из-за грядущей гибели мира, которую была не в силах представить, а значит, не могла и как следует испугаться, но потому, что боялась не поспеть домой. Одержимая этой мыслью, она каждую минуту ждала конца, а дорога все тянулась и тянулась.

Но вот наконец повозка скатилась с пологих холмов в плоское блюдце бухты, и Харита увидела по ту сторону залива Остров Яблок, невозмутимо плывущий в зелени своих садов. Она вздохнула, чувствуя радость пополам с разочарованием: ничто не изменилось, все было таким же, как в день отъезда.

Мысль эта, вроде бы утешительная, дала толчок новой волне разочарования. "Что-то должно было измениться, ведь меня не было семь лет!" — подумала она. Видимо, изменившись сама, она и от родительского дома ждала чего-то нового, неожиданного.

Всю дорогу от гавани до дворца Хариту терзала мысль, что семилетнее добровольное изгнание окажется напрасным. Она войдет в парадный покой и застанет отца прежним: руки скрещены на груди, глаза суровы, подбородок тверд, как каменная скала, на губах — яростный оскал, в сердце — с трудом сдерживаемая буря. Она услышит его голос, отдающийся от гладкого пола, словно между ними — многие лиги. Все будет, как если бы она только что вышла из зала. Ничто не изменится.

Даже это, наверное, было бы лучше, чем то, что предстало ее глазам, когда темные, грязные переходы вывели ее к огромным кедровым дверям — некогда блестящим, а теперь потускневшим под толстой коркой пыли. Все слуги куда-то подевались; царевну встретил лишь молодой распоряди-

тель, который не совсем понял, кто перед ним, и без всяких церемоний провел ее в зал.

— Иди, позови Аннуби, — приказала она растерянному распорядителю. — Скажи, Харита вернулась.

Юноша от смущения готов был бежать куда угодно и чуть не споткнулся в спешке. Харита взяла приготовленный для отца подарок и дрожащей рукой потянула за шнурок. Дверь беззвучно отворилась, и девушка вошла в полутемный зал. Снаружи светило солнце, здесь же царили сумерки.

Сперва она решила, что распорядитель напутал и Аваллаха здесь нет. Она уже хотела идти назад к дверям, когда услышала сиплый шепот:

— Кто это?

Она повернулась и медленно пошла в центр огромного зала.

— Отец?

С возвышения в дальнем конце покоя донесся сухой кашель. Харита остановилась и подняла глаза. У подножия трона сидел Аваллах, опершись спиной о подпорку для ног и выставив вперед ступни. Его глаза блеснули в полумраке.

— Э? — спросил он и тут же зашелся в кашле.

— Отец, это я, Харита, — сказала она, подходя ближе.

Царь поднял голову и пристально поглядел на нее, потом медленно поднялся на ноги и пошел вперед странной, вздрагивающей походкой. Она заметила, что он опирается на костыль.

— Лекарство мое принесла? — прохрипел он, подходя.

— Это Харита, — повторила она. — Твоя дочь... Я вернулась.

Она с ужасом смотрела на развалину, в которую превратился отец.

— Х-харита? — Аваллах заковылял к ней. Его волосы свисали сальными космами, водянистые глаза тускло смотрели с пергаментно-бледного лица.

Харите хотелось подбежать, заключить его в объятия, однако, потрясенная, она продолжала стоять, как в столбняке.

— Вернулась, значит. — Аваллах с трудом сделал еще шаг. Он тяжело дышал, по лбу его катился холодный пот.

— Отец, что случилось? Где все? Ты болен, тебе надо лежать в постели.

— Не надо тебе было приезжать. — Он задыхался от напряжения: несколько шагов отняли все его силы.

— Я не могла не вернуться, — сказала Харита. — Я хотела тебя видеть. Меня так долго не было. Я хотела...

— Не надо было приезжать, — повторил Аваллах. Он поднял голову и закричал: — Лиле! Лекарство!

Слова эхом раскатились в пустом покое.

— Я привезла тебе подарок, — вспомнила Харита. Она положила ему на руки длинный сверток промасленной кожи.

— Что это? — Аваллах без любопытства взглянул на сверток.

— Давай я тебе разверну, — сказала она и принялась развязывать веревки. Яркое серебро блеснуло под ее пальцами. В следующий миг обертка соскользнула на пол, явив взгляду дивной красоты меч — длинный, с узким острием. Рукоять составляли две переплетенные змеи из орихалька, одна с изумрудными, другая с рубиновыми глазами. Меч лежал у Аваллаха на руках, поблескивая холодным огнем.

Острие было украшено затейливой филигранью и девизами: "Возьми меня" было выгравировано на одной стороне, "Отбрось меня" — на другой.

— Твой подарок — насмешка, — Аваллах сунул ей меч в руки и отвернулся.

— Нет, пожалуйста, я не хотела...

— Лиле! — снова взревел царь. — Мое лекарство!

Дверь отворилась, и торопливо вошла молодая женщина. Она несла на подносе серебряный стакан, через руку у нее было переброшено длинное белое полотенце.

— Твое лекарство, мой су... — начала она. Тут она заметила Хариту и остановилась так резко, что стакан чуть не слетел с подноса. — Что ты здесь делаешь?

— Я Харита. Я вернулась. — Царевна взглянула на молодую женщину. Высокая, стройная, с большими, карими, почти светящимися глазами, темные волосы водопадом струятся по спине. Немногим старше самой Хариты.

— Я знаю, кто ты, — отвечала Лиле. Она осторожно обошла девушку, встала перед царем и протянула ему поднос. Тот схватил стакан, поднес ко рту и начал с хлюпаньем втягивать жидкость.

— Да, да, — сказала она, — выпей все до капли.

Допив, царь грохнул стакан на поднос, а Лиле заботливо, словно маленькому, утерла ему рот полотенцем.

— Харита, — с глупой ухмылкой произнес Аваллах, — ты не знала, что я снова женился?

— Откуда мне было знать? — отвечала она, по-прежнему глядя на темноволосую женщину. — Никто мне не сообщил.

— Я думал, может, ты слышала, — сказал Аваллах.

— Мы женаты уже три года, — быстро добавила Лиле. — У нас есть дочь.

— Вот как. — Харита подавила вскипавшие в ней чувства и спросила: — Где мои братья? Где Гуистан, Эоинн, Киан и Майлдун?

— Там, где буду я, когда исцелюсь, — проворчал Аваллах. — Воюют! — Он снова закашлялся, и Лиле промокнула полотенцем его подбородок.

— Ясно, — сказала Харита. — А где Аннуби?

— Где-то тут... — Аваллах рассеянно махнул рукой. Его мутный взор обратился к жене, словно ища поддержки. Что за снадобье она ему дает? Что-то дурманящее?

— Аннуби почти не показывается на людях, — сообщила Лиле. — Наверняка внизу, в своей вонючей келье. А теперь иди, царю пора сменить повязку.

Лиле взяла Аваллаха под руку и повела прочь. Тут-то Харита и увидела рану, вернее, ее след: кровянистое пятно проступило на царской одежде с левого бока, сразу под ребрами. Шаркая ногами, они побрели в дальний конец комнаты, а Харита смотрела им в спину. Потом повернулась и опрометью кинулась к дверям, кусая губы, чтобы не закричать.

Харита отыскала Аннуби там, где и сказала Лиле, — в келье под нижними покоями. Она постучала в красную дверь и, не дожидаясь ответа, тихонько вошла в комнату. Прорицатель сидел в одиночестве при свете единственной свечи и смотрел в лежащий на столе Лиа Фаил. Руки его не касались камня, а были сложены на коленях. Лицо постарело и осунулось, но глаза при виде Хариты блеснули прежним огнем.

— Я знал, что ты едешь, — сказал он, кривя губы в усмешке. — До тех пор оставалась надежда, что ты будешь держаться подальше.

— Ой, Аннуби... — Харита подбежала к нему, упала на колени, прижалась головой к его груди.

Прорицатель обнял ее и ласково похлопал по спине.

— Сколько лет прошло, — сказал он.

— Да, конечно. Но теперь я дома. — Она подняла голову и вгляделась в его усталое лицо. — Что тут творится, Аннуби? Где все и что стало с моим отцом? Кто эта женщина?

— Лиле? — Аннуби пожал плечами. — Царская безделушка. Пустое место.

Харита встала и потянула Аннуби за руку.

— Идем. Нам надо поговорить. Я хочу знать все, что случилось здесь с моего отъезда, но не могу сидеть в духоте.

Они, как встарь, начали ходить в прохладной синей тени колонн, и Аннуби медленно, печально объяснил, что произошло.

— Всему виною война, — говорил он. — Точнее, все вместе: смерть твоей матери, твой отъезд, вероломство Сейтенина — все это тяжелым грузом легло на твоего отца. Он нашел утешение в бою — ему казалось, что месть сможет победить горе.

И впрямь, поначалу ему сопутствовала удача. Ненависть и жажда крови помогли ему одержать много побед. Однако Сейтенин с Нестором коварны и хитроумны. Они увидели, что не могут одолеть его силой, тем более, что на подмогу Аваллаху пришли Белин и Мейрхион, и решили его вымотать. Они избегают открытых столкновений, но устраивают засаду за засадой; хитростью увлекают с выигрышных позиций, якобы обращаются в бегство, а покуда он преследует их войска, другие отряды разоряют пограничные и прибрежные деревушки.

Они не смеют встретиться с ним в честном сражении, но могут захватить город, перебить беспомощных горожан и тут же отступить. Мне больно думать о страданиях, причиненных ими. Короче, они заставили его сражаться хитростью и коварством, которых он не любит и в которых он не силен.

— Когда его ранили?

— Три года назад. Не могу точно сказать, как это случилось. С тех пор, как мы начали проигрывать, меня с ним уже не было. — Прорицатель глубоко вздохнул. — Знаю лишь, что он мчался на защиту какого-то города у коранийской границы, Энопе, если не ошибаюсь. Он успел отрезать Сейтенину дорогу к отступлению, но тот был готов — придержал часть войска в засаде. Завязалась битва, и Сейтенин одержал верх. Воины Аваллаха были изнурены переходом и не могли противостоять свежим войскам. Однако они сражались, и обе стороны понесли большие потери — цвет обоих воинств пал в тот день.

В конце концов Сейтенин увел свое войско, бросив Аваллаха на поле боя, так как посчитал его мертвым. Знай он, что Аваллах всего лишь ранен, он бы обязательно добил его.

Харита слушала, как зачарованная. Она и помыслить не могла, что такое возможно. Ее мир бычьих игрищ был совершенно не похож на тот, что описывал Аннуби. Далекие сражения представлялись ей крайне смутно. Да, она знала, что идет затяжная война, — и более ничего.

— Царя принесли в город, вернее, в развалины города. Лишь один дом уцелел от огня, там-то и поместили Аваллаха. Это был купеческий дом, дочь хозяина взялась ухаживать за царем. Рана казалась пустяковой. День-два — и его можно будет везти во дворец.

Однако рана не затягивалась. К тому времени как известили Белина и

тот приехал за братом, ослабевший Аваллах уже жить не мог без своей юной сиделки. — Аннуби замолк и поднял узкие плечи.

— Она сказала мне, что они поженились.

— Да. Как только Аваллах вернулся домой. Она, разумеется, приехала с ним.

— У них есть дочь, так она мне сказала.

— Да, Моргана. — Аннуби кивнул. — Я все время забываю про ребенка.

— А что Белин и мои братья?

— Все сражаются... Они объезжают побережье и границы, чтобы защитить города: Белин со стороны Тайрна, Киан, Майлдун и Гуистан сдерживают Сейтенина. Порой им удается подстеречь вражеский отряд, и происходит сражение. Большую часть времени они просто несут дозор.

— По-твоему выходит, что нет никакой надежды.

— А ее и нет, дитя мое. Эта война — сама безнадежность. Ее нельзя выиграть, но ни одна сторона не решается предложить мир. А прочие царства спокойно наблюдают; думаю, просчитывают, как поживиться за счет побежденных. Они и сейчас имеют немалую прибыль: продают припасы, коней, оружие, а порой и воинов тому, кто больше даст. Только Мейрхион остается нашим союзником, но и он устал. Да, конечно, ведутся переговоры, заключаются и перезаключаются союзы, но всем им грош цена. Соседи предпочитают выжидать, чтобы потом накинуться на падаль.

— А Эоинн? — спросила Харита. — Ты не упомянул его.

Аннуби остановился.

— Я думал, ты знаешь.

Она покачала головой.

— Н-нет...

— Он погиб, Харита. В прошлом году.

— Как?

— В ночь после набега на Коранию. Никто не видел, что произошло. Он просто исчез. — Аннуби с усилием продолжал. — Через два дня его тело нашли ниже по течению. На нем не было ни царапины. Видимо, его сбросила лошадь, и он утонул.

Харита склонила голову. Милый, ласковый Эоинн, не чаявший души в скакунах. Как получилось, что тебя погубила лошадь? Как вышло, что ты погиб, а я ничего не знала?

— Когда это произошло, царь еще не оправился от раны, тем не менее он сам поехал за его телом. Вернулся он совсем плохой и с тех пор ему становится все хуже и хуже.

— Неужели ничего нельзя сделать?

Аннуби мотнул головой.

— Покуда она рядом — ничего. Один Бел ведает, что она сыплет в это свое снадобье. Сама его готовит и никого в это время близко не подпускает. — Он помолчал и добавил мрачно: — По-моему, она его опаивает.

— Зачем? — Харита вскинула голову. — Ты ему говорил?

— Чтобы он оставался слабым и зависимым от нее. Да, говорил. Он надо мной посмеялся. Я и с этой ехидной говорил. Она считает, что я ревную царя. А если кто и ревнует, так это она — чертова баба просто помешана на ревности. Я пытался сам лечить царя. Она пришла в ярость, стала мне угрожать. — Он печально покачал головой. — Как будто я вор и пытаюсь стащить царское белье. Я, Аннуби, служивший саррасскому трону при жизни трех поколений. Чепуха какая-то.

Они снова заходили. Харита долго молчала, вслушиваясь в легкий стук шагов между огромными каменными колоннами.

— Это неважно, Аннуби, — сказала она наконец. — Все это неважно, по крайней мере, теперь. Все кончено.

— Что кончено, Харита?

— Я снова встретила Трома, — объяснила она, — на холме возле Атланта. Он просто стоял там и ждал — ждал конца. Он сказал мне, что семь лет прошли, и я вспомнила пророчество. Так оно и будет, Аннуби, как он сказал.

— Так ты знаешь.

— Ты тоже знал все это время? Почему ты ничего не говорил?

— А что говорить?

— В Посейдонисе было землетрясение; оно случилось, когда я выступала на бычьей арене. Совсем небольшое, никто не пострадал, только разбился топазовый шпиль храма. Другое будет сильнее, а следующее...

— Как повели себя жители Посейдониса?

— Они-то? Да никак не повели. Ничего страшного не случилось, и все вернулись к своим делам.

— Знамения для всех, — сказал Аннуби, — но никто не обращает на них внимания. Люди занимаются своими делами, как будто мир будет стоять вечно. Но это не так. И никогда так не было.

— Мы можем им сказать. Предупредить их.

— Ты правда веришь, что тебя услышат? — Аннуби скривил лицо. — Ничего подобного. Тром говорит им уже много лет.

— Но... землетрясение... Они поверят...

— Да, землетрясение. Они поверят, когда их дома обвалятся им на головы, когда основания храма подломятся и священное здание рухнет, —

тогда они поверят. Но будет поздно.

— Однако... — начала она.

Аннуби прошел еще несколько шагов, резко остановился и круто повернулся к ней.

— Думаешь, это первое бедствие в Атлантиде? Были и другие.

— Я не знала.

— Да. Последнее случилось очень давно. Огненный шар с неба упал в море, ударил в морское ложе, сбил землю с пути. Города рушились. Целые царства на юге смыло морской волной. Затем были язвы, моровые поветрия и войны. Уцелевшие бросали насиженные места и переселялись в другие земли. Но и там было не лучше.

— Я понятия не имела.

— Жрецы не рассказывают об этом, но они знают. Все записано, надо лишь знать, где. Люди забывают то, чего не хотят помнить. Они отказываются верить, что бедствия могут вторгнуться в их маленькую жизнь. Вот почему они не станут слушать ни тебя, ни Трома, никого другого.

— Но мы должны попытаться, — упорствовала Харита. — Попытаться, чтобы они поняли.

— Зачем?

— Потому что надо спасти как можно больше жизней, потому что можно уцелеть.

Аннуби медленно покачал головой.

— Нет, Харита, — мягко сказал он. — Наше время прошло. Такова жизнь. Наступает новая эра, и нам в ней нет места. Центр мира сместится, как смещался прежде, Атлантида же погибнет в волнах.

— Можно найти корабль. Можно уплыть. Перебраться в другое место.

— Для нас нет другого места.

— Не верю.

Аннуби вздохнул.

— Не хочешь — не верь.

— Я отыщу своих братьев, пойду к Белину.

— Они отмахнутся от тебя, как жители Посейдониса отмахнулись от землетрясения. Как все отмахиваются от Трома.

— Прекрати! — рассерженно вскричала Харита. — Я не дам им отмахнуться. Я заставлю их мне поверить!

Однако для этого прежде их надо было найти. Она настояла, чтобы Аннуби разыскал их с помощью Лиа Фаила, а также по возможности выяснил, куда они собираются. Она поскачет туда, чтобы встретить кого-нибудь из братьев или дядю, а лучше — всех вместе.

— Я говорю, ты напрасно теряешь время, — сказал он, посовещавшись с камнем.

— Ты уже это говорил. Побереги горло. Лучше скажи, где их можно найти.

— Как хочешь, — сдался прорицатель. — Киан ближе других. Он направляется к устью Неруса. Если будет ехать с той же скоростью, то доберется через два дня. Аваллах поставил там сторожевую башню. Ты легко доскачешь до нее за день. Жди его там.

— Спасибо, Аннуби. Ну, я поехала. Вернусь, как только переговорю с братом. Это много времени не займет. Приглядывай за отцом.

— Этим занимается Лиле, — фыркнул Аннуби.

— Так проследи, чтобы она его не убила.

С этими словами Харита вышла. Она переоделась для верховой езды — в штаны и короткую рубаху с широким поясом, на ноги натянула длинные белые сапожки из телячьей кожи, волосы подвязала тем же белым кожаным шнурком, что носила на арене. Перебросив через плечо легкий алый плащ, она отправилась в конюшню, где велела оседлать одну из Эоинновых лошадей, и, как только с этим было покончено, выехала из дворца.

Утро было чистое, высоко в небе плыли легкие облака, окрестность дышала покоем. Харита ехала на север мимо пологих холмов, солнце грело спину, птицы в поле и в небе распевали невинные гимны солнцу, дню, самой жизни. Еще чуть-чуть, и она убедила бы себя, что все ужасные вести последних дней — ложь. Нет ни войны, ни грядущего бедствия... отец не болен, брат жив... ей привиделся страшный сон, который при свете дня рассеялся, как не бывало.

Птицы знают правду, она наполняет их пение.

Однако Харита знала: есть и другая правда, темная, горькая, она не исчезнет от птичьего пения и яркого света. И ей, Харите, выпало донести эту правду до тех, до кого она сможет достучаться, начиная с Киана, старшего из царских детей.

Она не была близка с Кианом. Когда родилась Харита, он был уже взрослым. Их миры не пересекались с самого начала, и именно поэтому она больше верила в возможность его убедить. Между ними никогда не было мелочного детского соперничества, они привыкли смотреть друг на друга издалека.

Киан очень походил на Аваллаха, но во многом и отличался от него. У него были те же густые темные кудри, тот же быстрый взгляд, такие же сильные руки. Как и отец, он был верен своим привязанностям, шла ли

речь о человеке или идее, а его упорство в достижении цели граничило с упрямством. Однако Киана можно было переубедить, взывая к его разуму. Не в пример отцу он внимал не столько сердцу, сколько рассудку.

Первенец Аваллаха, он в отличие от братьев всегда знал свое будущее: придет день — и он наденет венец и звездную мантию. Нет нужды доказывать свое превосходство или стремиться урвать кусок. Он не ведал сомнений, а следовательно, и тщеславия — все в нем было цельное и настоящее.

Харита ехала, вспоминая брата, а конские копыта отсчитывали лигу за лигой. Она доехала до Оэры Линды, маленького приморского городка, гордившегося огромной древней библиотекой. В детстве Харита не раз сопровождала царицу в Оэру Линду и сейчас с удовольствием бы здесь задержалась, но боялась разминуться с Кианом. Поэтому она быстро проехала по узкой центральной улице, дивясь, что не видит ни одной живой души. На выезде из опустевшего города она повернула от моря, чтобы пересечь мыс, отделявший эту часть побережья от устья Неруса.

Дорога была наезженная, и она легко отыскала путь. Местность казалась мирной, как в прежние дни, но люди и на дороге, и в полях попадались редко. Большинство домов, мимо которых проезжала Харита, тоже стояли пустыми.

К середине дня она въехала на водораздел и остановилась оглядеться. По правую руку уходил вдаль тонкий мыс, превращаясь в нагромождение красных глыб, о которые разбивались волны; впереди дорога вела к широкой серебряной ленте Неруса, блестящей в мглистой дали; позади лежало ровное, окаймленное золотом побережье, а за ним до самого горизонта — огромная сине-зеленая дуга океана.

Харита напоила лошадь в ближайшем ручье и снова забралась в седло. К башне она подъехала, когда солнце клонилось к закату, обрамленное венком багряно-рыжих облаков. Ошибиться было невозможно: темный силуэт башни угадывался издалека, да и дорога проходила у самого ее подножия.

Харита приехала утомленная и голодная, однако день в седле явно пошел ей на пользу — мышцы омывало приятное тепло усталости. Она спрыгнула с седла и потянулась, разминая затекшие плечи. Боль в спине почти не чувствовалась. Она бросила поводья, чтобы лошадь спокойно щипала траву на влажном склоне холма, а сама пошла к башне.

Укрепление, квадратное в плане, строилось не для того, чтобы радовать глаз; грубое, каменное, широкое в основании, оно быстро сужалось к вершине. Только сейчас Харита сообразила, что должна будет заночевать в этих холодных стенах.

Кроме того, она не подумала о еде — не захватила с собой провизии, к тому же не могла развести огонь. Впрочем, башня защитит если не от холода, то от ветра, а одну ночь можно и поголодать.

Пригнувшись, царевна прошла в сводчатую дверь и по узкой винтовой лестнице поднялась на пустую дощатую площадку. За каменным парапетом виднелось широкое устье реки, а за ним — бронзовое вечернее море. Темно-зеленый лес подступал к дальнему берегу, закатный свет багрянил верхушки деревьев.

Хотя воздух еще хранил дневное тепло, здесь было зябко, и Харита решила отыскать местечко поуютнее. Она оглядела площадку. Часть ее закрывал навес из уложенных на парапет жердей, закиданных сверху соломой. Под навесом лежало аккуратно свернутое одеяло из сшитых овечьих шкур и бурдюк с водой. Здесь же обнаружилась жаровенка на треножнике и стеклышко на шнурке, чтоб развести огонь, но не было дров. Обозрев эти скромные удобства, Харита решила, что останется ночевать на площадке.

Она снова спустилась и отвела лошадь к ручью чуть ниже башни. Напившись и напоив лошадь, Харита расседлала ее и завела в пустое основание башни, где и стреножила на ночь. Потом поднялась по каменным ступеням, вытащила овчину, расстелила рядом с навесом и легла смотреть, как в закатном небе носятся за невидимыми насекомыми стрижи. Вечер был на удивление тих, и Харита гадала, почему так близко от моря не слышно криков морских птиц.

Она лежала, пока не показались звезды, и заснула, думая, как убедить Киана в грядущей гибели мира.

ГЛАВА седьмая

Харита проснулась до рассвета. Звезды тусклыми лампадами догорали на небе, кроваво-красная полоса на востоке зияла отверстой раной. С юга веяло зноем. Харита поняла, что день будет жаркий, а здесь, в речном устье, еще и влажный. Отсюда, с площадки, она видела синюю дымку над водой и лесистыми холмами на том берегу. Пахло рыбой и водорослями.

Она решила спуститься к реке и выкупаться, пока не взмокла от пота. Предстоит разговор с Кианом, который легко может перейти в столкновение, а значит, ей потребуется все ее спокойствие. Сбежав по лестнице, она вывела лошадь пастись на росистой травке, а сама спустилась между кустами к ручью.

Харита уже снимала сапоги, когда услышала размеренный стук лошадиных копыт. "Киан!" — подумала она и, рывком натянув сапоги, кинулась к башне. Когда она подбежала, четверо всадников уже въезжали на холм. Перья на их шлемах колыхались, плащи развевались по ветру.

Один из всадников обернулся, увидел Хариту и резко развернул коня. И в этот миг Харита поняла, что перед ней враг.

Трое остальных миновали башню и направились к берегу. Харита взглянула на море. В устье реки с приливом входил черный корабль под черными парусами. Издалека она не могла рассмотреть подробности, но догадалась, что на корабле люди Сейтенина и что они хотят устроить засаду ее брату.

Времени на раздумья не оставалось. Всадник приближался. В руке он сжимал меч. Харита отступила, освобождая себе место для маневра. Всадник неправильно истолковал это движение и, полагая, что она бросится бежать, пришпорил лошадь.

Однако Харита бежать не собиралась. Она подпустила всадника на несколько шагов, а потом бросилась лошади под ноги, перекатываясь, чтобы не угодить под копыта. К тому времени, как всадник развернулся поглядеть, что с ней, девушка уже вбежала в башню. Она проскользнула туда незаметно, занятая одной мыслью: как предупредить Киана?

Она выбралась на площадку и подбежала к парапету. Корабль уже подошел к берегу, с борта бросили сходни, по ним вереницей сходили воины. Харита отпрянула от парапета, и тут ее взгляд упал на жаровню. Она подбежала и схватила стеклышко, оборвав шнурок. Солнце уже озарило горизонт, но первые лучи еще не пробились наружу. "Быстрее!" — беззвучно прошептала Харита... и похолодела: на лестнице послышались шаги.

На голой площадке негде было укрыться, но тут Хариту осенило. Схватив овчину, она запрыгнула на навес, распласталась на соломе и накрылась с головой в тот самый миг, когда чужак поднялся на площадку. Харита затаила дыхание.

Она слышала, как он отошел к дальнему парапету, и выглянула из-под овчины. Враг стоял спиной к ней, глядя вниз на корабль и товарищей. Он окликнул их, помахал рукой, потом повернулся в другую сторону. "Он вовсе не меня ищет, — догадалась Харита. — Он собирается здесь остаться". Ну конечно, таким и было его намерение с самого начала: он будет дожидаться Киана и подаст сигнал своим.

"Ладно, я ему помогу", — подумала она, сжимая в руке стеклышко. Очень осторожно, чтобы не зашуршать, она высунула руку из-под овчины и стала поворачивать стеклышко, но солнце еще не поднялось достаточно высоко. "Ну же, ну же! — подгоняла она светило. — Поторопись!".

Под овчиной было невыносимо душно, и Харита почувствовала, что задыхается. Она сдвинула шкуру с лица и выглянула. Чужак стоял вполоборота к ней и смотрел на холмы. Проклятье тебе, Бел! Быстрее же!

Стеклышко в пальцах потеплело. Взглянув, Харита увидела, что оно светится первым розовым отблеском начинающегося дня. Крепко держа стеклышко, Харита навела его на соломенный настил.

Тонкая ниточка дыма поднялась вверх, за ней вторая, третья... Дымки рассеивались в воздухе и плыли к чужаку. На соломе уже плясал бледно-желтый огонек, он был совсем слабый, но быстро разгорался.

Харита крепко держала стеклышко, чтобы солома занялась наверняка. Быстрее же! Гори!

Она услышала, как чужак с шумом потянул воздух, и выглянула из-под овчины. Тот учуял дым и повернулся к ней. Она сбросила шкуру и прыгнула на врага. С громким криком чужак упал навзничь. Харита мигом наклонилась над упавшим и потянула у него из-за пояса кинжал.

Чужак опомнился от испуга и ухватил девушку за руки, но кинжал был уже у нее. Крепко сжимая ее запястья, враг вскочил и неестественно хохотнул.

— Так значит, ты все-таки настоящая, — выговорил он, тараща глаза. — Я думал, это просто тень мелькнула. — Тут он взглянул ей через плечо и увидел пляшущее на соломе пламя. — Эй! Что ты наделала?

Она повернула запястье, и кинжал впился ему в руку. Он с криком разжал хватку. В тот же миг Харита подняла колено, уперлась ступнею ему в грудь и со всей силы распрямила ногу. Она отлетела в сторону и приземлилась на руки. Чужак пошатнулся и ударился спиной о каменный парапет, да так, что чуть дух не вышиб. Шлем свалился с его головы и загрохотал по каменным плитам.

Харита обернулась и увидела, что пламя растет, распространяется по соломе, белый дымок превращается в мощный столб. Она схватила овчину и принялась раздувать огонь.

В следующий миг ее ухватили сзади за горло, подняли и с силой бросили на дощатый настил. Боль обожгла спину и ослепительной черной вспышкой отдалась в мозгу.

Чужак нагнулся, вырвал у нее из рук овчину и принялся сбивать пламя.

Со стоном Харита вскочила на ноги. Она стояла, опершись на парапет, и трясла головой, чтобы прогнать застлавший глаза серый туман. Овчина взлетала и падала. Погасив пламя, чужак обернулся к ней.

— Ну, теперь я с тобой разберусь, — яростно прохрипел он. Кровь из его руки текла так сильно, что забрызгала всю одежду.

Удар пришелся Харите в челюсть чуть ниже уха, и ей показалось, что у нее сейчас отлетит голова. Она стукнулась о парапет, но осталась стоять. Враг приближался. Она закрыла глаза.

Он с размаху ударил ее по щеке. Во рту стало солоно от крови. Харита нащупала каменный парапет, крепче уцепилась за него. Враг ударил снова — наотмашь, так что голова у нее мотнулась в сторону. От боли в глазах прояснилось, она увидела, что чужак надвигается, собираясь схватить ее за горло, и еще заметила, что у него за спиной пламя вспыхнуло вновь. Она прислонилась к парапету, цепляясь рукой за камень.

Нападающий подошел ближе, протянул к ней руки, но она резко развернулась и ударила ножом. Лезвие легко прошло между ребрами, задев легкое, побежала, шипя и пенясь, кровь. Чужак ошалело смотрел на нее, нащупывая рану рукой.

— Не подходи! — окровавленными губами выговорила Харита. — Еще шаг, и я тебя убью.

Огонь потрескивал. Соломенная кровля вновь полыхала вовсю, бело-серый дым клубами валил в небо.

— Это тебе не поможет, — просипел чужак, сжимая руками рану.

— Поживем — увидим.

— Снизу заметят дым и кого-нибудь пришлют.

— Пусть присылают.

— Отдай мне нож, а я скажу, чтобы тебя не трогали.

— Киан — мой брат! — выкрикнула она и сморгнула: такую боль причинили ей эти слова.

Чужак скривился и прижал руку к ребрам. Из раны хлестала кровь, и в свете разгорающегося утра Харита увидела, как с его лица схлынула краска. Он уже пошатывался.

— Отдай нож. — Он протянул руку и нетвердым шагом двинулся к ней.

— Не подходи! — прошипела Харита.

Чужак шагнул, но не удержался и с грохотом рухнул на колени. Глаза его закатились, он осел на бок и замер. Мгновение Харита смотрела на него, затем осторожно приблизилась, приложила пальцы к шее и почувствовала слабое биение жилки. Она расстегнула на чужаке куртку и осмотрела рану. Она была чистая, кровь уже начала свертываться. По опыту выступлений на арене Харита знала: он будет жить.

Снизу раздались крики. Харита выпрямилась, уперев руки в колени. В спину, казалось, врезались раскаленные ножи. От боли ее шатало, однако она вдохнула, чтобы в голове прояснилось, и подошла к парапету. Шесть вражеских воинов бежали с берега к сторожевой башне.

Харита вздохнула. Ей и с одним врагом не справиться, не то что с шестью. Она повернулась, схватила овчину и бросила ее в пламя, которое плясало яростными желтыми языками на фоне бледно-желтого встающего солнца.

Жерди, на которых держалась кровля, рухнули, пламя побежало по доскам. Харита попятилась. Только бы Киан увидел огонь и догадался, что это предупреждение. Она прислонилась к парапету. Снизу доносился грохот сапог по каменной лестнице.

Через секунду первый воин выпрыгнул из люка. В три быстрых шага он пересек площадку. Харита изготовилась защищаться. Ударом ноги воин выбил у нее нож.

В следующий миг он схватил ее за руки и перебросил через плечо. Краем глаза Харита видела, как два других оттаскивают тело ее недавнего противника. Потом были дым и тьма. Очнулась она на траве возле башни, превращенной в огненный маяк. Черный дым клубился в голубом небе, и сквозь полузабытье пробилась теплая волна гордости. Если Киан неподалеку, он это увидит. Должен увидеть.

Вражеские воины, сбившись в кучку, быстро посовещались. Один по-

дошел к Харите, рывком поставил ее на ноги и закинул себе на спину, двое других взяли под мышки раненого товарища, и все двинулись к берегу.

Харита не сопротивлялась, копя силы. У подножия холма воин опустил ее на землю, чтобы переложить на другое плечо. Это ей и требовалось.

Она отскочила вбок и лягнула противника в колено. Тот с криком повалился на землю. Прежде чем его товарищи сообразили, что к чему, Хариту уже отделяли от них четыре прыжка. Превозмогая боль, она побежала по склону вверх.

На взлобье холма один из преследователей ее настиг, ухватил за руку и развернул. Она потянула руку на себя и в тот же миг резко вскинула колено. Противник задохнулся и, упав на землю, покатился, держась за пах. Второй действовал осторожнее, впрочем, с тем же успехом. Он наклонился, чтобы ухватить ее за ноги. Харита подпрыгнула и опустилась обеими ступнями на вытянутую руку. Хрустнула кость, преследователь взвыл от боли.

Следующие два появились вместе; они набросились на нее с двух сторон, держа в руках кинжалы. Каждый раз, как они наскакивали, Харита легко уворачивалась. Воины сыпали проклятиями и снова кидались на нее. В какой-то раз ей удалось увернуться, но кинжал зацепил рукав. В тот же миг она очутилась во вражеских руках.

— Поймал! — крикнул нападавший. — Коли ее!

Его товарищ выхватил кинжал и побежал к Харите. Она выждала, пока он приблизится, а потом просто подняла обе ноги и уперлась ему в грудь. Инерция его разгона выбросила Хариту в воздух. Она перелетела через того, кто ее держал, легко, будто подброшенная быком. Нападавшие столкнулись, и один из них рухнул на землю с ножевой раной в боку.

Она снова была свободна, но кроме уцелевшего врага оставались еще двое, и они медленно наступали, сжимая мечи. Спина болела нестерпимо, мышцы одеревенели. Щеку и подбородок дергало, перед глазами все плыло.

Преследователи заходили с трех сторон. Харита уже знала, как ей поступить, и спокойно подпустила их поближе. В тот миг, когда они ринулись на нее, она прыгнула вперед, вниз по склону, и покатилась, успев сбить одного с ног.

В следующее мгновение она уже вскочила и побежала со склона. У основания она рухнула плашмя, попыталась встать, но на нее накатила дурнота. Она услышала топот и, стиснув зубы, повернулась лицом к нападающим.

Враги замерли на склоне чуть выше Хариты, но смотрели не на нее, а куда-то вдаль. Она вывернула голову. По прибрежной равнине скакали всадники. Все, это конец — от верховых не убежишь.

Трое преследователей закричали. Мимо Хариты неслись кони, воздух наполнился криками, но все это было далеко-далеко и не имело больше никакого значения. Она положила голову на траву и погрузилась в свою боль. Темный столб дыма висел между небом и землей, медленно растворяясь на ветру. Харита почувствовала, как вместе с ним растворяется ее замутненное сознание, и закрыла глаза.

Солнце припекало лоб, и Харита проснулась. Со всех сторон ее держали руки, сверху нависло чье-то лицо.

— Пить, — сказала она, и в то же мгновение к губам поднесли кубок. Она отхлебнула холодной воды, еще раз взглянула на лицо и узнала его. — Киан!

— Мои воины встревожены, — весело сказал он. — Они боялись, что так и не смогут поблагодарить свою спасительницу. — Он улыбнулся и с облегчением хохотнул. — Я сказал им: вы не знаете мою сестрицу, коли думаете, что армия Сейтенина сможет ее одолеть. Этим скотам еще повезло, что мы подоспели, иначе ты разделалась бы с ними по-свойски.

— Киан, я...

— Лежи, лежи. Где болит?

— Спина... старое увечье. — Она попыталась улыбнуться.

— Сможешь сесть в седло?

Она помотала головой, и перед глазами снова поплыли круги.

— Вряд ли.

Киан подозвал одного из своих людей, тот кивнул и торопливо пошел прочь.

— Скоро здесь будет повозка, — сказал Киан. — Отдыхай пока.

— Мне надо с тобой поговорить.

— Потом.

— Нет, сейчас.

Киан потянул за кожаный ремешок под подбородком, снял украшенный перьями шлем и опустился рядом с Харитой. Она увидела рассыпавшиеся по плечам черные кудри и бородку — ни дать ни взять Аваллах.

— Что ты здесь делала — кроме того, что спасала наши жизни?

— Ждала тебя.

— Ты знала, что мы поедем этой дорогой?

— Лиа Фаил... я попросила Аннуби взглянуть.

Киан кивнул, потом спросил:

— Для чего?

— Мне надо было с тобой поговорить. Я ничего не знала про засаду. Аннуби ее не видел.

— Мы бы тоже ее не увидели, если бы ты не развела огонь. — Он снова улыбнулся, на этот раз от радости. — Малютка Харита, я и не надеялся тебя больше увидеть. Семь лет — и ни единой весточки, и вдруг ты появляешься... Чего ж ты такого надумала мне сказать, что ради этого надо было побороть отборнейших воинов Сейтенина?

Вопрос прозвучал, а она не знала, какими словами ответить. Слова — хилые, корявые сосуды, куда им вместить истину.

— Мне нужна твоя помощь, Киан. Знаю, только ты один меня и выслушаешь.

— Я весь внимание.

— Киан, времени мало, — сказала она, и тут слова хлынули потоком. — Надо быть готовыми... это конец... все это... вся эта война... бессмыслица. Надо приготовиться... все кончено, Киан... Надо...

Он перебил ее.

— Погоди, не части. К чему приготовиться? Что кончено?

Она замялась, потом раскинула руки, будто хотела обнять все вокруг.

— Наш мир, Киан. Атлантида погибнет. Очень-очень скоро. Надо приготовиться.

Мгновение брат смотрел на нее.

— Если все погибнет, — произнес он медленно, — какая разница, будем ли мы готовы?

— Надо покинуть эту землю, — сказала она.

Он пожал плечами и ласково улыбнулся.

— И куда же мы поплывем?

— Ты мне не веришь.

— Я и прежде слышал такие толки, Харита. Мне странно, что ты в них веришь.

— Это не толки, Киан. Стала бы я рисковать жизнью, чтобы сообщить тебе слух, подхваченный на рыбном рынке?

— Почему ты вообще обращаешься ко мне? Я не царь.

— Ты прекрасно знаешь, почему. С отцом говорить бессмысленно. Эта женщина опаивает его невесть чем, чтобы он не соображал.

— Ты так думаешь?

— Ты что, ослеп? Конечно, опаивает. Но я к тебе не за этим. — Она попыталась сесть, но от боли перехватило дыхание.

— Лежи, лежи, — успокоил Киан. — Скоро будет повозка.

— Тебе-то что? Я только даром теряю время.

— Если бы я согласился дать тебе корабли...

— Мне?! Ты что, издеваешься? Дай этой полоумной пару щелястых лодчонок, и пусть уплывает на все четыре...

— Успокойся, Харита. У меня в мыслях такого не было. — Он пожал плечами. — И потом, у нас нет кораблей — во всяком случае, столько, сколько надо тебе.

— Ты правда считаешь, что это нужно мне?

Он примиряюще вскинул руки.

— Ладно, положим, я соглашусь. Сможешь ты подтвердить истинность своих слов?

— А если я представлю свидетельства, ты поверишь?

— Только глупец не верит свидетельствам, — добродушно ответил он.

— Значит, ты и есть глупец! — выпалила она.

— Кто, я?

— Да! Только глупец требует подтвердить то, что и без того знает.

— Вслушайся в свои слова, Харита. Ты говоришь жреческими загадками.

— А ты открой глаза и посмотри вокруг, Киан. Земля сама тебе скажет. Ночью с юга дуют знойные ветры, облака несутся по небу, но дождя нет и нет; прибрежные деревни опустели, земля дрожит под ногами, хрустальный обелиск Верховного храма в Посейдонисе разбился. Оглядись, Киан. Когда ты в последний раз видел морскую птицу? Подумай! Мы возле моря. Они должны носиться целыми стаями. Где они?

Он мгновение смотрел на нее, потом отвернулся.

— Ты мне не веришь, — сказала она. — Мне не убедить тебя никакими свидетельствами, Киан, потому что ты заранее настроен не верить.

— Харита, ну рассуди! — в отчаянии выговорил он. — Я не видел тебя семь лет! Что я должен думать?

Наступила гнетущая тишина. Харита смотрела на брата.

— Землетрясения бывали и раньше, и засухи тоже. Война и прежде опустошала деревни. Неужто, во имя Кибелы, мы должны бросаться невесть куда всякий раз, как землю немного тряхнет или несколько глупых чаек вздумают переселиться в другое место?

— Аннуби сказал, что ты не поверишь, — с тоской произнесла Харита. — Он сказал, никто не поверит.

От раздражения Киан не нашел, что ответить. Он быстро встал и пошел прочь.

Харита снова откинулась на спину. "Зачем я все это затеяла? — думала она. — Ведь знала же, что так будет. И Аннуби предупредил. И вообще, что на меня нашло? Я-то почему поверила Тром? Может, я тоже сошла с ума?".

Покуда один из Кианових жрецов занимался ее спиной, подъехала повозка. Хариту осторожно подняли и перенесли внутрь. Киан тем временем отдавал распоряжение вознице и страже.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросила она, когда он подошел проститься.

— Через два дня я должен встретиться с Белином на границе Сарраса и Тайрна — в городе Гераклии.

— Вернемся вместе. Поговори с отцом.

Он потупился.

— Не могу.

— Она его убивает, — мягко произнесла Харита.

— Этого-то он и хочет! — с внезапной яростью вскричал Киан. — Неужели тебе никто не рассказал, что сделал Сейтенин?

— Аннуби говорил о поражении.

— Это было не поражение, а бойня. После этого Сейтенин приказал раздеть пленников и связать их с убитыми товарищами — рука к руке, нога к ноге, уста к устам! А потом бросил умирать — привязанных к разлагающимся трупам! Мы нашли уцелевших через три дня — три дня под палящим солнцем! Смрад был ужасающий, вид — еще хуже. Аваллах лежал там вместе со всеми и слушал, как люди вопят и бьются в чудовищном танце. — Киан замолчал. Желваки у него так и ходили. — Гуистана нашли под ним, Харита. От этого он помутился рассудком и не хочет возвращаться к действительности.

Харита закрыла глаза и прикусила губу, чтобы не разрыдаться.

— Теперь ты знаешь, — сказал он и виновато прибавил: — Я не хотел рассказывать тебе так.

— Аннуби и словом об этом не обмолвился.

— Аннуби помнит только то, что ему хочется. — Киан беспомощно развел руками. — Да оно и к лучшему, что я не еду с тобой. В прошлый раз, когда я там был, мы поссорились.

— Из-за нее?

— Отчасти, — признался Киан. — Я уговаривал отца избавиться от нее, а он метнул в меня нож.

— Ты же понимаешь, он не нарочно. Думаю, он этого даже не запомнил. — Харита взяла брата за руку. — Поедем со мной.

— Если я поеду, это повторится. К тому же я должен встретиться с Белином. Впервые за долгое время мы взяли Сейтенина с Нестором за горло. — По губам его пробежала усмешка. — Маленькие, подвижные верховые отряды, способные нанести удар в любой части страны. — вот это дело. Засада, которую ты разрушила, была их последней попыткой избежать окружения. — Он помолчал. — А ты что будешь делать?

— Не знаю. — Она печально улыбнулась и приподняла голову. — Прощай, Киан.

Повозка покатила по дороге, и Харита ни разу не оглянулась.

Глава восьмая

Кормах пробыл в Каердиви четыре дня и каждое утро брал Талиесина в рощу, где они сидели вместе и говорили; вернее, Кормах говорил, а Талиесин слушал, угадывая в речи старого друида музыку Иного Мира — волшебную, чужую, пугающую, нездешнюю.

В последний день Кормах уселся на пень и долго без единого слова смотрел на мальчика. Под взглядом старика Талиесину стало не по себе, он заерзал, начал срывать травинки и сыпать их себе на ноги. Наконец Кормах шевельнулся.

— Да, да, — пробормотал он. — Надо.

Из складок одеяния он вытащил кожаный мешочек, распустил завязки и высыпал на ладонь пять обжаренных орешков.

— Знаешь, что это? — спросил верховный друид.

— Лещина, учитель, — отвечал Талиесин.

— Была лещина. Теперь это Ядрышки знания, Талиесин, Семена мудрости. Они имеют свою пользу. Попробуешь?

— Да, если хочешь.

— Дело не в моем желании, — отвечал Кормах, потом помолчал и поправился. — Ладно, я и впрямь этого хочу, но не из праздного любопытства. Никогда...

Он снова смолк, глядя прямо перед собой, и Талиесин понял, что старик глядит не на него, но сквозь него, на кого-то другого — возможно, на одного из Древних.

— ... никогда из любопытства, малыш, запомни, — закончил Кормах, как будто и не переставал говорить. Он перевел взгляд на ладонь. — Эти — последние, которые мне понадобятся, — сказал он, выбирая. — На, Талиесин. Съешь.

Мальчик взял орех и положил в рот. Орех был чуть пережаренным, но приятным на вкус. Он медленно прожевал и огляделся, пытаясь выяснить, не произвел ли орех какого-нибудь действия, но вроде все было без изменений.

— Ну так, малыш, ты знаешь, что такое вдохновение? — спросил друид.

— Знаю, учитель, — отвечал Талиесин. — Это то, что бард обретает в своем сердце. Хафган говорит, это врата в Иной Мир.

— Верно. — Кормах кивнул. — Хочешь сам увидеть эти врата, Талиесин? — Мальчик кивнул. — Очень хорошо, просто закрой глаза и слушай. — Талиесин закрыл глаза, но слушать было трудно.

Верховный друид медленно запел, однако как ни старался Талиесин сосредоточиться, он то и дело отвлекался на что-то постороннее, а вскоре и вовсе потерял нить повествования. Слова Кормаха отдавались в ушах, но пение старого друида превратилось в невнятную череду бессмысленных слогов. Казалось, он закрыл глаза для одного мира и открыл для другого — очень похожего на наш, но с вполне четкими отличиями.

Перед Талиесином были знакомые деревья, трава, пни обычного мира, но небо пылало расплавленной бронзой, словно свет исходил не от солнечного диска, а от самого неба или от огромного, неведомого источника, чье свечение успевает рассеяться по пути, — как будто смотришь на огонек лучины сквозь тканый полог шатра.

Мальчик вгляделся и понял, что сами деревья и даже травинки лучатся нездешним светом. Воздух вокруг — если это можно было назвать воздухом, ибо Талиесина окружало что-то плотное и тяжелое, больше похожее на прозрачный туман, — тоже немного светился, и казалось, что вся земля окутана сияющей дымкой. Дымка эта слегка дрожала от чудных напевов, ярких и переливчатых, как пастушеская свирель, только чище, тоньше и переменчивее, словно ручей. Мелодия явно исходила от растущих деревьев, потому что, кроме них, вокруг не было ни души.

Вдалеке, за широкой всхолмленной равниной, вставали горы, их пики терялись в сияющем небе. Талиесину пришло в голову, что, стоит сделать шаг, и он перенесется через равнину к далеким кручам. Там будут пещеры, ведущие вниз, вниз, вниз — в темные подземные области. Однако Талиесин не сделал этого шага и не перенесся в горы; вместо этого он повернулся и увидел невдалеке ручей, бегущий между деревьями в лесное озерцо.

Почва под ногами пружинила, как будто трава выталкивала стопу; взглянув под ноги, Талиесин заметил, что не оставляет обычного отпечатка, заметен был лишь чуть светящийся след. Он прошел вдоль ручья к озерцу, опустился на колени в кустарнике у кромки воды, возле самого впадения ручья, и стал смотреть на хрустальную воду, бегущую по сверкающей, словно янтарь, гальке. И здесь, под водой, он различил девушку, спящую среди длинных, зеленых, покачиваемых течением водорослей.

По воде пробегала рябь, и белое одеяние девушки мерцало. Волосы, золотые, как у самого Талиесина, свободно струились, только от висков от-

ходили две короткие косицы. Чудилось, не вода, а легкий ветерок колышет золотой ореол вокруг девичьей головы. Кожа ее казалась белее слоновой кости, губы — алые, чуть разомкнутые, так что можно было различить безупречный жемчуг зубов. Глаза были закрыты, темные ресницы касались щек, однако легко представлялось, что при пробуждении они широко распахнутся и, как и прочие черты, явят невыразимую красоту, изящество и соразмерность.

Длинные тонкие руки были сложены на груди и слегка сжаты, а под подбородком лежал сверкающий меч с драгоценной рукоятью. Длинное суживающееся лезвие покрывали неведомые знаки и надпись на неизвестном Талиесину языке. Отблески света плясали на блестящей поверхности, и мальчик догадался, что меч в каком-то смысле живой.

Его не удивило, что девушка спит под водой. Скорее обрадовало, ведь иначе он не посмел бы так дерзко пялиться на нее.

Пока он смотрел, ему все сильнее хотелось познакомиться с этой прекрасной и загадочной девушкой, забыться с ней рядом. Это было странное чувство, которого мальчик не понимал, но догадывался, что оно принадлежит другой, более взрослой части его существа. Ошеломленный силою этих чувств, он встал, в последний раз задержал взгляд на дивном лице под водой и отвернулся.

Он поднял глаза и увидел в тростнике по другую сторону озерца человека, который все это время наблюдал за ним. Незнакомец был в оленьем капюшоне и переливчатом чешуйчатом плаще. Только со второго взгляда Талиесин понял, что это не чешуйки, а перья.

Олений капюшон скрывал лицо стоящего, а камыш — нижнюю половину тела, но все же Талиесину казалось, что он его знает или узнал бы, если бы разглядел лицо. Словно в ответ на эти мысли человек поднял руку в перчатке и сбросил капюшон, но, как Талиесин ни вглядывался, он не смог различить черты, потому что лица у стоящего не было, только чуть намеченное общее обличье.

А вместо глаз — полуночное звездное небо, бесконечно вращающееся вокруг холма, увенчанного древним кольцом стоячих камней.

Талиесин хотел окликнуть незнакомца, подойти, поклониться, потому что вся его фигура внушала почтение. Однако, едва он поднял руку, человек в плаще из перьев исчез.

Пройдя вдоль ручья к тому месту, где очутился в самом начале, Талиесин вышел из рощицы и увидел в центре поляны яблоню. В бледной густой зелени поблескивали огромные золотые яблоки. Талиесин подошел и сорвал одно; оно едва поместилось в его ладони. При виде безупречной

кожицы, за которой угадывалась белая сладкая мякоть, у него потекли слюнки. Он поднес яблоко ко рту.

И тут же из-за светящегося золотисто-зеленого неба раздался голос:

— Подойди, Сияющее чело!

Голос был оглушительный, как гром, и властный, как буря. Это был дикий голос и в то же время искусный — Талиесин понял, что он управляет не только людьми или их поступками, но и всей их внутренней сутью, — голос военачальника, или, лучше сказать, императора, ибо Талиесин уловил в нем самую сущность власти: как будто любое произнесенное им слово ловится служителями, чье единственное назначение — исполнять любое требование господина в тот миг, когда оно будет изречено. Очевидно, к нему обратился один из повелителей этого странного места, может быть, даже сам Верховный владыка.

— Говори, Сияющее чело!

При этих словах Талиесин выронил яблоко и упал на колени, подняв глаза в странное нездешнее небо. Он открыл рот, но не смог произнести ни слова.

— Ладно, Сияющее чело, я научу тебя, что сказать, — произнес голос в ответ на собственное повеление. Ослепительно полыхнул свет, Талиесин упал ниц и прижался к земле. Он чувствовал, что кто-то над ним стоит, ибо его сквозь одежду обдало жаром, однако не шевелился и не смел приподнять голову.

Когда Талиесин очнулся, тени в лесу уже сгустились, а солнце тускло желтело на западном крае неба. Воздух наполняло тяжелое гудение насекомых, очень похожее на гул в его голове. Кормах по-прежнему сидел на пне, держа на коленях рябиновый посох. Хафган стоял перед верховным друидом, тревожный и взволнованный; губы его странно шевелились, и Талиесин понял, что он говорит.

— ...был не готов... слишком резко... маловат еще... не время... — бормотал Хафган.

Кормах сидел, сгорбившись, сжимая морщинистыми пальцами посох, складки на его лице углубились, однако Талиесин не понял, от гнева или от тревоги. Похоже, оба они не замечали, что он проснулся и слышит их разговор. Талиесин уже хотел было сказать, что не спит, когда понял, что глаза у него закрыты. С закрытыми глазами он видел так же ясно и отчетливо, как с открытыми!

— Минутку! — сказал Кормах, и Хафган перестал бормотать. — Он не спит! — Старик подался вперед. — А, Талиесин?

Талиесин открыл глаза. Он лежал на боку, прижав колени к груди. Кормах и Хафган стояли, как он их увидел, только на лице Хафгана было явственно написано невыразимое облегчение.

— Талиесин, я... — начал он.

Кормах оборвал его взмахом руки.

— Скорее говори, малыш, как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — отвечал Талиесин. Он сел и скрестил ноги.

— Вот и славно. Можешь рассказать, что с тобой было?

Талиесин, как мог, описал место, в котором побывал, но, хотя картины стояли в памяти, как живые, он то и дело сбивался, не в силах подобрать слова. Под конец он просто передернул плечами и объявил: — Ничего подобного я прежде не видел.

Кормах ласково кивнул.

— Я знаю это место, Талиесин, и для первого раза ты очень хорошо сумел его описать.

— Это Иной Мир? — спросил мальчик.

— Да, — подтвердил верховный друид.

Талиесин задумался; Хафган подошел ближе и протянул руку.

— Хочешь пить, Талиесин?

— Не трогай его! — предупредил Кормах.

Хафган отдернул руку.

— Все хорошо, Хафган, правда, — успокоил его Талиесин.

— Теперь подумай, что ты видел в Ином Мире, и постарайся нам рассказать, даже если тебе это кажется полнейшей бессмыслицей.

Талиесин начал рассказывать, друиды ловили каждое его слово. Закончил он так:

— А потом владыка Иного Мира подошел ко мне, назвал меня по имени и обещал научить, что надо сказать.

— И научил? — спросил Кормах.

Талиесин неуверенно кивнул.

— Кажется, да.

— Что же он сказал?

Талиесин нахмурился.

— Не помню.

— И все? — спросил Хафган.

— Да, — отвечал Талиесин. — Я все рассказал, что помню.

Кормах кивнул. Хафган вновь протянул Талиесину руку и помог ему встать.

— Молодец, Талиесин. Правда, молодец.

Все трое двинулись через лес к каеру.

— Но что это значит? — спросил Талиесин.

— Может быть, это предназначалось тебе одному, — ответил Хафган.

— А все остальное — девушка в озере, меч... они-то что означают?

Мгновение оба друида молчали, потом Хафган сказал:

— Друиды не любят сознаваться, что есть вопросы, которые им не по силам, — особенно если вопрос прозвучал из уст столь юного существа.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь? — спросил мальчик.

— Он пытается этого не сказать, — отвечал Кормах, — но смысл тот же самый. Да, мы не знаем, что это означает. Честно признаюсь, малыш, мы не думали, что твое странствие будет таким долгим и таким наполненным. — Он остановился и взял мальчика за плечи. — Послушай, Талиесин, ты побывал в таком месте, которое мы видели лишь смутно, издалека. Ты посетил мир, который знаком нам только по темным отблескам.

— Ты понимаешь, что Кормах тебе говорит? — спросил Хафган.

— Вроде да, — кивнул Талиесин.

— Может, да, а может, и нет, — вздохнул Кормах. — Понимаешь, малыш, я надеялся через тебя получить знамение. Думал, может, молодые глазки увидят яснее... они и увидели. Но то, что им предстало, предназначалось тебе одному. Довольно знать, что ты это видел. Малыш, твои ноги ступали по земле, которую мы лишь смутно угадывали, — и это сознание я унесу в могилу.

Остаток пути до каера они проделали в молчании. В ту ночь Талиесин без сна лежал на соломе у очага и думал об Ином Мире и о том, сможет ли снова туда попасть — не из праздного любопытства, как сказал Кормах, но чтобы вновь увидеть ту девушку и, если можно, пробудить ее от осиянного подводного сна.

Глава девятая

Хотя вынужденное заточение доводило ее чуть ли не до безумия — время бежит, а она валяется без движения и ничего не предпринимает, — Харита поневоле признавала, что все не так плохо. Она жива, да и нездоровье обернулось неожиданным преимуществом — в корне изменило отношение к ней Лиле. Теперь та считала своим долгом лично ухаживать за немощной, и у Хариты появилась возможность поближе узнать эту загадочную женщину.

Как только царевна вернулась после стычки в дозорной башне и разместилась в прежних покоях, Лиле тотчас проскользнула к ней вместе со слугой, который принес на подносе множество горшочков и склянок различных размеров и форм. Аннуби только что осмотрел ее спину и прописал покой — единственное лекарство, как ни горько это было признать.

Харита увидела Лиле со слугой и застонала больше от отчаяния, чем от ненависти к мачехе. Она отвернулась к стенке, а Лиле присела на край ложа.

Однако первые же ее слова обезоружили Хариту, хотя настороженность и не рассеяли.

— Я знаю, что ты не питаешь ко мне любви, царевна Харита, но теперь, когда ты здесь, ты для меня — старшая в семье, и мой долг — служить тебе изо всех моих сил.

Харита повернулась к ней, но ничего не сказала.

— Конечно, — продолжала Лиле, — будь здесь Киан, я бы слушалась его. Однако его нет, а ты — царева дочь.

— А ты — царская жена, — отвечала Харита чуть более язвительно, чем намеревалась.

— Да, — просто отвечала Лиле, — но я не царского рода. А ты — его родная кровь... — она подняла руку ладонью вверх, — ... значит, я служу и тебе. — Она жестом показала слуге, чтобы тот поставил поднос и вышел.

Не уловка ли это? Лиле безусловно хитра. Неужели она притворяется смиренной, чтобы подольститься к врагу?

— Мне ничего не нужно, — буркнула Харита, — только покой, а ты мешаешь мне отдыхать.

— Я знаю, что сказал Аннуби, и все же тебе можно помочь.

Харита едко хохотнула.

— Личные лекари самой Верховной царицы сказали, что сделать ничего нельзя, но время потихоньку все вылечит.

— Без сомнения, ученые жрецы очень мудры, — ответила Лиле, — однако у целителей есть способ подхлестнуть время.

— Что за способ?

Лиле загадочно улыбнулась и произнесла шепотом:

— Митра!

— Что-что?

— Древнее искусство целительства, известное приверженцам восточного бога Митры, или, в женском проявлении, Изиды.

— От кого ты узнала про этого бога и его целительство? — спросила Харита.

Лиле склонила голову на бок.

— Когда-то очень давно мой отец плавал на восток. Не знаю, как так вышло — рассказывают по-разному, — но он привез с собою купленного там раба. Раб был ученый, и отец приставил его ко мне и моим сестрам учить старинной грамоте...

— Чтобы со временем ты стала достойной супругой царю, — заносчиво вставила Харита, — если такое возможно.

— Без сомнения. — Глаза у Лиле сузились. Она отвернулась и продолжала: — Этот раб — фригиец по имени Тотмос — обучил нас чтению и письму, а когда мы выросли, то и древней вере.

— И с ее помощью ты лечишь моего отца.

— Да.

— Только что-то ему твое лечение не на пользу.

Лиле удивленно подняла голову.

— Кто другой сумел бы сделать больше?

— Ты себе льстишь. Кто угодно бы справился. Рана была совсем неглубокая. Просто...

Лиле перебила ее:

— Рана была смертельная.

— Что?

Лиле отвечала просто:

— Когда я пришла, он уже остыл и его можно было нести в усыпальницу. Да, ранили его неглубоко, но за царем плохо ухаживали — покуда он

спал, жизнь сочилась сквозь скверно наложенные повязки. Эти глупцы позвали меня, когда увидели, что он умирает; наверное, хотели свалить его смерть на меня.

Харита молчала. Ей не приходило в голову, что отец был ранен серьезнее, чем полагали. Неужто он и вправду лежал при смерти?

— Конечно, когда я его вытащила, — продолжала Лиле, — они стали утверждать, что рана пустяшная. Пустяшная! — Лиле хохотнула. — Тогда зачем было звать меня? В жизни не видела таких перепуганных и пристыженных людишек!

Столько Харита за один раз переварить не могла, поэтому решила обдумать позже, а пока спросила:

— Положим, я соглашусь. Что в таком случае ты сможешь сделать?

— Твое увечье глубоко внутри...

— Это все знают.

— Ребро сломано вот здесь, — Лиле показала на своей спине, где у Хариты болит.

— Ребро?

— Это очень мучительно. Кроме того, осколок кости прижимает жизненную нить, идущую через хребет в мозг. Это еще более мучительно и не пройдет со временем, сколько ни лежи.

— Я лежала, и это прошло.

— А теперь снова болит.

— И чем помогут твои склянки и притирания? — спросила Харита.

— Притирания — это для твоей распухшей щеки. Что до остального, я предлагаю удалить осколок кости, чтобы ты исцелилась полностью.

— Резать? Не позволю. Не такое уж у меня сильное увечье.

— Пока, может быть, и не такое, хотя и очень болезненное. Однако, если оставить все как есть, осколок кости может сместиться и попасть в жизненный орган, что много хуже.

— Жрецы...

— Жрецы никогда не примут того, что не сами придумали. А мои каменные инструменты не хуже металлических. Камень можно освятить, его целительная сила действует долго.

Харита внимательнее взглянула на эту удивительную женщину. Лиле казалась темной и хрупкой, хотя ростом не много уступала Харите; ощущение смуглости создавали огромные карие глаза и длинные темные волосы, блестящие и шелковистые. Под алебастровой кожей угадывался намек на более густую, темную кровь, в гибкой грации чудилась настороженность, как будто каждое движение было просчитано и обдумано.

— И зачем тебе это? — спросила Харита. — Что тебе до меня?

— Я же объяснила, — просто сказала Лиле.

— Из-за веры в Митру?

— Да, а еще потому, что ты дочь моего супруга и глава семьи, покуда он нездоров.

— Ясно.

Лиле взглянула на нее. Большие карие глаза излучали искренность.

— Мы сестры, Харита. Нам не из-за чего враждовать. Я не желаю тебе вреда и, веришь или нет, глубоко чту твоего отца. Я прибегаю к своему искусству, чтобы дать ему утешение... — она замялась, — ...и возвратить здоровье.

Харита чувствовала, что Лиле чего-то недоговаривает. Она сказала:

— На твою прямоту отвечу прямотой. Я не доверяю тебе, Лиле. Я не знаю, чего ты добиваешься, но ты и так достигла всего, женив на себе моего отца. Покуда я не узнаю больше, я буду тебя остерегаться.

— Ты выразилась вполне ясно, царевна, и я все поняла.

Лиле медленно встала, взяла поднос с лекарствами. В дверях она остановилась и сказала:

— Если надумаешь удалить обломок кости, я всегда готова тебе служить.

На следующий день заглянул Аннуби, и Харита рассказала о разговоре с Лиле. Царский советник слушал, и складка у него на лбу становилась все глубже и глубже. Наконец он гневно воздел руки и воскликнул:

— Довольно! Не желаю больше слушать!

Харита ожидала, что он встревожится, но откуда такая ярость?

— Аннуби, в чем дело? Что я такого сказала?

— Довольно! Все ложь — от первого до последнего слова!

— Но должна быть какая-та доля истины в ее словах! Жрецы, лечившие царя, не позвали бы ее, не будь в этом нужды. Если она и впрямь вытащила отца из могилы, неудивительно, что он без нее шагу ступить не может.

— Да, ей подвернулся удачный случай, и она использовала его сполна. Всю эту злополучную историю она повернула в свою пользу. Этот фригийский раб... она сказала, как его звали?

Харита задумалась.

— Тотмос... Да, Тотмос.

— Вот видишь? Ее отца зовут Тотмос. Он и есть фригиец — надо думать, матрос. Мать наверняка из самых низов, легла с первым, кто на нее взглянул.

— Она ни разу не упомянула мать, — пробормотала Харита.

— Думаю, несчастная потаскушка давно вскрыла себе вены.

— А как же ее искусство — целительство, хирургия, Митра? Она показалась мне такой знающей: подробно объяснила, что где болит, хотя и пальцем меня не коснулась.

— Уверен, что-то немногое она умеет — резать и все такое. Почитание Митры и Изиды идет из древности и было когда-то очень распространено.

— Было?

— Оно угасло тысячи лет назад.

— Так как же... — начала Харита.

— Оно возродилось, на этот раз в виде культа, и, как говорят, кое-где нынче вошло в моду. Если ее отец — матрос, он легко мог принести эту веру из своих плаваний.

— Она показалась мне весьма сведущей в лекарском деле, — неуверенно продолжала Харита, тоже начиная хмуриться.

— Не отрицаю, дар у нее есть, но им наделяют многие боги и не всегда ко благу людей.

— О чем ты?

— Если она и впрямь так искусна, как похваляется, почему царю не лучше? Четыре года прошло!

— А ведь я чуть ей не поверила. Она почти убедила меня.

— Да, и это часть ее дара. Если долго ее слушать, перестаешь отличать правду от лжи.

— Аннуби, что нам делать?

Прорицатель вздохнул и развел руками.

— Ничего. Мы бессильны. Будь здесь Киан...

Харита сбросила одеяло.

— Киан не приедет.

— Ложись обратно! Куда ты?

Огромным усилием Харита спустила ноги с кровати.

— Киан сказал мне, что они с Белином встречаются через день на мосту где-то на границе наших земель — он упомянул Гераклий. Не знаю, где это, но мне надо туда. А ты мне поможешь.

— Тебе нельзя ехать.

— Так сделай, чтоб было можно. Перевяжи потуже и дай что-нибудь, что притупляет боль.

— Лучше лежи. Ты ничего не сможешь поделать.

Царевна, скривившись от боли, подвинулась к краю кровати.

— Я и на миг не останусь в этом доме обмана и боли, — прошипела она сквозь стиснутые зубы. — На этот раз они меня выслушают, я их заставлю. Ты веришь в то, что сказал Тром?

Прорицатель не ответил, и Харита спросила:

— Так ты отказываешься от своих слов?

— Я ни от чего не отказываюсь, — тихо произнес Аннуби.

— Тогда почему ты так на меня смотришь?

— Твоя мать, царица, тоже ему поверила. Помнишь Великий Совет?

Она кивнула.

— Все время, что мы были в Посейдонисе, твоя мать понуждала меня искать знамения — читать летописи, книги о звездах, советоваться с другими прорицателями.

— И что ты должен был найти?

— Знамения, свидетельства, упоминания — все, что подтверждало бы пророчество Трома.

— И нашел?

— Нет, — сознался Аннуби. — Не нашел, потому что искал совсем другое.

— Что?

— Я хотел знать, когда умрет Брисеида.

Харита мотнула головой.

— Но почему?

— Брисеида предвидела — из-за звездопада, хотя предчувствие возникло у нее задолго до этого. Да, она обладала таким даром, хоть и в небольшой мере. Итак, я совещался со жрецами касательно ее участи. Знамения убедительно свидетельствовали: смерть царственной особы неминуема. Она догадывалась, что ей осталось мало, хотя, полагаю, не ждала такой страшной смерти. И это, конечно, к лучшему. Однако, когда убили Верховного царя, мы на какое-то время поверили, что именно его гибель предрекли звезды, а Брисеиде ничто не грозит.

Харита молчала. События, о которых рассказывал Аннуби, могли произойти столетия назад — так многое изменилось со дня смерти матери. Но сейчас тогдашнее горе нахлынуло с новой силой, оглушая и ослепляя Хариту. Лишь через некоторое время она смогла выдавить ответ.

— Я ведь ничего не знала, — сказала она.

— Она не хотела ни с кем делить свое бремя, — печально улыбнулся Аннуби. — Сейчас ты мне ее напомнила.

— Ты помогал ей тогда. Поможешь ли мне сейчас?

— Когда я тебе отказывал?

Глава десятая

Харита выбрала колесницу — менее удобную, зато более быструю. Повозки медленны и неповоротливы, и, хотя колеса подскакивали на каждом ухабе, заставляя царевну морщиться от боли, а возницу — от ее укоров, дорога так и летела. Тем не менее в Гераклий они въехали уже после заката.

Мощеные улочки были пусты, но несколько факелов еще горели у крылец побогаче, а из чисто оштукатуренной кōрчмы доносились взрывы пьяного смеха. Окно верхнего этажа светилось алым светом, как маяк, хотя до моря было далеко.

Возница придержал коней, и Харита с трудом — все мышцы занемели от необходимости сидеть прямо на узеньком сиденье — медленно повернула голову, чтобы заглянуть в тусклые окошки корчмы.

— Думаешь, они здесь? — спросила она.

Пирос, возница, почесал подбородок.

— Да уж скорее всего, — сказал он. — Пойду посмотрю.

Он намотал поводья на перила крыльца, соскочил с колесницы и, не оглядываясь, исчез в корчме.

Его не было так долго, что Харита уже подумывала отправиться за ним, но тут он все-таки появился.

— Их там нет, царевна, — произнес он, и ее обдало винными парами.

— Ты купался в вине или просто выпил амфору-другую?

Пирос сморгнул и уставился на нее.

— Ты оставил меня сидеть, а сам нализался этого... — она запнулась, подыскивая слово... — этой козьей мочи, которую здесь подают?

Возница бухнулся на колени.

— Если ты недовольна, царевна, мне не жить, — простонал он.

— Встань сейчас же!

— Надо было разузнать, где они, а хозяин корчмы охотнее беседует за чарочкой. А пока правишь конями, так пересыхает в горле... Я подумал...

— Немедленно встань! — строго приказала Харита. — И перестань ныть. Мог бы, по крайней мере, и мне вынести чарку.

Пирос встал, но продолжал виновато смотреть в землю.

— Ну ладно, если ты пробыл там столько, что корни успел пустить, что ты такого выведал?

— Люди Киана были в Гераклии вчера, покупали еду и вино. Потом ушли и больше не возвращались.

— Они и сейчас где-то неподалеку?

— Никто не знает. Один человек, кажется, виноградарь, сказал, что утром видел людей на дороге возле моста. Здесь на саррасской стороне есть роща, где часто назначают свидания.

— Значит, если они еще здесь, то остановились в этой роще, — сказала Харита. — Он объяснил, как туда добраться?

— Он сказал, что может нас проводить.

— Так пойди позови его.

Пирос торопливо кивнул и заспешил к дверям.

— Свои обязательства перед хозяином ты уже выполнил, — крикнула вдогонку Харита, — так что больше не пей.

Виноградарь оказался тощим и смуглым, с длинным узким носом — по его багровому цвету, различимому даже в свете факела, легко можно было угадать любителя выпивки. Харита с сомнением оглядела самозванного проводника.

— Говоришь, ты знаешь, где люди, которых я ищу? — спросила она.

— Я знаю, где они могут быть, — с мерзкой ухмылкой отвечал пьяный.

— Дойти-то сможешь? Не заблудишься?

— Может, дойду, а может, и нет. — Виноградарь позвенел пустым кошельком. Возница ткнул его локтем и что-то прошептал ему на ухо; ухмылка с лица виноградаря исчезла, и он торопливо добавил: — Конечно, дойду, царица Харита.

Пирос еще раз толкнул его под ребро.

— Тогда веди нас, — приказала Харита. — Мы теряем время.

Пирос забрался на свое место, отвязал вожжи, молодцевато щелкнул ими в воздухе. Лошади подняли головы. Виноградарь, стараясь не шататься, залез в колесницу, и они тронулись.

Найти мост не составило для них труда, даже в темноте, потому что дорога вела прямиком к нему. Пьянчуге потребовалось лишь дважды указывать направление на развилках. Мост недалеко отстоял от города, и, когда они подъехали, луна только-только вставала над окрестными холмами.

На мосту никого не было, однако в рощице, стоящей у дороги, Харита различила мерцающие походные костры.

— Вот и они, — сказала она. — Пирос, дай нашему проводнику на чарку, и пусть проваливает.

У виноградаря, получившего монетку, было такое лицо, словно его укусила оса.

— Не пеняй на нас, — сказала Харита. — ты получил свою плату, а свежий воздух замечательно прочистит тебе голову. А теперь поспеши, может, еще успеешь выпить свою чарку, пока хозяин не закрыл ставни.

Виноградарь кое-как выбрался из колесницы и, бормоча себе под нос, заспешил прочь. Пирос развернул лошадей в рощу. Под деревьями их сразу остановили часовые.

— Поворачивай, — приказал один из воинов. — Тебе тут делать нечего.

— Я Пирос, — отвечал возница, забыв про правила приличия. — Да, и царевна Харита, — поспешно добавил он, — к своему брату-царевичу и Белину Тайрнскому.

Дозорный подошел, увидел Хариту, очень прямо сидевшую на узком сиденье, поклонился и обошел колесницу сзади.

— Царевна, дозволь мне проводить тебя к твоему брату, — сказал он, подавая руку. Пирос сунулся было следом. — Отведи лошадей к коновязи. — Воин махнул рукой, показывая направление. — Найдешь там корм и воду.

Пирос развернул упряжку и повел ее между деревьями. Часовой, не говоря больше ни слова, проводил Хариту в середину рощи. Они шли по темной тропинке между кострами, озарявшими лица воинов, их глаза, устремленные на царевну, поблескивали в ночи. Тропинка вела к самому большому костру, и Харита увидела три огромных круглых шатра; внутри горели светильники, и казалось, что под лесным кровом выросли исполинские светящиеся грибы.

— Царевич Киан в левом, — сказал часовой. — Царь Белин — в правом, в среднем царевич Майлдун.

— Спасибо, — ответила она и направилась к палатке Киана. Часовой не уходил. — Что-нибудь еще?

Часовой потупил глаза, и даже в лунном свете Харита заметила, что он смущен. Сперва она думала, что он не найдет в себе сил ответить, однако он снова поднял на нее взгляд и сказал:

— Я был там... у башни. Я видел, что ты сделала. Мы все видели...

— Всякий на моем месте сделал бы то же самое.

Часовой кивнул, как будто говоря: ну да, и свинопасы летают.

— Спасибо, что помнишь. — Она вновь повернулась к шатрам. — Левый, ты говоришь?

Он снова кивнул и повел ее ко входу. Здесь стояли еще два часовых. При виде Хариты они тут же вытянулись в струнку.

— Царевна к царевичу Киану, — объявил провожатый, как будто они еще не догадались.

Один из часовых нырнул в шатер. В следующее мгновение полог откинулся и появился Киан.

— Харита, что ты тут делаешь? Заходи скорее.

В теплой и светлой палатке усталость Хариты, так долго сдерживаемая, навалилась с непреодолимой силой. Она уцепилась за шест и поникла, закрыв глаза.

— ...совершенно напрасно, — говорил Киан. — Я еще у сторожевой башни сказал тебе, что... — Он обернулся к ней и осекся. — Клянусь рогами Кибелы, Харита, ты белее молока! Сядь сюда. Вот... — Он хотел поддержать ее и усадить в кресло.

— Нет! — Она отпустила шест, открыла глаза и медленно выпрямилась. — Я справлюсь.

Киан смотрел на нее с растущей тревогой в темных глазах.

— Тебе больно, Харита. Я пошлю за жрецом... — Он шагнул к пологу.

— Нет... нет, спасибо, Киан. Сейчас пройдет. Аннуби дал мне лекарства перед отъездом. Я немного устала с дороги, но скоро приду в себя.

Царевич нахмурился.

— Очень неразумно было приезжать. Тебе надо быть дома в постели.

— Дома? Что за слово ты выбрал! По-твоему, у меня есть дом? И где он? На бычьей арене?

— Ты знаешь, о чем я. — Он упер кулаки в бока, потом помягчел и шагнул к сестре. — Зачем ты приехала?

— Белин еще не спит?

— Нет, несколько минут назад я у него был. Послать за ним?

— Мы сами к нему пойдем.

Опираясь на руку брата, Харита с трудом преодолела несколько ярдов между шатрами. Киан кивнул часовому, и их тут же впустили. Сразу за пологом стояла ширма из драгоценного дерева, сквозь ажурное кружево резьбы сочился свет, создавая иллюзию звездного неба. Рядом курился в кадильнице благовонный фимиам, и голубоватый дым облаком висел под сводом шатра.

Прежде чем шагнуть за ширму, Харита собралась с духом и выпрямилась. Белин стоял у маленького столика. В руке у него был графин с вином, и он наливал себе в кубок. Лицо его осунулось, в глазах читалась бесконечная усталость.

— А, Киан, хочешь... — Тут его взгляд остановился на Харите.

— Здравствуй, дядя Белин, — сказала девушка.

Он узнал ее и расцвел от радости.

— Харита! Харита, солнышко мое, дай-ка на тебя взглянуть! Сколько лет, сколько зим! Последний раз я тебя видел... ой, да только посмотрите на эту красавицу! — Он поставил кубок и торопливо обошел стол, чтобы заключить ее в объятия.

Харита сморщилась от боли.

— Дядя Белин, — выговорила она, не разжимая зубов, — я тоже рада тебя видеть.

Он с тревогой отступил, торопливо взглянул на Киана.

— Я тебя сдавил. Садись скорее. Сюда... — Он придвинул трехногий походный стул (пол в его палатке был застлан ковром). — Садись.

Харита медленно-медленно опустилась на предложенное сиденье.

— Вина, — сказал Белин. — Киан, принеси еще стулья. — Он шагнул к столу налить еще два кубка, и Харита увидела у него на виске уходящий наверх шрам; волосы на его продолжении серебрились, веко было чуть скошено. Киан пододвинул стулья, и Белин протянул гостям кубки:

— Твой брат рассказал про твой подвиг в сторожевой башне. Я потрясен, да и не только я.

— Да, я заставила их поплясать, — признала Харита. Она отпила глоток, потом еще и еще.

— Да уж, — заметил Киан. — А знаешь ли ты, что в войсках только о тебе и говорят? Тебя считают богиней.

— Видели бы они эту богиню, — фыркнула Харита, поднося руку к опухшему лицу. Она снова отхлебнула вина и осторожно откинулась на спинку стула. — Богиню с переломанным хребтом.

— Как хочешь, а это правда, — сказал Белин. — Даже мои ребята об этом толкуют, а их там и вовсе не было. — Он допил вино и отодвинул кубок. — И зачем ты здесь, когда тебе надо лежать в постели?

Она отвечала напрямик:

— Я хочу, чтобы вы покончили с этой дурацкой войной.

— Что-что? — Белин поднял брови и взглянул на Киана. — Сейчас, когда благодаря тебе мы добились преимущества впервые с тех пор, как Аваллах... короче, впервые за долгое время? Почему мы должны сдаться на милость Сейтенина?

— Я не говорю сдаться, — сказала Харита. — Я говорю, прекратить войну.

— Киан, ты понимаешь, что она плетет?

— В общих чертах, — сознался он. — Послушай, Харита, не думаешь же ты...

Она не дала ему договорить и продолжала, обращаясь к Белину:

— Неважно, кто берет верх. Нечто произойдет очень скоро, и надо успеть подготовиться.

— Ты об этом пророчестве — о грядущем бедствии?

— Да.

— Тогда ты городишь чепуху, Харита, — сказал он. — Я уж который год слышу такие байки.

— Это не байки, — твердо сказала Харита. — Не могу объяснить, откуда я знаю, но я действительно знаю, что так будет. Времени осталось мало.

Белин откинулся на стуле, глядя на нее со смесью жалости и огорчения.

— Однако я не прошу вас поверить моим словам, — продолжала она. — Я не могу доказать то, во что верю. Я приехала просить о...

В этот миг зашуршал полог, и за ширмой показалась высокая, широкоплечая фигура Майлдуна. Юноша вошел и уставился на сидящих припухшими от сна глазами.

— Харита! Сестренка, так это и вправду ты! Я спал, и мне вроде бы послышался...

— Майлдун, — сказала Харита, медленно вставая. — Как я рада тебя видеть.

Он одним прыжком очутился рядом с ней и сгреб ее в охапку. Она скривилась от боли и вскрикнула.

— Она ранена! — громко предупредил Киан.

Майлдун тут же опустил ее на пол.

— Так это правда, что болтают? — Он в изумлении взглянул на сестру. — Киан говорит, ты их спасла. А здесь ты как очутилась? Надолго к нам?

— Если ты немного помолчишь, мы услышим, зачем она к нам и надолго ли. Когда ты ворвался, она как раз начала рассказывать.

— Насчет какой-то просьбы, — добавил Белин.

— Просьбы? — переспросил Майлдун, усаживаясь на пол. — Что ты хочешь попросить?

— Корабли, — просто отвечала Харита. — Нам понадобятся корабли.

— У нас нет кораблей, — заметил Белин.

— У нас нет, а у Сейтенина есть, — вмешался Майлдун. — У него, кроме кораблей, ничего и не осталось.

— Так надо их отбить.

Белин расхохотался.

— Так-таки и отбить?

— Ты хоть представляешь себе, что это такое? — спросил Киан. — Проще зайти во дворец и связать самого Сейтенина.

— Погоди, Киан, способ есть. — Майлдун подался вперед. — Харита, это как раз то, что я пытаюсь им предложить.

— Ладно, предлагай, — сказала она. — Мы слушаем.

— Мы шлем послание — спешное послание от Белина к Мейрхиону, в котором сообщаем, что, по нашему мнению, Сейтенин обречен...

— Что соответствует истине, — заметил Белин.

Киан насмешливо надул щеки, Белин сделал вид, будто не замечает.

— Мы сообщаем Мейрхиону, будто намерены раз и навсегда добить Сейтенина, но нам нужны люди — очень много людей. Пусть Мейрхион собирает людей, а мы будем в течение недели дожидаться их с теперешним нашим войском в... ну, называем место, куда так просто не доберешься.

Киан допил вино, с отвращением отодвинул кубок.

— И даем Сейтенину перехватить гонца? Ты шутишь. Да он никогда в жизни...

Белин остановил его взмахом руки.

— Привлекательная наживка, да? Но где западня?

— Положим, Сейтенин одновременно получит спешное послание от Нестора — он-де заметил передвижение войск в том месте, где мы якобы должны ждать, и рассчитывает отрезать нам путь раньше, чем мы нанесем удар. Пусть Нестор напишет, что у него наготове три тысячи человек, но...

— Что "но"? — спросила Харита заинтригованно.

— Но он боится не поспеть.

— Ясно, — ответил Белин.

— А мне нет, — произнес Киан. — Какое Сейтенину дело...

Белин снова махнул на него рукой.

— В этом-то и самая хитрость, — сказал он. — Мы лишь подталкиваем Сейтенина к решению, и пусть он сам себя перемудрит.

— Пошлет ли он корабли? — спросила Харита.

— Вполне вероятно, на его взгляд, это будет самый удачный выход из тупика, — отвечал Белин. — Военная удача ему изменила. Нестор будет требовать от него более дерзких вылазок. Сейчас он сидит у себя, зализывает раны и считает потери, гадая, что скажет Нестор, узнав, что засада обнаружена и войско перебито. И вот ему подворачивается случай вернуть расположение союзника, а может, и одержать решительную победу без всякого риска для себя.

— Решится ли он? — Киан вскочил и крепко вцепился руками в спинку стула.

— Решился бы ты на его месте? — Белин тоже встал, подошел к столу, налил еще вина и одним глотком осушил кубок. Похоже, они с Кианом пришли в такое возбуждение, что начисто забыли про Хариту и Майлдуна. — Будь я Сейтенином, я бы отрядил корабли и молился всем богам земным и небесным, чтобы они поспели вовремя. Он пошлет их, и будет днем и ночью приносить жертвы, молясь о попутном ветре. Ведь, по его сведениям, мы пробудем там всего неделю, а сухопутным путем в этот срок не поспеть.

— А морем куда быстрее! — воскликнул Киан.

— Это будет единственная его надежда.

— Он решится.

— Лишь глупец не решился бы на его месте.

Они замолчали и переглянулись.

— Как мы захватим корабли? — спросил Киан.

— Да, и что будем с ними делать? — подхватил Белин.

Оба повернулись к Харите.

— Отдадите их мне, — отвечала она.

— Чтоб ты смогла уплыть, когда разразится бедствие? — поддразнил Киан.

— Какое бедствие? — переспросил Майлдун.

— Вот именно, — подтвердила она. — Вы сами говорите, Сейтенин проигрывает войну. Корабли — все, что у него осталось. Потеряв их, он будет вынужден признать, что разбит наголову.

— Но Нестор...

— Лишившись союзника, он уже не захочет вторгаться в наши пределы и начнет укреплять свои.

— Он никогда не запросит мира, — сказал Киан.

— Ну и что? — с жаром воскликнула Харита. — Какая разница, что они будут делать?! Пусть хоть разделят между собой все Девять царств, им недолго останется торжествовать. — Она сурово обвела взглядом брата и дядю. — Если я ошибаюсь, что вы теряете? Немного своего времени. А если я права, что выигрываете? Так или иначе, вы получите корабли Сейтенина и одержите великую — быть может, даже решающую — победу.

Белин взглянул на Майлдуна, потом на Хариту.

— Ладно, попробуем, — сказал он, качая головой. — Однако, клянусь рогами Кибелы, когда ты вошла, ты понятия не имела, что нам сказать.

— Вероятно, ты прав, дядя. Детали я предоставляю тебе, — великодушно произнесла Харита. — Главное, отдайте мне корабли, как раздобудете. — Она медленно, с усилием поднялась. — Я возвращаюсь во дворец.

— Сейчас? Среди ночи? — удивился Киан.

— Сейчас. Среди ночи. — Она отмахнулась от предложенной руки. — Я хочу быстрее добраться до дворца.

— Уже поздно, Харита. Останься, — сказал Майлдун.

Белин подошел поближе.

— Отдохни хоть несколько часов. Тронешься на рассвете. Я дам тебе охрану.

— Не надо.

— Я настаиваю. Располагай моей лежанкой — любой из наших лежанок. — Он положил руки на плечи племянникам. — Мы с твоими братьями будем трудиться всю ночь.

ГЛАВА одиннадцатая

Палаты росли на удивление быстро. Через неделю после возвращения дружины тишина и покой отошли в область воспоминаний. Каждое утро на заре распахивались ворота каера, десятки мужчин с блестящими топорами уходили в лес, и вскоре лошади уже волокли первые бревна. Так продолжалось до темноты. Сто пар рук рубили деревья, обтесывали, таскали бревна из ближайшего леса, прилаживали на место, приколачивали, стягивали сыромятными ремнями — и прочные стены с каждым днем вздымались все выше.

Для кузнечных работ Эльфин переманил к себе кузнеца, пообещав ему несколько телок и землю под кузницу у самой реки. С раннего утра до позднего вечера по лесу разносились удары молота о наковальню, которому вторили топоры лесорубов. Тех, кто не был занят на строительстве, поставили расширять сам каер — засыпать часть старого рва и копать новый подальше, чтобы перенести внешнюю стену.

И над всей этой кипучей работой, пронизывая ее, наполняя и сдабривая, плыл аромат жареного мяса и печеного хлеба: это женщины вращали вертела и топили печи, стараясь насытить вечно голодных строителей. Мешки яблок, горы мяса, груды хлеба, целые круги сыра мгновенно исчезали со стола, вслед им рекой лились пиво и медовая брага.

Среди шума и суеты щедро рассыпался переливчатый, словно роса или яркие камешки-самоцветы, звонкий ребячий смех. Непомерность задачи, величие замыслов заворожило самых юных обитателей Каердиви, и они восторженно визжали, глядя на творящиеся перед ними чудеса. Под неумолчный радостный гомон работа спорилась веселее, и нередко можно было видеть, как строитель, склонившись над ребенком, поддерживает крохотную ручонку, направляя лопату или топор. Как ни тяжел был труд, порою казалось, что под смех и прибаутки стены сами растут из земли, словно по волшебству.

Талиесин был очарован не меньше остальных. Он ухитрялся поспеть везде: увертывался от балок, взмывающих ввысь, катался верхом на бревнах, запускал пятерню в котел, чтобы выудить кусок мяса, хватал яблоко

из мешка или ломоть сыра, украдкой заглядывал в избушку у реки, где гудели мехи, алое зарево плясало на стенах и пот блестел на лбу кузнеца — потомка Гофаннона, бога яростного горнила, — а то и вместе с другими мальчишками бегал в лес, носил лесорубам воду и пиво...

Дни стояли погожие, и, хоть работать приходилось от темна до темна, жители Каердиви не сетовали. Эльфин повсюду был первым: частенько голый по пояс, как и остальные работники, взмокший, с заплетенными в тугую косу волосами восседал он на бревне, прибивая его на место. Таким и застал его Хафган однажды днем, через несколько недель после отъезда Кормаха.

— Здрав будь, Хафган, хеног Гвинедда! — крикнул Эльфин. Осень выдалась теплая и ясная, небесная синь радовала глаз. Он оторвался от работы, чтобы обвести взглядом строительство, и рукой утер со лба пот. В глазах его светилась гордость. — Что думаешь, бард? Подержится вёдро, пока подведем под крышу?

— Подержится, господин, — отвечал друид, бросая испытующий взгляд на небо.

— Тогда, клянусь Ллеу, мы закончим до Самайна.

— Думаю, закончите. — Хафган постоял, глядя на Эльфина из-под руки.

— Что-то еще, Хафган? — спросил король.

— Надо поговорить.

Эльфин кивнул и отложил молоток. Он спустился по деревянной лесенке и подошел к друиду.

— Что такое?

— Кормах умер. Я должен его похоронить.

Эльфин кивнул.

— Ясно. Иди, конечно.

— Я хотел бы взять с собой Талиесина.

Эльфин потянул себя за ус.

— А без него нельзя?

Хафган пожал плечами.

— Ему было бы полезно.

— Надолго это?

— Дня на два, на три.

— Думаю, — протянул Эльфин, — вреда не будет.

Хафган молча ждал, что решит король.

— Ладно, хочешь, бери, — объявил Эльфин и собрался лезть обратно. — Матери его я скажу.

— Спасибо тебе, владыка, — с поклоном отвечал Хафган.

Эльфин заметил поклон и вновь обернулся к барду.

— Спасибо тебе, Хафган.

— За что?

— За то, что оказываешь мне почет.

— Да я и прежде, вроде, тебя не унижал.

— Ты отлично знаешь мне цену и вместе с тем ни разу не принизил меня. За это я тебе благодарен. И еще. Я знаю, ты можешь взять Талиесина, куда пожелаешь, тем не менее ты пришел и спросил моего разрешения. За это тоже спасибо.

— Владыка Эльфин, я ни разу не принизил тебя как раз потому, что знаю тебе цену. Что до другого — как могу я взять то, что мне не принадлежит. — Он коснулся лба тыльной стороной ладони. — Не страшись испытаний, ибо ты овладел своей силой и своей слабостью. Ты будешь жить долго, о король, и тебя будут помнить за доброту и мудрость.

— Льстишь, Хафган? — смущенно улыбнулся Эльфин.

— Говорю правду, — отвечал друид.

Хафган, Талиесин и Блез вышли на следующий день. В другое время Талиесин обрадовался бы перемене места, но сейчас это значило пропустить несколько дней строительства, и ему было обидно. Вслух он ничего не сказал, но Хафган приметил, как он сутулится и волочит ноги. Друид сразу сообразил, отчего это, однако промолчал. Разочарования, даже пустяковые — часть жизни, пусть учится с ними справляться.

— Какого цвета лето? — спросил через некоторое время Блез.

Они шли по знакомой лесной стежке на северо-запад в Долгеллау, где им предстояло вместе с другими друидами нести тело Кормаха в кромлех на холме за Гарт Греггином. Все трое шагали быстро. Хафган опирался на новый рябиновый посох, Блез — на посох из вяза, Талиесин нетерпеливо сбивал нависшие над тропой ветки легким ивовым посошком.

— Что? — обернулся на вопрос Талиесин.

— Летняя пора, — повторил Блез. — Какого она цвета?

Мальчик на мгновение задумался.

— Ммм... Золотая! — победно объявил он.

— Ты хочешь сказать, зеленая? Золотая, на мой взгляд, осень.

— Нет, — отвечал Талиесин. — Осень — серая.

— Серая? — Блез в изумлении покачал головой. — Ну ты скажешь! А, Хафган?

Друид не ответил.

— Какого цвета весна, Талиесин?

— Белая.

— А зима?

— Зима — черная.

Блез рассмеялся.

— Ты заметил, что в твоем мире цвет есть только у лета?

— Конечно, — без колебаний отвечал мальчик, помахивая ивовым прутиком. — Вот почему я буду королем лета, и мое царство будет летней страной. В мое правление не будет ни весны, ни зимы, ни осени.

— Только лето? — Блез вдруг посерьезнел. Он уловил печаль в голосе Талиесина, и смех его сразу оборвался.

— Только лето. Не будет тьмы и смерти, а только много-много всего хорошего. — Талиесин замолк и больше ничего не сказал. Все трое шагали в молчании, прислушиваясь к лесным голосам.

К полудню были в Долгеллау. Деревня раскинулась в неглубокой лесистой лощине у холодного чистого ручья. Жители ее не построили ни ворот, ни стен, ни насыпного вала, полагаясь на укромность места и мощь соседей. Они тепло приветствовали гостей. Много лет Кормах был их бардом, советчиком, прорицателем и врачом. Глава рода увидел посох Хафгана и заспешил навстречу.

— Мы приготовили погребальные носилки, — сказал он. — Бард велел сделать их из молодого боярышника.

Хафган кивнул.

— Так он хотел. Мы сделали все, что он пожелал, и жалеем, что не могли сделать больше.

— Уверен, вы постарались от души, — ответствовал Хафган. — Сейчас мы его повезем. Вы, если хотите, можете нас сопровождать.

— Вам понадобятся лошади?

— Нет, мы его понесем.

— Как желаете.

Они двинулись по деревне под пристальными взглядами местных жителей.

— Чего на нас так таращатся? — наклонившись к Хафгану, шепотом полюбопытствовал Блез.

— Они смотрят на Талиесина, — отвечал Хафган.

Мальчик, впрочем, похоже, не замечал всеобщего внимания и шел, вскинув голову, глядя прямо перед собой.

"Да, — думал Хафган, — ты будешь королем лета, и в твое правление не будет ни холода, ни тьмы. Однако лето быстротечно на Острове Могущественного, и зиму нельзя сдерживать вечно. Всему свое время года.

И все же, малыш, пусть сияет свет, и, пока он горит, пусть звездопадом разгонит алчную ночь".

Они подошли к маленькой, крытой соломой избушке на дальнем конце деревни. На пороге сидели три друида в синих одеждах, рядом лежали пустые носилки, устланные еловой и можжевеловой хвоей. При виде Хафгана все трое встали.

Хафган приветствовал их поименно:

— Келлан, Инаок, Селив, все ли здесь в порядке?

Селив отвечал:

— Все. Тело готово к погребению, я отправил остальных дожидаться нас в роще.

— Хорошо, — сказал Хафган. Он наклонился и прошел под оленью шкуру, заменявшую дверь. Потом, приподняв полог, он позвал Блеза и Талиесина войти.

Талиесин увидел одно большое помещение без окон. Свет попадал сюда через круглую дыру в потолке, через нее же выходил дым от очага. На камышовой лежанке покоилось тело Кормаха, руки его были сложены на груди. Две свечи — одна в головах, другая в ногах усопшего — бросали на беленые стены неверные желтоватые отблески.

Талиесин ошеломленно глядел на тело. Это был не Кормах. Да, когда-то эта оболочка принадлежала верховному друиду — черты остались прежними, — но было ясно, что сам Кормах бесследно исчез. Дух, оживлявший тело, отлетел, а то, что осталось лежать на земле, оказалось вдруг до ужаса хрупким и несущественным — послевкусие, слабое напоминание об ушедшем человеке.

— Его нет, — прошептал Талиесин. Он нечасто видел покойников и сейчас понизил голос, как у постели больного. — Кормаха нет.

— Да, — согласился Хафган. — Он давно в пути.

Он тронул Блеза рукой и стал в головах лежанки, Блез занял место в ногах.

Хафган произнес несколько слов на тайном языке друидов и взялся за голову умершего. Блез повторил за ним и положил ладони на холодные, застывшие ноги. Затем они произнесли то же самое хором и подняли тело. Если им и потребовалось усилие, Талиесин этого не заметил: ему показалось, что от их прикосновений тело само всплыло над лежанкой.

Друиды развернулись, чтобы пройти в дверь.

— Талиесин, придержи шкуру, — скомандовал Хафган, — и не забудь его посох.

Мальчик очнулся, бросился к дверям, откинул входную завесу. Хафган с Блезом вышли, неся тело. Носилки стояли наготове, и невесомого покойника переложили на них.

Талиесин юркнул обратно в избушку, нашел рядом с лежанкой посох, схватил его и присоединился к Блезу и остальным друидам, которые уже накрывали тело еловым лапником. Открытой осталась одна голова, которую Хафган по-прежнему держал в ладонях. Вчетвером друиды взялись за носилки и подняли зеленую гору. Она оторвалась от земли легко, как плывущий по ветру пух.

— Возьми посох, Талиесин, — распорядился Хафган. — Подними его перед избушкой.

Двумя руками мальчик поднял посох как можно выше. Хафган что-то сказал на таинственном языке, замолк, повторил то же самое второй раз, потом третий. Через несколько мгновений дымок потянулся из отверстия в крыше и из-под шкуры на двери. Талиесин держал посох и смотрел, как алые языки пробиваются сквозь плетеные стены. Пожар привлек внимание сельчан, которые собрались и молча наблюдали, как пламя охватывает избушку. Вскоре соломенная кровля занялась и рухнула внутрь.

Друиды развернули носилки и пошли через Долгеллау. Впереди шествовал Талиесин с посохом Кормаха. Они вброд перешли ручей и направились по дорожке, ведущей через лес в холмы. Многие жители деревни следовали за ними, так что получилась довольно впечатляющая процессия.

Шли не спеша, однако даже не заметили, как добрались до Гарт Греггина. Талиесину казалось, что они просто вышли из леса и сразу очутились здесь, по другую сторону холма, у ручья под священной рощей. Друиды поднялись в ее сень, где уже ждали собратья. Сородичи Кормаха остались на почтительном отдалении.

Носилки внесли в рощу и поставили на два камня в ее середине. Друиды собрались вокруг, каждый держал в руке ветку. Хафган поднял руки к плечам, выставил ладони и заговорил на тайном языке. Потом, опустив руки, произнес на обычном:

— Братья, наш глава начал свое путешествие в Мир Иной. Что мы отправим с ним?

Первый друид выступил вперед, поднял свою ветвь и сказал:

— От меня ольха-Прародительница для уверенности в себе. — С этими словами он прислонил ветку к носилкам, поверх лапника, и отступил назад.

— От меня кизил, — произнес следующий, — Сильный товарищ для сострадания.

— От меня береза-Мечтательница для высоты помыслов, — возгласил третий, кладя ветку на лапник.

— От меня лещина, Семя познания, — молвил четвертый, — для понимания.

— От меня вяз, Великий податель, для щедрости. — И еще одна ветвь легла на носилки.

— От меня каштан, Княжич гордый, для царственной поступи.

— От меня ясень, Верное сердце, для честности.

— От меня рябина, Владычица гор, для справедливости.

— От меня терновник, Неуязвимый воин, для проницательности.

— От меня яблоня, Дар Гвидиона, для почитания.

— От меня дуб, Могучий монарх, для милости.

Они шли по кругу, каждый друид называл свой дар и клал его на носилки. Талиесин смотрел, как зачарованный, вслушивался в слова и жалел, что у него нет своей ветки. Он оглядел рощу и увидел куст шиповника. На колких ветках еще розовели несколько поздних цветков. Положив посох, он подбежал к кусту, ухватился за побег ближе к корню, где шипов было поменьше, и с силой потянул. У земли хрустнуло, побег оторвался.

Талиесин подбежал к носилкам, когда последний друид клал свое приношение. Хафган набрал в грудь воздуха и открыл рот, но не успел заговорить. Талиесин выступил вперед и сказал:

— От меня шиповник, Лесной ворожей, для чести. — И он положил цветущую ветку рядом с остальными, образовавшими вокруг носилок лиственный шатер.

Хафган улыбнулся и сказал:

— Братья, освободим тело нашего друга от земных обязанностей.

Каждый друид нагнулся, взялся одной рукой за ветку, которую сам перед тем положил, другой — за носилки, и все тронулись между деревьями к кромлеху, расположенному на кургане за рощей.

Кромлех представлял собой круг из врытых стоймя камней. Посередине высился дольмен — три стоячих камня, а на них — плоская каменная плита. Носилки поставили на плиту, вокруг разложили ветки, снова накрыв ими тело. Хафган воздел руки, что-то проговорил на тайном наречии, потом сказал:

— Прощай, друг нашего брата, ты волен идти своим путем. — Он встал на колени и приложил ладони к земле. — Великая Матерь, возвращаем тебе твое порождение. Будь к нему добра, ибо оно хорошо служило своему хозяину.

С этими словами он встал и пошел от дольмена через кольцо камней. Остальные друиды тоже повернулись, и каждый прошел в свое отверстие между камнями, в свою сторону, в холмы и леса.

Позже трое из Каердиви сидели в лесу у костра, темнота окутывала их, как теплая шерсть. Они ели то, чем их угостили в Долгеллау, и разговаривали. Наевшись, Блез зевнул, завернулся в плащ и лег. Талиесину не хотелось спать; в голове роились образы, он смотрел в танцующее пламя и думал об увиденном за день. Хафган долго смотрел на него, ожидая вопросов, которые, он знал, роятся в этой золотой головенке.

Наконец Талиесин поднял глаза от тихо потрескивающего пламени и спросил:

— Что теперь будет с телом?

Хафган поднял с земли яблоко — их там лежала целая кучка — и передал мальчику. Потом взял другое, откусил, старательно прожевал и спросил:

— А по-твоему?

— Мясо истлеет, останутся кости.

— Верно. — Он еще раз куснул яблоко. — Зачем задавать вопросы, если знаешь ответ?

— Я не о том, — продолжал Талиесин, кусая яблоко, — я про то, что будет, когда не станет мяса?

— Кости соберут, отнесут в подземный склеп, где они будут покоиться вместе с костями прежде отошедших братьев.

— Однако птицы и звери будут тревожить тело.

Хафган чуть качнул головой.

— Нет, малыш, они не войдут в священное кольцо. Кроме того, плоть есть плоть; если она насытит кого из попутчиков, то лишь исполнит одно из своих назначений.

Талиесин обдумал услышанное, последний раз куснул яблоко и бросил огрызок в костер.

— Носилки плыли по воздуху. Когда ты говорил на тайном наречии — это было колдовство?

Снова друид покачал головой.

— Я просто призвал Древних свидетельствовать о деяниях нашего брата и пропустить его невозбранно. Тело же стало легким... — он повел ладонью вверх, — ...ибо ничто уже не связывало его с землей и не тянуло вниз.

Мальчик смотрел на огонь, глаза его сияли.

— Увидим ли мы его снова?

— В этом мире — нет. В Ином — возможно. Душа живет вечно — и до,

и после рождения. В этом мире мы лишь недолгие гости, Талиесин, и вряд ли он остается в памяти — ведь не помним же мы прежнюю жизнь.

— А хотелось бы, — объявил Талиесин.

— Может, ты и вспомнишь, — спокойно сказал Хафган, глядя в огонь проницательными серыми глазами и в то же время исподволь наблюдая за Талиесином. В дрожащем свете лицо мальчика казалось необычным — уже не детским, не молодым и не старым. Оно было как бы без возраста: лицо юного божества, бессмертного, на которого не в силах посягнуть время.

Обняв колени, Талиесин принялся раскачиваться взад-вперед. Он заговорил, не отрывая глаза от пламени:

— Много сменил я обличий, прежде чем мне родиться.

Солнечным бликом на листьях, звездным лучиком слабым, огнем на пастушеском жезле.

Был я дыханием ветра, словом и целой книгой,

Мостом через семь потоков, дорожкою в синем море, лодкой рыбачьей плетеной,

Челном, что обтянут кожей.

Был я пивною пеной, пузырьком в чарке отцовской.

Струною на арфе барда девятью девять лет был, песенкою девичьей.

Был я искоркой малой, пламенем в день Бельтана... был я огнем... огнем... огнем...

Голос сбился, снова стал детским. Талиесин обнял себя за плечи и затрясся мелкой дрожью, хотя ночь стояла теплая.

— Ничего, Талиесин, — ласково сказал Хафган. — Не пытайся это удержать. Вдохновение приходит или нет. Ты не можешь его принудить.

Талиесин закрыл глаза и уронил голову на колени.

— Я почти вспомнил, — всхлипнул он.

Хафган взял его за плечи, уложил на землю поближе к костру.

— Спи, Талиесин. Мир еще немного подождет тебя.

Глава двенадцатая

Время для Хариты разворачивалось медленными, бесконечными змеиными кольцами. К концу второй недели она уже обходилась без посторонней помощи. Со дня на день должны были подоспеть вести от Киана, но сутки уходили за сутками, а гонец все не появлялся.

Лиле заходила часто. Она снова предложила помощь, но навязываться не стала. Со своей стороны, Харита держалась холодно, но вежливо. Лиле ничего по этому поводу не говорила, однако ледяной официальный тон, видимо, задевал ее больше, чем она признавалась, потому что в конце третьей недели она грохнула на стол принесенный поднос и без дальнейших слов вышла из комнаты.

Чуть позже царевна встретила мачеху в саду. Харите не лежалось, и она, вопреки предупреждению Аннуби, решила, что гулять понемногу полезнее, чем все дни пролеживать на спине. Сперва она довольствовалась коридором, но вскоре ее потянуло на свежий воздух. Однажды утром она встала, проковыляла по переходу и дальше по длинной винтовой лестнице в сад. Чтобы спуститься на нижний уровень, надо было пройти через арку в зеленой изгороди. Подойдя ближе, Харита заметила, что в арке кто-то навесил дверь.

Она удивленно остановилась, но дверь была приоткрыта. Девушка толкнула ее и вошла. Со своего возвращения она впервые оказалась в саду и теперь дивилась представшим перед ней переменам. Исчезли многоярусные клумбы с пышными пахучими цветами, вьющиеся розы и виноград. Исчезли декоративные кусты в кружевной россыпи цветов. На их месте еще более разнообразные, чем сами цветы, росли травы, папоротники, мхи и грибы — их Харита не видела, но чуяла носом, ибо памятное ей благоухание сменил сладковато-гнилостный запах влажной земли, плесени и грибницы.

Сад был явно ухожен, но растения росли, как сорная трава, — их явно не подрезали и не подвязывали. Держась главной дорожки, Харита зашла дальше в сад, мимо зарослей кипрея, паслена и крапивы, руты, солодки и мяты, герани, шалфея, кровохлебки и многих-многих других, которых не знала и не могла назвать.

А на грудах хвороста, на кучах прелой листвы росли дождевики, раздутые и безобразные, осклизлые навозники, бледные поганки и мухоморы. От них и от других грибов шел тот самый запах разложения, который пронизывал весь сад.

Дорожка привела Хариту в маленькую рощицу, посаженную на месте прежней лужайки. Когда-то здесь было круглое озерцо с рыбками — его питал сбегавший по мраморным ступенькам ручей. Теперь ручеек и рыбки исчезли, по берегам обмелевшего озерца росли камыши, аир и другие болотные растения.

Вокруг озерца правильными концентрическими кругами росли яблони с бледными, идеально круглыми яблочками. Харита подошла ближе и протянула руку к золотисто-зеленому плоду.

— Мне кажется, они еще не поспели, царевна Харита.

Девушка отдернула руку и обернулась. Из-за деревьев к ней шла Лиле.

— Хотя они и впрямь очень красивы.

— Да, — отвечала Харита, досадуя, что оказалась в саду не одна. Впрочем, она не удивилась, потому что догадалась, что все эти изменения — работа Лиле. — По-моему, я никогда не видела таких яблок.

— Они особенные, — отвечала Лиле, гладя одно ладонью. Она была в груботканом платье, подол подобран и заткнут за пояс, ноги босые.

— Ты по-своему распорядилась этим садом, — холодно заметила Харита.

— Он был в запустении.

— Жаль, что ты не сумела его сохранить.

Лиле вскипела.

— Не знаю, что там наговорил Аннуби, но вижу, он тебя настроил против меня.

Харита отрешенно взглянула на нее, но ничего не сказала.

— Я чувствую это всякий раз, как к тебе подхожу.

— Так зачем ты лезешь туда, где тебе не рады? — зло отрезала Харита.

Лиле втянула голову в плечи.

— За что меня все так ненавидят? — простонала она, закрыв лицо руками. Когда она вновь подняла голову, глаза ее были сухи. — Кому я что сделала? За что все меня боятся?

— Боятся? Это тебе мерещится.

— Тогда почему со мной так обходятся? Ты мне не веришь, потому что меня боишься.

Харита с силой тряхнула головой.

— Я не боюсь тебя, Лиле, — сказала она.

Однако слова мачехи очень походили на правду, и это было неприятно.

— Вот как? — Лиле болезненно скривилась. — Аннуби боится, считая, что я оттеснила его от Аваллаха; поэтому он и оболгал меня.

— Аннуби не может никого оболгать, — тихо и уверенно отвечала Харита. Ни разу на ее памяти царский советник не покривил душой, тем более не произнес откровенной лжи. Однако... однако он не сказал ей всей правды про рану Аваллаха и даже не заикнулся, что Гуистан тоже погиб.

— Всякий солжет, когда чувствует угрозу, — так же убежденно выговорила Лиле. — Я для него угроза, вот он и распускает про меня небылицы. Наверняка он говорил тебе, что мой отец — фригийский матрос...

— По имени Тотмос. Да, и ты сама говорила, что он был рабом.

— Мой отец был фригийцем, это правда. И его действительно звали Тотмос. В молодости он плавал по морям, но у него был собственный корабль, и он на самом деле купил раба.

— Которого тоже звали Тотмос? — фыркнула Харита.

— Мой отец отпустил его на волю, и он взял отцовское имя. Таков обычай. Зачем Аннуби выворачивает все, что бы я ни сказала?

И вновь у Хариты закрались сомнения. Неужели Лиле говорит правду? Неужели Аннуби так ненавидит Лиле, что обращает против нее каждое сказанное слово? Но зачем? Зачем это ему?

— Есть лишь один способ убедиться в моей правоте, — промолвила Лиле.

— Какой же?

— Испытай меня.

— Как же тебя испытать?

— Как сама ты решишь, царевна. Это должен быть твой выбор.

— Я не хочу испытывать тебя, Лиле. — Харита со вздохом устало покачала головой. — Ты говоришь одно, Аннуби другое. Слова, слова, слова. Я уже не знаю, во что и верить.

— Верь мне, когда я говорю, что никому не желаю вреда. Верь, что я не рвусь к власти. Верь, что я хочу быть твоей подругой.

Харите стало стыдно. Она чувствовала, что Лиле говорит правду, и хотела верить. И все же... все же было в мачехе что-то не то. Что-то пугающее, как грибы на жирном перегное, или хуже — что-то скованное и спрятанное от глаз, чудовищный зверь, незримый, но наблюдающий из неведомого укрытия. Харита чувствовала присутствие зверя, ощущала его взгляд и потому не могла вполне довериться Лиле.

— Хотела бы я тебе верить, — искренне призналась она.

Лиле улыбнулась, но лишь на мгновение.

— Однако не можешь.

— Не могу, — кивнула Харита. — Пока не могу. Но я не буду тебе лгать.

В этот момент они различили детский голосок, весело щебетавший песенку без складу, без ладу. Через мгновение из-за куста вынырнула пушистая головка, а следом показалась и вся девочка — лет четырех, босоногая, светловолосая и смуглая, как орех. На ней была синяя льняная юбка, когда-то плоеная, а сейчас такая мятая, словно ее жевали, за ухом торчал одинокий цветок анютиных глазок, неумелый венок из тех же цветов болтался на шее. Венок и юбка составляли всю ее одежду. В руке девочка держала надкусанную зеленую сливу, липкий сок стекал по подбородку. При виде Хариты она замерла, как вкопанная, и уставилась на нее зелеными-презелеными глазищами.

— Иди сюда, Моргана, я хочу тебя кое с кем познакомить, — сказала Лиле.

Девочка робко шагнула вперед. Зеленые глаза, не таясь, изучали Хариту, и той стало не по себе.

— Моргана, это Харита. Скажи "здравствуй".

— Здлавствуй, — отвечала Моргана. — Ты класивая.

— Ты тоже, — сказала Харита.

— Но ты большая, — возразила девочка.

— Ты тоже со временем вырастешь, — промолвила Харита. — Вижу, ты любишь сливы. Вкусная?

Моргана взглянула на сливу в своей руке и бросила на землю, как будто ее уличили в чем-то постыдном. Мать строго взглянула и объяснила:

— Моргана знает, что в саду ничего рвать нельзя. Верно, Моргана?

Девочка пристыженно закивала, опустила глаза и босой ножкой отпихнула противную сливу.

— Можешь идти, Моргана. Скажи "до свидания".

— До свидания, цалевна Халита. — И Моргана убежала прочь.

— Какое прелестное дитя, — сказала Харита, провожая ее глазами.

— Она — наша радость. Твой отец говорит — точь-в-точь ты в ее годы.

Харита кивнула.

— Лиле, ты просила тебя испытать, — выпалила она. — Так вот, мне нужна твоя помощь.

Лиле склонила голову набок, словно решая, что ответить: "да" или "нет". Невозможно было угадать, что творится в ее голове. Темные глаза не выражали ничего. Наконец она сказала:

— Чем могу тебе служить?

— Пройдись со мной. Мне надо кое-что тебе сказать.

Они двинулись по дорожке, и Харита начала объяснять про Трома, его пророчество и грядущие бедствия. В отличие от остальных Лиле не подняла ее на смех, но приняла все сказанное от первого до последнего слова.

— Что могу сделать я? — спросила Лиле. Голос ее звучал ровно, без тени страха или сомнения.

— Белин согласился захватить флот Сейтенина. Есть план, и есть некоторая надежда, что он сработает. Как только у нас будут корабли — если будут, — останется их загрузить.

Лиле огляделась, и глаза ее расширились.

— На это понадобятся годы!

— У нас нет столько времени. Месяц, в лучшем случае два. Не больше. Айнуби пытается выяснить, сколько еще осталось.

— Понятно. — В голосе звучала такая обреченность, что Харита обернулась и взглянула на Лиле. Молодая женщина смотрела на дворец, на его балконы, портики и террасы. — Мы бросим это все и начнем сначала.

— Да, сначала, но мы возьмем с собой все, что поможет начать новую жизнь.

Лиле набрала в грудь воздуха, как будто собиралась немедленно запаковывать ящики. "Что за удивительная женщина, — думала Харита. — Но я не жалею, что ей сказала. Одной бы мне не управиться".

Словно прочтя ее мысли, Лиле повернулась к Харите и сказала:

— Теперь ты не одна. Я помогу, чем смогу. С чего начнем?

— Я думала об этом, — отвечала Харита. Они уже двинулись к дворцу. — Одежда, инструменты, провизия — все это важно. Однако я хотела бы начать с маминой библиотеки. Там есть книги, которые надо спасти.

— Согласна. Знания лучше другого помогут нам там, куда мы... — Она не договорила и странно улыбнулась.

— Что?

— Как готовиться к будущему нашего народа, если мы представления не имеем, куда направляемся?

— На запад, полагаю, — отвечала Харита. — Земли там, говорят, похожи на наши и мало населены. Мы сможем устроиться там почти так же, как здесь.

— Или лучше, — решительно произнесла Лиле.

— Скажи, — промолвила Харита, — ты мне веришь — насчет пророчества?

— Конечно, — отвечала Лиле. — А как же иначе?

— Остальные не верят.

— Тогда они заслуживают своей участи, — мрачно проговорила Лиле. В глубине ее темных глаз блеснула холодная ненависть — блеснула и сразу погасла.

"Что это — тот самый затаившийся зверь? — подумала Харита. — Не зря ли я ей сказала?".

Однако Лиле улыбнулась, и зверь, если он был, снова уполз в тень.

— Ты спросила, почему я тебе поверила? Отвечу. Всю свою жизнь я знала, что это случится. Я несла знание в себе. — Она коснулась рукою сердца. — Не надеялась увидеть, но знала. Чувствовала. В самом раннем детстве я смотрела на мир и знала, что ему недолго осталось стоять. Когда ты сказала, я поверила, потому что ты лишь подтвердила мою давнюю догадку.

— Это будет испытание, о котором ты просила, — сказала Харита. — Я доверила тебе все, чем дорожу.

— Не все. — Лиле легонько коснулась ее бока. Харита скривилась. — Позволь тебе помочь. Я в силах вылечить твое увечье. Когда это случится, тебе потребуются все твои силы. С моей помощью ты быстрее их обретешь.

Харита помялась, потом сдалась.

— Ты права, Лиле. Будь по-твоему.

— Я за тебя, Харита. Верь мне.

— Попытаюсь, — пообещала Харита. — Верь и ты мне.

Харита не ошиблась, доверившись Лиле: операция прошла безупречно, а за ней наступило быстрое выздоровление. Через несколько дней после того, как сняли повязки, Аннуби нашел Хариту в библиотеке: она сидела, скрестив ноги, перед грудой пергаментных свитков и, подперев рукой подбородок, прилежно читала развернутые документы. Прорицатель некоторое время смотрел на нее, прежде чем войти в разгромленную библиотеку. Заслышав шаги, она подняла глаза.

— Ой, Аннуби! Какие новости? Есть что от Белина?

— Нет. — Он покачал головой.

— А насчет звезд?

— Нет, пока ничего.

— Так что же?

— Это насчет тебя!

— Насчет меня?

— Ты сказала Лиле о грядущем бедствии.

— Да. А что?

Провидец вздохнул, провез по заваленному свитками полу кресло и рухнул в него как подкошенный.

— В чем дело? — недоумевала Харита. — Чем ты не доволен?

Он устало покачал головой и потер глаза.

— Я больше ничего не вижу. — Это было произнесено так буднично, что Харита поначалу не осознала всю важность его слов.

— Что тут дурного? Я думала, будет лучше... — Она смолкла.

Аннуби сидел так, будто в груди его не осталось воздуха — плечи обвисли, длинные пальцы сплетались и расплетались на коленях.

— В чем дело, Аннуби?

— Я больше ничего не вижу, — произнес он, чеканя страшные слова. — Лиа Фаил померк для меня. Света больше нет.

— Ты переутомился, — предположила Харита, откладывая рукопись. — Я слишком много от тебя требовала. Отдохни, и все вернется.

— Нет, — простонал он. — Знаю, что не вернется. — Он смолк, затем обреченно поднял плечи. — Однако я пришел не за тем.

— Ты сказал, не надо было говорить Лиле. Почему? Что она натворила?

— Я застал ее у себя в комнате с Лиа Фаилом. Я разозлился. Схватил ее... хотел... хотел прибить... — Он затряс головой, как будто сам себе не верил. — Я это сделал. Я, Аннуби, в жизни не поднявший руки ни на одно живое создание.

— А она?

— Рассмеялась, — пробормотал он, зажмурившись. — Рассмеялась и сказала, что потерянного не вернуть.

— Потерянного зрения?

— Тебя. Она сказала, что я тебя потерял.

У Хариты заныло под ложечкой.

— А потом?

— Она ушла. Я слышал за дверью ее смех. — Он взялся за голову, словно желая отделаться от этого звука.

— Ой, Аннуби, прости. Знала бы, ни за что бы ей не сказала. — Как ни жалко ей было старого друга, она не удержалась и спросила: — А никак не может быть такого, что ты ошибаешься?

— Ошибаюсь! — Царский советник вскочил, с грохотом опрокинув кресло. — Ты на ее стороне! Будь проклят тот день, когда я ее увидел!

— Прошу тебя, Аннуби, я просто хотела сказать, что могут быть другие объяснения.

— Я не только зрения лишился, но и рассудка, да?

— Конечно, нет.

Он напрягся, сжал кулаки.

— Она обворожила тебя. Сперва твоего отца, теперь тебя. — Он повернулся и выбежал из комнаты.

Харита осталась сидеть. "Я могу пойти к ней и поговорить напрямик. Пойти прямо сейчас... и что? Сказать, что Аннуби утратил зрение и считает, будто она меня обворожила? Даже если так, ей только того и нужно. Нет, нельзя сознаваться, что мне все известно... а что мне известно? Что Аннуби, собственно, мне сообщил? Могут быть другие объяснения. Возможно, как говорит Лиле, он ненавидит ее и переиначивает все ее слова. Может быть, все было совсем не так, как он сказал.

В любом случае, я обещала ей доверять, и затеять такой разговор — значит нарушить свое слово. Бедный Аннуби, придется ему еще немного помучиться. Я не в силах ему помочь, а другие дела не терпят"

Она вернулась к своему занятию — выбирала ценные и невосполнимые рукописи из тысяч, собранных ее матерью, и складывала их в водонепроницаемый деревянный бочонок.

ГЛАВА тринадцатая

Для Талиесина конец лета прошел, как в сказке. Он вставал с солнцем приветствовать славные золотые дни, текущие царственно величаво. Когда на строительстве выдавалось свободное время, Эльфин брал его в лес на охоту, на рыбалку в устье реки или просто на берег моря — посидеть на камнях, полюбоваться на облака и волны.

Часами они катались верхом, Эльфин рассказывал об однообразных дозорах вдоль Вала, о том, как надо сдерживать ирландцев и пиктов, о редких яростных стычках. Он учил Талиесина римскому воинскому искусству и, что важнее, римскому искусству управления. Он вспоминал истории, слышанные от воинов у костра. Он рассказывал о людях, их надеждах и чаяниях, объяснял, чего хочет для своего народа, растолковывал свои решения.

Талиесин слушал и каждое слово складывал в своем сердце, ценя то, что отец пытается ему передать.

— Ты должен быть сильным, — сказал однажды Эльфин. Они ехали по лесу в поисках вепря, а впереди собаки пытались взять след. — Сильным, как холодное железо в твоей руке.

— Хафган тоже так говорит. Сила и мудрость — обоюдоострый меч короля.

— Он прав. Ради своего народа король должен быть сильным и мудрым. Однако, боюсь, придет время, когда от мудрости проку не будет и выдюжит только сила.

— Темное время?

— Такое темное, какого еще не бывало. — Он натянул поводья и поднял глаза к зеленому кружеву листьев. — Слушай, Талиесин. Слушай, но не обманывайся. Все здесь тихо и спокойно. Однако покоя нет. Мир не знает и не хочет знать, что творится с людьми у него за спиной. Покоя нет, Талиесин. Это обольщение — заблуждение ума. Покой бывает тогда, когда ты обеспечил его силой своих рук.

Талиесин дивился, с чего это мысли отца приняли такой мрачный оборот. Где-то неподалеку закричал кулик, и в его голосе мальчику почудились одиночество и тоска.

— Это время приближается, Талиесин. Мы уже не можем его сдержать. — Эльфин печально взглянул на сына. — Хотел бы я, чтобы это было иначе.

Талиесин кивнул.

— Кормах говорил мне о Темном времени. Однако он сказал: чем гуще тьма, тем ярче сияет свет. И что придет некто и озарит небо от запада до востока, и образ его навеки запечатлеет эта земля.

Эльфин кивнул.

— Что ж, хоть какая-то надежда. — Он вновь обвел глазами сонный лес. — Ладно, Талиесин, зато сегодняшний день — наш! Чу! Собаки залаяли. Они что-то нашли. Вперед!

Эльфин тряхнул поводьями, и лошадь, взволнованная собачьим лаем, взяла с места в карьер. Талиесин ударил своего скакуна пятками по бокам и поскакал следом. Не разбирая дороги, неслись они через лес — кони, лошади и три лесных кабана: две молодые самки и огромный седой самец. Охотники мчались, круша подлесок, перескакивая через поваленные стволы, пригибаясь под нависшими ветвями, сопя, визжа, фыркая, улюлюкая и хохоча от дикой погони.

В самой чаще кабаны исчезли. Собаки уперлись в быстрый лесной ручей, где потеряли запах. В следующий миг подскакали всадники и увидели, что псы жалобно скулят на берегу, нюхая воздух и горюя об утраченной добыче. Эльфин бросил копье — оно воткнулось во влажную глину, Талиесин сделал то же, и, спрыгнув на землю, они повели лошадей напиться к ручью.

— Славная была погоня! — хохотнул Эльфин. Он все еще не совсем отдышался. — Ну и кабанище! С двумя женами — царь лесной!

— Я рад, что они скрылись, — заметил Талиесин. Лицо его раскраснелось от волнения и долгой скачки. Мокрые от пота волосы на лбу свернулись в колечки.

— И я. Хотя проголодался я знатно, так и чую запах жареного мяса, но все равно рад, что они ушли. Когда-нибудь еще их погоняем.

Эльфин растянулся у темного, заросшего мхом камня и закрыл глаза. Талиесин устроился рядом и хотел уже лечь, когда уголком глаза различил какое-то сияние.

В следующий миг Эльфин услышал всплеск и рывком сел. Талиесин был посреди ручья и спешил к дальнему берегу с криком: "Я его вижу! Скорее!". Собаки подвывали, опустив морды и поджав хвосты, у самого края воды.

— Талиесин! Погоди! — Эльфин схватил копье и кинулся вдогонку. — Погоди, сынок!

Он выбрался на берег в тот самый миг, как Талиесин нырнул в заросли бузины.

— Скорее! — донесся издалека взволнованный мальчишеский голос. — Я его вижу!

Эльфин прислушался. Было слышно, как мальчик ломится через кусты, потом все стихло. Отец ринулся следом.

Талиесин отыскался через час на круглой поляне внутри дубравы. Он с потерянным видом сидел на заросшем лишайником плоском камне, уронив руки на колени.

— Ты не поранился, сынок? — Вопрос Эльфина гулко раскатился среди древесных стволов.

— Я его видел. — Талиесин сипел от усталости. — Он привел меня сюда.

— Кого ты видел?

— Оленя. Это он меня сюда привел.

— Оленя? Ты уверен?

— Белого оленя. — В полумраке поляны глаза Талиесина блеснули, как две темные звезды. — Белее вершины Кадер Идриса... а рога! Огромные раскидистые рога, алые, что твой римский плащ, и хвост тоже алый. — Он с сомнением взглянул на отца. — Ты видел?

Эльфин медленно покачал головой.

— Нет. Где мне за тобой угнаться!

Он огляделся. Со всех сторон поляну обступили кряжистые дубы, их толстые корявые ветви свидетельствовали о древнем возрасте. По окружности поляны земля чуть понижалась — видимо, здесь когда-то проходил ров. Камень, на котором сидел Талиесин, располагался в центре замкнутого круга. Несмотря на то что сквозь нависшие ветви просвечивало небо, поляна оставалась сумрачной.

— Олень привел тебя сюда?

Талиесин кивнул.

— И здесь я увидел человека. — Он указал на то место, где ложбинка прерывалась, соединяя поляну с лесом. — Черного человека.

— Вот как? — Эльфин пристально взглянул на сына. — Какой он был?

— Высокий, очень высокий. — Талиесин закрыл глаза. — И очень мускулистый — ноги, будто пни, руки — дубовые ветви. Весь в черной шерсти, густой-прегустой, и вывалянный в листве и сучках. Лицо раскрашено белой глиной, только глаза черные, что два колодца, и вокруг них оставлены круги. Волосы склеены, зачесаны в гребень и утыканы веточками, а на голове — кожаная шапочка с оленьими рогами. В руке у него был посох,

тоже с рогами, а под мышкой — кабанчик. А еще с ним был волк, огромный, желтоглазый, смотрел на меня из-под дубов, а в круг не вошел.

— Повелитель зверей, — прошептал Эльфин. — Цернунн!

— Цернунн, — подтвердил Талиесин. — "Я Рогатый", так он мне сказал.

— А еще?

— Он сказал: "Подними, что упало". И все.

— "Подними, что упало"? И больше ни слова?

— Что это значит? — недоумевал Талиесин.

Эльфин взглянул на камень под мальчиком.

— Камень стоял, а теперь лежит.

Талиесин провел рукою по камню.

— Как мы его поднимем?

— Да, дело нелегкое. — Эльфин потянул себя за ус и пошел вокруг поляны. Вскоре он вернулся с толстым ясеневым суком и подсунул его под край лежащей плиты. — Подкати-ка вон тот камень, — распорядился он, и они вдвоем налегли на рычаг.

Плита поддавалась медленно, однако, давя на рычаг и подвигая опору, они смогли приподнять ее настолько, чтобы ухватиться руками. После этого пошло чуть лучше. Раздевшись до пояса, отец и сын налегли на ручаг, кряхтя от натуги, и мало-помалу камень вставал все выше, пока наконец со стоном Эльфин последним могучим рывком не поставил его стоймя.

Они улыбнулись друг другу, отдуваясь, и посмотрели на камень. Замшелый, темный от долгого сна в земле, пахнущий сыростью, он стоял чуть наклонно, так что слабый свет падал на его исчерченную письменами поверхность. Талиесин подошел и положил руки на выбитые в камне знаки: затейливо переплетенные спирали и завитки в обрамлении двух змей, образующих подобие огромного яйца.

— Он очень старый? — спросил Талиесин.

— Очень, — кивнул Эльфин. Он взглянул на яму, оставшуюся от камня. — Теперь я вижу, отчего он упал.

Талиесин взглянул туда же и увидел, что плита лишь немного отстоит от длинного, желтого человеческого остова. Под тяжестью камня череп и грудная клетка расплющились, но остальные кости были целы. Приметив блеск, мальчик стал на колени и осторожно разгреб мягкую грязь. Под ней оказалась цепь из тоненьких звеньев, украшавшая некогда шею покойника. На цепи висел кусочек желтого янтаря с застывшей в нем мухой.

— Что ты нашел, сынок? — спросил Эльфин, опускаясь рядом на колени.

— Подвеску. И глянь! — Он указал на белую плечевую кость. — Еще и браслет!

Браслет был золотой, с сердоликом и тем же спиральным рисунком, что и на камне. На сердолике была вырезана фигурка, которую не удавалось рассмотреть, пока Эльфин не снял браслет с кости прежнего владельца. Он стер землю с процарапанного рисунка и показал камень Талиесину.

— Лесной владыка! — воскликнул тот и, взяв украшение в руку, провел пальцами по контурам увенчанной рогами головы.

Между ногами скелета валялись черепки от разбитого сосуда. Под одной лопаткой обнаружился длинный кремневый наконечник от копья, под черепом — бронзовый кинжал. Лезвие позеленело и рассыпалось, но гагатовая рукоять сохранилась, хотя вся пошла мелкими трещинками.

Талиесин нагнулся и взял кинжал, потом медленно взглянул на камень, но тот преобразился: углы заострились, узор смотрелся четко, словно был выбит только что. Ложбинка вокруг поляны тоже была четче и глубже. По внутреннему краю ровика стоял частокол, и на каждом четвертом колу догнивала голова жертвы — человека или зверя. Большинство голов высохли, почернели, кое-где просвечивали белые черепа. В воздухе пахло смертью.

Он повернулся к тому месту, где поляна соединялась с лесом, и увидел каменные колонны по обе стороны тропы. В каждой колонне было по углублению с человеческим черепом. На обоих черепах кто-то нарисовал по синему завитку.

Пока Талиесин смотрел, между колоннами показался человек в оленьей шубе до колен. На нем были оленьи сапоги, ноги обмотаны кроличьими шкурками. Лицо его, вымазанное синим, походило на маску, волосы были коротко подстрижены, только сзади оставлена длинная коса, подвязанная на затылке наподобие конского хвоста. Голову его венчала шапочка из сыромятной кожи, украшенная оленьими рогами. В одной руке он нес испачканный синим глиняный горшок, в другой — барабан.

Мальчик зачарованно смотрел, как шаман подошел к стоящему камню, поднял замусоленную палку и окунул ее в горшок с вайдой. Этой самодельной кистью он принялся раскрашивать знаки, вырезанные на плите. Когда он закончил, другой шаман, в такой же одежде и с таким же синим лицом, вступил в круг. Он держал копье с каменным наконечником. За ним следовали двое в грубых шкурах и третий, связанный по рукам плетеным кожаным ремнем. Связанный был совершенно гол, лицо его скрывала привязанная к шее кожаная маска, расписанная переплетением спиралей вроде того, что украшало камень.

Связанного подвели к камню, где уже ждал шаман с краской. Пленник безучастно стоял, покуда тот рисовал ему на груди синие завитки. Потом его прислонили спиной к камню, между запястьями пропустили витой кожаный шнур, и бросили его на плиту. Один из сопровождавших дернул за шнур, так что руки пленника вскинулись над головой.

Тот, что был в шапке с рогами, схватил барабан и заколотил по нему резной костью — сперва медленно и ритмично, потом все быстрее и быстрее. Он запел диким голосом, а пленник забился. Барабанный бой становился все чаще, пение — все страшнее. Подошел шаман и внезапно, словно его ущипнули, подпрыгнул, развернулся, вскинул копье над головой и вонзил его в бок жертвы.

Кровь хлынула из раны, несчастный рванулся в сторону, но копье вновь настигло его. На этот раз оно вошло глубже и осталось в теле. Пленник дергался от боли. Когда он перестал биться, веревку отпустили. Руки его обвисли, он осел на камень, а кровь продолжала бежать на землю.

— Нет! — в ужасе вскричал Талиесин.

Умирающий с трудом шагнул вперед. Ноги его подогнулись, он рухнул на колени и еще с минуту слабо подрагивал — все под неотрывным взглядом рогатого шамана.

Он еще раз попытался встать, потом затих. Кровь, хлеставшая из жуткой раны в боку, уже начала густеть. Едва он замер, второй рогатый шаман прыгнул на тело и сорвал с него кожаную маску. Бронзовым кинжалом он отсек убитому голову и поставил на камень, откуда она таращилась в небо огромными незрячими глазами.

Рогатые зашептались. Двое других подняли тело и уложили его перед камнем. Первый шаман забрал барабан, горшок с краской и вышел из круга.

— Талиесин! — Мальчик услышал свое имя, почувствовал, как его трясут за плечо. — Талиесин!

Он обернулся и взглянул на отца. Встревоженное лицо Эльфина постепенно обретало четкость, а рогатые шаманы, их бездыханная жертва и, наконец, частокол поблекли, медленно растворяясь в воздухе.

— В чем дело, сынок? Ты стал серым, как смерть. — Эльфин крепко сжал его плечо.

Талиесин схватился за голову.

— Опусти на место, — прошептал он, потом закричал, глядя на отца огромными от ужаса глазами: — Опусти на место! Опусти камень на место!

— Хорошо, — медленно сказал Эльфин. — Мы положим его обратно. — Он выпрямился, глянул на пожелтевшие кости в открытой могиле. — Не все, что найдено, следовало найти, кое-чему лучше оставаться в забвении.

Они принялись укладывать камень, что было лишь немногим легче, чем его поднять. Все это время Талиесин ощущал давящую атмосферу поляны как враждебную силу, которая им мешает. Однако камень медленно поддавался и наконец с шумом рухнул на место своего упокоения.

Только когда плита снова легла на землю, Талиесин вздохнул свободнее.

— Дело было не в камне, — объяснил Талиесин. — Рогатый хотел, чтобы ему снова стали приносить жертвы. — Его передернуло. Он с опаской взглянул на отца. — Это было бы дурно.

Эльфин кивнул и в последний раз огляделся.

— Вот и я чую — нехорошее это место. Довольно мы тут побыли. Идем отсюда.

Они пошли назад через лес и спустя некоторое время наткнулись на ручей. День уже клонился к вечеру. Лошади сонно пощипывали травку, собаки, свернувшись, дремали у их ног, положив головы на лапы. Когда Эльфин и Талиесин, плескаясь, двинулись через ручей, гончие проснулись и вскочили с лаем.

— Придется поторопиться, чтобы засветло попасть в каер, — заметил Эльфин, усаживаясь в седло. — Видно, мы пробыли на поляне дольше, чем нам показалось. Готов?

— Готов, — отвечал Талиесин, перебарывая желание в последний раз обернуться на лес.

Они хлестнули поводьями и галопом понеслись прочь.

ГЛАВА четырнадцатая

Первая дрожь пробежала по земле Келлиоса перед самым рассветом. Харита проснулась среди ночи из-за того, что едкий сухой воздух сгустился в сплошной давящий покров. Чувствуя, что ей нечем дышать, она встала, вышла на балкон и стояла, глядя на слабо мерцающий город. Океан неустанно перекатывался по своему ложу, звезды красновато горели в сером ночном небе — и Харита поняла, что час наступил.

Она приняла это с хладнокровием, воспитанным годами выступлений на арене, и в последний раз взглянула на спящий город.

Со стороны далекой горы донеслось глухое рокотание летней грозы. "Началось, — подумала Харита. — Спи, Атлантида, пришел день твоей смерти. Прощай!".

Рокот перешел в еле заметную дрожь. В городе завыли и заскулили собаки. Они знали. Скоро узнают все.

Она надела то, что давно приготовила на этот день: простую, прочную льняную рубаху, широкий кожаный пояс и сандалии, в которых выступала на арене. Привычным движением заплела косу, подвязала белым кожаным шнурком, надела на шею любимую золотую цепь и торопливо вышла из комнаты ударить в набат — колокол, который приказала повесить посреди портика, чтобы слышал весь дворец. Последние раскаты еще замирали в воздухе, а Харита уже бежала к Аннуби.

Она вошла без стука. Аннуби сидел за столом, перед ним лежал Лиа Фаил в шкатулке из дерева гофер. Глаза прорицателя были красными от усталости.

— Началось, — сказала Харита.

Он кивнул, закрыл глаза и шепотом выговорил:

— Да.

— Так собирай вещи, идем в порт. Будем ждать Белина.

— Белин не успеет, — сказал Аннуби. — Я остаюсь здесь.

— Нет, ты мне нужен. — Тон ее не допускал возражений.

Аннуби пожал плечами, встал, в последний раз оглядел комнату и шагнул к двери.

Дрожание прекратилось, но воздух все так же давил, и в нем ощущался резкий металлический запах. Собачий вой зловещей музыкой заполнял дворец.

В главном переходе они встретили Лиле, перепуганную и взволнованную. Она держала на руках спящую Моргану и, увидев Хариту, бросилась к ней с вопросом:

— Пора?

— Да, — отвечала Харита. — Где мой отец?

— В постели, спит.

— Разбуди его и приступай к своим обязанностям.

Лиле колебалась.

— Дай мне ребенка. — С этими словами Харита забрала Моргану из ее рук. — А теперь поторапливайся.

Лиле побежала по переходу.

— Возьми Моргану, — распорядилась Харита, протягивая ребенка Аннуби.

Тот брезгливо скривился, но девочку взял. Она тут же проснулась и подняла крик.

— Жди у фургонов, — приказала Харита. и Аннуби, спотыкаясь, побрел в дрожащую ночь.

Харита проверила, как выполняется каждое ее распоряжение, уверенно и деловито переходя от одного дела к другому. Последние несколько недель вымотали ее и душевно, и физически. За это время она собрала гору припасов и инструментов, все упаковала, по возможности защищая от морской воды, заставила дворцовых служащих, как те ни возмущались, отработать составленный вместе с Лиле план эвакуации, обратила все дворцовые сокровища в наличные золото и серебро, скупила множество рыбачьих лодок, чтобы доставить людей и припасы на корабли, проследила за погрузкой в фургоны предметов первой необходимости — труд титанический, потребовавший сил, терпения и воли, которых она за собой прежде не знала. Теперь, в последние страшные минуты, она сохраняла спокойствие. Пусть мир вокруг рушится, смерть не застанет ее мечущейся в постыдной панике. Она разбудила тех, кто не проснулся сам, и велела им приступать к намеченным прежде делам.

— Не задумывайтесь, — говорила она самым робким. — Делайте, что сказано, и побыстрее.

В итоге, когда несколько часов спустя дворец содрогнулся от первых толчков и черепица градом посыпалась в темные дворы, фургоны уже стояли по четыре в ряд, десять в каждой колонне, возницы и седоки ждали.

Кони вскидывались, выкатывая испуганные глаза в свете мятущихся факелов. Конюхи удерживали их, торопясь надеть шоры.

Харита стояла на лестнице, уперев руки в бока.

— Где Лиле? Неужели мне самой за ней идти?

— Царевна! — послышался голос. — Надо выводить лошадей. Если рухнут ворота...

— Знаю, знаю! Мы ждем царя. Ступай на свое место.

Говоривший исчез. Харита бросилась во дворец искать Лиле и Аваллаха. Второй раз тряхнуло, когда она бежала по длинной галерее в царскую опочивальню. Мраморные плиты под ногами задрожали, до ушей донесся далекий скрежет, как будто кто-то молол зерно между двумя огромными жерновами.

Она влетела в отцовскую комнату и увидела Аваллаха, одетого, в большом кресле. Лиле на коленях молила его встать и идти с ней. Он обернулся на звук шагов.

Не обращая внимания на Лиле, Харита произнесла:

— Пора, отец. Все ждут, чтобы ты их возглавил.

Царь мотнул головой.

— Я остаюсь. Мое место здесь.

— Твое место с твоим народом.

— Возьми Лиле и остальных. Брось меня.

— Мы без тебя не тронемся, — твердо сказала она.

— Тронетесь или погибнете.

— Значит, погибнем! — выкрикнула она. — Но тебя не оставим!

Аваллах медленно встал. Лиле подала ему костыль и под руку повела к повозке, в которой уже ждали Аннуби и Моргана. Лиле и Аваллах сели, Харита приказала трогать. Едва царская повозка выкатилась в ворота, остальные пришли в движение. Одна за другой они проезжали в ворота, земля беспокойно подрагивала под колесами.

Харита выждала, пока последний фургон миновал ворота, вскочила на коня и секунду помедлила, глядя на дворец своих предков, с которым расставалась навеки. Фургоны быстро достигли Келлиоса, но улицы оказались забиты людьми, выбежавшими из домов и в ужасе метавшимися по городу. Толчок следовал за толчком. Крики и вой оглушали. Харита выехала вперед, прокладывая дорогу фургонам. Так, продираясь через толпу, они добрались до порта и остановились на каменном причале. Теперь оставалось ждать корабли и надеяться, что они придут.

Небо озарилось зловещим желтоватым светом. Со стороны храма доносилось жалобное мычание. В неподвижном воздухе пыль висела над го-

родом, как туман. Аннуби расхаживал вдоль фургонов. Наконец он остановился возле Хариты.

— Вроде стихает, — сказал он. — Толчки стали реже и слабее.

Харита взглянула на его лицо, бледное в лучах рассвета.

— Значит, время еще есть.

Взошло солнце, и землетрясение прекратилось. Перепуганный народ успокоился и вернулся к своим делам. Ожидавшие на причале — почти пятьсот человек, все население дворца: каменщики, маляры, плотники, садовники и пастухи, управляющие, слуги, распорядители, все со своими семьями (их Харита пообещала взять с собой) — начали сердиться, поглядывая на землю, которая явно не собиралась уходить у них из-под ног.

Харита хранила прежнюю решимость. С началом дня она заставила всех перетаскивать поклажу из фургонов в лодки. Солнце поднялось в раскаленное добела небо и принялось жарить и без того иссохшую землю. Когда же пылающий диск склонился к закату, последние тюки закрепили в лодках, а флота все не было.

Горожане открыто смеялись над их сборами, показывая пальцами и отпуская шуточки. В гавани, как всегда, сновали лодки, Келлиос жил обычной жизнью, будто ничего не произошло.

Когда на причал легли длинные тени, Лиле подошла к Харите и сказала:

— Люди устали. Может быть, стоит вернуться?

— Нет, — отвечала Харита. — Я тоже устала, но возвращаться нельзя.

— Можно оставить лодки, а если...

Харита обернулась к ней.

— Возвращайся во дворец, Лиле, и найдешь там свою могилу! Там только смерть!

Лиле вернулась, чтобы приглядывать за остальными. Долгий вечер не принес никаких событий. Ужинали простой пищей, слушая, как ритмично ударяют в основание пристани волны. Наступили сумерки, но по-прежнему не чувствовалось ни ветерка. Быстро темнело.

Они сидели в тягостной духоте, когда небо внезапно вспыхнуло огнем. Горящие звезды сыпались на восток, неестественную тишину разорвал вой, с которым они низвергались в неустанно бьющийся океан.

Огненный звездопад продолжался. В небо уходили столбы пара. Горожане высыпали на пристань и смотрели в небо. Никто больше не смеялся.

Со стороны горы донесся зловещий рокот. Обернувшись в ужасе, люди увидели, как горящие звезды проносятся сквозь пыльное марево и смерто-

носным дождем накрывают землю. Гонимые огненным дождем, жители Келлиоса в беспорядке бросились на причалы и принялись драться за места в рыбачьих лодчонках. Одна за другой лодки отчаливали и, качаясь на мелкой зыби, устремлялись в ночное море.

— Корабли не пришли! — крикнул кто-то от фургонов. — Надо спасаться!

— Молчать! — рявкнула Харита. — Ждем.

— Мы все погибнем! — взвыл кто-то еще.

— Так умрем людьми, а не ополоумевшими животными!

Они ждали. От воды поднимались испарения со странным маслянистым запахом. Келлиос содрогался от страшных толчков, дома ходили ходуном, рушились колонны. Многие, боясь, что пристань не устоит, с криками бежали назад в город, топча тех, кто не успел отскочить с дороги.

Одной силой воли Харита сохраняла порядок среди своих людей, расхаживая между ними, призывая их мужаться, как когда-то призывала своих танцоров. Аннуби нашел ее на пристани, где она твердыми словами рассеивала сгущающийся вокруг страх.

— Если корабли не придут... — Он замолк.

— Да?

— Мы могли бы выйти им навстречу на лодках.

— Нет, — твердо отвечала Харита. — Мы будем ждать здесь.

Она снова заходила по пристани.

Аннуби пошел рядом.

— У нас еще есть время, Харита. Лодки готовы.

— Белин придет, — упрямо произнесла она.

— Не сомневаюсь. Однако он может не успеть. — Аннуби поднял руку в недвижный воздух. — Ветра нет. Сегодня им до нас не добраться.

Харита взглянула на темную массу качающихся лодок.

— Возможно, ты прав, — сдалась она наконец. — Если мы проделали путь досюда, можем пройти еще немного.

Она повернулась и принялась отдавать приказы. Лодки, числом девяносто, были связаны по три: средняя для людей, две по сторонам — для груза. Под руководством заранее выбранных надзирателей народ принялся рассаживаться. Одна за другой лодки с пассажирами отваливали от пристани.

Выйдя в залив, они обернулись. Серое небо на западе внезапно просветлело, залилось желтым, потом кроваво-красным заревом.

На землю легла тишина. Море успокоилось.

Все затаили дыхание, сжимая побелевшими пальцами лодочные борта.

Звуковая волна настигла их раньше, чем сам звук — оглушительный, рвущий перепонки рев вспученной бездны. Восток снова вспыхнул зарницами, горы заходили ходуном. Келлиос закачался. Харита взглянула на дворец: над рушащимися стенами вставали языки пламени. А страшный рев не смолкал.

Ополоумев от страха, люди бросались в море, и многие в панике тонули. Матери бежали в воду, держа младенцев над головой. Перепуганные лошади, сорвавшись с узды, носились по дыбящемуся берегу.

Земля утратила свою твердость. Холмы сползали в долины, сталкивались и сливались в один. Деревья дрожали мелкой дрожью, корни их стонали и трещали, почва под ними текла, как вода. Дома раскачивались и падали на струящиеся улицы, вздымая пламя и пыль. Вопли людей казались криками перепуганных птиц. Море пузырилось и колыхалось на своем ложе.

Небо содрогнулось и изрыгнуло пламя. Горящие куски серы, шипя, проносились в воздухе, распространяя омерзительный смрад, они чертили борозды на холмах, сыпались на дрожащие развалины, а навстречу им вставали клубы серого дыма и белые языки пламени. Камень горел; некогда яркие орихальковые крыши плавились и бежали ручейками. Из храма валили клубы черного дыма, пахло паленым мясом и жиром.

Вскоре пламя охватило всю окрестность. Оно бушевало на склонах холмов, дым вставал столбами, образуя большое плоское облако, которое, словно рука, тянулось к только что вставшей луне.

Лодки плясали на расходившихся волнах. Каменная пристань рухнула в воду, увлекая за собой тысячи кричащих людей. Харита смотрела, не чувствуя ни страха, ни жалости — ничего.

Разрушение продолжалось всю ночь, а лодки носило по гавани. Над заливом призрачно сияла бледная луна, но уцелевшие тщетно вглядывались в горизонт — кораблей не было. Харита смотрела на лица окружающих и видела, как тает последний лучик надежды. "Они придут, — твердила она про себя, понимая, что лодки уносит все дальше в открытое море и шансы на спасение убывают. — Они нас отыщут".

Около полуночи Харита заставила себя проглотить кусочек хлеба и глоток воды. Потом заснула и проснулась на рассвете. Обреченная земля по-прежнему корчилась в предсмертных судорогах. Белина с захваченными кораблями все не было.

Атлантида вздымалась и опадала; горы вздрагивали, как складки на покрывале, вода била в дрожащий камень, Келлиос горел, а на юге уходил

ввысь дым от других городов. В воздухе висела копоть, и казалось, что уже сумерки. А звезды продолжали сыпаться, ударяя в землю и вспенивая море. Медленно, безжалостно, безостановочно.

Около полудня, хотя небо было черно, как ночью, непроглядные тучи над землей вспыхнули оранжево-алым. Воздух задрожал, стремительный вихрь пронесся над волнами, через мгновение его нагнал звук взрыва, настолько могучий, что море пошло высокими узкими волнами, и сотрясение достигло их сперва как долгий пронзительный вой — это ударная волна вырывала из земли деревья и камни, — а затем как оглушительный, отупляющий рев.

Гора Атлант взлетела на воздух — напор расплавленной магмы расколол ее от увенчанной снегом вершины до гранитных недр и выбросил обломки в истерзанный воздух. Они еще не начали падать, как второй взрыв выбросил из середины горы огонь, дым, пепел и расплавленную лаву. В мгновение ока Атлант превратился в трепещущую колонну подсвеченного огнем дыма.

Оглушенные взрывом люди в лодках беспомощно цеплялись друг за друга. Одни в испуге кричали, другие онемели от ужаса, когда на их глазах целые горные хребты оседали и проваливались в землю.

Море уже не просто бушевало — оно кипело под градом раскаленных обломков. В соседнюю с Харитой лодку упал кусок расплавленной лавы, и она сразу пошла ко дну, увлекая еще две, с которыми была связана. Вода перехлестывала через борта, заливая перепуганных людей.

Уголком глаза Харита заметила какое-то движение и повернулась к берегу. Она успела заметить, как на них с немыслимой скоростью катит вызванная взрывом приливная волна.

Люди в оцепенении смотрели, как надвигается стена воды, никто не успел даже вскрикнуть или отвернуться. Лодка закачалась. Харита ухватилась за толстый трос, и в этом миг волна ударила в борт, лодка взлетела высоко в воздух и опрокинулась.

Небо и море поменялись местами. В мокрой, захлебывающейся тьме Хариту оторвало от троса и ударило о борт. Ее бы выбросило из лодки, если бы хлещущая сверху вода не прижала ее ко дну.

Все случилось в одну секунду. Лодки закачались, выровнялись, и волна покатила дальше. Те, кто уцелел, судорожно глотали воздух. Харита заставила себя выпрямиться, закашлялась, выплевывая горько-соленую воду, протерла глаза от едкой влаги. Остальные лодки качались на зыби, многие тяжело просели, полные воды. Их было явно меньше, чем минуту назад.

В серо-зеленом небе дым мешался с облаками, подсвеченными злыми алыми сполохами. То, что осталось от Атланта, билось и сотрясалось, некогда прекрасное тело горы сводила чудовищная судорога. Люди ошалело таращились застывшими от ужаса глазами.

Лодки дрейфовали. Время зависло между ночью и днем, вулканический пар и дым плотно заволокли небо, грозные звуки окончательного разрушения по-прежнему гремели над водой. Океан постепенно успокаивался. Теперь вода тихо плескалась о лодочные борта, да порой ударялся о доску кусок пемзы.

Харита, вертя головой, пристально вглядывалась в горизонт. Однако шли томительные часы, и даже ее неистребимый дух ослабел; она все реже устремляла глаза вдаль. День сменила длинная, мучительная, рваная ночь, и блаженный сон лишь на краткие мгновения спасал от чудовищной яви. Уцелевшие — менее трех сотен, — сгрудившись в дрейфующих лодчонках, смотрели на тяжкие муки истерзанной земли.

Вот и заря, но они не увидели солнца: лишь слегка просветлело свинцовое небо, и наступил новый нескончаемый день. Лодки качались, люди ждали. Харита подумала, что не лучше ли было всем остаться во дворце и погибнуть под рухнувшими стенами.

Парус на горизонте первым заметил Аннуби из соседней лодки.

— Харита, — мягко позвал он.

Она сидела, уронив голову на руки. Услышав Аннуби, она подняла на него взгляд.

— Харита, взгляни на север и скажи мне, что ты видишь.

Она долго всматривалась, потом вскочила:

— Парус? Корабль? Аннуби, это Белин?

До боли в глазах они вглядывались в крошечный квадратик на горизонте, темный в сумеречном свете. Корабля еще было не разглядеть. Парус медленно приближался. Вскоре его заметили и остальные, в лодках поднялся гомон, многие махали платками и рубахами, чтобы привлечь внимание.

— Он только один, — крикнула Харита Аннуби, когда корабль удалось наконец разглядеть. — Я вижу только один! Где остальные? Их должно быть больше.

— Только один, — подтвердил Аннуби. — И не очень большой.

— Он направляется к нам! — крикнул кто-то с другой лодки.

Корабль сменил курс и шел теперь прямо на флотилию осевших в воде лодок. Люди смотрели, как он несется на них, и радость постепенно сменялась тревогой. С черного корабля не подавали никаких знаков, и сам он, не замедляя хода, продолжал лететь полным ходом.

— Они нас не видят! — крикнул кто-то.

Корабль несся вперед, его острый водорез рассекал серую пену. Теперь кричали все. Корабль был так близко, что можно было различить людей на палубе. Они смотрели на лодки. Крики становились все громче, все отчаяннее.

"Что-то не так", — подумала Харита и в следующий миг поняла, кто это: Сейтенин!

Корабль настиг первую лодку в тот момент, когда гребцы пытались увести ее с пути судна. Водорез с грохотом ударил в середину борта. Лодка подпрыгнула и раскололась, люди и груз полетели в воду. Вторая лодка сумела увернуться; в третьей кто-то из гребцов успел упереться веслом в надвигающийся корпус и оттолкнуться, хотя сам он не устоял и полетел в воду.

Еще одна лодка, полузатопленная и почти неуправляемая, закачалась в кильватере стремительно несущегося корабля, черпнула бортом воду и быстро пошла ко дну под вопли тонущих пассажиров.

Смертоносный корабль пронесся мимо лодки, в которой кипела от безмолвной ярости Харита. Над поручнем промелькнуло лицо Сейтенина. Харита узнала его и плюнула. Гримаса безумной ненависти исказила лицо царя.

— Не выйдет, Сейтенин! — прогремел голос Аваллаха. Харита обернулась и увидела, что ее отец стоит в лодке: мокрый, всклокоченный, но все равно царственный. Ярость заставила его выкрикнуть эту бессмысленную угрозу.

Руль повернулся, парус провис — корабль разворачивался на новый заход.

На палубу высыпали люди, поручень ощетинился копьями.

— Они возвращаются! Они нас всех перебьют! — закричала женщина в одной из лодок.

Корабль надвигался под бессильно хлопающим парусом, однако что-то в его движении изменилось. Не закончив поворота, он снова взял прежний курс. Парус наполнился ветром. У поручня вновь возник Сейтенин. Он крикнул:

— Жаль, что я не убил тебя, Аваллах! Теперь океан довершит то, что я не успел!

Харита повернулась и увидела то, что заметил кормчий Сейтенина и что заставило его поспешно обратиться в бегство: к ним летели три быстрые триремы.

— Белин и Киан! Мы спасены!

Никто ее не слышал. Все тоже увидели корабли и кричали до хрипоты.

Харита огляделась. Из девяноста лодок, покинувших Келлиос, она не насчитала и пятидесяти: кого-то унесло за ночь, кого-то потопили горящие обломки или приливная волна, три уничтожил Сейтенин — хотя те, кто был в протараненных кораблем лодках, по большей части остались живы и теперь цеплялись за плавающие в воде доски.

Корабли, приближаясь, убирали паруса. В лодках гребцы схватились за весла. Вскоре первые из спасенных уже взбирались на судна по сброшенным с борта сеткам. Харита проследила, чтобы с лодок сняли всех людей и припасы, и лишь после этого разрешила поднять на палубу себя.

Перед ней стоял Белин, измотанный и печальный.

— Я знала, что вы нас отыщете, — сказала Харита уже в его объятиях.

— Прости, — шепнул он, и на ее шею капнула теплая слеза. — Мы не могли быстрее...

Она отстранила его.

— Элейна?..

— Думаю, жива. Есть еще один корабль, — объяснил Белин, обреченно ссутулив плечи. — Там Киан — теперь все в его руках.

Были и другие спасенные — несколько лодок Белин заметил по пути, всех людей забрали на борт. Корабли оказались заполнены почти до предела. Убедившись, что Аваллах, Аннуби, Моргана и Лиле живы, а груз, на который она потратила столько усилий, надежно уложен, Харита без сил рухнула в уголке.

Белин отдал приказ кормчему своего корабля и двух других, одним из которых командовал Майлдун. Вновь подняли паруса. Полотнища затрепетали и надулись, и корабли понеслись вперед, вперед, в открытое море.

Они не успели отойти далеко, когда над волнами прокатится вой, далекий и грозный. Те, кто был у борта, подняли головы и увидели, что над Атлантидой нависли тучи. По темной громаде берега разбегалась паутина зияющих трещин, заполненных желтой лавой.

Дым клочьями расползался над водой, и казалось, что Атлантида плывет в черных штормовых тучах. В горячем воздухе пахло серой и копотью. Пепел сыпался грязными хлопьями, и все, чего бы он ни коснулся, мгновенно чернело. Была середина дня, но всюду царил сумеречный полумрак. Спасенные сбились в кучи на борту, их изможденные лица озаряли вспышки зарниц.

Вой перешел в оглушительное шипение, которое шло от крушащейся земли и заполняло весь мир. Харита закрыла глаза и различила в нем шум

влекомых в бессмертие душ. Кто-то коснулся ее плеча, и она подняла лицо. Над ней стоял Аннуби, в его зрачках плясали красные отблески.

— Идем, посмотришь, — сказал он.

Она прошла за ним на корму, и они протиснулись к борту. Атлантида полностью ушла под воду, лишь кое-где торчали горные пики, да вспышки выхватывали из тьмы бесформенную громаду Атланта.

Шипение нарастало, к нему присоединился еще один звук, как будто раздирали от края до края огромный кусок материи — самая ткань мира рвалась из конца в конец. Треск становился громче, заполняя вселенную, захлестывая корабли и жмущихся в страхе зрителей.

И вот, пока они смотрели, темная громада горы Атлант осела под собственной тяжестью, всколыхнулась и взорвалась в последнем пароксизме яростного разрушения. Чудовищная сила выбросила газы и пыль. Черная клубящаяся колонна встала до облаков. Через мгновение ударная волна устремилась к кораблям, срывая белые барашки.

Она обрушилась невидимым кулаком. Люди попадали на палубу, задребезжала обшивка. Порыв ветра ударил в обвисшие паруса, так что согнулись и заскрипели мачты. Триремы неслись, не слушаясь руля, палубы вставали почти вертикально. Харита лежала плашмя, вцепившись руками в грубые доски и крепко зажмурив глаза от едких соленых брызг.

Ветер унесся прочь. Дымящиеся каменные глыбы со свистом сыпались из набрякших небес, они шипели, касаясь воды, и шли на дно в ореоле пара. Раскаленные камни падали на корабли, подпрыгивали, шипя и разбрасывая осколки, прожигали доски, воспламеняли палубу. Смертоносный ливень продолжался.

Мимо Хариты с криком пробежала женщина с ребенком на руках — по подолу ее платья бежала огненная кайма. Царевна бросила ее на палубу, ладонями загасила пламя и накинула сверху кусок парусины — защиту от страшного града.

Юркнув вместе с ними под прочный холст, Харита не сразу поняла, что женщина и ребенок — Лиле и Моргана. Лица их были в саже, волосы — серые от пепла. Лиле смотрела на нее, не узнавая. "Наверное, у меня такой же жуткий вид, — подумала Харита, — если она не понимает, кто я".

— Лиле, — сказала она, протягивая руку. — Это Харита, Лиле. Мы уцелели, и мы останемся жить. Слышишь? Мы будем жить.

Моргана тихонько всхлипывала, но Лиле не отвечала. Она отвернулась и смотрела на чудовищный град.

Исполинская волна, поднятая последним взрывом, взметнула корабли на немыслимую высоту и бросила в пропасть. Она прошла под днищами и

покатилась через океан, увеличиваясь и набирая скорость. При мысли о том, что натворит она на том берегу, Хариту передернуло.

Когда кончился огненный ливень, Харита и Лиле сбросили парусину. Над водой висела сплошная завеса пыли и дыма. Не видно было даже соседних судов.

Всю эту нескончаемую ночь триремы качались на мертвой зыби. Те, кому повезло остаться в живых, уснули, где стояли. Они проснулись сумеречным утром. Паруса бесполезно висели. Пепел по-прежнему сыпал, как снег, покрывая воду толстой коркой грязи. В душном воздухе пахло серой.

Штиль продолжался три дня. На четвертый бледное серое солнце пробило грязно-бурую мешковину туч. К полудню порывистый ветер с юга унес последние следы дыма, и взорам людей предстал океан. На месте Атлантиды колыхался все тот же водный простор и качалась на волнах грязь. Ни камешка, ни песчинки — ничего. Атлантида ушла под воду, и лишь тонкая струйка пара, поднимающаяся узкой полосой пузырей, указывала на то, что здесь когда-то был материк.

Атлантиды не стало.

МЕРЛИН

ГЛАВА первая

Что написать о горьких годах, скорбных годах, годах отчаяния, мора, смерти? О чем рассказать — как мы боролись, как голодали, теряя силы, сколько страданий приняли?

Все это мы вытерпели. Более того: мы выжили. Чужой и холодный край покорился, стал нашим домом.

Четыре ужасных месяца носились мы по волнам, на пятый увидели каменистое западное побережье земли, что зовется Инис Придеин, — туманного острова, где горы окутаны мглой, а мягкие зеленые холмы уходят на север и восток.

На том клочке суши, где мы сошли с кораблей, почти не было человеческого жилья, и редкие обитатели, несмотря на всю свою подозрительность, приняли нас с почтением. Тщедушные, низкорослые, темноглазые и темноволосые, похожие на лесных зверей, эти люди называли себя керниуи и жили в лачугах из дерева и глины. Говорить с ними было невозможно. Их язык — не речь, а бессмысленная череда гортанных и шипящих звуков. Однако мы кое-как объясняли свои нужды, а они, принимая нас за богов, охотно все исполняли.

Мы прожили с ними полгода, ожидая четвертый корабль, но он, увы, так и не появился. Киан, Элейна и все, кто был с ними, погибли. Мы погоревали и ушли в глубь острова, за невысокий горный кряж (керниуи почитают его священным), в страну густых лесов, озер и зеленых полян, которую Белин, исследовав, счел пригодной для жизни. Во-первых, она была редко населена — туземцы, завидев нас, бежали, бросая в страхе скот и жилища.

Мы назвали новую страну Саррас, в память о покинутой родине, однако наши новые соседи вскоре переделали ее в Ллин Ллионис — так выговаривали они слово "Атлантида". И здесь, в Ллин Ллионисе, мы начали строить новую жизнь на грубой и негостеприимной земле.

Сразу за северной границей того края, который исследовал Белин, высится большой холм, окруженный болотами, а у подножия его расстилается очень большое, но мелководное озеро. Аваллах объявил, что на этом

холме выстроит свой замок. Белин с остатками своих людей обосновался на юге, в Ллин Ллионисе, на узком выступающем в море полуострове. Майлдун поселился с ним. Думаю, Белин хотел жить ближе к воде на случай, если пропавший корабль все же достигнет берега.

Холм Аваллаха, или Тор, как называют его местные жители, возвышается над причудливой местностью: округлые холмы чередуются здесь с широкими долинами, в которых змеятся темные реки и серебристые ручейки и растут старинные дубы, тис, вяз и конский каштан. Под раскидистыми ветвями такого лесного исполина может укрыться целое стадо. Это сумрачный и печальный край безветрия и теней, длинное здесь кажется коротким, а маленькое — большим; дно морское на суше.

На этой древней и таинственной земле, настороженной и пустой, лишь изредка селились люди. Со временем я полюбила ее, полюбила мягкий, сочащийся свет и мглистую дымку. Но, даже любимая, она оставалась для меня таинственной и необычной.

Посреди зеленых лесов высится Тор. С вершины его прежде, чем Авалах возвел высокие блистающие башни, открывались необозримые просторы. Издали холм видно отовсюду, хотя, как ни странно, подходя ближе, его нередко теряешь из виду.

Камня вокруг хватало, как и строевого леса. Озера изобиловали окунем, форелью и щукой, луга — всевозможной дичью. Скот быстро тучнел на привольных пастбищах, колосья золотились под солнцем. В лесистых долинах наливались соком дикие ягоды, зеленели съедобные травы.

Не столь щедрый, как утраченная родина, этот край тем не менее снабжал нас всем необходимым для жизни. А еще через несколько лет мы возвели надежные укрепления. Восхищению соседних племен не было предела. Эти дикари могли дни напролет наблюдать за нашими трудами, обсуждая их между собой. Мы, в свою очередь, наблюдали за ними, узнавали их обычаи, даже кое-как превозмогли их язык.

Впрочем, за достигнутое приходилось платить, и платить дорогой ценой. Холод и постоянная сырость вызывали болезни, которые кровь атлантов побороть не могла. Тяжело вспоминать, сколько ночей простояла я возле больных, бессильно взирая, как неведомая хворь уносит все новые жертвы, как день ото дня нас становится меньше.

Однако год за годом продолжались работы на Аваллаховом холме, мы расчищали озера, пахали целину, разбивали сады. Лиле, счастливая, как никогда, взяла на себя попечение о садах и огородах, и редко царскую супругу можно было сыскать где-либо, кроме как в кружевной тени ее любимых яблонь. Маленькая Моргана вечно бегала с ветками и ле-

пестками в волосах, с черной землей под ногтями, с зелеными от травы ладошками.

Аннуби все больше замыкался в себе. Он заперся в четырех стенах и почти не появлялся во дворце, разве что прошмыгнет живой тенью в темном закоулке между службами. Думнонии звали его Аннон и считали божеством Иного Мира, сумеречного загробного царства, где обитают души их предков. Что ж, они были близки к истине.

Странное дело, Аваллахова рана так до конца и не исцелилась — порой она по нескольку дней не давала ему встать с постели, и тогда он вершил государственные дела из паланкина, который велел для этой цели соорудить. Однако, когда боль отпускала, он мог предаваться любимым занятиям, особенно рыбной ловле, к которой в последнее время пристрастился. Едва ли не каждое утро мы, просыпаясь на рассвете, видели, как Аваллах с острогой в руке, подобно Посейдону, рассекает в лодке золотистый туман.

А я? Я объезжала печальные холмы, навещала укромные уголки — лесные озера и лощины, в которых никто никогда не бывал. Мой скорбный, мятущийся дух требовал дальних прогулок, я целыми днями томилась по времени и земле, которых уже не вернуть. Я привела сюда свой народ, исполнила свое назначение, и жизнь моя утратила цель.

Харита спрыгнула с седла и бросила поводья. Серый пони, не теряя времени, принялся за высокую сочную траву. Поляна укрылась в лесу недалеко от дворца, сразу за холмом напротив Инис Гутрина, Стеклянного острова — так местные жители называли Тор с той поры, как на его вершине вырос царский дворец. Этот же холм, насколько знала Харита, не назывался никак, не было имени и у поляны, хотя в прошлом здесь явно жили люди.

На дальней опушке сохранились остатки невысокого, но крепко сколоченного деревянного строения, может быть, дома, хотя в таком случае он заметно превосходил высотой местные хибарки. Соломенная крыша, местами уже просевшая, круто уходила вверх. Дверь, если когда-то и была, давно сгинула, и дом стоял открытый ветру и зверю.

Харита с любопытством осмотрела поляну и строение: это место, как и многие открытые ей уголки, отличалось каким-то особым, только ему присущим настроением. Она навострилась их отличать и сейчас ощутила как бы особое сгущение невидимых токов. Что-то важное случилось некогда на этой поляне, и воздух до сих пор сохранил воспоминание о давно прошедшем событии.

"Если бы я только могла его прочесть, — подумала Харита, — о чем поведало бы это место?"

Вопрос приходил ей в голову всякий раз, как она навещала поляну, а это случалось часто, поскольку мирное уединение на время успокаивало ее мятущийся дух.

Она медленно вышла из-под сени деревьев, оставив пони пастись. Бревенчатый каркас строения сохранился, хотя глина кое-где просыпалась через дырочки сплетенных из лозы стен. Свет, проникая сквозь провалы в потолке, озарял заросший травою пол. Харита шагнула в дверной проем и, как и раньше, услышала приглушенный шепот — то ли ветерок, то ли отзвук далеких времен.

Когда-то здесь произошло что-то очень важное. А может быть, тут обитало могущественное божество, и дом впитал в себя какую-то часть его силы. Так или иначе, Харита чувствовала, как сильно тянет ее внутрь. Она и прежде ощущала эту тягу, но сегодня — особенно сильно. Сейчас она медлила на пороге, затаив дыхание, воображая, что здесь, на месте нынешнего запустения, был когда-то высочайший и самый святой из храмов.

— Кто ты? — тихо спросила она, почти ожидая ответа. Тихий воздух всколыхнулся от ее голоса. Ветки соседнего ясеня зашуршали, с дерева вспорхнул дятел. Харита вслушалась в шелестение листьев. Ровное жужжание насекомых заполняло поляну дремотным гулом.

Девушка вступила под ветхий кров, на ходу погладив длинной тонкой рукой подгнивший дверной косяк.

— Поговори со мной, — сказала она, — открой мне свои тайны.

Внутри все заросло крапивой, дурманом и папоротником. Сильно пахло сыростью и гнилью. Харита прошла на середину; ей пришлось пригнуться, чтоб пролезть под рухнувшей балкой. Ничего из домашнего обихода не сохранилось — ни плошки, ни черепка. Собственно, не было здесь и очага или печки. "Странно, — подумала Харита. — Кто же здесь жил, если он не нуждался в тепле и пище?".

Окон тоже не было, только щель высоко в дальней стене — слишком высоко для окна, к тому же в такую узкую щель не проникало достаточно света. Да и форма ее странная — длинная вертикальная прорезь, перечеркнутая ближе к верху горизонтальной почти такой же длины.

Свет падал сквозь необычное окно перекрещенными косыми полосами, в которых плясали пылинки и проносились серебристые мошки. Харита задержала на них взгляд, потом повернулась, чтобы идти, но подле упавшей балки снова остановилась. В развалинах было так хорошо и по-

койно, что она опустилась на балку и осталась сидеть, озаренная светом из странного окна.

Солнце пригревало спину, и девушка закрыла глаза. Снаружи мирно пасся ее пони, позвякивая серебряными колокольчиками в гриве, да вздыхал ветерок...

А это что за звук? Вслушавшись, Харита различила неподалеку тихий гул голосов. Пони вскинул голову и заржал, колокольчики встревоженно зазвенели.

Голоса смолкли — говорившие выступили на поляну. Вероятно, они заметили пони. Харита их не видела, но представила, как они оторопело смотрят на лошадку и на разрушенное здание. Снаружи зашуршали шаги — кто-то подходил к двери.

В светлом прямоугольнике возник невысокий юноша. Он обвел глазами внутренность разрушенного здания и наконец заметил Хариту, сперва как часть помещения и лишь потом — как живое существо. От неожиданности он поперхнулся и отступил на шаг. Его спутник на поляне заметил это движение и что-то тревожно спросил.

Юноша не ответил. Он по-прежнему не сводил глаз с Хариты, потом медленно вошел в разрушенное здание и опустился на колени, сведя ладони перед собой.

Теперь пришел черед Хариты дивиться. Снаружи юношу снова окликнули — на этот раз в голосе отчетливо слышался испуг, — но он не ответил: он, не шевелясь, смотрел на нее полными восхищения и страха глазами.

Его товарищ шагнул в дом, задержал взгляд на склонившемся спутнике и поднял глаза на Хариту, которая сидела, сложив руки на коленях, спокойная и величественная, словно царица на троне. Вошедший упал ниц и простер к ней дрожащие руки.

— Мария! — вскричал он, и слезы радости потекли по его щекам. — Аве, Мария!

Такое поведение и раздосадовало, и заворожило Хариту. Ясно было, что ее приветствуют с великим почтением, но на каком-то неведомом наречии — явно не на языке местных думниев. Кто эти люди — просто одетые, коротко подстриженные, кто они? Почему их озаренные солнцем молодые бородатые лица светятся такой радостью?

Харита встала, и ближайший к ней незнакомец с шумом глотнул воздух.

— Кто вы? — спросила она на языке бриттов.

Незнакомцы смотрели на нее широкими от изумления глазами. К удивлению Хариты, один из них ответил:

— Святая Мария, Матерь Христа, Бога нашего! Помилуй нас!

Слова были чудные, но Харита их разобрала — неизвестный говорил на одном из местных диалектов.

— Кто вы? — повторила она.

— Мы... мы ученики Мартина, — смущенно выговорил незнакомец.

— Аве, аве, Мария, Матер Део! — воскликнул второй незнакомец, лицо которого, озаренное светом из дыры в потолке, лучилось восторгом.

— Зачем вы здесь?

— Мы искали это святое место... — Он взглянул на нее, и в глазах его мелькнуло сомнение. Харита поняла его замешательство.

— Вы далеко забрели, — сказала она тихо.

Незнакомец кивнул, но ничего не сказал. Радость сошла с его лица, сменившись неуверенностью.

— Кто эта Святая Мария, о которой ты говорил?

— Матерь Бога Вышнего, Иисуса Христа, Спасителя рода человеческого, Господа небес и земли. — Он опустил руки и развел ладони. — Так ты не Пресвятая Дева?

Харита улыбнулась.

— Ни разу не слышала о такой богине.

Круглое лицо ее собеседника стало пунцовым. Он быстро вскочил.

— Прости нас, госпожа, — сказал он.

Его друг открыл глаза и огляделся. Увидев, что спутник стоит, он тоже вскочил, подбежал к Харите, распростерся ниц, схватил вышитый подол ее платья и прижал к губам.

— Коллен! — воскликнул первый, и они быстро заговорили на непонятном языке. Тот, кого назвали Колленом, изумленно повертел головой, взглянул на Хариту, выпустил ее подол и отпрыгнул назад.

— Извини нас, госпожа, — вновь обратился к ней первый. — Мы думали... Мы не знали...

Харита отмахнулась и спросила:

— Так она ваша богиня, эта Мария?

— Богиня? — Говоривший побледнел, но ответил прямо: — Нет, во имя Иисуса Христа! Мы чтим лишь одного истинного Бога. — Он обвел рукой помещение. — Бога, Которому некогда поклонялись на этом самом месте.

— Здесь поклонялись истинному богу? — усомнилась Харита. В такое и впрямь нелегко было поверить.

Коллен обратился к своему спутнику с вопросом, ответ на который получил на том же непонятном наречии. Они что-то обсудили, и первый вновь заговорил с Харитой.

— Коллен в отличие от меня не знает языка бриттов. Хотя бабка его родилась в Ллогрии, сам он из Галлии, говорит на языке галлов и наших римских братьев. — Он улыбнулся и отвесил вежливый поклон. — Меня зовут Давид. Я из Силура в Диведе, это недалеко отсюда.

— Я зовусь Харитой и живу поблизости во дворце вместе с моим отцом, Аваллахом, царем здешних земель.

Давид взглянул пристальней.

— Аваллахом? Повелителем дивного народа, тем, что построил Стеклянный остров?

— Инис Гутрин, верно, так называют наш дворец.

У Давида округлились глаза. Товарищ с тревогой взглянул на него и что-то спросил. Давид жестом приказал ему замолчать и тряхнул головой, не сводя с Хариты глаз.

— Фея, — прошептал он.

— Что-то не так? — спросила Харита.

— Окрестные жители рассказывают о вас странные вещи. Мы слышали... — он осекся.

— Что-то нехорошее, — догадалась Харита.

Давид кивнул.

— Будто бы мы умеем колдовать, — продолжала она. — Менять обличье, превращаться в волков, оленей, собак, оборачиваться в птиц и улетать, будто мы не нуждаемся в сне и отдыхе, будто ветер приносит нам вести со всех концов нашего королевства, будто мы понимаем любую речь... я прекрасно знаю, что о нас говорят. — Она пожала плечами и подняла бровь. — Но вы, судя по виду, люди ученые. Чему вы поверите?

— Мы поверим, — медленно отвечал Давид, — в истину, которую явит нам Святой Бог.

Харита задумалась на мгновение и спросила:

— Это все тот же истинный Бог?

— Он самый, госпожа, — отвечал Давид. — Мы зовем Его Господом и Царем, Всевышним Отцом, ибо Он — Творец видимых и невидимых, а мы — Его рабы.

— Вот как? Никогда не слышала о таком боге, — вежливо отвечала Харита. — Расскажи мне о нем.

Давид радостно улыбнулся и быстро переговорил с Колленом. Тот, один раз обернувшись на Хариту, вышел и быстро пошел прочь.

— Я послал его приглядеть за лошадьми, — объяснил Давид. — Он будет ждать нас снаружи.

Харита снова опустилась на лежащую балку и жестом показала стран-

нику, чтобы он сел рядом. Давид так и поступил, хотя и не без опаски — сел рядом, но не вплотную, словно боялся обжечься.

— Мне говорили, что в этих разрушенных стенах, где мы сидим, когда-то служили Всевышнему. Мы пришли посмотреть, нельзя ли восстановить церковь, чтобы истина нашего Бога вновь явилась в этих краях.

— Ты часто говоришь об истине, — заметила Харита. — Вашему Богу она настолько важна?

— Да, и не только истина, но и любовь.

— Любовь?

— Да. Прежде всего любовь.

— Странный какой Бог. Он, наверное, редко видит то, что Ему приятно.

— Немудрено, что тебе кажется это странным. Мне тоже так показалось, когда я впервые услышал. Но я долго старался это постичь и со временем поверил. Более того, я узрел истину, и теперь ничто меня не переубедит. — Он открытым взором взглянул на Хариту и спросил: — В какого бога ты веришь и кому приносишь жертвы?

— Ни в какого! — с внезапной горячностью выкрикнула Харита и, сама испугавшись своего жара, добавила спокойнее: — Когда-то я верила в Бела, верховное божество моего народа. Однако он оказался дурной и никчемный бог, допустил, чтоб его люди погибли, и я больше никому не поклоняюсь.

— Хорошо сказано! Я сам таким был — покуда меня не позвал Иисус. — Хариту изумило рвение, с которым говорил молодой священнослужитель. Как не похоже на унылых жрецов Бела! Тот продолжал. — Он такой! Он Сам приходит и зовет к Себе. Он — Пастырь Добрый, Который идет за Своими овцами и не успокаивается, пока не соберет всех в Свой двор.

Они еще немного поговорили, потом Харита встала и сказала:

— Мне пора идти. Если хотите тут остаться, надо испросить разрешения у моего отца.

— Мы все сделаем, что положено, — отвечал Давид.

Харита пошла к двери, потом заколебалась, чувствуя, что слишком резко оборвала разговор.

— Отобедайте с нами сегодня, заодно и спросите.

Давид протестующе вскинул руки.

— Что ты, мы люди смиренные. Дозволь нам остаться здесь и утолить голод тем, что мы принесли с собой.

— Вам нельзя здесь оставаться без царского разрешения, а отец разгневается, узнав, что я не предложила вам его гостеприимство. Если вы откажетесь, он сам за вами придет.

На это странник сдался.

— Нет, нет! Мы служим всякому, равно нищим и царям. Пусть будет, как ты сказала.

— Тогда едем со мной, — сказала Харита. — Прямо сейчас.

Ничего похожего на Аваллахов дворец странники в жизни не видели: снаружи он поражал своей огромностью, внутри был сложен из гладкого отшлифованного камня; стройные колонны поддерживали изящные арки и высокие сводчатые потолки, а мозаичные полы и расписные стены в подробностях изображали сказочную жизнь подводного мира. И повсюду, куда ни глянь, высокие, грациозные существа, мужчины и женщины несказанной красоты.

Коллен взглянул на конюха, который увел их лошадей, и шепнул Давиду:

— Воистину, это эльфы! Не может быть сомнений.

— Нет, брат, они смертные, как и мы.

Коллен закатил глаза.

— Может, и смертные, да не как мы. — Он кивнул на юношу, который вел в поводу их коней. — Глянь, младший конюх одет богаче, чем любой из галльских вождей!

Харита провела их внутрь. Странники, как ни сдерживали свое изумление, таращились во все глаза и бурно обсуждали между собой увиденное. Она пригласила их в большой зал, где под балдахином из алой узорчатой парчи отдыхал на носилках Аваллах.

— Отец, — сказала Харита, подходя ближе. — Я привела гостей.

Царь приподнялся на локте и с любопытством взглянул на новоприбывших. Их глазам предстал благообразный муж, который, несмотря на смертельную бледность, выглядел вполне здоровым. Густые черные кудри лежали по плечам, борода надушенными колечками ниспадала на грудь. На нем были белоснежные штаны и рубаха, широкий пояс из больших серебряных пластин с драгоценным лазуритом, изумрудно-зеленый, шитый золотом плащ.

Когда он заговорил, голос его оказался низким и звучным, как у морского бога:

— Здравствуйте, друзья, кто бы вы ни были.

Оба смиренно поклонились. У Коллена слегка отвисла челюсть.

Давид собрался с мыслями и сказал:

— Приветствуем тебя от имени нашего Бога и Владыки.

— Кто же ваш Владыка? — спросил Аваллах.

— Иисус, нарицаемый Христом.

— Кланяйтесь от меня своему Христу, когда снова будете в Его краях.

— Царство Его велико, господин, — отвечал Давид. — Люди сведущие называют Его Царем царей.

Аваллах кивнул. Чело его нахмурилось.

Харита поспешила вмешаться:

— Отец, этот Иисус — Бог, а эти люди — Его служители.

— Служители! — хохотнул Аваллах. — Здравствуйте, служители. Надеюсь, ваш Бог не запрещает вам есть мясо и пить вино?

— Нет, господин, — отвечал Давид. — Не запрещает.

— Тогда пусть мои слуги отведут вам комнаты, чтобы вы могли помыться с дороги. Встретимся за столом. — Он поднял руку, подошел прислужник.

Странники поклонились и направились вслед за провожатым.

— Где ты их нашла? — спросил Аваллах, когда дверь за ними затворилась.

— Это они меня нашли, — отвечала Харита. — В разрушенном доме, куда я иногда наведываюсь. Они его разыскивали, говорят, что это святилище их Бога. А меня приняли за богиню. — Она рассмеялась.

— Вот и славно. — Аваллах поднял темные брови. — Самое время мне позабавиться.

— Тебе больно? — Харита нагнулась, положила ему на бок ладонь.

Он похлопал ее по руке.

— Ничего, терплю, — сказал он. — Нет, мне лучше. Через день-два буду на ногах. Пусть скажут поварам, что у нас гости. Таких важных послов надо принять с почетом.

Глава вторая

Зима выдалась суровая, весна — дождливая и холодная. Лето не принесло желанного тепла; зерно не уродилось, хотя травы было вдоволь и скот успел нагулять жирок. С приближением осени задули сильные ветры, возвещая приход еще одной тяжелой зимы: на бледном севере собиралась буря, которую мало кто на юге предвидел.

Эльфин вернулся из летнего дозора раньше обычного. Его мучили тяжелые предчувствия. Талиесин не ездил с ним в этот год. Он провел лето с Блезом, помогая Хафгану наставлять в науках немногочисленную, но бойкую ватагу мальчишек — сыновей окрестной знати. Когда дружина, насчитывающая уже почти три сотни лучших ратников со всех концов Гвинедда, звеня оружием, въехала в Каердиви, Талиесин и его подопечные вместе с остальными жителями встречали их у ворот.

Он увидел суровую улыбку отца, напряженную посадку в седле и понял — что-то не так. Однако затем началось обычное празднество, и прошло немало времени, прежде чем Талиесин узнал, что тревожит короля.

— В чем дело? — спросил юноша, когда смог наконец отвести Эльфина в сторону. Он налил сладкого меда в два больших рога, один протянул отцу.

Эльфин криво улыбнулся.

— Я что, виден насквозь всем и каждому?

— Не всем и не каждому, но уж мне точно. — Талиесин поднял кубок. — Твое здоровье, отец.

Они выпили и вытерли усы тыльной стороной ладони.

— Что случилось этим летом? — спросил Талиесин.

— Ничего особенного. За все лето встретили лишь три бродячих племени. — Король пожал плечами и снова уставился на кубок.

— И все же?

Из открытой двери вырвался взрыв смеха — там начинался пир.

— И все же у меня на сердце лежит тяжесть, которую мудрые советчики не могут ни объяснить, ни развеять.

— Что тебя гнетет?

Король поднял руку и прижал ладонь к сердцу.

— Мой собственный мудрый советчик говорит, что зреют худые дела. Да, к северу от Вала все тихо, но мне сдается, что наши враги выжидают и копят силы.

— Ты говорил об этом с Максимом?

— Пытался. На обратном пути мы проезжали Каерсегойнт, но Максим снова в Лондоне. Римляне! Если б они рубились с пиктами и аттакоттами так же рьяно, как между собой! — Эльфин вздохнул. — Да это и неважно. Легионеров осталось всего ничего — пять сотен в Лугуваллии, в Эбораке и Дэве и того меньше. Вал теперь охраняет Фуллофауд, и надо отдать ему должное — он бдительный военачальник. Однако он слишком доверяет своим разведчикам. Разведчикам, я сказал? Эти головорезы не лучше того зверья, за которым должны следить.

— Ты мог бы поехать в Лондон, — предположил Талиесин. —Взял бы с собой меня и кого-нибудь из вождей. Поговорили бы с легатом.

— Будь в этом хоть какой-то прок, я бы тут же прыгнул в седло. Легат считает, что главная опасность — на юго-востоке. Последних людей он отправил строить там крепости — обороняться против саксов с их рыбачьими лодками. И это после резни на севере!

— С тех пор прошло семь лет, — мягко напомнил Талиесин.

Эльфин задумался, потом медленно улыбнулся и покачал головой.

— Да. Но такое же, если не хуже, может случиться вновь. Оно надвигается, Талиесин. Темное время. Ты скажешь, я полжизни его жду, но, клянусь, времен темнее еще не бывало. Думаю, Максим видит это не хуже меня, поэтому и поехал в Лондон — хочет до них докричаться. Нельзя забирать от нас всех людей на юг.

— Что будешь делать ты?

— А что мне остается, кроме как самому о нас позаботиться?

Талиесин не ответил. Он редко видел отца в таком смятении. Да, Эльфин порою ярился да поносил страшными словами близорукую тупость императора, наместников, командующих легионами, особенно после страшной резни семь весен назад. Однако сейчас он, вернейший и преданнейший из подданных, окончательно махнул рукою на римлян — это была новость, и она встревожила Талиесина.

Он сам видел, как год от года увеличивается дистанция между кимрами и их защитниками-римлянами. Народ постепенно возвращался к своим обычаям, к образу жизни своих предков-бриттов.

— Кельт возродится, — сказал Талиесин.

— А?

— Так сказал Хафган, и, боюсь, пророчество его исполнится.

— Да, и еще как. Жаль, Гвиддно нет с нами, — грустно сказал Эльфин. — Мне его не хватает. — Он поднял рог. — За крепкую руку, острое железо и быстрых коней! — Он одним глотком осушил рог. — Пойдем, повеселимся. Мы оба знаем, что это может быть последний пир на долгое-долгое время. И возьми с собой арфу, сынок. Эти месяцы мне так недоставало твоего пения.

Они уже вставали, когда вошла Ронвен.

— Твои люди зовут тебя, муженек.

— Пусть зовут, — сказал Эльфин, заключая ее в крепкое медвежье объятие. — Первым делом — ты.

— Ну-ка прекрати! — крикнула Ронвен, вырываясь из его рук — не настолько, впрочем, сильно, чтобы и впрямь высвободиться. — Успеем еще намиловаться.

Эльфин ухмыльнулся.

— Вот тут ты и ошиблась, женщина. Намиловаться никогда не успеваешь. Надо торопиться, пока есть время.

Он смачно поцеловал ее в губы, она так же пылко ответила.

— Ах, Талиесин, найди себе отраду-женушку и будешь счастлив до конца жизни.

— Постараюсь, — рассмеялся Талиесин.

— Люби ее всем сердцем, — сказала Ронвен, увлекая Эльфина к дверям (рука его по-прежнему лежала у нее на талии), — и в доме твоем будет вечно царить благо.

Они присоединились к празднеству, которое продолжалось два дня. Эльфин оказался пророком: это был последний пир в этом году и в следующие тоже. А для многих — последний в жизни.

Золотые осенние деньки осыпались один за другим, и земля приготовилась к зимней спячке. Хафган, все такой же статный, с острым орлиным взором — хотя в длинных темно-русых волосах заметно прибавилось седины — сидел перед своей избушкой и смотрел, как длинная, тонкая струйка дыма уходит в холодное синее небо. Он долго наблюдал, как дымок завивается и распластывается на ветру, потом подобрал синее одеяние и заспешил к жилищу Эльфина.

— Позови мне господина, — сказал он молодому воину, без дела подпиравшему дверь.

Юноша потянул себя за ус. Хафган отступил на шаг и пнул его в голень. Парень чуть не рухнул.

— Давай, поторапливайся, — распорядился друид.

Через мгновение Эльфин уже стоял перед своим главным советчиком, моргая от яркого света.

— Не рановато поднялся, Хафган? — спросил он.

— Скорее слишком поздно.

— А в чем дело? Что ты увидел?

— Они идут.

— Пикты?

— С этого дня мы не будем больше говорить об ирландских пиктах или саксах, только о варварах.

— Ты хочешь сказать, они все идут?

— Чему так удивляться? Не ты ли сам говорил о грядущей тьме?

— Я надеялся, что у нас есть еще несколько лет, — сознался Эльфин.

— Годом больше, годом меньше, какая разница? Встречай день, когда он приходит.

— Видишь ли ты нашу победу?

— Спроси лучше своего сына. Он куда зорче меня.

— Талиесин уже три дня как куда-то запропастился. Где он, когда он нам всем нужен?

— Там, где он нужнее всего.

Чуть позже, когда дружина снова собралась выехать, от старого дуба донесся набатный звон.

Эльфин и его ближайшие советчики — Киалл, Рединвар и Херидд — поспешили к дереву. Талиесин ждал их с железным билом в руках.

— Я мог бы прийти к вам, но время не ждет, — объяснил юноша. — За Моном видели ирландские корабли. Захватчики дошли до Дибр Дуиу. Диганви в осаде.

Талиесин почти ждал, что сейчас его отец, как древние кельтские воители, придет в боевое исступление. Однако король был спокоен и решителен.

— Сколько кораблей? — спросил он.

— Не меньше тридцати. А то и больше. Те, что пристали к берегу, выкрашены в цвет моря — борта, паруса, мачты, — чтобы не отличаться от волн. Трудно их сосчитать.

— Так там и тысяча человек наберется! — воскликнул Херидд.

Киалл, уже застегивавший кожаный нагрудный доспех, сухо заметил:

— Их тысяча против наших трех сотен — им недостает еще двух тысяч, чтобы сразиться на равных!

— Перехватим их на побережье или будем дожидаться здесь? — спросил Рединвар.

— Если им приглянулась наша земля, пусть придут и попробуют ее захватить, — отвечал Херидд.

— Нет, — твердо произнес Эльфин. — Это годится нам, но многие мелкие поселения ждут нашей защиты. Встретим супостатов там, где они сойдут на берег. Скачем немедленно.

Больше можно было ничего не говорить. Так вышколены были его люди, что одно слово военачальника пресекало всякие споры.

Хафган подошел, когда трое сподвижников Эльфина уже разошлись заниматься сборами. Сам король задержался поговорить с бардами.

— Видишь ли ты победу для нас, сынок?

Талиесин нахмурился.

— Вижу много смертей и горя с обеих сторон. Победу? Скажу по чести, отец, нет среди живущих ни одного, кто увидит конец этой войны, не то что победу.

Эльфин подтянул пояс.

— Значит, надо браться за дело и показать грядущим поколениям достойный пример. Ты с нами?

— Я поехал бы, даже если б ты меня не позвал, — сказал Талиесин.

— А я вот останусь. — заметил Хафган. — Стар я больно. Лучше попробую призвать проклятье на головы врагов.

— Всенепременно. — Губы Эльфина скривила злая усмешка. — И пусть их вонючая свора спасается, если сможет!

Закончились короткие проводы, и дружина выехала из деревни. Тремя колоннами скакали ратники по побережью, выглядывая вражеские корабли. Уже смеркалось, когда вернулся разведчик с вестью: "Ладьи, государь, числом двадцать. Пока далеко. Похоже, не собираются подходить к берегу".

— Поздно уже. Наверное, хотят проскочить под покровом тьмы, — предположил Киалл.

— Где они скорее всего высадятся? — спросил Эльфин.

— В песчаной бухте милях в двух к северу отсюда. Мне кажется, они направляются туда.

— Знаю это место. Будем поджидать там. Возьми с собой двоих и скачите в Каерсегонт. Скажите трибуну, мы отобьем врага, а потом поспешим соединиться с легионом.

Первые ночные часы прошли без всяких событий. Дружина тихо и настороженно ждала. Воины поели и легли спать в доспехах, с оружием в руках. На море не было заметно никакого движения, хотя луна, встав, озарила все двадцать лодок.

— Чего они ждут? — дивился Киалл. Они с Эльфином сидели рядом на краю каменистого обрыва, над самой бухтой. Перевалило за полночь, а лодки так и не двинулись.

— Погляди на север, — произнес голос у него за спиной.

— А, Талиесин, иди сюда, — откликнулся Киалл. — На север, говоришь? Чего там на севере? Ничего не вижу.

— Туча! Видишь, тоненькая полоска над самой водой? Это луна серебрит ее край. Они дожидаются полной тьмы.

— И дождутся ведь, — буркнул Эльфин. — Клянусь Ллеу, умно! У кого они научились таким хитростям?

— Это ты их научил, отец. Ты и римляне. Они знают, что о них известно и что их могут поджидать. Поэтому ждут и копят силы.

— Что ж, пусть попытаются, — засопел Киалл.

— Мы можем поспать, — предложил Талиесин. — Туча ползет медленно. Пока она не закроет луну, ладьи не пристанут.

Эльфин выставил на обрыве часовых и заснул. Было еще темно, когда его разбудил хриплый шепот:

— Огонь зажегся, государь. Сдается мне, это условный знак. Вроде бы ладьи двинулись.

Король был на ногах раньше, чем дозорный договорил.

— Буди старших, — распорядился он. — Скажи, пусть идут сюда.

Они подошли: Киалл, Херидд, Торингад, Рединвар, Нерт, Мабон. Каждый из них командовал пятьюдесятью воинами — эту систему Эльфин перенял у римлян.

— Ладьи подходят к берегу, — сообщил он. — Поначалу их будет не разглядеть, но пусть высадятся и чуть отойдут от берега. Подожжем лодки, тогда они не смогут скрыться. Не хватало, чтобы они отплыли и на заре высадились в другом месте. — Король оглядел испытанных товарищей — каждого он много раз видел в деле, на каждого мог положиться. — Ллеу да придаст вашим мечам быстроту, а вашим копьям меткость, — закончил он.

— Смерть супостатам! — отвечали они и поспешили к своим отрядам.

Двенадцать лодок пристали в бухте, остальные десять направились на север, к устью Тремадока.

— Киалл! — крикнул Эльфин, заметив этот маневр. Его помощник подбежал, сверкая глазами. — Десять ушли на север. Скачите туда с Рединваром и Хериддом.

Киалл хлопнул ладонью по нагрудным латам и умчался прочь. Через мгновение сто пятьдесят человек уже скакали по дюнам.

Эльфин выждал, пока ирландцы вытащат ладьи на песок и немного отойдут от берега. Он ударил прежде, чем они успели построиться. Только что дюны безмолвно чернели на фоне ночного неба, в следующий миг их огласили леденящие душу вопли. Огненные стрелы рассекли тьму. Ирландцы рассыпались по берегу, с двух сторон на них налетели невидимые всадники. Варвары кинулись к лодкам, но паруса и доски уже пылали.

Это был короткий, жестокий бой. Эльфин хладнокровно разделался с врагом и, убедившись, что мертвыми и ранеными займутся, повел своих воинов к реке, на помощь товарищам.

Когда они добрались до места, уже светало. Из-за деревьев серыми змейками выползал дым, слышались крики и звон оружия. Однако, когда бойцы выехали из густого подлеска, они застали странную тишину. В бледном утреннем свете тихо догорали ирландские ладьи, полуголые тела захватчиков бесшумно качались на заалевшей воде. Их было столько, что можно было бы перейти реку, не замочив ног. На берегу тоже лежали мертвецы, пронзенные стрелами или копьями. Лишь на немногих были кимрские доспехи.

— Куда они запропали? — подивился Эльфин.

— Слушай! — прошептал Талиесин.

Через мгновение захрустел кустарник — кто-то ломился через лес. Эльфин бесшумно подал знак, и воины залегли. Через мгновение появился Киалл со своим отрядом. Он был мрачнее тучи.

— Что случилось? — спросил Эльфин, бросаясь ему навстречу.

— Ушли, собаки, — выговорил Киалл, как будто слова обжигали ему глотку.

Король обвел взглядом мертвецов.

— Немного же их ушло, как я погляжу.

— Верно! Но их было больше, чем мы думали. В каждой ладье человек пятьдесят, не меньше! Мы напали, как только они начали высадку.

Талиесин изумлялся бесшабашной отваге бойцов. Он знал их смелость и выучку, про которые сам же сложил не одну песню. И все-таки сейчас он испытывал восторженный трепет: сто пятьдесят человек наголову разбили втрое превосходящего противника и еще горюют, что кто-то сумел уйти.

— Мы за ними гнались, — сказал Киалл, — но в лесу они оторвались.

— Пусть их. Скачем в Каерсегойнт.

Они двинулись в путь и к полудню добрались до крепости. Эльфин послал вперед разведчиков — выяснить, что там и как.

— Мне это не нравится, — пробормотал Киалл, пока они ждали и, чтобы даром не терять времени, перекусывали, и поили у брода коней. До холма, на котором стояла крепость, было рукой подать, и кимры видели над деревьями клубы дыма, слышали звуки яростной битвы, далеко разносившиеся в недвижном осеннем воздухе.

— Максим в беде, — отвечал Эльфин, — но не будет ему прока, коли мы ввяжемся в бой, не разобравшись, что к чему.

Вернулись разведчики, и король собрал своих командиров, чтобы всем вместе выслушать донесение.

— Крепость окружена, но главный бой идет у ворот, и они охвачены пламенем. В крепости тоже кое-где горит, — сообщил один из посланных.

— Много ли врагов? — спросил Эльфин.

— Тысяча, — осторожно отвечал второй разведчик. — Может, больше. Однако сзади они не защищены.

— Тысяча! — подивился Рединвар. — Откуда они взялись?

— Не все ли равно, — отозвался Киалл. — Они здесь! И эта трапеза про нашу пасть!

— Нападем на главные силы у ворот, — решил Эльфин. — Сперва выступает одна колонна с поддержкой по флангам. Херидд и Нерт, будете закрывать нас с тыла. Нам может понадобиться свежее подкрепление.

Определив стратегию боя, они снова вскочили на коней и двинулись к укреплению.

Все было, как рассказали посланные: не менее пятисот нападающих рубились перед главными воротами, еще пять или шесть сотен рассредоточились вдоль стен, отвлекая на себя внимание защитников. Стрелы и камни свистели в воздухе, ударяли в длинные, узкие щиты атакующих.

— Гляньте на них, — в изумлении выговорил Эльфин. Он никогда раньше не видел нападения на римскую крепость. Ирландцы метались туда-сюда, забрасывая стоящих на стенах длинными копьями, голые пикты и круитни, синие от сока вайды, выплясывали на месте, выпуская тучи коротких и острых стрел; аттакотты бросались на створки ворот, вооруженные лишь одними железными топорами, их гибкие смуглые тела блестели на солнце.

— Эти верзилы... — Киалл указал на задние ряды, состоящие сплошь из рослых, плечистых воинов, одетых в шкуры и кожу. Все они были светловолосыми, с длинными толстыми косами за спиной.

— Саксы, — сказал Талиесин. — Как я и говорил, они тоже здесь.

— Не по душе мне это. — Король обернулся в седле. — Колонна, приготовились! — гаркнул он.

По рядам пронесся шум — это воины взяли копья наизготовку.

— Пожелай нам победы, Талиесин, — сказал Эльфин, берясь за поводья.

— Я вас поддержу, — пообещал Талиесин.

Колонна устремилась на холм, на полном скаку перестраиваясь в острый клин. Она летела прямо к воротам, где кипел самый жаркий бой. Слишком поздно враги заслышали гром копыт. На них неслась смерть. Они обернулись к нападающим, но их смели и прижали к горящим воротам, к стене, которую они пытались взять штурмом.

Копья кимров разили вновь и вновь, древки их обагрились кровью. Тут и там кого-то из нападающих стаскивали с седла, и он исчезал под ударами мечей и дубинок. Передовые всадники повернули коней, пропуская товарищей, которые, сомкнув ряды, вновь атаковали все вместе.

Талиесин, оставшийся с Хериддом, Нертом и их отрядами, наблюдал за боем и ждал знака от короля. Кони вновь и вновь бросались в атаку. Копья разили, копыта взлетали, враги падали десятками. Однако на место одного убитого вставали трое живых. Видя, что его люди выдохлись, Эльфин скомандовал отступать, чтобы в бой вступили свежие силы.

— Стройтесь по двое! — выкрикнул король, подлетая к своим воинам. — Придерживайте коней! Пусть каждый закрывает соседа! — Он махнул рукой, давая знак к атаке. По лицу его градом катился пот.

— Дела хуже, чем я ожидал, — когда они умчались, сказал Эльфин Талиесину, отирая со лба кровь и грязь. Вокруг его спутники в изнеможении поникли в седлах, тяжело и часто дыша. Король говорил тихо, чтобы никто не слышал. — Они бьются, как сумасшедшие, не жалея жизни. — Он покачал головой. — К тому же их так много.

Без единого слова Талиесин развернул коня и поехал сквозь лиственную сень, через ручей, на холм, соседний с тем, на котором стояла крепость. На голой вершине он остановился. Поле боя лежало перед ним, как на ладони. Юноша отпустил поводья, соскочил с седла, вытащил дубовый посох и синее одеяние. Набросив одежду на плечи, он прошел несколько шагов и воткнул посох в землю.

Затем он принялся ходить, разыскивая крупные камни и сваливая их в кучу возле посоха. С помощью остальных наметил большую окружность, укладывая по камню через каждые три шага. Потом вырвал посох из земли, воздел его, закрыл глаза и начал произносить заклинание.

Пока он бормотал, дым, и без того закрывавший свет, сгустился, солнце померкло и тьма заволокла небо. С противоположного холма донеслись страшные звуки битвы; звон мечей, испуганное конское ржание, яростные выкрики, громкие стоны раненых.

Талиесин открыл глаза и увидел, что отцовская дружина, окруженная врагами, тщетно пытается прорваться к воротам. Сам Эльфин во главе своих людей рубил направо и налево коротким римским мечом.

Талиесин дважды повторил заклятье, а когда снова открыл глаза, враги обступили дружину еще более плотным кольцом, а под стеной вспыхивали алые отблески — это озаренные пламенем взлетали над рогатыми шлемами яростные топоры нападавших.

Варвары, пользуясь численным превосходством, остановили атаку и теперь теснили кимров от крепости. Талиесин, чувствуя, как к горлу подступает отчаяние, дико озирался вокруг. Внезапно взгляд его упал на коня. Подбежав, он ухватил поводья, ввел вороного в каменный круг и, забравшись ему на спину, выпрямился во весь рост.

Воздев над головой посох, он вновь повторил заклинание. На этот раз вдохновение сошло, как лучезарный плащ, воздух наполнился мерцанием. Талиесин заговорил и почувствовал, как ветер наполняется мощью его слов. Теперь это были уже не слова, а сам ветер и та сила, что побуждает его дуть. Слова сами слетали с губ. Ледяной порыв закружил и понесся вниз по склону холма. Внезапный холодный ток пробежал по долине туда, где шел самый яростный бой.

Соратники короля Эльфина ощутили на лицах холодное дуновение и подняли глаза. Они увидели на вершине соседнего холма высокого стройного юношу на вороном коне. Над головой он держал длинный посох. "Талиесин! — крикнул кто-то. — Наш бард прислал на подмогу ветер!".

Враги тоже почувствовали холодный ветер и увидели темное небо. Они обратили изумленные взоры на странного всадника, и натиск их ослабел.

Дружине лишь этого и надо было. Увидев, что длинноволосые саксы и их сподручные замедлились, Эльфин перешел в наступление. Холодный ветер с воем пронесся над полем битвы, и в следующий миг враг уже бежал под укрытие деревьев. Легионеры на стенах разразились оглушительными возгласами. Ворота распахнулись, защитники города бросились преследовать нападавших.

Вскоре Эльфин стоял перед смертельно уставшим Магном Максимом. Лицо римлянина было в поту и копоти.

— Не думал я, что настанет день, когда римский легион спасет туземная конница. — Он помолчал и добавил: — Но я, как всегда, благодарен тебе за помощь, король Эльфин.

— Мы поспели бы раньше, когда б не пришлось прежде разделаться с двадцатью ладьями таких же врагов.

Подбежал слуга с кувшином вина и кубком для трибуна. Максим протянул кубок Эльфину и сам наполнил его со словами:

— Скверный денек, и до вечера еще далеко. Однако тебе надлежит пить первым, из нас двоих ты сегодня потрудился больше.

Эльфин отпил молодого красного вина.

— Откуда они все взялись? — спросил он, возвращая кубок Максиму. — Ни разу не видел их столько в одном месте, да еще чтобы всем скопом.

— Собачье отродье! — Максим прополоскал рот вином и сплюнул на землю. — Крепость решили взять! Рехнулись, наверное!

Они все еще беседовали, когда появился всадник на взмыленном коне — несчастное животное спотыкалось от усталости.

— Какого... — начал Максим, увидел значок на уздечке и воскликнул: — Клянусь Цезарем! Лугуваллий!

Всадник покачнулся в седле и рухнул бы на землю, если бы его не подхватили двое конюхов. Максим с Эльфином поспешили к нему. Максим плеснул в кубок остатки вина и поднес к губам вестника.

— Пей, — приказал он.

Вестник глотнул и поперхнулся, забрызгав вином наряд.

— Трибун, — прохрипел он, вскидывая руку в слабом приветствии. — Я от... от...

— От Фуллофауда, — нетерпеливо произнес Максим. — Давай дальше.

— Вал, — выговорил вестник. — Вал взят. Лугуваллий в руках врагов.

Максим медленно встал.

— Лугуваллий в руках врагов.

— Мы поскачем с вами, — сказал Эльфин, тоже поднимаясь на ноги. — Если мы поедим и отдохнем, то сможем скоро тронуться в путь.

Трибун взглянул на Эльфина и покачал головой.

— Ты сегодня выдержал уже две битвы.

— Мы вам понадобимся, — настаивал Эльфин.

— Твоим родичам вы понадобитесь еще больше. Возвращайся, друг, защищай свой дом.

Эльфин собирался было снова возразить, но в это время подъехал Талиесин. Он спрыгнул с коня и двинулся легкой быстрой походкой, хотя лицо его осунулось от усталости. Заметив лежащего вестника, мрачные лица Максима и отца, он спросил:

— Дурные вести с севера?

— Да, — отвечал Эльфин. — Лугуваллий в руках врагов. Вал взят.

— Раз так, мы должны возвращаться в Каердиви, — просто сказал Талиесин. — Пока не поздно.

— Мои слова, — произнес Максим.

Талиесин повернулся и снова пошел к коню. Эльфин двинулся было за ним, оглянулся, вскинул руку в прощальном римском приветствии и тоже вскочил в седло. Трижды протрубив в рог, король собрал свою дружину у подножия холма. Перевязав раны и подобрав мертвых товарищей, кимры двинулись к дому.

ГЛАВА третья

Странники прожили у Аваллаха несколько дней, затем вернулись в разрушенную постройку. Через несколько дней, когда стало ясно, что они и впрямь намерены восстанавливать храм, царь послал им еды, поскольку успел за это недолгое время заинтересоваться и добрыми братьями, и их необычным Богом.

Харите это было с руки. Ей нравился Коллен, смотревший на нее с боязливым почтением и прилежно осваивающий наречие бриттов. Привязалась она и к Давиду, мягкому, проницательному и остроумному. Он был всецело предан Богу любви и света, и чувство это пронизывало все, за что бы он ни брался. Царевна радовалась, что пришельцы рядом, и, если восстановление храма их задержит, тем лучше.

Мокрая зима надолго замедлила работу, но с весной строительство возобновилось. Харита часто ездила навещать священников и смотрела, как продвигается их труд. Иногда она привозила с собой еду и питье, тогда они садились трапезничать вместе, а Давид рассказывал о жизни Иисуса, Сына Бога Вышнего, Который, если слова Давида содержали хоть долю правды, был, несомненно, самым выдающимся из людей.

Харите было все равно, правду ли говорит священник, — его веры хватило бы на троих. Ей просто нравилось общество этого славного человека, особенно же то благотворное действие, которое он оказывал на ее отца. Она с первого вечера заметила, как легко Аваллаху в обществе странника. Через день-два царь сам сознался, что в присутствии гостя боль ослабевает. Одного этого Харите хватило бы, чтобы проникнуться самыми теплыми чувствами и к доброму Давиду.

Поэтому она ничуть не удивилась, когда Аваллах попросил Давида наставить его в новой вере. Царевна сочла это безобидным времяпрепровождением, однако Лиле, которая постоянно присутствовала рядом с царем, рассердилась и объявила, что от погони за чужими богами ничего путного не будет.

— Что будет, когда они уйдут? — спросила она как-то Хариту. Давид только что пришел для очередной беседы с царем, и девушка шла к ним.

Лиле подстерегла ее у входа в зал.

— Кто уйдет?

— Святые эти, служители, или странники, или кто они там! Что будет, когда они уйдут?

— Они разве сказали, что уходят? — подивилась Харита.

— Нет, но это ясно. Как только они вытянут из царя довольно денег и достроят свое святилище, они подадутся в другое место.

— Тебе-то что? Ты только обрадуешься.

— Мне-то ничего. Я о царе беспокоюсь.

— Разумеется.

— Думаешь, я слепая? Не вижу, что с этим священником царю становится легче? — Лиле в отчаянии сжала Харитин рукав.

Девушка внимательней взглянула на мачеху. Несомненно, Лиле чем-то расстроена, на лице ее смешались беспомощность и гнев. Голос злой и умоляющий одновременно.

— В чем дело, Лиле?

— Со мной ничего. Не хочу, чтобы моему супругу причинили вред.

— Ты считаешь, ему станет хуже, как только Давид уйдет?

Лиле замялась:

— Может статься.

Харита улыбнулась.

— Так попросим его не уходить.

— Нет! — выкрикнула Лиле.

Она искренне страдала, и Харита посерьезнела.

— Лиле, — сказала она мягко, — не злись. Хорошо, что Аваллаху с ним легче. Что с того, что царь полюбил нового Бога, — он не станет меньше любить тебя.

Она сама сказала это и похолодела. Неужто ее отец полюбил нового Бога и Его чудесного Сына? А она?

Что привело ее в разрушенный храм? Любовь? Любовь ли заставляет сердце учащенно биться от слов Давида? Любовь ли — странное чувство, которое приходит, когда она шепчет имя Иисуса?

— Я злюсь? — услышала она голос Лиле.

— Что? — переспросила Харита, приходя в себя.

— Ты сказала, я злюсь оттого, что Аваллаху лучше. Это неправда! — выкрикнула царица и жалобно заскулила: — Лучше бы они не приходили...

— Странники желают нам добра... — начала Харита.

— А теперь навели к нам целое племя бриттов. — Лиле указала на дверь. — И все у Аваллаха. Кто знает, что они замышляют?

Тут дверь отворилась, и появился распорядитель. Склонив голову, он обратился к обеим:

— Если вам будет благоугодно, царь желает вас видеть. — И, отступив на шаг, распахнул перед ними дверь.

Харита подошла к паланкину и взглянула на гостей — человек восемьдесят, успела она прикинуть, или чуть больше, — стоящих перед царем. Взгляд ее скользнул по необычному сборищу и задержался на высокой, стройной фигуре белокурого юноши. Царевна на миг замерла, потом, опустив глаза, встала по левую руку от Аваллаха, в то время как Лиле заняла место по правую.

— ...моя дочь, царевна Харита, — говорил царь, и до Хариты дошло, что ее представляют гостям. Она смущенно улыбнулась и кивнула.

Давид выступил вперед и указал на остальных:

— Царь Аваллах, здесь со мной Эльфин ап Гвиддно, король Гвинедда и... э-э... его родичи.

Похоже, священник не знал точно, кто они такие, но тем не менее начал называть имена.

Харита воспользовалась случаем рассмотреть незнакомцев. Они были одеты по обычаю бриттов, но пестрее и диковиннее, чем керниуи или думнонии, которых она видела прежде. Шею короля украшал тяжелый золотой ошейник — гривна, такие же блестели на нескольких его спутниках. Плечи их покрывали яркие плащи — красные, синие, оранжевые, желтые, зеленые, заколотые большими причудливо изукрашенными серебряными или медными пряжками. Мужчины — пышноусые, но безбородые — носили просторные штаны в яркую полосу или клетку, ноги их до середины бедра были крест-накрест обмотаны полосками яркой ткани, длинные темные волосы перехвачены кожаными шнурками. Многие щеголяли тяжелыми медными или бронзовыми браслетами, отделанными золотом. Одни держали копья с железными наконечниками, другие — обоюдоострые мечи.

Женский наряд составляли длинные яркие рубахи и плащи, богато расшитые по подолу, вороту и краю рукавов, и широкие узорные кушаки. Волосы, тщательно заплетенные в косы, были уложены на голове и подколоты драгоценными бронзовыми булавками, украшенными янтарем, гранатом и жемчугом. Ожерелья, цепи, браслеты, золотые, серебряные, медные, бронзовые позвякивали при ходьбе, в ушах раскачивались серьги. У одной из них — статной, рыжеволосой — была на шее тонкая серебряная гривна и большая, серебряная же спиральная пряжка с блестящим рубином в центре.

В облике гостей сквозила спокойная царственность и в то же время проглядывало что-то пугающе чужое. Харита поняла, что видит знать, очень похожую на ту, к которой относила себя, — людей, гордых своим рождением, сознающих себя избранниками, но иного, более примитивного рода.

Разглядывая чужаков, Харита внезапно почувствовала на себе чей-то взгляд. Белокурый юноша, которого она заприметила, входя, не отрываясь смотрел на нее. Глаза их встретились.

В этот краткий миг Харита почувствовала родство с незнакомцем, как будто встретила брата, долго странствовавшего на чужбине. Ощущение накатило, как мимолетная дрожь, и тут же прошло. Девушка отвела глаза.

Король пришельцев, довольный тем, как его представили, медленно выступил вперед.

— Я Эльфин, — просто сказал он, — правитель и воевода Гвинедда, пришел засвидетельствовать почтение владыке, через чьи земли пролегла наша дорога.

Аваллах склонил голову, принимая оказанную ему честь.

— В этих стенах всегда рады путникам, — отвечал он. — Прошу вас, если можете, задержитесь, дабы мне разделить с вами изобилие нашего стола.

Не колеблясь, Эльфин вытащил из-за пояса кинжал и протянул Аваллаху со словами:

— Благодарю за щедрое приглашение. Прими это в залог нашей признательности. — Он протянул кинжал Аваллаху. Харита разглядела оружие, пока отец вертел его в руках. Лезвие было стальное, обоюдоострое, рукоять — из полированного гагата, инкрустированная жемчугом, с тем же затейливым, переплетающимся рисунком, что на украшениях и одежде королевских спутников. Красивый кинжал, но явно не парадный, не из тех, что приносят в дар. Очевидно, Эльфин сам пользовался этим кинжалом, это его личное оружие.

"Что это значит?" — подумала Харита. Разве что ему нечего больше дарить? Ну да, конечно. Он отдал последнюю ценную вещь, если не считать гривны на шее. И вместе с тем подарок сделан от чистого сердца — Харита знала, что отец оценил этот жест.

— Благодарю за честь, лорд Эльфин, — отвечал Аваллах, убирая кинжал за пояс. — Надеюсь, твое пребывание в замке будет нам обоим ко благу. Побеседуем позже. А сейчас наступает время легкой трапезы, так что прошу присоединяться.

По знаку Аваллаха распорядитель выбежал из зала. Через мгновение двери отворились, десятки слуг внесли на подносах чаши и кубки. Они об-

несли гостей, и, когда каждый взял по кубку, Эльфин поднял свой и громко возгласил:

— Здрав будь, Аваллах, король-рыболов Инис Гутрина. И да будут здравы недруги твоих врагов!

На это Аваллах рассмеялся, запрокинув голову. Смех его гулко прокатился по огромному залу. Царь медленно встал с носилок, держась за шест балдахина, и поднял кубок.

— Пейте, друзья мои, — сказал он. — С вами мне куда веселее.

Харита некоторое время смотрела, а потом, когда все увлеклись едой и питьем, выскользнула из зала, поманив Давида за собой. Тот догнал ее в переходе.

— Ты хотела что-то сказать, царевна?

— Кто они? — спросила Харита, увлекая священника дальше по коридору.

— Как я и сказал, король и его народ. Насколько я понял, они бежали из своей земли — Гвинедда, что в кимрских землях на севере.

— Бежали? Почему?

— Из-за войны. Из-за распрей, которые не прекращаются там никогда. Их родину захватили варвары. Они спаслись сами, но лишились всего имущества. — Помолчав, священник добавил: — И если то, что я слышал, правда, жар войны вскоре опалит и нас.

— Спасибо, Давид, — сказала Харита, глядя сквозь открытую дверь в зал. — Спасибо...

И она, глубоко задумавшись, медленно пошла прочь.

В этот вечер Аваллах угощал кимров за своим столом. Лиле сидела рядом с супругом. Харита выйти отказалась и ела в своих покоях. Она сидела одна и вслушивалась в звуки пиршества. В какой-то миг все смолкло. Она напрягала слух, пытаясь различить хоть какой-нибудь шум, но тщетно. Что это может значить?

Движимая любопытством, она подошла к двери, выглянула в коридор... Тишина.

Дальше терпеть не было сил. Она подкралась к незапертой двери в зал. В этот самый миг зазвенела струна арфы, а еще через мгновение раздался сильный, мелодичный голос певца. Кимры, кто на скамьях, кто, скрестив ноги, на полу, сидели вокруг своего соотечественника, озаренного трепетным светом факелов, — золотоволосого юноши.

Хотя многих слов Харита не понимала, она догадалась, что поет он про прекрасную долину, ее деревья, травы и зверей. Мелодия, простая и выразительная, притягивала. Девушка переступила порог и остановилась, наполовину скрытая одной из колонн.

Юноша стоял прямой, высокий и стройный, вскинув голову, закрыв глаза, арфа упиралась в его плечо, пальцы привычно скользили по струнам, вырывая серебряные звуки из самого сердца арфы. Губы шевелились, но музыка лилась откуда-то извне; он был лишь посредником, через которого она проникала в этот мир, струясь, подобно ручью, из скрытых глубин его души и разбегаясь вокруг мерцающими кругами. Харита слушала, не смея дышать, чтобы не разрушить дивную красоту мгновенья.

Это была печальная песня, она надрывала душу, она была яростная и гордая — песнь об утраченной долине, об оставленной земле, обо всех потерях, что помнит человеческое сердце. Песня растекалась, и Харита полностью отдалась ее чарам, скорбь о собственной утрате нахлынула темным, сладким, уже не сдерживаемым потоком. Когда отзвучали последние ноты, она увидела, что на щеках у юноши блестят слезы.

"Мы похожи, ты и я, — думала она, — бездомные путники в чужом краю".

Вновь зазвенели струны, и юноша начал новую песню. Харита не стала дожидаться: оттолкнувшись от колонны, она бросилась бежать в тот миг, как медвяный голос снова поплыл в воздухе.

ГЛАВА четвертая

В ту ночь они спали в чертоге короля-рыболова. Огонь жарко горел в большом очаге, и кимры, закутавшись в плащи, грезили об утраченном доме.

Вернувшись с дружиной, Эльфин застал Каердиви в осаде. Захватчики, ускользнувшие от Киалла, весь день шли по побережью и к наступлению темноты были у стен каера. Увидев укрепления, они побоялись нападать, но утром, едва рассвело, поняли, что крепость почти не охраняется: защищать ее остались лишь старики да мальчишки, не способные взять в руки оружие.

Однако, если враги сочли Каердиви легкой добычей, их ждало разочарование. Защитники крепости сумели отразить не одну, а целых три атаки к досаде и ярости нападавших.

Когда Эльфин с товарищами добрался до каера, варвары шли на приступ в четвертый раз и уже готовы были ворваться в ворота. Женщины и дети стояли на стенах плечом к плечу с мужчинами, сыпля на головы нападающих камни и горящие уголья. Стрелы давно закончились. Еще немного — и дружина вместо родной деревни увидела бы погребальный костер.

Воины атаковали врага на подступах к укреплению. Столкнувшись с прекрасно обученной конницей, захватчики пришли в ярость и бились с остервенением, прежде чем рассеяться в лесах вдоль реки. Киалл с половиной войска бросился их преследовать. Эльфин въехал в деревню и увидел, что та почти разрушена: дома и службы обгорели, на месте житницы дымится груда почерневших балок, в обгоревшем зерне роются свиньи, в доме, в котором жила дружина, сгорела соломенная крыша. Народу тоже полегло немало; многих добрых людей сразили пиктские стрелы или ирландские копья.

Уцелевшие жители, усталые, окровавленные, по-прежнему решительно сжимали оружие и своих защитников встретили радостными возгласами. Ронвен с копьем и римским пехотным щитом стояла в первых рядах. Лицо ее было в копоти, волосы поседели от пепла, но в глазах горел огонь.

— Приветствую тебя, повелитель, — сказала она, опираясь щекой о копье. — Твое возвращение, как всегда, великая радость.

— Ты не ранена? — спросил он, спрыгивая с седла.

— Целехонька, — отвечала она, убирая с лица волосы. — А вот твоим хоромам потребуется новая крыша.

Эльфин заключил ее в объятия. Несколько мгновений они стояли, не разжимая рук, потом пошли через сожженный каер.

В следующие два дня на Каердиви нападали трижды. Кимры держались, но с каждым разом число их убывало, врагов же меньше не становилось. Было понятно, что захватчики решили любой ценой взять или разрушить Каердиви — главную опору кимров, преградившую им путь.

И цена эта была немалой — голые, размалеванные синим тела пиктов, скоттов и аттакоттов грудами лежали у стен, дорогу к воротам развезло от пролитой крови, на склонах холма копья торчали, как молодой лес, над низкой порослью стрел. В воздухе, наполненном жужжанием мух, стоял трупный запах. Небо над каером почернело от слетевшихся на пиршество воронов и ворон.

А захватчики не уходили.

И вот пришло время, когда у Эльфина не осталось выбора. Надо было либо уходить, спасая столько людей, сколько удастся, либо смотреть, как их убивают одного за другим. Выбор был нелегким: большинство его родичей предпочли бы пасть от пиктской стрелы, но не бросать землю и дом.

Хафган с Талиесином, которые немало потрудились, подбадривая воинов хвалебными песнями и заклинаниями, пришли к Эльфину сообщить горькую истину.

— Нам их не одолеть, — тихо произнес Талиесин. — Их слишком много. Всех не перебьешь.

Король Эльфин кивнул, не в силах ответить. Он сидел, сгорбившись над тлеющими в очаге углями, и только что не валился от изнеможения.

— Надо уходить, — произнес Хафган. Слова жалили язык, словно ядовитые осы.

Эльфин вскинул голову, глаза его сверкнули.

— Никогда!

— Отец, — еще более мягко произнес Талиесин, — выслушай. — Он опустился на колени рядом с королем. — Это неизбежно. Будут у нас иные сражения, иные войны. Но не здесь. Я вижу.

— Слушай того, кого называешь сыном, — сказал Хафган. — Слишком много наших погибло. Если мы останемся жить, то в другом месте.

— Так идите же, — прохрипел Эльфин. — Возьмите с собой тех, кто пойдет. Я останусь.

— Нет, — просто отвечал Талиесин. — Ты король, твой народ пойдет лишь за тобой. На новой родине нам понадобится сильный вождь.

Эльфин устало провел ладонью по лицу и мотнул головой.

— Ллеу свидетель, не могу, — сипло произнес он. — Позор...

— Нет величия в смерти, — отвечал Талиесин. Он медленно встал и протянул руку. Эльфин поднял лицо: в глазах его стояли слезы. — Идем, — произнес юноша.

Король оперся на его руку и встал. Когда на следующее утро небо на востоке сделалось перламутровым, клан навсегда покинул Каердиви. Из трехсот гордых дружинников Эльфина осталось менее сотни и чуть более сотни сельчан.

Они ушли, захватив столько провизии и вещей, сколько поместилось на трех телегах. Впереди гнали коров и свиней. По приказу Эльфина каер подожгли. В клубах дыма и треске пламени король вслед за своим народом спустился с холма, сзади ехали мрачные дружинники.

Всю мокрую осень они двигались на юг. Оставили позади Гвинедд, прошли Поуис. По дороге они видели то, о чем большинство прежде лишь слышало: богатые римские виллы с расписными статуями и мозаичными полами, большие мощеные дороги, триумфальные арки, прекрасный ипподром и выбитый в холме возле оживленного города амфитеатр на несколько тысяч человек. Зимовали в Диведе возле Брехениока, откуда происходила мать Эльфина Медхир и где Гвиддно Гаранхира по-прежнему вспоминали с уважением. В холода погибли многие, ослабевшие от ран и долгого перехода.

По весне переправились через реку, питающую Хабренский залив, и оказались в Думнонии. Здесь они впервые услышали толки о странных существах — феях, эльфах, или, как их еще называли, дивном народе, — что поселились здесь со своим правителем Аваллахом, которого называют "король-рыболов".

Говорили, будто они чрезвычайно высоки и прекрасны с виду, мужчины отличаются силой и статью, женщины — пригожестью. Они искусны во всех ремеслах и наделены всевозможными достоинствами, а также многими сверхъестественными способностями, и потому без труда скопили большое богатство: беднейший из них живет лучше самого римского императора. Короче, совершеннее их и вообразить нельзя.

Эльфин и его люди, послушав молву, решили отправиться к Аваллаху и убедиться, правду толкуют или ложь. Король созвал совет и объявил: "Если

то, что рассказывают об Аваллахе, истинно, может, он нас примет и поможет отыскать землю, где мы могли бы поселиться"

Хафган тоже слышал эти истории и немало ломал над ними голову. Он помнил ночь, когда звездопад озарил небо — давненько это было! — и гадал, не Аваллахов ли приход возвещало знамение. И откуда взялся дивный народ? Одни говорили, будто бы из Сарраса; другие спорили — из Ллин Ллиониса; издалека, утверждали третьи, из западных земель, что лежат за морем, с острова Бессмертных. Короче, судили и рядили каждый по-своему, а наверняка никто утверждать не мог.

— Да, — сказал Эльфину Хафган, — ты хорошо придумал. Раз римляне нам больше не помощники, надо искать других. Глядишь, что и выйдет.

Талиесин тоже согласился охотно. У него была своя причина: он давно стремился увидеть фей. С тех пор, как он впервые услышал о короле-рыболове и его народе, сердце его зажглось. Он призвал вдохновение и попытался пройти по запутанным дорожкам грядущего, однако плотный мерцающий туман заслонил путь, и ему пришлось вернуться, чтобы не заплутать в Ином Мире. Однако, прежде чем сияющая дымка заволокла его взор, он увидел, как множество тропок в отдалении сливаются воедино, и истолковал это так, что, к добру или к худу, будущее его народа и людей Аваллаха неведомым образом сплетено.

— Так или иначе, — сказал Эльфин, — должно нам засвидетельствовать почтение владыке этого края, коли надеемся мирно пройти через его земли.

На этом и согласились: отыскать Аваллаха и навестить его. В тот же вечер Талиесин удалился в уединенную рощицу, сжевал горсть особым образом приготовленных орехов и призвал вдохновение, чтобы, если удастся, узнать будущую судьбу своего народа.

Закрыв глаза, он начал тихо напевать про себя и через мгновение ощутил стремительный черный ток и затем внезапную тишину — знак того, что он уже в Ином Мире. Открыв глаза, он вновь увидел сумеречный мир, с которым уже свыкся не меньше, чем с миром людей.

Юноша увидел сияющее бронзой небо, услышал знакомые переливы чарующей, странной музыки. Он ощутил сладостное благоухание земли и увидел вдалеке горы. Много раз бродил он по их склонам, но сейчас его взор обратился не к горам. Он смотрел на ручеек, бегущий между деревьями в лесное озерцо неподалеку.

Талиесин прошел вдоль ручья, мимо лучистых деревьев к озерцу и, раздвигая руками кустарник, подумал, здесь ли еще она — девушка, кото-

рую он видел многие годы назад. Он опустился на колени и, не дыша, заглянул в прозрачную воду.

Девушка исчезла. Вода по-прежнему струилась, зеленые водоросли все так же колыхались над гладкими янтарными камешками. Однако спящей не было.

Талиесин медленно встал и побрел назад вдоль ручья туда, где сходились тропинки. Отыскав ту, по которой пытался пройти в прошлый раз, он двинулся вперед. Как и тогда, не успел он сделать и несколько шагов, как под ногами заклубился странный мерцающий туман. Через мгновение туман поднялся и сгустился, скрыв тропу. Юноша прошел еще немного и остановился.

Как ни жаль было поворачивать назад, деваться было некуда. Однако, повернув, Талиесин обнаружил, что туман окружает его со всех сторон. Плотный пар клубился, завиваясь в невидимых воздушных струях. Талиесин знал, как опасно в Ином Мире брести наугад, поэтому остановился и встал на колени. Он немного прополз на четвереньках, потом решил подождать, пока туман рассеется.

Он ждал долго, но пелена оставалась такой же плотной. Мало того, сияющий небесный свод над дымкой постепенно померк. Мгла сгустилась. Никогда еще в Ином Мире Талиесин не испытывал страха, но сейчас он испугался.

Он ждал, обхватив колени и раскачиваясь взад-вперед. Небо потемнело совсем: в Ином Мире — стране вечного дня — наступила непроглядная ночь. Чтобы окончательно не пасть духом, Талиесин запел, сперва тихо, потом все громче. Красота слов прогоняла страх.

Так он сидел, завернувшись в плащ, и распевал самые могущественные свои песни, когда впереди на невидимой дорожке послышались шаги. Он перестал петь. Мягкое сияние пронизало мятущийся туман, и юноша понял, что к нему приближается обитатель Иного Мира: Древний.

Существо остановилось неподалеку, но не настолько близко, чтобы его рассмотреть. Глаза различали лишь светящееся пятно в тумане. Талиесин ждал, пока к нему обратятся, не смея заговорить первым.

— Что ж, Сияющее чело, ты снова здесь, — через некоторое время произнес Древний. Голос, казалось, лился откуда-то с высоты.

Талиесин понял, что говорит с тем же, кого встретил много лет назад, когда, еще мальчиком, впервые очутился в Ином Мире.

— Да, — просто отвечал он.

— Зачем ты пошел сюда, если знаешь, что это запрещено?

— Я надеялся увидеть... — Голос Талиесина сорвался.

— Ты надеялся увидеть, — чуть насмешливо повторил Древний. — И что же ты увидел?

— Ничего, владыка, — отвечал Талиесин.

— Ты правильно называешь Меня владыкой, — произнесло существо. — Выходит, ты все-таки кое-чему научился. А что еще ты узнал?

— Я... я научился петь, как поют барды, — отвечал Талиесин. Гордость придала ему отваги. — Я узнал тайны слов, и стихии повинуются моему голосу. Мне ведом обычай лощины и леса, воды, воздуха, огня, земли и всякой живой твари.

— Ты и впрямь всеведущ, о мудрый среди людей, — мягко поддразнило существо. — Отвечай же Мне, если можешь: почему одной ночью светит луна, а другой так темно, что не видишь щита и копья в своей же руке?

Талиесин задумался, но в голову ничего не приходило.

— Почему камень такой тяжелый? — вопрошал Древний. — Почему шип такой острый? Скажи Мне, коли ведаешь: кому на том свете лучше: легконогому юнцу или седовласому старцу?

Талиесин пристыженно молчал.

— Знаешь ли ты, можешь ли гадать, кто ты, когда спишь: тело, душа, светлый дух? На чем держатся основания земли? Кто вложил в землю золото, из которого сделана твоя гривна? Что остается от человека, когда кости рассыплются в прах? Что ж ты не отвечаешь, искусный бард?

Талиесину казалось, что он разучился говорить. Слова не шли изо рта. Невежество окутывало его плащом, щеки горели от стыда.

— Неужто тебе нечего сказать, о Слово Написанное? — вопрошало существо. — Нечего? Что ж, хоть в этом видны начатки премудрости, Сияющее чело. Многие лепечут без толку, когда надо бы внимать. Ты слушаешь?

Талиесин кивнул.

— Хорошо. Я сказал, что научу тебя говорить. Помнишь?

Талиесин помнил. Он снова кивнул.

— В день твоего освобождения речь вернется к тебе и придут слова, которые Я тебе дам. Ты будешь Моим бардом, Моим вестником, ты возвестишь Мое Царство среди людей. Люди услышат твой глас и поймут, Кто им глаголет. Они услышат тебя и уверуют.

В Темное время народ твой обратится к тебе и к тому, кто придет за тобою вслед, и вы принесете им свет, который Я тебе дам. Понятно тебе, Сияющее чело?

Талиесин не шелохнулся, и существо сказало:

— Говори, сын праха. Понял ли ты?

— Понял.

— Да будет так, — сказал Древний. — Знаешь ли ты, Кто с тобой говорит?

— Нет, владыка.

— Так смотри на меня, Сияющее чело!

Талиесин поднял глаза, и тут же резкий порыв ветра унес туман. Только что он видел Древнего через серую дымку, в следующий миг завеса рассеялась, и ему предстал исполинский муж — по меньшей мере в два раза выше любого смертного — в слепящем белом одеянии. Свет дробился вокруг Него, рассыпался радугами, руки и лицо Талиесина опалило огнем, тело под одеждой обожгло жаром.

Лик существа источал такое сияние, что на него невозможно было даже смотреть, не то что различить черты. Древний простер к Талиесину руку, и весь Иной Мир померк, превратился в слабую тень, неразличимую и незначащую.

— Ты узнал Меня, Сияющее чело?

Талиесин упал на колени и молитвенно воздел руки.

— Ты — Верховный Дух, — сказал он. — Владыка Иного Мира.

— Всех миров, — поправил Древний, — этого, и следующего, и того, что лежит за ним. Я — Долгожданный Царь, Чей приход возвестили в древние времена, который был, есть и будет. Я — Податель Жизни, прежде мира сущий, десница Моя слепила небо и землю. Меня знают под многими именами, но приходит время, когда все люди назовут Меня Господом.

Талиесин трепетал от страха и восторга. Слова Верховного Духа обжигали его душу.

— Я Тот, Кого ты искал, Талиесин, в тайниках своего сердца. Я — свет, пробивающий тьму. Я — путь, истина, жизнь. С этого мгновения да не будут тебе боги иные превыше Меня. Ты понял?

— Да, Господи, — слабо и неуверенно произнес Талиесин. — Понял.

— Я взрастил тебя и отметил ради особой задачи. Пребывай во Мне, Сияющее чело, и ты станешь благословением своего народа. Ибо через тебя народы, еще не рожденные, познают Меня, и Царство Мое дойдет до края земли. Веришь ли ты в то, что Я говорю?

— Да, Господи, — сказал Талиесин. — Я всегда верил.

— Правду говоришь, Сияющее чело. — Теперь иди и не страшись, ибо Я буду ближе, чем твой вдох, ближе, чем удар сердца. Пусть тьма восстанет на тебя и захлестнет, Я не оставлю Своего слуги. Ты Мой, Сияющее чело, отныне и вовеки.

Талиесин поднял голову.

— Если хочешь, Господи, дай мне знамение, дабы мне познать Тебя.

— Ты просишь знамения, Сияющее чело, и дастся тебе. Знай Меня по этому!

Жар захлестнул Талиесина. Юноша лежал, трепеща от ужаса и волнения, все пространство вокруг источало слепящий свет, от которого не спасали закрытые веки. Что-то едва коснулось его головы, и будто огненной головней ему снесло полчерепа, обнажив мягкий и темный мозг яркому току света.

Сознание наполнили образы, картинки мелькали одна за другой: полки на марше, пастухи гонят стада, темные казематы и наполненные криками лазареты, людные города с оживленными рынками, тихие деревушки среди холмов, серебристые реки, густые леса, холодные горные пики, жаркие пустыни, морозные ледники, королевские дворцы и нищенские лачуги, пустыри и тучные нивы, купцы торгуются, влюбленные застыли в объятиях, матери купают детей, люди беседуют, сражаются, трудятся, строят... и многое, многое другое. Мужчины и женщины разных эпох и народов, разные ступени мироздания, разные миры — все боролось, жило, рождалось и умирало.

Талиесин увидел это разом, но как бы очами Лучезарного Мужа, Который стоял сверху и вложил в него крохотное зернышко понимания. И он осознал, Кто Тот, Кому он теперь служит. "Господи мой Боже!" — вскричал он, а картинки все мелькали и мелькали с головокружительной скоростью.

Когда через несколько часов Хафган нашел Талиесина в роще, то посчитал его мертвым. Юноша неподвижно лежал на земле, раскинув руки. Бард подошел и увидел, что Талиесин спит непробудным сном. Он укрыл юношу плащом и сел рядом ждать.

Когда Талиесин наконец проснулся, он не мог говорить.

Много дней спустя они подошли к Инис Гутрину. Эльфин оставил своих людей у подножия Тора, а сам пошел с Киаллом, Хафганом и Талиесином разузнать, как бы им предстать перед королем-рыболовом. Пока они стояли и смотрели на Тор, окруженный озерами и топкими болотами, из дворца навстречу им спустились по узкой дорожке два человека в простой одежде.

Едва Талиесин их завидел, уста его отворились, и он закричал от радости.

— Смотрите! Сюда идут слуги моего Господа! — вскричал он. — Я должен их приветствовать!

Он бегом бросился вперед и упал перед ними на колени.

Незнакомцы в изумлении переглянулись.

— Встань, — сказал один, — ибо мы люди скромного рождения. Меня зовут Давид, а это — мой друг Коллен. — Он взглянул на одежду Талиесина, увидел золотую гривну на шее, и понял, что разговаривает со знатным бриттом. — Кто ты?

— Я — главный бард короля Эльфина Гвинеддского, — отвечал Талиесин. Лицо его сияло.

— Как твое имя? — спросил Давид. — Знаем ли мы тебя?

Тут как раз подоспел Эльфин со спутниками, и, как только все собрались, Талиесин начал восклицать:

Я был с Господом
На небесах,
Когда Люцифер
Пал в бездну адову;
Был знаменосцем
Александра в Египте;
Звезды зову по имени
На севере и на юге;
Я был у Нимрода
За старшего зодчего;
Был в Вавилоне
В имени Божьем;
Был я наставником
Илье и Еноху;
Был я трижды
В темнице Арианрод;
Я был в ковчеге
С Ноем и Альфой;
Я видел гибель
Содома и Гоморры;
Я вел Моисея
Через Чермное море;
Был я в чертогах Дон
До рождения Гвидионова;
И был я с моим Господом
В яслях воловьих;
Всевышний открыл мне
Тайны Вселенной;

Я почерпнул вдохновенье
Из котла Керидвен;
Меня зовут поэтом и бардом,
Отныне же нарекут пророком!
Талиесин — имя мое,
И слава моя — до скончания веков.

Никто из них в жизни не слышал подобной речи. Давид воздел к Талиесину руки и спросил:

— Как вышло, что ты знаешь и почитаешь Господа?

Талиесин отвечал:

— Я Его видел! Господь явился мне, чтобы я восславил Его и возвестил Его имя своему народу.

Эльфин и Хафган не могли взять в толк, о чем говорит Талиесин, но поняли, что он и впрямь видел нечто необычайное.

Потом Эльфин рассказал Давиду о гибели Каердиви и странствиях уцелевших селян. Закончил он так:

— Мы пришли сюда, чтобы повидаться с королем-рыболовом и узнать, не сможет ли он нам помочь.

— Коли так, я с радостью отведу вас к нему, и пусть он явит свою щедрость. Знаю, он охотно вас примет, ведь он и сам недавно стал последователем Христа.

Так Эльфина с сородичами провели во дворец, где их приняли с почетом и лаской. И здесь Талиесин впервые узрел Аваллахову дочь, златокудрую царевну Хариту.

ГЛАВА пятая

— Что-то стряслось? — спросила Лиле. Она нашла Хариту в саду. Вокруг стояли яблони в розовом цвету. — Я смотрю, после прихода чужеземцев ты ни разу не ступила в зал или во двор.

Харита пожала плечами.

— Не хочу лезть в отцовские дела.

— В его дела? Он собирается поселить чужаков на нашей земле, соединить судьбы наших народов, принять их обычаи, отринуть все и служить новому Богу, Христу, — а ты говоришь, это его личное дело? — Лиле фыркнула и тряхнула головой. — Неужели ничто из этого тебя не тревожит?

— А что? — рассеянно отозвалась Харита.

— Обращаться к тебе — все равно как говорить с облаком. Что на тебя нашло?

— Ничего. Просто хочу побыть одна со своими мыслями.

— Я видела, как ты на него смотришь, — сказала Лиле. — Верно, на нем хоть взгляд остановить можно, не то что на остальных, но никогда не поверю, чтоб ты и минуту о нем думала.

Харита шевельнулась и взглянула на Лиле.

— О ком ты? — спросила она с искренним недоумением.

— О певце, конечно! Ты не слушала, о чем я говорю.

— О певце, — сказала Харита, отворачиваясь.

— Мы не знаем этих людей. Они зовут себя королями, но где их королевство? Они пришли к Аваллаху просителями, но где их дары? Они хотят, чтоб их уважали, а сами дикари дикарями: спят на полу, едят руками.

— Кажется, их землю захватили враги, — сказала Харита.

— Так они говорят. Аваллах чересчур доверчив. Стоит этой лисе Давиду шепнуть ему на ушко словечко, и он отдает половину своего достояния!

— Ты его слышала? — неожиданно спросила Харита.

— Давида?

— Певца, — с чувством произнесла Харита. — Так просто, так чисто...

— Это на расстроенной-то лире?

— Так красиво.

— А что за дикое наречие! Разве ж это песня? На мой взгляд, это вой издыхающего зверя, который просит, чтобы его добили. — Лиле презрительно тряхнула головой. — Наверное, тебе голову напекло.

День был светлый и жаркий, солнце сияло, на горизонте висело дрожащее марево. Лиле встала, пригнула ветку, взглянула на прекрасные цветы, каждому из которых предстояло в свое время стать наливным яблоком, заметила увядший, нахмурилась, оторвала его и бросила прочь. — Ты уверена, что у тебя ничего не болит?

— Я хочу прокатиться верхом.

— Тебе надо лечь. Солнце слишком жаркое.

— Я не хочу лежать, я хочу прокатиться. — С этими словами Харита встала и быстро пошла из сада. Лиле смотрела ей вслед, качая головой и бормоча себе под нос.

До вечера Харита ездила по холмам, навещая любимые укромные уголки, которые забросила с появлением странствующих монахов. Она скакала по зеленым дубравам, по лугам, вдоль шумных ручьев и безмолвных болот. И всю дорогу думала, какие неожиданные события случились в ее жизни.

С появлением чужестранцев — сперва Давида и Коллена, а теперь кимров — у нее возникло чувство, будто спланированы и разворачиваются некие события, а она — участница, хотя и не знает, в чем состоит замысел. Однако она ощущала, как напряжены вокруг струны бытия, словно нити изношенной ткани подтягивают и соединяют узлами.

Узор, впрочем, оставался пока неразличимым.

Она знала одно — период беспокойной тоски кончился. Начинается что-то новое. Вокруг — а возможно, и в ней самой — происходит брожение, оно носится в воздухе, щекочет ноздри при каждом вдохе. Очевидно, это оттого, что она никогда не была так окружена людьми и богами — даже когда плясала на бычьей арене. Нельзя и шагу ступить, чтобы не наткнуться на кого-то из них.

Что странно — это ее не угнетало! Напротив, была в этом какая-то приятная надежность, в которую Харита поверила, хотя кому бы, как не ей, знать, что в жизни нет ничего устойчивого.

Она ехала рысью, отдавшись свободному течению мыслей, которые проносились в голове, словно птицы в небе, порхающие над кронами деревьев. Дорожка вывела ее на тенистую лесную поляну. Посредине поляны было озерцо, в которую впадал чистый ручей. Харита натянула поводья и, глядя, как бегут по воде отражения облаков, позволила лошади шагом выйти на мшистый берег.

Берега озера заросли камышом и высоким перистым тростником. Место это было недалеко от дворца, Харита проезжала здесь раз или два и еще тогда подумала, что тут, наверное, хорошо искупаться. Сейчас, когда она глядела на озерцо, мысль эта вернулась. Она спрыгнула с лошади, стреножила ее, подошла к берегу, сняла сапоги, распустила волосы и вошла в воду.

Высоко в небе висел жаворонок, и песенка его золотым дождем сыпалась на землю. Солнце сияло, по поверхности воды плыли облачка. Харита зашла по грудь, подогнула колени и откинулась на спину, чувствуя, как прохладная влага забирается под сухую одежду.

Она плыла, волосы и одежда медленно, приятно колыхались в воде, алмазные капли сверкали на коже и сбегали с пальцев, когда она мерно поднимала и опускала руки. Она закрыла глаза и плыла, отбросив мысли и тревоги, отдавшись полдневной дреме, и сама не заметила, как начала вполголоса напевать песню, слышанную вчера в пиршественном зале.

Талиесин видел, как серая лошадь во весь опор вылетела со двора. Он смотрел, как конь и золотоволосая всадница несутся по склону Тора и дальше по дамбе через болота, потом ринулся следом. Он не думал, что будет дальше, не собирался догнать ее, просто боялся потерять из виду. Она манила его своей загадочностью. Царственная и величественная, прекрасная и недоступная, она казалось обитательницей Иного Мира, которая по своей прихоти исцеляет или губит прикосновением.

Юноша ехал в отдалении, не желая показаться назойливым. Он заметил, что девушка прекрасно держится в седле, но вскоре стало ясно: если она и направляется куда-то, то явно не торопится. Впрочем, нельзя было сказать, что она бесцельно едет, предоставив коню идти, куда он хочет.

Наконец Талиесин решил, что царевна не направляется в определенное место, но и не скачет без цели — она совершает привычный круг, объезжает уголки, настолько знакомые, что она, не задумываясь, поворачивает на нужную тропку.

Харита и впрямь безошибочно выбирала дорогу, но Талиесин-то этих мест не знал и вскоре потерял ее из виду. Она въехала на холм и остановилась на вершине возле нескольких вязов. Талиесин тронулся следом, однако, когда он оказался в рощице, Харита уже исчезла.

Он проехал по склону, пытаясь отыскать ее след, но тщетно, и, отчаявшись, повернул назад к дворцу, срезая петли, которыми ехал сюда. Вершина Тора уже показалась над лесом, когда он услышал пение. Мелодия наполняла воздух, накатывала невидимым током, призывала свернуть с дороги.

Держа на звук, он въехал в негустой лес и сразу наткнулся на ручей, который увел его в заросли. Пение слышалось громче. Талиесин остановился и слез с коня. Сердце его колотилось. Ошибиться было невозможно: женский голос пел одну из песен его собственного сочинения.

Но едва он соскочил с коня, пение оборвалось.

Он тихо побрел вдоль быстрого ручейка между деревьями и вышел на солнечную поляну. Посредине поблескивало озерцо: казалось, пение исходит прямо из него и самый воздух над водой дрожит от сладостных звуков. Юноша подкрался и встал за кряжистым вязом.

Послеполуденное солнце золотило воду. Сейчас Талиесин увидел посреди озера расходящиеся круги, потом всплеск... еще один. Медленно поднялась рука, рассыпая самоцветы брызг. В следующий миг рука исчезла, и гладь озера успокоилась.

Он ждал, слыша, как громко колотится его сердце.

И тут она встала посреди озера, запрокинув голову, чтобы мокрые волосы не падали на глаза — дочь короля-рыболова, осиянная солнцем, вода сбегала с нее золотистыми ручейками, платье слепило глаза, свет дробился брызгами колотого стекла.

У Талиесина перехватило дыхание. Он узнал ее: загадочную девушку из Иного Мира, спавшую в водах озера, с пальцами, крепко сжатыми на рукояти меча.

Мгновение она стояла неподвижно, глядя в сторону Талиесина, и он подумал было, что его заметили. Однако в следующий миг девушка подобрала длинные мокрые пряди и стала выжимать из них воду. Вновь ее голос наполнил поляну Талиесиновой мелодией. Он с трудом сдерживался, чтобы не подпеть, ибо каждая жилка его пела вместе с чудесной девушкой.

"Я знал, что отыщу тебя", — думал он вне себя от радости, что она здесь, во плоти, живая, как и он сам, — не видение, не дух, не сила, живущая только в Ином Мире.

Он выпрямился и выступил из укрытия.

Сперва Харита его не видела. Она продолжала выжимать воду из волос, потом побрела к берегу. Несколько шагов — и она замерла. Руки ее упали. Она подняла глаза к прибрежному вязу, зная, кого там увидит.

Он стоял здесь, как она и предвидела: высокий и стройный, золотая гривна блестит на солнце, длинные соломенные волосы подвязаны на затылке, темные глаза смотрят на нее, не отрываясь.

Действительно ли он здесь, или она своей песней наворожила его подобие?

В первый миг никто из них не шелохнулся, не произнес ни слова. Звон капель, бегущих с ее одеяния, наполнил тишину, как до того наполняла поляну песня. Затем певец шагнул ей навстречу, прямо в воду.

— Владычица озера, — нежно произнес он, простирая к ней ладони. — Приветствую тебя.

Харита оперлась на его руку, и они вместе пошли к мшистому берегу.

— Ты — дочь короля-рыболова, — сказал он, помогая ей выйти из воды.

— Да, — отвечала она. — А ты — певец. — Она взглянула на него спокойно, хотя в душе ее все бурлило и пело. — Есть ли у тебя имя?

— Талиесин, — отвечал он.

— Талиесин... — Она произнесла это имя, словно ответ на вопрос, мучивший ее долгие годы, затем повернулась и пошла к лошади.

— На языке моего народа это значит Сияющее чело, — объяснил Талиесин, догоняя ее. — А у тебя имя есть? Или при встрече с тобой люди просто произносят прекраснейшее из известных им слов?

— Харита, — с опаской отвечала она.

Он улыбнулся.

— На языке твоего народа это должно означать "прекрасная"

Она, не отвечая, отвязала лошадь и перебросила веревку через седло. Поставила ногу в стремя и увидела, что она босая. Теперь они оба смотрели на ее ступню, все еще мокрую после купанья, в глине, с прилипшим обрывком листа, — и Талиесин рассмеялся. Его чистый смех раскатился над поляной.

Харите показалось, будто опрокинули амфору, но вместо вина или оливкового масла выплеснулся радостный смех — выплеснулся и серебряными ручейками заструился в зеленой траве. Она тоже рассмеялась, и голоса их взмыли над деревьями, словно птицы, крыло к крылу.

Не переставая смеяться, Талиесин сбегал на берег, подобрал сапоги и шнурок для волос. Однако, когда он вернулся, девушки на том месте уже не было. Он услышал позвякивание конской сбруи и, подняв глаза на звук, увидел, как Харита исчезает в лесу. Первым его порывом было тоже вскочить в седло и кинуться вдогонку. Тем не менее он продолжал смотреть, покуда она не скрылась, и лишь после этого пошел к своему коню, сел в седло и поскакал к Тору, прижимая к груди сапоги и шнурок.

Аваллах хмурился, уперев подбородок в руку. У него за спиной, мрачный и страшный, словно гранитный истукан, замер Аннуби. Эльфин и Киалл сидели на скамье напротив, лица их были темны от гнева и печали. Хафган, закутанный в синее одеяние, опирался на рябиновый посох.

Голова его была наклонена, глаза — полуприкрыты, выражение — сосредоточенное.

— Страшные события, — помолчав, сказал Аваллах. — Ваш рассказ сильно меня опечалил.

— Нам самим тяжко об этом говорить, — сказал Эльфин, — но такова истина.

— До последнего слова, — горько вставил Киалл. — Клянусь жизнью!

— Так вы считаете, что эти раскрашенные люди, эти варвары, о которых вы рассказали, придут и сюда на юг?

— Со временем, возможно, — отвечал Эльфин. — Хотя в Диведе мы слышали, что император забирает два легиона из Галлии и вновь посылает войска оборонять Вал.

— Тогда, быть может, вам удастся вернуться на родину, — сказал Аваллах.

— Нет. — Эльфин печально покачал головой. — Если император не укомплектует полностью легионы и не поставит на защиту Вала опытных бойцов, мира на севере не видать.

— Мира не будет больше нигде, — мрачно пробормотал Аннуби.

Эльфин кивнул в сторону Аваллахова советника.

— То же самое говорит и Хафган. Наступают Темные века. Мира больше не будет, только бесконечные войны. — Он вздохнул. — Нет, назад нам не вернуться. Если нам суждено жить, то лишь здесь, на юге. Надо отыскать землю и закрепиться на ней так, чтобы враг уже не смог нас согнать.

Аваллах снова нахмурился и сказал:

— Позволь мне это обдумать. Моему брату принадлежат земли на юге, с ним живет мой сын. Они вскорости будут здесь. Прошу, поживите у меня до тех пор, чтобы мне с ними поговорить. Возможно, мы сумеем вам помочь.

Эльфин кивнул.

— Будь по-твоему, Аваллах, хоть и стыдно нам принимать щедрость, за которую мы не в силах отплатить.

Аваллах поднялся с кресла. По лицу его пробежала гримаса боли, но он пересилил себя и молвил с улыбкой:

— Не считай себя моим должником, государь Эльфин, ведь я, как и ты, чужой в этой стране. Однако, если тебе так будет легче, мы придумаем, чем ты нас сумеешь отблагодарить.

Они двинулись к дверям. На пороге Аваллах повернулся к Эльфину и сказал:

— Певец...

— Мой сын, Талиесин. Да?

— Нельзя ли уговорить его, чтобы он нам сегодня спел?

— Его не придется долго уговаривать, — отвечал Эльфин. — Хорошо, я его попрошу.

Аваллах приветливо улыбнулся и похлопал Эльфина по плечу.

— У меня светлее на сердце от его песен, хотя я почти не понимаю слов. Ничего замечательней я в жизни не слышал.

— Он — друид, бард, — объяснил Эльфин, пока они спускались из внутренних покоев в зал. — По нашим обычаям, клан и король гордятся искусным поэтом. А Талиесин — на редкость способный бард.

— Один из самых способных, — подтвердил Хафган. — Он обладает необычайным, редчайшим даром.

— И это говорит сам верховный друид, — с гордостью заметил Эльфин.

— Ты говорил, что лишился всего, — промолвил Аваллах. — И все же у тебя в свите не один, а два таких барда. Воистину, ты богач.

Глава шестая

Талиесин не видел Хариту ни в тот вечер, когда снова пел перед Аваллахом, ни на следующее утро, ни днем. Ближе к вечеру он оседлал коня и выехал за ворота в надежде разыскать ее среди холмов.

Однако вместо этого он выехал к шалашу, который Давид с Колленом соорудили неподалеку от разрушенной церкви.

— Здрав будь, Талиесин! — крикнул Давид, выходя ему навстречу. Коллен поднял глаза от горшка, в котором что-то помешивал на огне, улыбнулся и приветливо помахал рукой.

— Здравствуй, святой человек, — сказал Талиесин, ведя лошадь к шалашу. Он привязал ее к кусту остролиста и поднял глаза к маленькому храму — обычной мазанке с плетенными из лозняка стенами. — Здесь поклоняются Благому Богу?

— Здесь и повсюду, где ведают Его имя, — отвечал Давид.

— Все творение — э... Его храм, — вставил Коллен, но тут же залился краской и спросил: — Правильно я сказал?

— Прекрасно сказано! — рассмеялся Давид. — Все творение — Его храм, да. — Он указал на церковку. — Но это место — особое.

— Почему? — спросил Талиесин. — Этот холм — святой? Или ручей, который бежит под ним?

Давид покачал головой:

— Не холм и не ручей, Талиесин, священно самое место, ибо здесь впервые на этой земле прославили имя Иисуса.

Талиесин огляделся.

— Интересное место. А почему здесь?

— Садись с нами. Мы собрались перекусить. Раздели нашу трапезу, и я расскажу тебе про это место. — Он перехватил взгляд Талиесина, направленный на горшок. — Не тревожься, тут на всех хватит. А Коллен отлично стряпает. Он же галл, у них это в крови.

Талиесин сел, Давид подал ему глиняную миску и деревянную ложку, прочел короткую молитву, и все трое принялись за еду. За похлебкой последовало подогретое вино. Они сидели, с удовольствием прихлебывали

из кружек и смотрели, как сгущаются сумерки. Когда в небе зажглись первые звездочки, Давид отставил кружку и начал:

— Давным-давно в этих краях поселилось одно племя. Они жили в свайных домах на озере у подножия Тора. Были у них вождь и друид, а кормились они рыбой из озера, а еще пасли на склонах Тора овец.

На холме они погребали своих мертвецов, ибо здесь стоял безголовый каменный идол. Голова хранилась в пещерке у ручья, и ее время от времени выносили поглядеть на обряды и пляски. Жили они, как было у них заведено, никому не ведомые, кроме ближайших соседей.

Но однажды пришли сюда люди с востока, евреи, и старшим у них был Иосиф — тот самый Иосиф, что плакал над нашим Господом и отдал для Его погребения новый гроб, который высек в скале. Это он вместе с другим человеком, Никодимом, просил прокуратора Пилата отдать им тело распятого Иисуса и похоронил его, как положено по обычаю.

Так вот, Иосиф этот был богат и богатство свое составил на торговле оловом, которой занимался еще его отец. Происходил он из города Аримафеи и мальчиком часто сопровождал отца в поездках на рудники по всему миру. Раз, а может, и не один, приезжали они сюда, на Остров Могущественного, торговать с бриттами.

Иосиф, надо полагать, хорошо запомнил здешние края, потому что, когда Господь вознесся на небеса, он вернулся сюда, захватив с собой многих, уверовавших во Христа. И еще они принесли с собой чашу Тайной вечери, из которой Иисус пил накануне Своей смерти.

Этот-то Иосиф и приказал воздвигнуть на холме храм.

— Тот, что мы сейчас видим? — удивился Талиесин.

— Да нет, вряд ли. Думаю, тут с тех пор было несколько храмов. Однако Иосиф, его слуги и домочадцы жили здесь много лет в мире со всеми, освятили это место своими молитвами, со многими подружились и многих привели в Царствие Божие, хотя вождь озерного народа так и не уверовал. Впрочем, они, видимо, пришлись ему по душе, потому что он дал им двенадцать хайдов земли. Со временем Иосиф и остальные пришельцы умерли, и память о них изгладилась.

— А... э... храм сохранился, — вставил Коллен.

— О да, храм сохранился. И время от времени приходили другие и восстанавливали его. Некоторые говорят, что сюда приходил поститься и молиться апостол Филипп и другие святые.

— А вы здесь зачем? — спросил Талиесин.

Давид улыбнулся.

— Чтобы привести к истинному Богу здешний народ. Тем же заняты и

многие наши братья. Господь наш ходит по миру, открывая Себя людям. Он идет впереди, мы следуем за Ним. — Священник робко пожал плечами. — Он оказал нам честь, позволив разделить Его труды.

Талиесин задумался.

— Вы знаете, — сказал он, — что я встретил истинного Бога — в Ином Мире. — И, заметив, как изменился в лице Коллен, добавил: — Вас это смущает?

— Верно, — отвечал Давид, — что наш Господь редко являет Себя таким образом. Однако, — он сделал великодушный жест, — ты человек необычный. Наш Господь показывает Себя когда пожелает, кому пожелает и как посчитает нужным. — Давид помолчал и улыбнулся. — Мы часто забываем, что мы — Его слуги. Не пристало слуге укорять господина. Если нет тому какой препоны, поведай о своем откровении. Я был бы счастлив услышать.

— Нет никаких препон, — отвечал Талиесин, — охотно расскажу. — Он начал описывать Иной Мир и туман, в который попал, пытаясь различить будущее своего народа. — Туман сгустился, и я потерял дорогу. Он вышел ко мне в обличье Древнего, в сияющем одеянии. Он открыл мне Себя... показал мне тайны веков... — Талиесин смолк, вновь переживая те поразительные мгновения.

Давид молчал, и через некоторое время Талиесин продолжил:

— Много дней после этого я не мог ни говорить, ни вкушать пищи. Мысли мои были полны величием увиденного, но выразить я их не мог. Вот почему при виде тебя я закричал: с уст моих спала немота, и я произнес слова, которые жгли мне сердце.

— Слова эти были молитвенным песнопением, — отвечал Давид, — я буду помнить их до конца жизни.

— Какая... ммм... удача, — вставил Коллен, — что ты встретил именно нас. Кто другой сумел бы тебя понять?

— Не просто удача! Божественный промысел! — сказал священник. — Но ты ведь друид, а ваш народ поклоняется многим богам. Как вышло, что ты решил отринуть их и служить нашему Господу?

— Так Он повелел. Впрочем, у нас человек волен служить любому богу — тому или другому, или вовсе никому не служить, — как уж ему на роду написано. Мы знаем много богов и немало богинь и чтим всех в равной мере. Есть у нас даже бог, у которого нет имени, но которого называем Благим Богом.

Однако мудрые ведают, что все боги — разные проявления одного и того же божества, потому друид может поклоняться любому из них, зная, что чтит всех.

— И все же мне непонятно, откуда ты знаешь, что тебя призвал истинный Бог.

Талиесин широко улыбнулся.

— Все очень просто. Истина — живая, верно? Все жизнь я взыскал истины, как же мне было ее не узнать, когда она мне открылась? И потом, — продолжал он, — я не первый раз Его видел. Однажды, когда мальчиком я впервые ступил в Иной Мир, Он предстал передо мной и обещал научить, что я должен сказать. — Талиесин подался вперед и тронул Давида за руку. — Я много об этом думал: ты и есть то орудие, через которое завершится мое обучение.

Давид замахал на него руками.

— Ты оказываешь мне слишком высокую честь. Это мне пристало сидеть у твоих ног и выслушивать наставления. Воистину, тому, кто видел Христа лицом к лицу, есть чему нас поучить.

Талиесин изумился.

— Ты что, никогда Его не видел?

— Никогда, — с улыбкой отвечал Давид. — И неудивительно. Мало кто из поверивших в Него удостоился такой радости. Очень мало.

— Так как же ты пошел за Господом, Которого никогда не видел? — удивился Талиесин.

— Написано: "Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие". Господь наш знает, как это трудно, и потому благословение Его на тех, кто верит, не увидев. И мы этому радуемся. Думаю, так же и с твоим Иным Миром: многие в него верят, хотя мало кто из смертных ступал по его тропинкам.

— Верно, верно, — согласился Талиесин. — И все же людям легче было бы обратиться, если бы Единый Бог являл Себя более открыто, разве не так?

— Возможно, — сказал священник. — Некогда Он пришел в мир как человек, и многие уверовали, а многие — нет. Увидеть — еще не значит поверить. И потом Спаситель хочет, чтобы в мире была вера. Вера спасает нас от греха и смерти. Что это за вера, если мы будем верить лишь в то, что видели и осязали?

— Так это очень важно — верить?

— Очень, — сказал Давид. — Только через веру мы приходим к истинному Богу.

Талиесин надолго задумался и наконец спросил:

— Почему Он выбрал меня? И почему явил Себя именно здесь?

Коллен изо всех сил старался следить за разговором. Сейчас он не выдержал и вмешался.

— Он свел нас всех вместе, — ликующе объявил он. — Мы — здесь. Мы — здесь. Мы — вместе.

— Хорошо сказано, Коллен, — одобрил Давид. Коллен улыбнулся робко и отвернулся поворошить палкой костер. — Все так и есть. — Священник взглянул на барда, лицо его в свете костра горело радостным рвением. — Господь привел нас сюда с определенной целью. Хорошо, Талиесин, я наставлю тебя в вере. И вместе мы воздвигнем крепость — крепость веры, и тьма ее не объемлет!

Они проговорили далеко за полночь. Как и ожидал Давид, Талиесин оказался способным учеником. Его ум мог сравниться только с его прозорливостью и памятью.

Давид договорился до хрипоты. Он описал землю Израильскую и древние пророчества о приходе Мессии, рассказал о рождении Иисуса, Его жизни и чудесах, объяснил значение распятия и чудесного воскресения, когда Иисус восторжествовал над смертью. Он и дальше продолжал бы рассказывать, потому что Талиесин готов был слушать до бесконечности, но костер потух, и ночной холод начал забираться под одежду. Давид потер глаза, взглянул на догоревшие уголья, на брата Коллена, заснувшего прямо на земле. Глубокая тишина покрывала холм, луна уже зашла, и стало совсем темно.

— Довольно на одну ночь, — устало сказал Давид. — Ах, — вздохнул он. — Послушай... Так звучит мир и покой.

— Сама ночь утишила мирские борения, — отвечал Талиесин, — чтобы почтить Того, Кто принес нам мир.

— Аминь, — зевая, отвечал Давид. — Пойдем же и мы, отдохнем с миром, пока еще есть время.

В общей сложности Талиесин провел с Давидом и Колленом четыре дня. Под конец этого срока Давид устало покачал головой и воскликнул:

— Я поведал тебе все, что знаю! Только святые отцы в Туре могут рассказать больше. — Он сощурился. — Тебе надо отправиться туда, Талиесин. Сядь у их ног — вытяни из них все, как вытянул из меня! По крайней мере, их познания истощатся не так скоро.

— Ты много рассказал мне, брат Давид. Больше, чем ты думаешь, — отвечал Талиесин. — Спасибо. Я отблагодарил бы тебя, будь у меня хоть что-нибудь ценное. Однако, если у меня есть что-нибудь, что тебе по нраву, только скажи.

— Даром ты получил, Талиесин, даром отдавай. Мы не назначаем цену за наши познания, не отгораживаемся премудростью от людей. Да и не

стоит считать себя обязанным другу за пустяк, сделанный из дружеской приязни.

Талиесин обнял священника.

— Друг мой! — воскликнул он и пошел седлать лошадь.

— Отправляйся в Тур, Талиесин. Там Мартин — человек воистину замечательный. Он научит тебя тому, чему не смог научить я. Он ученый и весьма сведущ в вопросах веры. Он будет рад такому ученику.

— Подумаю, — обещал Талиесин, — но прежде я должен вернуться к Аваллаху. Навещу вас при первой возможности. А пока прощайте!

— Прощай!

Талиесин проехал через лощину между двумя холмами и двинулся вдоль подножия Тора, объезжая топь. Наконец он достиг дамбы, соединявшей холм с твердой землей, и продолжил путь ко дворцу. Во дворе его встретил Хафган.

— Четыре дня, Талиесин, — упрекнул его старый друид. — Твой отец о тебе спрашивал, и король Аваллах тоже.

— Неужели четыре? Мне показалось, один миг.

Они пошли в сторону дворца.

— Где ты был?

— Со священником Давидом. Обучался вере в истинного Бога.

— И валялся в грязи, судя по твоему наряду.

— Мы работали за разговором. Время летело. — Юноша остановился и схватил верховного друида за руку. — Это Он Самый, я уверен. Всевышний. Он жил среди людей, на востоке. Его звали Иисус. но Он называл Себя Путь, Истина, Жизнь! Только подумай, Хафган!

— Да, — отвечал друид. — Помню, Кормах упоминал об Иисусе. Говорил, что Его рождение сопровождалось великими знамениями. Но богов много. Не лучше ли почитать Его наравне с другими?

— Он — Любовь и Свет. И Ему следует поклоняться во всей истине. К тому же другие боги — как трава перед Ним, и не пристало нам их почитать. И потом, зачем воздавать почести твари, когда есть Творец?

— В твоих словах есть резон, — согласился Хафган. — Однако другие боги не так требовательны. Многие не захотят подчиняться такой строгости.

— Истина — это истина, ты сам меня этому учил. Если в ней будет хоть капля лжи, она перестанет быть истиной. Я знаю, где она, как же мне теперь от нее отречься?

— Не отрекайся, Талиесин, я бы никогда от тебя такого не потребовал.

Он хотел идти, но Талиесин крепко держал его за руку.

— Боги нашего народа: кузнец Гофаннон, богиня смерти Глота, громовержец Таранис, Эпона-всадница, юноша Мабон, Бригитта — Серебряное веретено, владыка леса Цернунн... да и сам Ллеу Длинная рука — все они указывают на одного безымянного благого Бога. Ты знаешь это, Хафган. Его-то всегда взыскали друиды. Ради Него мудрые с незапамятных времен бродили тропинками Иного Мира. Мы искали Христа, Хафган. А теперь Он нам открылся.

Друид долго обдумывал услышанное. Наконец, взглянув в глаза Талиесина, горевшие ясным светом, он произнес: — Мне по сердцу твои слова. Но отринуть отеческих богов...

— Не отринуть. Подумай: ты меняешь изображение на первообраз, переходишь из тени в свет, отказываешься от рабства ради свободы.

Хафган улыбнулся.

— С тобой не поспоришь. Уже и сейчас твои речи — стрелы Благого Бога.

— Каждый воин приносит клятву стоять за своего господина. Недруги все ближе. Набат пробил, враг у ворот, надо принимать бой.

— Ладно, ладно, только не требуй, чтобы все разом встали на твою сторону.

Они вошли во дворец и прошли в большой зал. Сквозь высокие окна лился яркий солнечный свет, белым золотом рассыпаясь на блестящих каменных стенах. Талиесин быстро огляделся.

— Где все? — спросил он.

— Устали жить в зале и под предводительством Киалла разбили лагерь неподалеку. Но твой отец и Аваллах ждут нас в царских покоях.

Они пересекли светлое пространство зала, отражаясь в зеркальной поверхности пола, словно шли по воде, и очутились перед занавесом в дальнем конце. Слуга отдернул завесу, и они вошли.

В этот миг Аваллах говорил:

— ...союз между нашими народами послужит взаимному благу. Мы с братом долго обсуждали это и решили...

По обе стороны от короля-рыболова сидели двое мужчин, очень с ним схожие: длинные темные кудри, густые черные бороды, богатые одеяния, изукрашенные самоцветами кинжалы за поясом. В обоих угадывалось то же величие. Можно было не сомневаться, что оба — волшебные существа, родичи Аваллаха.

Все глаза устремились на вошедших.

— А вот наконец и Талиесин, — сказал Эльфин, поднимаясь ему навстречу. — Мы тебя ждали.

— Прошу простить меня, государи, — произнес юноша, обращаясь к Аваллаху и своему отцу. — Я только что вернулся.

— Это певец, о котором я тебе говорил, — шепнул Аваллах сидящему справа, потом повернулся к Талиесину. — Мой брат, Белин, — произнес он, — и мой сын, Майлдун. — Им обоим он сказал: — Талиесин, сын короля Эльфина.

— Король Аваллах предлагает нам заключить союз, — объяснил Эльфин. — Мы как раз собирались это обсудить.

— Что тут обсуждать? — удивился Талиесин. — Конечно, нам хорошо заручиться столь могущественным союзником... хотя не вижу, какой прок от этого союза Аваллаху?

Царь кивнул.

— Твой сын одними и теми же словами вызывает на бой и обезоруживает. Полезное умение для короля. Однако вопрос остается: что даст нам этот союз?

Тут заговорил Белин.

— Как уже говорил Аваллах, мы и сами чужаки в этой стране, однако в отличие от вас не можем вернуться на родину. Тайрн, Саррас, вся Атлантида лежат на морском дне. Мы уцелели, но жить нам куда труднее, чем представляется на ваш взгляд.

— Однако вы неплохо устроились. — Эльфин обвел рукой великолепный дворец.

— Не будет похвальбой, если я скажу, что это всего лишь тень, жалкое подобие того, что мы оставили позади. Однако бессмысленно оплакивать прошлое, которого не воротишь. У нас нет выбора, кроме как ужиться со страной, в которой мы оказались

— На наш взгляд, — отвечал Эльфин, — вы прекрасно с ней уживаетесь.

— И все же, — в голосе Аваллаха прорезалась печаль, — это не так, как видится со стороны. Если мы хотим жить здесь и дальше, нам надо меняться.

— В чем же?

— Нам многого недостает, — произнес король-рыболов. — По правде сказать, нам недостает того, без чего нам не выжить в этом суровом краю, — того, что можете дать вы.

— Мы и рады бы помочь вам, чем сумеем, — отвечал Эльфин. — Однако у нас нет ничего своего, как ты прекрасно знаешь. И уж конечно ничего такого, чем бы не обладали вы.

— Я не о том, что можно потрогать руками, — сказал Аваллах.

— Так что же у нас есть, необходимое для вашей жизни?

— Вы — народ воителей, — отвечал Белин. — Вы закалены в боях. Мы ненавидим войны, но понимаем: чтобы удержаться здесь, придется воевать.

— Вы что, предлагаете, чтобы мы сражались вместо вас? — недоверчиво спросил Эльфин.

— Да, в обмен на землю, — отвечал Аваллах.

У Хафгана вырвался сдавленный стон. Лицо Эльфина ожесточилось.

— Подавитесь своей землей! Кимры — не рабы!

Царевич Майлдун вскочил. Лицо его искривила высокомерная усмешка.

— По мне, так у вас нет выбора. Вам нужна земля, нам — воины. Все просто. А какой еще от вас прок?

Эльфин побагровел от гнева и открыл было рот, чтобы ответить. Однако, прежде чем он произнес хоть слово, Талиесин выступил вперед и встал между отцом и Аваллахом.

— Позволь нам удалиться, король Аваллах, чтобы мы могли между собой обсудить твое предложение.

— Не будем мы... — начал Эльфин с жаром.

Талиесин повернулся к нему.

— Давай сейчас же уйдем, — сказал он мягко.

Эльфин круто развернулся и вышел. Хафган и Талиесин последовали за ним. За все время, что они шли по дворцу, никто не произнес ни слова.

— Киалл бы его убил, — мрачно произнес Эльфин, когда конюхи подбежали с лошадьми.

— Он не знал, что говорит, — молвил Хафган.

— Глотку перерезают за меньшее.

— Он по-настоящему заблуждался.

— А будь со мной мой кинжал, его сын был бы по-настоящему мертв!

— Сейчас твоими устами говорит гнев, — сказал Талиесин. — Я не буду слушать.

Лошадей подвели. Эльфин выхватил у конюха поводья и вскочил в седло.

— Ты едешь?

— Нет, — отвечал Талиесин. — Я задержусь ненадолго и попробую переговорить с Аваллахом.

— Нечего с ним разговаривать. Мы уходим из этих краев.

— Позволь мне прежде поговорить с ним с глазу на глаз. Может быть, он уже жалеет о своей ошибке.

— Ладно, говори, — буркнул Эльфин. — Я тем временем займусь сборами. Видно, что мы здесь больше не нужны.

Подковы зацокали по двору, а Талиесин вернулся во дворец. Когда он шел по переходу в зал, впереди мелькнула тень. Он остановился и позвал:

— Выйди, друг, поговорим лицом к лицу.

Через мгновение из темноты выступила худощавая фигура Аннуби. Талиесин и прежде видел царского советника, но лишь издали и мельком. Сейчас его изумил облик этого человека: смертельная бледность, скорбный рот, потухшие серые глаза, на голове редкий седой пух. Прорицатель шагнул вперед, и тени как будто сгустились, надвинулись вместе с ним, — так плотно окружала его тьма.

— На одно слово, господин, — вздохнул Аннуби. Он стоял очень близко, и Талиесин ощутил гнилостный запах из его рта.

— Ты советник Аваллаха, — сказал Талиесин.

— Я им когда-то был. — Прорицатель мертвыми глазами смотрел на юношу. — Однако я утратил зрение и голос.

Талиесин поежился под этим мрачным, пугающим взглядом.

— Чем могу тебе служить?

— Оставь нас, — прошипел Аннуби. — Твой отец прав, вы здесь больше не нужны. Уходи и не возвращайся.

— Почему? Зачем ты нас прогоняешь?

— Аваллах говорит о будущем, о союзах... ба! Мечты! Обольщения! У нас нет будущего. Мы принадлежим к миру, который погиб и не возродится.

— Возможно, — сказал Талиесин. — Времена проходят, мир изменяется. Так устроена Вселенная. Но... — Он обвел рукою дворец, — ...вы и тут неплохо устроились.

— То, что ты видишь вокруг, — обман зрения. Это ничто — менее, чем ничто! — Он сухощавой рукой ухватил Талиесина за плечо. — Мы — отзвук умершего голоса. А вскоре стихнет и отзвук.

Талиесин хотел снять его руку со своего плеча и почувствовал кости под дряблой кожей запястья.

— Но он еще не стих. И не стихнет, покуда есть те, кто его слышит. — И юноша зашагал по переходу.

Аннуби за ним не пошел, но снова вжался в тень.

— Мы умираем, — простонал он, и тьма застонала с ним. — Уйди и дай нам умереть с миром!

Слуга вновь провел Талиесина во внутренний покой. Белин ушел, но Аваллах с Майлдуном по-прежнему были здесь. Оба уставились на Талиесина; Майлдун нахмурился, но Аваллах принудил себя улыбнуться.

— А, это ты, Талиесин? Выпьешь с нами вина? — Он налил кубок и протянул юноше.

— Отец говорил, что ты искусный певец, — вставил Майлдун. — Жаль, что я никогда тебя не услышу. — Он высокомерно усмехнулся.

— Ты лучше других должен понять, — сказал Талиесин. — Мой отец не был бы королем, если бы оставил без внимания прямое оскорбление себе и своему народу.

— Так значит, союз с нами для вас оскорбителен? — с жаром спросил Майлдун.

Глаза Аваллаха сузились.

— Ты видишь, как легко извратить смысл? — спросил Талиесин.

— Все я понял! — Майлдун грохнул кубком о стол.

— Все ли? — Талиесин взглянул прямо ему в лицо. — Тогда я напрасно сюда вернулся.

— Погоди! — шагнул вперед Аваллах. — Кажется, я понял... или начинаю понимать. Останься, Талиесин, поговорим.

— Что с ними разговаривать? — сердито вскричал Майлдун. — Все против нас, отец. Мы можем полагаться лишь на свои мечи. Пойми!

— Выйди, Майлдун, — мягко попросил Аваллах. — Я поговорю с Талиесином.

Царевич с грохотом поставил на стол кубок, вино плеснуло на камни у его ног, густое и алое, как кровь. Аваллах подлил себе еще вина и, когда Майлдун вышел, указал Талиесину на кресло.

— Мой сын несдержан, — сказал Аваллах. — Я сам когда-то таким был. Ему нужно то, чего у него нет, а то, что у него есть, ему не нужно. Это мешает жить. — Король-рыболов подошел к креслу и с превеликой осторожностью опустился в него. — Сядь, Талиесин.

Бард сел.

— Твоя рана тебя тревожит?

— Увы, сегодня опять, — вздохнул Аваллах. — Она то хуже, то лучше.

— Странная болезнь, — посочувствовал Талиесин.

— Да уж, — согласился Аваллах. — И единственное от нее средство — общество священника Давида.

— Я тоже ощутил на себе его силу — вернее, силу Бога, Которому он служит. Возможно, если ты обратишься к Господу Вышнему, ко Христу... — начал Талиесин, и свет вспыхнул в его глазах.

— А я и обратился, — молвил Аваллах. — Я поклялся Ему служить и принял водное крещение здесь, в моем озере. За себя и за всех моих домочадцев. Так у нас принято. И все же Всевышний не посчитал нужным исцелить мою немощь. Возможно, как говорит Давид, Он учит меня смирению. Я и впрямь много не знаю об этом новом Боге.

Аваллах задумчиво отхлебнул вина, потом поднял взгляд и весело улыбнулся.

— Странно, не правда ли? Чужаки из разных миров, объединенные верой в одного Бога. Так пусть между нами не будет недоразумений. — Он отодвинул чашу, словно она-то и была источником непонимания.

— Прекрасные слова, — отвечал Талиесин. — Я убежден, что ты не хотел нас оскорбить. Однако тебе следовало знать, что твое щедрое предложение ввергает нас в узы рабства. У моего народа земля принадлежит королю, а король — земле, с древних времен они нераздельны. Жизнь клана зависит от правды короля: если он правит справедливо, на земле царят мир и благоденствие. Если король процветает, процветает и земля.

— Так и у нас, — заметил Аваллах.

— Король служит земле и защищает ее. Он раздает ее своим людям, а те в обмен должны являться с оружием по его зову.

Аваллах долго молчал.

— Спасибо, что объяснил, — сказал он наконец. — Теперь я понял, как оскорбительны были мои слова, и сожалею, что говорил, не ведая.

— Я не держу на тебя обиды.

— Тогда скажи мне, Талиесин, как мне загладить сделанное?

— Это будет нелегко, — отвечал Талиесин.

— Говори, я готов на все.

— Отлично. Вот как ты сможешь вернуть себе доверие моего отца. — Талиесин изложил Аваллаху свой план, царь согласился.

ГЛАВА седьмая

Когда на Хариту накатывала печаль, она искала утешения в прогулках верхом. Ветер и солнце или дождь и туман успокаивали тоску. Среди холмов ее одиночество терялось в пустынности этого дикого края. Она возвращалась с прогулок если не счастливая, то умиротворенная, ее беспокойный дух на время утихал.

Но теперь это не помогало. Она скакала и, когда уже казалось, что забытье близко, что солнце и холмы вот-вот возьмут свое, внезапно оборачивалась проверить, не едет ли сзади он. И всякий раз ее сердцебиение учащалось, дыхание перехватывало.

Она убеждала себя, что здесь его быть не может, что он ей ни к чему, но все равно оглядывалась. А не видя его, испытывала такое разочарование, что новообретенный душевный покой рассыпался в прах. Пять дней скакала она по диким холмам и каждый вечер возвращалась без сил и в тоске.

По ночам во дворце было тихо и пусто, гораздо более тихо и пусто, чем до прихода кимров. Даже Белин и Майлдун со свитой не заполняли пустоту и не разгоняли тишину так, как кимры своими песнями и рассказами.

Она ела вместе со всеми в зале, но трапезы были такими скучными, что нагоняли сон; разговоры и развлечения напоминали чуть подогретый жиденький суп. Странное дело: шумные и порывистые кимры, которые, казалось, всем так мешали своей суетой, заразили самый воздух дворца дерзкой жизненной силой. Они пробыли здесь считанные дни, но каким-то образом сумели так заполнить собою дворцовый быт, что без них всем стало не по себе, словно от здорового дерева отломили ветку.

Харита озиралась по сторонам. Дворец, всегда казавшийся таким красивым, хоть и скромным по сравнению с прежним, вдруг потускнел, сделался блеклым и неказистым: холодный овечий загон на голой скале посреди болот. Как она проживет здесь еще день, не то что всю жизнь?! Однако она жила и страдала.

На пятый день царевна вернулась с прогулки и увидела во дворе вороного коня. Она остановилась неподалеку и спрыгнула на землю.

— Это конь чужестранца? — спросила она конюха, державшего вороного под уздцы.

— Да, царевна, — отвечал тот, принимая у нее поводья.

Она помедлила и взглянула на вход, словно решая, входить или нет, потом медленно двинулась к ступеням. Сделала несколько шагов по переходу и снова остановилась. Кто-то шел навстречу. Может быть, ее еще не заметили. Она повернулась и побежала на улицу.

— Погоди! — окликнули сзади.

От этого звука у нее похолодели пальцы. Она заколебалась.

Талиесин выступил в квадрат света у открытой двери. Харита замерла на цыпочках, вытянув руки, словно собиралась обратиться в бегство; на лице ее застыли испуг и радость.

— Постой, Владычица озера, — ласково произнес юноша. С плеч его ниспадал голубой плащ, скрепленный серебряной пряжкой в виде двух сцепленных рогами оленьих голов. У оленей были изумрудные глаза. Харита смотрела на пряжку, чтобы не смотреть в очи певцу.

— Я думал увидеть тебя босой, — сказал он, указывая на ее сандалии. — Но ты, вижу, сумела обойтись без сапог.

— Истинный королевич вернул бы их. — Собственный голос резал ей слух. Она мучительно скривилась.

— Позволь мне исправить свою вину. — Пройдя мимо нее, Талиесин вышел во двор, подошел к своему коню и в следующее мгновение вернулся с сапогами. — Я сберег их для тебя.

Она не шелохнулась.

— Они ведь твои, царевна Харита, разве не так?

Ее имя в его устах прозвучало, как гром с ясного неба. Кровь прихлынула к щекам.

— Мои, — прошептала девушка, словно признаваясь в чем-то постыдном.

— Так надень их. — Талиесин, держа сапоги, опустился перед ней на колени.

Харита приподняла ногу, легко опершись рукой на его плечо, ощутила, как его пальцы развязывают шнуровку, снимают сандалию. Сапог натянулся легко, и она приподняла другую ногу, глядя, как свет играет в золотых кудрях Талиесина. Он начал развязывать вторую сандалию, и от тепла его ладони по коже пробежала дрожь. Дыхание участилось.

— Я ждал тебя, — сказал он, выпрямляясь. Его ясные глаза были сейчас зеленые-презеленые, как листва.

Слова застряли у нее в горле. Она забыла, как говорить.

— Я... я каталась верхом. — Вот все, что ей удалось выдавить.

— Возьми меня с собою, — с жаром попросил он. — Покажи мне, где ты бываешь.

Харита по-прежнему смотрела, но уже не на пряжку — ее взор скользил по его лицу. Без единого слова она повернулась к дверям, вышла во двор и легко запрыгнула в седло. Талиесин тоже вскочил на коня и вслед за ней поскакал по серпантину к дамбе, ведущей через болото.

По ту сторону дамбы Харита пустила коня в карьер, и серый полетел стрелой, только бросилось улепетывать из-под копыт перепуганное заячье семейство. Всадница вырвалась на гребень холма и устремилась вниз, Талиесин за ней. Так они мчались, перемахивая через холмы, под голубым небом. Мягкая молодая трава, усеянная мириадами лютиков, покрывала землю.

Они пронеслись через долину, вдоль быстрого ручья. В верховьях сплошной стеной встали заросли боярышника. Здесь Харита пустила коня прямо по воде, в единственный просвет между деревьями.

За боярышником начался прохладный березняк. В кружевной тени стоял гомон множества белок, дроздов, скворцов. Сквозь влажную прошлогоднюю листву пробивались колокольчики и ясменник, в воздухе плыл сладкий аромат жимолости. Четыре рыжих оленя вскинули головы на звук приближающихся всадников. Мгновение они смотрели на непрошеных гостей, потом разом повернулись и в несколько огромных скачков унеслись прочь.

Харита с Талиесином медленно ехали между стройными стволами. Оба молчали. Вновь и вновь Харита чувствовала на себе взгляды певца, но обернуться не смела, боясь встретиться с ним глазами.

Наконец они подъехали к месту, где из земли торчал большой черный валун. Когда-то давным-давно к нему прислонили два других, и все три накрыли большой каменной плитой. Дольмен стоял посреди леса; он так оброс серым и желтым лишайником, что казался частью живой природы — гриб-великан, недобрый хозяин леса.

Харита остановила серого, легко соскочила на землю, бросив поводья, подошла к дольмену и положила руку на грубый камень.

— Мне нравится думать, что это — надгробье, — сказала она, помолчав, — и на этом самом месте давным-давно произошло что-то очень славное или очень печальное. — Она бросила взгляд на Талиесина, который сидел, склонясь на луку седла, и не сводил с нее глаз. — Не разубеждай меня, даже если знаешь, что это не так.

— Все, как ты говоришь, — отвечал юноша, спрыгивая с коня. — Жизнь состоит из событий печальных и славных. Одни сохраняются в памяти,

другие... другие разыгрываются вдали от человеческих глаз и навеки остаются неведомыми. Однако скажи, что, по-твоему, здесь случилось?

Он шагнул к ней.

Харита приложила ухо к камню и закрыла глаза.

— Ш-ш-ш, — прошептала она. — Слушай.

Талиесин слышал обычные лесные звуки, жужжание насекомых, пересвист птиц, шуршание листвы на ветру. Он завороженно глядел на девушку. Она была пригожа, как солнечный день, с глазами чистыми, глубокими и переменчивыми, как море, стройная и величавая, с движениями плавными и грациозными. Простое белое платье и зеленый с золотом пояс казались одеянием богини. Никогда не видел он девушки прекраснее; она манила его своей невыразимой загадочностью. Он чувствовал, что с радостью отдал бы жизнь только за то, чтобы вот так стоять и смотреть на нее, не чая проникнуть в тайну.

— Что ты слышишь? — спросил Талиесин.

Харита открыла глаза и сказала твердо:

— Жила-была девушка... — Она пошла вокруг камня, продолжая, — ...которая попала сюда из заморской страны. Жилось ей трудно, потому что край этот суров, и она поневоле сравнивала его с оставленным позади. Она мечтала вернуться в свой старый дом, но не могла, ибо он погиб в пламени. Она тосковала и, чтобы развеять тоску, ездила на лошади по холмам, искала чего-то, сама не зная чего.

Однажды она встретила юношу — услышала его пение в лесу. Он спел для нее и поймал ее сердце, как птицелов ловит шелковым силком птичку. Она пыталась вырваться, но тщетно — силок держал крепко.

Она могла бы быть счастлива с юношей, отдать все, чтобы остаться с ним... но этому не суждено было сбыться.

— Почему?

— Потому что они принадлежали к разным народам, — печально отвечала Харита, и Талиесин услышал в ее голосе скорбную покорность судьбе. — К тому же девушка была из знатной семьи, ведущей свой род от богов.

— А юноша? Разве он не был знатного рода?

— Был... — отвечала она и, отступив от него, снова пошла вокруг дольмена, ведя руками по камню, как будто нащупывала знаки, вырезанные здесь во время оно и стершиеся от ветра и дождей.

— Но?

— Но сородичи его были грубы и неотесанны, как и та земля, на которой они родились. Воины по призванию, буйные и невоздержанные, они

во всем отличались от народа девушки, и многого в ней он никогда не сумел бы понять. И хотя она отдала юноше свое сердце, им не суждено было быть... — Она смолкла.

— Счастливыми? — предположил он.

— ...вместе. От этого девушка скорбела и убивалась. Жизнь на чужбине стала еще горше.

— А что юноша? — спросил Талиесин.

— Юноша ушел, — просто отвечала Харита. — Со временем он вернулся в свое далекое королевство и увез с собой девичье сердце. Она не могла жить без сердца и потому начала угасать. С каждым днем она понемногу умирала, и пришел день, когда она так и не проснулась. Родные оплакали ее и принесли тело сюда, на то место, где она встретилась с юношей. Здесь ее похоронили, а над могилой воздвигли каменное надгробье.

Талиесин медленно двинулся вокруг дольмена.

— И впрямь печальный рассказ, — сказал он, помолчав. — Если бы юноша сильнее любил, он бы придумал, как спасти девушку. Он бы увез ее с собой, или они поселились бы вместе в другой стране...

— Быть может, — отвечала Харита, — но обоих удерживал долг — долг перед народом и перед страной. Их миры были слишком далеки.

— Ах, — вздохнул Талиесин, закрыл глаза и, скользнув спиною по камню, уселся на землю.

Харита смотрела на него с любопытством.

Певец заморгал глазами и сказал:

— Мертвая и похороненная, девушка так и не узнала, что сталось с юношей.

— Думаю, он нашел себе другую среди своего народа, — сказала Харита.

Талиесин грустно покачал головой.

— Нет. Некоторое время он влачил жалкое существование, полубезумный от горя и обиды. Однажды он пришел в себя и вернулся к девушке. Ему рассказали, что она умерла, тогда он пришел на ее могилу и рассек себе грудь кинжалом. Он вынул сердце, похоронил его рядом с девушкой, потом лег... — Талиесин замолчал.

— Что с ним сталось?

— Ничего, — скорбно отвечал Талиесин, — так и лежит.

Харита различила озорную искорку в его глазах, легкое подрагивание в уголках губ и рассмеялась. Смех прогнал грусть, навеянную печальным рассказом.

— Не пытайся его утешить, — предупредил Талиесин. — Его сердце — с девушкой, и нет для него теперь ни боли, ни радости.

Харита опустилась рядом с ним на колени. Он протянул руку, и пальцы их соединились. Он прижал ее ладонь к губам. Она смотрела, как он целует ей руку, потом закрыла глаза и в следующий миг ощутила губами касание его губ.

В их лобзании была робкая чистота, но была в нем и страсть, жар, от которого пробудился дремлющий голод.

Талиесин молчал, но она слышала его дыхание. Он был так близко, что она ощущала кожей его тепло.

— Ни боли, ни радости, — прошептала она и приникла лицом к его груди. Обхватив ее руками, он медленно запел.

Тени в лесу сгустились, прежде чем они шевельнулись. Косые лучи расчертили землю светлыми полосами, серые облака порозовели. Лошади забрели под деревья и стояли, опустив длинные морды.

Талиесин коснулся ладонью ее щеки.

— Харита, душа моя, — прошептал он, — если я и похитил твое сердце, то лишь ценой своего.

Харита хотела было встать, но он не выпускал ее руки.

— Нет, — выговорила она. — Я... я не выдержу.

Она высвободила руку, встала, отошла на несколько шагов, остановилась и снова взглянула на него. Глаза ее стали суровыми, словно каменный дольмен.

— Не бывать этому! — сказала она, и звук ее голоса острым ножом рассек тишину леса.

Талиесин медленно встал.

— Я люблю тебя, Харита.

— Одной любви мало!

— Более чем достаточно, — сказал он.

Она обернулась к нему.

— Более чем достаточно? Она не может остановить боль, печаль, смерть! Не может вернуть утраченное!

— Не может, — согласился Талиесин. — Жизнь рождается из боли. Ее нельзя избежать, но любовь помогает сносить боль.

— Я не хочу ее сносить, не хочу вечно терпеть. Я хочу освободиться, забыть. Поможет ли здесь любовь?

— Любовь, Харита... — Талиесин подошел, положил ей руки на плечи и почувствовал, как сильно они напряжены. — Любовь никогда не забывает, — сказал он мягко. — Любовь никогда не устает надеяться, верить, терпеть. Пусть боль и смерть силятся взять верх, любовь стоит крепко.

— Красивые слова, Талиесин, — глухо отвечала Харита, — но всего лишь слова. Я не верю в такую любовь.

— Тогда поверь мне, и я ее тебе покажу.

Харита отвернулась, и он успел заметить на прекрасном лице следы долгих лет одиночества и еще другое — глубокую, кровоточащую, открытую рану в сердце. Вот откуда ее гнев; и отсюда же гордость.

— Я покажу тебе такую любовь, — нежно повторил он.

На мгновение она смягчилась и даже полуобернулась к нему. Однако боль была слишком велика. Лицо ее вновь посуровело, она схватила поводья.

Он не пытался ее удерживать, просто смотрел, как она скачет между деревьями. Через несколько мгновений раздался всплеск — серый вошел в ручей. Тогда он вскочил в седло, развернул коня и поскакал к выходу из долины.

Он уже достиг зарослей боярышника, но еще не успел въехать в ручей, когда из долины донесся сдавленный крик, а следом прозвучало "Талиесин!".

Юноша натянул поводья и прислушался. Все было тихо. Он хлестнул лошадь уздечкой по шее и понесся галопом. Шипы цеплялись за одежду и кожу, но Талиесин, ничего не чувствуя, летел вперед.

Сперва он не увидел ее, только копошащуюся серую массу — это билась поваленная наземь лошадь, которую трое держали за шею и голову. Еще четверо волоком тащили по земле кого-то в белой одежде... Харита!

Талиесин устремился на помощь. В этот миг Харита высвободилась из рук нападавших и отскочила назад. У разбойников были копья, и все четверо наступали на нее с оружием наперевес. Талиесин все еще был далеко, он понял, что не успеет. На бешеном скаку он с бессильным ужасом наблюдал, как один из нападавших подался вперед, целя в Хариту страшным наконечником.

Копье метнулось в воздухе, и в тот же миг Харита исчезла... в следующее мгновение она перекувырнулась над головой врага — колени прижаты к груди, голова — к коленям, косы развеваются. Разбойник, потеряв равновесие, рухнул навзничь.

За спиной у ошарашенных противников Харита припустила бегом. Один из тех, что держал лошадь, разжал хватку и метнулся за ней. Его руки схватили пустой воздух, и он растянулся на земле.

Теперь уже все разбойники кинулись на девушку, железные наконечники их копий блестели в тени долины. Один из них молниеносно вскинул копье и, размахнувшись, бросил его в Хариту.

Однако девушка снова исчезла. Древко вонзилось в землю и осталось стоять, дрожа.

Нападавший бросился за копьем, но Харита, перекатившись по земле, ухватила древко и выставила наконечник навстречу бегущему. Тот резко остановился, выпрямился и пошатнулся. В следующий миг он с криком обернулся к товарищам, сжимая руками торчащее из груди копье.

Он упал, но другой перепрыгнул через него и сзади ухватил пытавшуюся увернуться Хариту. Он держал ее за локти и разворачивал к товарищам, один из которых уже изготовился вонзить в нее острие копья.

Копье мелькнуло, прошло там, где только что стояла Харита, и насквозь пропороло разбойника в тот миг, когда девушка перемахнула через его голову.

Талиесин был уже так близко, что видел ужас в глазах нападавших. Они думали быстро разделаться с девушкой, забрать лошадь и что там еще окажется ценного, но совершенно не рассчитывали связываться с чертовкой, которая возникает и пропадает, когда ей вздумается.

Потеряв двух товарищей смертельно раненными, они растеряли прежний задор. Ближайший выставил копье и начал отступать от Хариты, надеясь скрыться в лесу. Слишком поздно услышал он за спиной топот конских ног. Талиесин мельком увидел перепуганное лицо — выпученные глаза, открытый рот, — прежде чем подмять его под копыта своего скакуна.

Остальные разбойники бросились врассыпную. Их испуганные крики еще долго оглашали долину.

Талиесин спрыгнул с лошади и подбежал к Харите. Она дрожала, одежда на ней была порвана, измазана грязью и травяным соком, на руках, выше локтей, где держал ее разбойник, остались красные следы, но в остальном она, похоже, не пострадала. Он протянул было руки, да так и уронил их, не решившись ее обнять.

— Я не ранена, — сказала Харита, переводя взгляд с одного мертвеца на другого. — Кто это?

— Ирландские морские волки. Без сомнения, они приплыли вчера из-за Хабренского залива в поисках легкой поживы. — Он тоже взглянул на тела. — Думаю, им хватило, и они сегодня же вернутся домой.

— Все случилось так быстро. — Она все еще дышала часто и неровно. — Сколько их было?

— Семеро, — отвечал Талиесин. — Было семеро, осталось четверо.

Он снова взглянул на девушку, и она показалось ему бесконечно чужой — пришелица из невыразимо далекого мира.

— Если б ты видел меня на бычьей арене, ты бы на меня так не смотрел. — Она слабо улыбнулась. — Я танцевала со священными быками в храме Солнца. — Она поежилась. — Есть вещи, которые не забываются.

— Надо возвращаться. Думаю, они разбежались, но поблизости могут быть и другие. — Он подвел ей лошадь.

— Талиесин, были ли это те самые... те самые, что вторглись в ваши края?

— Нет. — Он медленно покачал головой. — Эти с юга Иберии, прибрежные грабители. Они редко заходят так далеко от моря, чаще просто разоряют приморские деревни, угоняют скот и, если попадется, забирают золото.

Она с некоторым усилием забралась на серого и взглянула на Талиесина с высоты седла.

— Ты скоро уедешь.

— Почему ты так говоришь?

Она подняла голову, взглянула на догорающий закат.

— Нам не быть вместе, Талиесин. Моя жизнь кончилась там... — Она кивнула на оранжево-алую полосу.

— Но здесь... здесь она начинается снова, — отвечал Талиесин.

— Каждому из нас дается лишь одна жизнь, певец. — С этими словами Харита развернула лошадь и поскакала во дворец.

Глава восьмая

— Можно укрепиться. У нас есть оружие, надо будет — соберем войско, — пылко убеждал Белин, расхаживая по комнате.

Майлдун с жаром поддержал родственника.

— Слушай его, отец. Мы в силах обороняться. И потом здесь, на юге, дела не так плохи, как там, на севере. Может, они сюда и не дойдут. Совершенно ни к чему отдавать землю этим... этим кимрским варварам.

Аваллах приподнялся на носилках и устало замотал головой.

— Вы все еще не поняли. Я отдаю землю, чтобы сделать им доброе, а не из страха, и ничего не жду взамен.

— Ты ждал, что они будут нас защищать.

— Ждал, — согласился Аваллах, — и это было ошибкой.

— Этот певец тебя охмурил.

Слова Майлдуна заставили Аваллаха вскочить.

— Мы поговорили, и он меня убедил, — воскликнул он, цепляясь за шест балдахина, чтобы устоять. — Что бы вы ни думали об этих людях, они умный и честный народ.

— Они немногим лучше окрестных скотокрадов и разбойников, — фыркнул Белин.

— Верь мне, отец, их честь — кинжал в горло или копье в спину. — Майлдун скрестил руки на груди, на лице его застыла дерзкая усмешка.

— Мы сможем выжить... — В голосе Аваллаха слышались раскаты далекого грома, — ...лишь если научимся жить с ними в мире.

— Твое решение бесповоротно?

— Да.

— Тогда к чему спорить? Раздавай земли кому угодно. Да хоть подари все своему бормочущему святоше! Однако, клянусь Кибелой, я не буду в этом участвовать! От меня они не получат и камешка!

— Белин, — мягко попросил Аваллах, — говори уважительно о священнике. Он святой человек, а я теперь служу истинному Богу.

— Что мы услышим дальше? — вскричал Майлдун, словно не веря своим ушам.

— Это по крайней мере кое-что объясняет, — насмешливо промолвил Белин. — Все твои разговоры про дары, доброту, мир. Одного не понимаю — почему ты считаешь, что это как-то окупится.

— Доброта сама себя окупает. Впрочем, я и не прошу вас меня понять.

— Ну и делай, как считаешь нужным. Зачем с нами советоваться?

— Я хочу, чтобы между нами было согласие, — просто отвечал король-рыболов.

— Не будет этого, — отрезал Белин, — покуда ты стоишь на своем. — Он протянул руку Майлдуну, который с перекошенным лицом смотрел на отца. — Идем, Майлдун, нам нечего здесь больше делать. Все уже сказано. — Они двинулись к выходу.

В этом миг из-за занавеса выступила Харита. С ней был Талиесин. Аваллах с первого взгляда увидел, что одежда на ней порвана и в грязи.

— Что случилось, Харита?

— Пустяки, — отвечала она. От ее внимания не ускользнули сердитые лица брата и дяди. — Я каталась верхом, и на меня напали.

— Видишь! — взревел Майлдун. — И ты по-прежнему хочешь отдать им землю? Лучше уж протяни руку ехидне, отец, ты получишь больше благодарности.

— Не будет между нами мира, — мрачно произнес Белин. Он бросил на Талиесина полный нескрываемого презрения взгляд. — Пока ты толкуешь о мире, они строят против тебя козни.

Харита повернулась к Белину.

— О чем ты?

— О том, что такого бы не случилось, если бы Аваллах не распалил их своими посулами, — отвечал Белин. — Надо мне было с самого начала не соглашаться.

— Ты считаешь, что мои родичи как-то участвовали в этом нападении? — Талиесин сделал к Белину шаг.

— Так ты думаешь? — спросила Харита. — Да?

— Это очевидно, сестренка, — произнес Майлдун. — Ты еще немного не в себе, а то и сама бы поняла.

— Это ты не в себе, братец! — Харита повернулась к нему, глаза ее вспыхнули огнем. — Я пыталась убежать, но их было слишком много. Если бы не подоспел Талиесин, меня бы убили или увезли. Он спас мне жизнь.

— Их было семеро. Ирландцы, — сказал Талиесин.

— Ирландцы, кимры — все одно, — парировал Майлдун. — Кровожадные варвары. Да он сам и напал!

— Ложь! — прошипела Харита.

— Глупец, кто не отличает друга от врага, — спокойно произнес Талиесин.

— Это я, выходит, глупец! — Майлдун пошел на Талиесина, сжав кулаки, выставив подбородок.

— Остановись! Бард сказал правду. — Аваллах кивнул в сторону Талиесина. — Ты получишь награду за спасение моей дочери.

— Я не прошу награды, государь, да и не приму ее. — Юноша сухо поклонился Харите. — Я проводил даму домой и уезжаю. — Он шагнул к занавесу.

— Подожди немного во дворе, — крикнул вслед Аваллах. — Я еду с тобой.

— После всего, что случилось, ты по-прежнему не оставляешь свой злополучный замысел? — с досадой произнес Майлдун, когда Талиесин вышел.

— Все случившееся только укрепило мою решимость, — отвечал Аваллах.

— Ты торопишься во что бы то ни стало раздать свое королевство? — спросил Белин. — Темнеет, скоро ночь. Подожди хоть до завтра. Успеешь.

— Решившись сделать доброе дело, — отвечал Аваллах, направляясь к занавесу, — я не желаю терять и мига. Нет, я еду немедленно. Более того, я хочу, чтобы вы ехали со мной.

Белин и Майлдун переглянулись, не веря своим ушам.

— Да, — продолжал Аваллах. — Мы едем вместе. Что бы вы ни думали о земле, надо загладить оскорбление и выразить благодарность.

И так король-рыболов с Талиесином, Харитой, Майлдуном и Белином проскакали сквозь сумеречный лес в стан кимров, который Киалл разбил у ручья, на лужке под соседним холмом.

На подъезде к лагерю всадников встретили часовые.

— Здрав будь, Талиесин! Вернулся наконец. Отец тебя ждет, — сказал дозорный, один из уцелевших дружинников Эльфина.

Огромный костер ярко пылал, оранжевые языки разгоняли сумерки, из котлов, булькающих на углях по внешнему краю огня, шел запах мяса и трав. Костер обступили простые шалаши из жердей и бычьих шкур. Когда всадники спешились, из одного шалаша показались Эльфин и Ронвен.

— Владыка Аваллах, — удивился Эльфин, — не думали снова тебя увидеть.

— Государь Эльфин, государыня Ронвен, — учтиво отвечал Аваллах, — мы не хотели бы навязывать свое общество там, где нам не рады. Однако с нашей последней встречи события приняли новый оборот. Я хотел бы поговорить с тобой, Эльфин, если тебе угодно меня выслушать.

Эльфин повернулся к жене.

— Принеси нам рог с пивом, если осталось.

Гостям же сказал:

— Вечер еще ранний. Вы ели?

— Мы только что из дворца, — отвечал Талиесин, — и охотно поужинаем вместе со всеми.

— Да, будем премного обязаны. — Аваллах глубоко вдохнул морозный ночной воздух. — Ах! Прогулка верхом пошла мне на пользу. Еще недавно я был прикован к ложу увечьем, а сейчас бодр, как никогда.

— Тогда милости просим к столу, — сказал Эльфин и крикнул, чтобы принесли факелы. Вышла Ронвен с двумя рогами пива: одним для гостей, другим для кимров.

— Садитесь, государи мои, — сказала она, — и обсудите свои дела. Когда трапеза будет готова, я подам.

Она вернулась к женщинам, суетившимся возле костра. Остальные кимры с любопытством, но не назойливо следили за происходящим; казалось, они заняты своими делами, тем не менее видели все и почти все слышали.

Как только все уселись в кружок, подошли Хафган и Киалл. Эльфин подвинулся, освобождая им место, и протянул рог.

— Садитесь с нами, — сказал он. — Государь Аваллах приехал поговорить, и я обещал его выслушать.

— Как скажешь, государь, — пробурчал Киалл, подразумевая, что если Аваллах, будь он сто раз царь, все еще жив, то лишь по великодушной щедрости Эльфина, и, реши тот иначе, все было бы совсем по-другому. Хафган просто подобрал одеяние, сел, принял кубок и выпил.

— Мы тебя заждались, — сказал Эльфин Талиесину. — Когда ты не поехал за нами, я встревожился.

Талиесин хотел было ответить, но Аваллах перебил его:

— Сегодня днем на мою дочь напали ирландские разбойники — ты сказала, их было семь? — Харита кивнула, и король продолжал. — Не знаю, как именно это произошло, но твой сын пришел на помощь и спас ее.

— Так это, Талиесин? — удивился Эльфин.

— Да. Трое были убиты, остальные разбежались.

— И уж, наверное, гребут к дому что есть силы, — хохотнул Киалл.

— Я всей душой благодарен, — продолжал Аваллах, — но приехал не за тем. — Он помолчал, видя подозрительность в темных глазах кимров. — Это по поводу земли.

— Ты сказал, что переменил свое мнение, — промолвил Эльфин. — Это как-то связано с нападением?

— Отчасти. Талиесин не просил награды и сказал, что не примет ее. Прекрасно, тут он волен решать сам. И, по правде говоря, я принял решение до того, как услышал о нападении. — Аваллах поднял рог и выпил. Остальные смотрели на него — кимры выжидательно, атланты — негодующе. — Хорошее пиво, — сказал Аваллах, отнимая рог ото рта. — Никогда такого не пил.

— Мы тоже кое-что умеем, хоть и не живем во дворцах, — буркнул Киалл.

Эльфин бросил на помощника быстрый, недовольный взгляд, и тот вновь погрузился в суровое молчание.

— Будь у меня еще бочонок, — продолжал Эльфин, — он стал бы твоим. Однако пиво, как и многое другое, кончилось. — Он взглянул Аваллаху прямо в глаза. — Зачем ты приехал?

Король-рыболов запустил руку за широкий кушак и вытащил подарок Эльфина.

— Я приехал вернуть кинжал.

— Это подарок другу.

— Вот потому-то я и должен его вернуть. Сегодня утром я вел себя не по-дружески. Пожалуйста, забери свой кинжал.

Эльфин потянулся к кинжалу, но забирать не стал.

— Дар принесен от чистого сердца, и я о том не жалею. Дары не возвращают.

Аваллах положил клинок между ними. Киалл потянулся было забрать кинжал господина, но Талиесин перехватил его руку. "Не трогай!" — прошептал он.

— Почему ты не берешь кинжал? — спросил Аваллах. — Или он не мой, и я не вправе его отдать?

— Поступай, как знаешь, я его назад не требую.

— Но это твой кинжал, — настаивал Аваллах.

Эльфин взглянул на Хафгана, но лицо друида было непроницаемым.

— Он уже не мой, — осторожно произнес король. — Я дарил его без всяких условий.

Аваллах загадочно улыбнулся в свете факела.

— Дары не возвращают — так ты сказал. Я принимаю твой дар, и прошу тебя так же принять мой.

Слова эти застали Талиесина врасплох.

— Отец сказал, что ты ничем ему не обязан...

— Знаю, иначе бы не приехал. — Вновь забирая нож, Аваллах сказал: — Уважишь ли ты меня, примешь ли мой дар?

Эльфин искал решения на лицах советников, но те ничего не выражали: никто не догадывался, что замыслил Аваллах.

— Дар прежде предлагают и лишь затем принимают. Однако я не вижу беды в том, чтобы принять залог твоей дружбы.

— Славно сказано, король Эльфин! — Аваллах только что не кричал от радости.

Кимры встревоженно переглянулись. Белин с Майлдуном нахмурились.

— И какой же это залог? — не удержался Киалл.

— Неподалеку отсюда на холме есть развалины крепости. Окрестные земли лежат в запустении, тамошних жителей выгнало какое-то племя... римляне, кажется, оно называлось. Земля добрая, но пропадает втуне, потому что никто ее не обрабатывает. Я хотел бы отдать их тебе — крепость и землю вокруг нее.

Киалл начал было вставать, но Талиесин удержал его, положив руку ему на локоть.

— Что?! — Глаза Эльфина сузились, а морщина на лбу пролегла еще глубже.

— Прошу тебя, — успокаивал Аваллах, — я не хочу наносить новых оскорблений, потому не сопровождаю мой дар дальнейшими условиями. — Он улыбнулся. — Приняв его, ты не возьмешь на себя никаких обязательств.

— Однако дар дару рознь, — заметил Хафган. — Столь ценный дар всегда накладывает обязательства, прямые или косвенные.

— Почему? Какое значение имеет размер дара? Это даже не десятая доля того, чем я владею, но будь это хоть половина моего царства, ничто бы не изменилось. Я просто хочу, чтобы вы там жили.

— Зачем? — спросил Киалл. — Чтобы встать на твою защиту, когда с севера нагрянут пикты?

Аваллах повернулся к нему лицом.

— Это такое же оскорбление мне, как вам — мое необдуманное предложение. И все же признаю, что союз между нашими народами был бы весьма полезен, и я буду всячески к нему стремиться, но не коварством и не дарами.

Король кимров огляделся и поймал взгляд Талиесина; тот безмолвно кивнул.

— Нелегко отбросить обычай, который блюли сто поколений твоих предков, еще труднее смирить королевскую гордость, — сказал Эльфин. — В другое время и в другом месте я не принял бы твой дар, ибо он для меня

унизителен. Однако король без земли — не король, и ради своего народа я принимаю твой дар, государь Аваллах.

Киалл изумленно затряс головой. Рот его открылся раз, другой, третий, да так и закрылся, не произнеся ни слова.

Хафган следил за происходящим из-под полуприкрытых век и улыбался в усы. Аваллах хлопнул себя по коленям и воскликнул:

— Славное решение, король Эльфин! С землей или без земли, ты король, и не хуже тех, кого я встречал. Будь же моим соседом и другом.

Сородичи Эльфина, втихомолку наблюдавшие за разговором, разразились ликующими возгласами, радуясь привалившему счастью и тому уважению, которое оказано их королю. Все становище охватило веселье и радость. Вынесли арфу и вложили ее в руки Талиесину. Он вскочил и запел, остальные подхватили, и вскоре лагерь огласила звонкая кельтская песнь.

Аваллах хохотал до упаду, запрокинув темноволосую голову, белые зубы блестели в черной бороде, могучие плечи сотрясались. Даже Белин с Майлдуном при виде закипавшего веселья выдавили жиденькие улыбки.

Когда в пении выдался перерыв — женщины разливали похлебку из дымящихся котелков, — Талиесин улучил минутку и отвел отца в сторону.

— Повезло нам, а, сынок? Сдается мне, для тебя это не такая уж неожиданность.

Талиесин покачал головой.

— Все решил сам Аваллах. Я тут ни при чем.

— И дочку его не ты спасал? — хохотнул Эльфин, награждая сына понимающим взглядом.

— Ее не очень-то надо было спасать. Я подоспел, чтобы рассеять разбойников, которые и без того рады были пуститься в бегство.

— Удивительно, — промолвил Эльфин. Он взглянул на Хариту, которая по другую сторону костра помогала Ронвен и женщинам раскладывать еду по мискам. — Смелая и прекрасная девушка — это клад. — Он взглянул на сына, подметил блеск в сияющих темных глазах и улыбнулся. — Славная невеста для знатного кимра. Посвататься ее тебе?

— Да, — хриплым голосом отвечал Талиесин. — Я ни о чем другом не думаю с тех пор, как ее увидел.

— Так зачем время терять? Сейчас и посватаю.

— Сейчас?

— А когда же еще! Скрепим наш союз брачными узами!

С этим словами Эльфин зашагал прочь. Талиесин смотрел, как отец подошел к Аваллаху, беседовавшему с Киаллом и Хафганом. Он видел, как Эльфин присоединился к этим троим и что-то сказал, указывая на него,

Талиесина. Вдруг Аваллах вскинул голову и поглядел в его сторону. Вот зашевелились отцовские губы, и на лице короля-рыболова проступило сначала удивление, потом гнев. Улыбка, не успев сойти с его губ, превратилась в гримасу ярости.

Чернобородый царь что-то сказал его отцу, и широкая улыбка Эльфина сменилась выражением растерянности и отчаяния. Король-рыболов резко повернулся и пропал во тьме. Через мгновение потребовали королевского коня. Майлдун вырос за спиной Хариты и схватил ее за руку. Талиесин видел, как она уже на ходу в отчаянии оглядывается через плечо.

Он видел все это, как во сне: каждая мелочь четкая, ясная и жуткая в своей необратимости. Ноги сами понесли его в обход костра. Он нагнал Хариту, когда ее усаживали в седло. Она была обескуражена и встревожена.

— Что стряслось? — хрипло прошептала она. — Аваллах вне себя.

— Нам надо поговорить, — с жаром произнес Талиесин, подступая ближе, покуда Майлдун садился на своего коня.

— Харита! — крикнул из седла брат. — Едем.

— Нам надо поговорить, — настаивал Талиесин.

— Приходи в сад, — шепнула она, разворачивая коня. — На рассвете.

ГЛАВА девятая

На следующий день Талиесин встал до зари и поскакал на Стеклянный остров встречаться с Харитой. Ночь была холодная, белый туман еще висел над болотами, расползаясь волнами от речных рукавов, чтобы вскоре рассеяться в теплых лучах солнца.

В саду Талиесин спешился, привязал лошадь к ветке и пошел между цветущими яблонями. Светало. Ночная роса на листьях и цветах искрилась белыми звездочками. Певец шел по высокой мокрой траве. Капельки влаги сбегали по угольно-черным стволам, редким дождем сыпались в мягкую зелень под ногами. Прохладный воздух уже напитался запахом яблоневого цвета.

Талиесин шагал по широкой дорожке. Постепенно он понял, что уже некоторое время слышит за деревьями тихий, но вполне отчетливый звук: переливчатая мелодия, песня без слов была такой же частью сада, как и бледно-розовые цветы. Он пошел на звук, думая, что, может быть, это Харита вошла в сад через другие ворота.

Однако певунью никак не удавалось настичь — стоило уловить, откуда льется мелодия, как пение стихало, чтобы вновь раздаться уже с другой стороны. Наконец, нагнувшись под низкой ветвью, Талиесин увидел посреди сада шалаш из свежесрубленных ясеневых ветвей. Перед шалашом сидела на трехногом табурете девица с волосами как утренний свет. Она была одета во все зеленое и смотрела на стоящий перед нею треножник. На треножнике висел котелок, под которым горел крохотный бездымный костерик. Котелок был круглый из неведомого отливающего багрянцем металла, украшенный изображениями диковинных животных.

Девица тихо напевала про себя и веером из перьев черного дрозда отгоняла поднимающийся над котелком пар. Снова и снова она запускала руку в плошку у своих ног, вынимала листок-другой и бросала в кипящую воду. Талиесин некоторое время смотрел на нее, прежде чем она подняла голову, взглянула на него холодно, без тени удивления в зеленых глазах, и сладким голоском проворковала:

— Привет тебе, друг! Рано же ты пришел сегодня в рощу. Что тебя привело?

Талиесин приподнял ветку и шагнул вперед.

— Я договорился здесь встретиться, — сказал он.

— Вот и встретился. — Девица улыбнулась то ли тому, что он здесь, то ли своей неведомой мысли. — Подойди поближе, певец, — сказала она, бросая в воду еще листок. — Подойди, поговорим.

Девица необычайно походила на Хариту и не уступала ей в красоте, хотя было в ее чертах что-то холодное, нечеловеческое — узор осенней изморози на летней розе или застывшее изящество весеннего снегопада.

— Я не хотел тебе мешать, — сказал он.

— Но раз уж ты мне помешал, неужто ты усугубишь свою вину, отказавшись со мной посидеть? — Говоря, она смотрела не на него, а в котелок.

Талиесин видел, что сесть ему некуда, только на мокрую от росы траву.

— Я постою, госпожа, — сказал он и добавил: — Провинюсь ли я еще больше, если спрошу твое имя?

— Спрашивай, — отвечала девица. Она снова улыбнулась, и на этот раз Талиесин понял, что над ним смеются.

— Не буду, — отвечал он. — Можешь думать, что я невежа.

— Вот как? Ты знаешь, что я думаю? — спросила она, глядя из-под ресниц. Талиесин заметил, что жилка у нее на шее забилась чаще. — Тогда ты видишь самую суть вещей. Коли ты можешь проникнуть в мои мысли, тебе не составит труда угадать и мое имя.

— Мне пришло в голову несколько разных слов, — отвечал Талиесин, — только не знаю, какое из них выбрать.

Девица взмахнула веером, пар поплыл по воздуху, и внезапно Талиесину показалось, что это она, сидя здесь, насылает на долины туман и мглу.

— Зови меня, как хочешь, — сказала она. — Имя — всего лишь звук на ветру.

— Да, но у звуков есть смысл, — сказал Талиесин. — У имен — значение.

— И как же ты назовешь меня? — спросила она почти робко. При этих словах что-то почти неуловимо изменилось в ней, в ее манере держаться, и Талиесину показалось, что перед ним совсем другой человек. — Ну? Не знаешь?

Она не дожидалась ответа, но продолжала торопливо:

— Видишь? Смысл не так легко угадать. По мне, лучше уж звук на ветру, чем тщетная погоня за бесполезной целью.

— Занятное ты существо, — рассмеялся Талиесин. — Сама ставишь вопрос и сама на него отвечаешь. Это нечестно.

Девица покраснела, ее щеки вспыхнули пунцовым румянцем. Она быстро повернулась к певцу, яростный огонь блеснул в зеленой глубине глаз. На миг перед ним предстал дикий зверек, готовый юркнуть в глубокую лесную нору, спрятаться и залечь. От нее исходила жаркая волна гнева и страха, которую Талиесин ощутил кожей.

— Я чем-то тебя задел? Прости, я не нарочно.

Выражение исчезло так же быстро, как появилось, и девица улыбнулась притворно-застенчиво.

— Звук на ветру, как он может задеть?

Она перевела взгляд на котел, достала пригоршню листьев и стала по одному бросать их в воду.

— Меня зовут Моргана.

Моргана...

Талиесин смотрел на девицу, а имя эхом отдавалось в его ушах. Скользкая тьма заклубилась вокруг, как пар из котла, подхватила дух Талиесин, закачала, словно морская волна под опасной скалой утлый челнок. Он пошатнулся и еле устоял на ногах.

Он знал, что прикоснулся к дикой, нерассуждающей силе, вроде той, что гонит к берегу волны. Он встречал ее прежде — однажды, давным-давно — в лице лесного владыки Цернунна. Тогда ему тоже стало невмоготу от страха, и он сбежал.

С тех пор он стал старше и многое узнал о силе старых богов. Это природная сила, стихийная, рожденная от земли, связанная с деревьями, холмами, камнями, звездами, луною и солнцем. В ней много тьмы, но не вся она — зло. Поэтому ее не следует безоглядно страшиться, а надо лишь не дразнить, как гадюку, когда та поднимет чешуйчатую голову и обнажит ядовитый зуб.

На этот раз Талиесин не обратился в бегство. Он в отличие от многих друидов никогда не стремился овладеть стихийной силой. Хафган говорил, мол, дело это глупое и опасное, природную силу не приручить, не узнать, как пользовались ею в древности. Те же, кто пытался к ней прибегать, до конца жизни жалели, если вообще оставались в живых.

Моргана смотрела на него с любопытством.

— Опять невежливо, — вздохнула она. — Девушке положено говорить, что ее имя ласкает слух. — Она встала и шагнула к Талиесину. — Неужели я настолько тебе противна?

— Прости меня, госпожа, — произнес Талиесин. — Я делаю оплошность за оплошностью.

— Не прощу, певец, — сказала Моргана, подходя ближе и складывая губки в чарующую улыбку. — Я требую возмещения.

Талиесин отступил на шаг. Она протянула руку и коснулась его плеча.

— Куда ты, Талиесин? Побудь со мною, господин лета.

— Почему ты так меня назвала? — резко и хрипло произнес Талиесин. — Где ты слышала это имя?

Моргана улыбнулась еще сильнее.

— Разве Аваллах не подарил тебе земли?

— Подарил, — смущенно произнес Талиесин. — Вчера ночью.

Моргана подошла вплотную. От ее уст пахло яблоневым цветом.

— Они зовутся Летние земли, — пропела она притворно наивным голоском. — Значит, ты — господин лета. — Она коснулась его щеки и поцеловала.

Прикосновение ее кожи обожгло, как огонь или лед — застывшее пламя. И вновь Талиесин почувствовал, что дух его влечется к ней. Какая-то часть его существа хотела быть с ней, насладиться ее ласками.

Разумная его часть содрогнулась от поцелуя, словно от оплеухи. Небеса померкли, земля заходила ходуном. Он вырвался и побежал, оступился, упал на четвереньки, вскочил и побежал снова.

— Вернись, Талиесин, — нараспев повторяла Моргана. Он обернулся и увидел, что она манит его рукой. — Ты вернешься ко мне, Талиесин... вернешься...

Харита вошла в сад и увидела Талиесина, когда тот выходил из рощицы. Она привязала серого рядом с его конем и торопливо пошла навстречу.

— Что случилось? — Радостная улыбка сползла с ее лица. — Что с тобой?

Он притянул ее к себе, чувствуя умиротворяющее тепло.

— Ничего, — сказал он. — Ничего не случилось.

Она отстранилась на расстояние руки.

— Ты уверен? У тебя был такой испуганный вид, что я подумала...

— Ш-ш-ш... пустяки. Ничего не было. — Талиесин приложил палец к ее губам. — Ты здесь, а все остальное неважно.

— Мне нельзя было приходить, — твердо сказала она, высвобождаясь из его объятий. В следующий миг она смягчилась и сказала. — Ой, Талиесин, ничего не выйдет. Отец очень зол на нас. Он не позволит нам пожениться.

— Почему? — Он снова попытался притянуть ее к себе.

Она не давалась.

— Я давно не видела его в таком гневе. Вчера он отказался со мной говорить.

— Но он же дал нам земли, — напомнил Талиесин. — Если наши народы станут соседями, не понимаю, почему нам не стать мужем и женой.

— Все не так просто, и ты отлично это знаешь. — Она повернулась к нему спиной. — Я тебе говорила: нам не суждено быть вместе.

— Харита, — твердо сказал он. — Взгляни на меня.

Она вновь повернулась к нему, лоб ее был нахмурен.

— Ты знаешь, что нужна мне. Хочешь ли ты этого?

— Неважно, что я хочу.

— Почему? Зачем такое самоотречение? Разве ты не достойна любить и быть любимой?

— Любить? — Харита печально покачала головой. — Не говори мне о любви, Талиесин.

— Тогда скажи, каким словом тебя покорить, и я произнесу его. Я скажу, чтобы звезды небесные стали твоим венцом; я скажу, чтоб цветы полевые стали твоим платьем, чтоб ручей стал напевом в твоих ушах и тысячи жаворонков услаждали твой слух; я скажу, чтоб ночная тишь стала тебе ложем, полуденный зной — покрывалом; я скажу, чтобы пламя всегда озаряло тебе путь, а золото блеском своим наполняло твою улыбку; я буду говорить, доколе суровость твоя не смягчится и сердце твое не оттает.

— Красивые слова, певец. Можешь включить их в свою песню, — послышалось из-за деревьев.

Харита вихрем развернулась на голос.

— Моргана! — Она обвела взглядом деревья и дорожки, но там никого не было. — Моргана, где ты? Выходи, и побыстрее!

Долго ничего не было слышно, потом зашуршала цветущая ветка и выступила Моргана с нехорошей улыбкой на губах.

— Ревнуешь, сестрица? Не злись! Это только игра, праздное любопытство и ничего больше.

— Что ты тут делаешь? — возмущенно спросила Харита, заливаясь краской.

— Мы встретились чуть раньше, — пояснил Талиесин, стараясь разогнать напряжение. — Мы немного поболтали, пока я ждал. Я не знал, что это твоя сестра.

— Ты не говорила Талиесину обо мне? — невинно поинтересовалась Моргана. — Почему? Боялась, что я его уведу?

— Уйди! — Харита с непреклонным видом уперла руки в бока.

— Тебе меня не прогнать! — Моргана угрожающе надвигалась. Ее глаза блестели холодно, словно осколки зеленого гранита, в голосе звучала решимость свернувшейся в кольца змеи. — Я не уйду!

Талиесин встал между девушками. Моргане он сказал:

— Ты получила свое возмещение. А теперь иди, и расстанемся друзьями.

Моргана перевела взгляд с Хариты на Талиесина. Выражение ее лица, настроение, да и вся сама она разом смягчились.

— Да, друзьями, и более того, — прошептала она.

— Моргана! — в ярости выкрикнула Харита. — Я не боюсь твоих греческих штучек. Убирайся, и чтоб мы тебя больше не видели!

— Я уйду, — преспокойно отвечала Моргана, — но не думай, что от меня так легко избавиться.

ГЛАВА десятая

Давид слушал и хмурился. Однако, когда Талиесин окончил свой рассказ о разговоре в роще, священник ободряюще улыбнулся и сказал:

— Ты правильно встревожился, но, покуда ты силен в вере, опасность тебе не грозит. Возможно, девица Моргана и впрямь обладает какой-то силой — я нимало не сомневаюсь в твоих словах. Однако наш Спаситель куда сильнее. Господь не бросает тех, кого призвал, и не уступает их лукавому.

Талиесин спросил:

— Скажи, добрый брат, как Спаситель узнает Своих чад?

— По их вере. А те, кто верят, свидетельствуют о Его смерти и воскресении, крестясь водой, как Сам Господь крестился от Иоанна. Это простое, но самое священное из таинств. Не так давно я крестил царя Аваллаха.

— Можешь ты окрестить и нас? — спросил Талиесин, беря Хариту за руку.

— Конечно. — Доброе лицо Давида расплылось в широкой улыбке. — Прямо сейчас? Лучшего времени не выбрать.

— Согласен, — сказал Талиесин. — Пусть будет прямо сейчас.

— Коллен! — крикнул Давид в сторону церкви, — клади топор и присоединяйся к нам. Мы идем к озеру крестить наших друзей.

И так все четверо направились к озеру: священники пели латинские псалмы, Талиесин с Харитой решительно и медленно шагали следом. Когда они подошли к озеру, Давид зашел в воду, повернулся и простер к ним руки. Его одеяние колыхалось на мелкой ряби.

— Идите сюда, друзья, ибо приблизилось Царствие Небесное.

Харита и Талиесин побрели по воде к Давиду. Коллен продолжал петь, его мощный красивый голос разносился над поверхностью озера. Давид поставил их по обе стороны от себя, лицами друг к другу.

— Хорошо, когда человек рождается заново, — сказал он. — Смотрите же и запомните на всю жизнь. — С этими словами он распростер руки, поднял лицо к небу и начал молиться: — Отец Небесный, благодарим Тебя, даровавшего нам воду в знак очищения и возрождения; благодарим

Тебя, проведшего Сына Своего сквозь глубокие воды смерти и возведшего Его к новой жизни и соделавшего Его Царем Небесным. Благослови воду сию и рабов Своих, омывающихся от греха, и соедини их нашему Господу в смерти Его и в новой жизни. Помяни их, Отец Небесный, и дай им мир, и надежду, и жизнь вечную. Аминь.

Коллен тоже сказал "Аминь", и Давид продолжал:

— Мы, родившиеся от смертных матери и отца, должны родиться снова, ибо в Священном Писании сказано: кто не родится вновь, не увидит Царствия Божия. И потому Бог, мудрый и праведный, велит нам вновь родиться от воды и Духа. Крещение — второе наше рождение.

Потом, повернувшись к Талиесину, сказал:

— Желаешь ли ты принять таинство крещения?

— Да, — отвечал Талиесин.

— Тогда встань на колени, — сказал Давид и, когда бард опустился на колени, спросил: — Веруешь ли в Иисуса Христа, Сына Божия единородного?

— Верую, — отвечал Талиесин.

— Каешься ли в грехах своих?

— Каюсь.

— Отрицаешься ли зла?

— Отрицаюсь.

— Сочетаешься ли ты Иисусу, Царю нашему и Владыке, и клянешься ли любить Его, и следовать за Ним, и служить Ему во все дни живота твоего?

— Клянусь, — сказал Талиесин.

Давид нагнулся и зачерпнул руками воду.

— Тогда во имя нашего нового Царя, Иисуса Христа, Друга и Спасителя людей, и во имя Бога Истинного и Его Духа, крещу тебя. — С этими словами священник воздел руки и полил водой склоненную голову Талиесина.

Затем, положив одну руку ему на спину, другую на затылок, он с головой окунул Талиесина в воду.

— Как Иисус умер, чтобы мы имели жизнь, так и ты умри для прежней своей жизни. — Он на мгновение задержал голову барда под водой, затем поднял его со словами: — Проснись, Талиесин ап Эльфин! Восстань к новой жизни, чадо Единого Истинного Бога.

Талиесин с ликующим возгласом поднялся из воды, лицо его сияло, он весь трепетал, разбрызгивая воду.

— Я родился заново! — вскричал он, бросился на Давида и заключил его в объятия.

— Погоди, Талиесин! Меня уже крестили! — еле выговорил священник. Коллен запел с новой силой.

Окрестив Хариту, Давид простер над ними руки и помолился:

— Боже Всемогущий, Ты в Своей неизреченной любви призвал нас, научил веровать в Тебя, да имеем в Тебе жизнь. Покрой их, Своих чад, Своею любовью и защити от всякого зла, яко принял их под Свое заступничество, да ходят они путями Господними и да возрастают в любви и вере. Аминь.

Повернувшись сперва к Талиесину, потом к Харите, он начертал в воздухе некий знак и сказал:

— Осеняю вас крестным знамением, знамением Христа. Не стыдитесь исповедовать свою веру, друзья мои. Стремитесь к свету, боритесь с грехом и с дьяволом во все дни вашей жизни.

Они побрели к берегу. Выйдя из воды, Талиесин повернулся к Харите.

— Мы вместе родились для новой жизни, — сказал он. — Теперь ничто нас не разлучит.

— Это было не венчание, — заметил Давид (вода текла с него ручьями). — Хотя могу и обвенчать.

— И обвенчаешь, — сказал Талиесин. — В самом скором времени.

Они зашагали к церкви, где Коллен дал им во что завернуться, пока одежда высохнет на солнце. У костра они перекусили копченой рыбой и черным хлебом, и Талиесин рассказал, как Аваллах был вчера ночью у кимров и подарил им землю.

— Великий и щедрый дар, — заметил Давид. — Я рад, ибо это означает, что вы будете жить неподалеку. — Он взглянул на притихшую за время разговора Хариту. — Разве это не добрая новость, Харита? — спросил он.

При звуке своего имени она вздрогнула.

— А? Что? Да... конечно, добрая.

— И как только мы обоснуемся на новом месте, — продолжал Талиесин, — мы с Харитой поженимся.

Давид одобрительно кивнул.

— Невеста под стать жениху.

Харита промолчала. Через некоторое время появился Коллен с высохшим платьем. Девушка отошла, чтобы переодеться.

— Ей было одиноко, — сказал священник. — Она многое в жизни потеряла и, наверное, боится новых утрат. Нелегко любить то, что можно не сохранить. Иногда я думаю, что это самое трудное в жизни. — Давид помолчал и добавил. — Несколько дней назад ко мне заходил Хафган.

Талиесин изумленно вскинул брови.

— Вот как? Он ничего мне не сказал.

— Он хотел услышать про Господа. "Расскажи мне об этом Боге, — сказал он. — Об Иисусе, Которого называют Христом". Мы проговорили несколько часов, и он поведал мне удивительную вещь: древние друиды видели на небе знамение Христова Рождества и поняли, что родился царь, какого еще не было на земле. Только подумать! Они все знали.

— Никогда об этом не слышал, а вот другой рассказ слышал частенько — про звездопад много лет назад.

— Об этом он не упоминал.

— Хафган и многие другие видели. Он говорил, что и это предвещает чудесное рождение, царственное рождение — приход короля, который проведет нас через Темное Время.

— Темное время? Ты о войне, заставившей вас бежать на юг?

— Это лишь начало, да и не начало еще. — Талиесин помрачнел. — Однако оно близится... тьма непроглядная, как темная ночь, падет на Остров Могущественного.

— Этот король... говоришь, он родился? — спросил священник.

Талиесин покачал головой.

— Возможно. Никто не знает. Однако приход его недалек, ибо тьма сильнее день ото дня. Он придет скоро, иначе уже нечего будет спасать.

— Все правда, — взволнованно вставил Коллен. Он внимательно ловил разговор, стараясь понять. — Утром проходили пастухи, сказали, что неподалеку совершили набег — это здесь, где уже много лет не видели ирландцев.

— Вчера они напали на Хариту в долине. Не поспей я вовремя, могло бы быть хуже... — Он замолк, вспомнив, как она расправлялась с бывалыми воинами. — Ах, надо было ее видеть. Я и сейчас не уверен, что ей нужна была моя помощь.

— Воображаю, — задумчиво произнес Давид, теребя подбородок, — что она за противник. В ее хребте немало железа. Я часто гадал, откуда это.

— Ты скоро уедешь? — спросил Коллен.

— Сегодня, — отвечал Талиесин. — Впрочем, я намереваюсь часто сюда наезжать, и вы к нам наведывайтесь.

— Обязательно, — пообещал Давид. Я должен приглядывать за новообращенными. И обращать других. Думаю, нам часто предстоит видеться.

Тут вернулась Харита, и Талиесин нехотя распрощался с братьями. Те помахали отъезжающим и вернулись к работе.

Юноша с девушкой подъехали к Тору, проскакали по дамбе. У начала

ведущего к дворцу серпантина Талиесин поворотил коня. Харита натянула поводья. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Ты уезжаешь, — сказала Харита как о чем-то простом и решенном.

— Ненадолго. Когда я вернусь, мы соединимся, чтобы больше не разлучаться. — Он подъехал вплотную, взял ее за руку. — До возвращения все мои мысли будут о тебе. — Он нагнулся и ласково поцеловал ее в губы.

Харита застыла и крепко стиснула поводья.

— Ты сказал, мы родились заново, — с горечью произнесла она. — Сказал, что мы поженимся, что никогда не разлучимся. Что любишь меня.

— Люблю, Харита. Всем своим существом.

— Этого мало! — вскричала она и, хлестнув скакуна поводьями, ударила его пятками по бокам. — Этого... мало.... мало...

Серый галопом устремился к вершине Тора.

Тоска накатила на Хариту вместе с промозглой, серой, дождливой погодой, которая установилась в округе. Царевна слонялась по переходам замка, нигде не находя места, ненавидела себя за душевную слабость и от этого терзалась еще сильнее.

У ее му́ки не было средоточия. Подобно ветру, что налетает сразу со всех сторон, боль разила отовсюду, куда ни повернись, в самое неожиданное время. "Почему? — твердила девушка про себя. — Почему? Почему? Почему так? Почему мысль о влюбленном Талиесине наполняет меня страхом? Почему я так боюсь?".

Она думала о Талиесине — не как о живом человеке, пылающем к ней страстью, но как о чем-то абстрактном, силе, с которой столкнулась, доводе, с которым надо смириться. Он стал безличным знаком, символом чего-то неведомого.

"Почему, — спрашивала она себя, — почему мысль о нем не приносит радости?".

Снова и снова задавала она себе этот вопрос, снова и снова приходил ей тот же ответ: "Я не люблю его".

"По-видимому, так и есть, — решила она. — Как ни больно, дело, наверное, в этом. Я не люблю его. Может быть, я никогда никого не любила...

Нет, любила. Любила мать. Но это было много лет назад, и ее уже давно нет в живых. Наверное, когда убили Брисеиду, любовь во мне умерла. Странно, что я лишь сейчас это заметила. Так давно я никого и ничего не любила — кроме себя. Да нет, и себя тоже. Верховная царица сказала правду: я желала себе смерти, оттого и плясала с быками.

Любовь...

Почему на ней все помешались? За исключением детства, я жила без нее всю жизнь. Отчего же сейчас мне сделалось так тошно? Именно сейчас?

И куда подевалось приятное чувство защищенности, правильности всего вокруг, роли в неведомом замысле, согревавшее душу всего несколько дней назад?

Да, все правда. Всего несколько дней назад ты считала, что любишь Талиесина. Всего несколько дней назад тебе мнилось, будто жизнь вновь обрела цель. Всего несколько дней назад... а теперь?

Неужто все так изменилось? Или то были лишь мимолетные чувства, более сон, чем явь? И впрямь, было в этих последних днях что-то от грезы, как будто пробуждаешься от приятного сна к бездушной и строгой реальности. Это был сон? Выдумка, порождение одиночества и тоски?".

Талиесин — не выдумка. Харита и сейчас слышала голос, зовущий ее по имени, ощущала его прикосновения, тепло его рук. Да, это явь, но любовь ли?

Если да, то ее мало.

Ей вспомнились прощальные слова, и вновь накатило ощущение безнадежности. Мало! Мало! Любви всегда мало! Любовь не спасла от смерти ее мать, не предотвратила чудовищную войну, сгубившую Эоинна и Гуистана, не спасла Атлантиду от разрушения... Любовь, насколько ей ведомо, никогда еще никого не избавила от страданий, даже на краткий миг.

А теперь христианский пастырь Давид утверждает, будто миром — и даже мирами: прошлыми, настоящими, будущими — движет любовь. То же самое слабое, непостоянное чувство. Бессильное и по самой природе своей уязвимое. Достойное скорее презрения, чем восторгов, жалости, чем одобрения.

Что это за Бог, Который требует, чтобы Его любили, называет Себя любовью, хочет, чтобы Ему служили с любовью? Кто сделал любовь высочайшим проявлением Своей силы и поставил Себя над другими богами, утверждая, что Он один сотворил небо и землю, что Ему одному подобает слава, честь и поклонение?

"Странный Он, этот Бог любви, — думала Харита. — Совсем не такой, как другие известные мне боги". Так непохож на Бела, который в своем двойственном аспекте — изменчивости и постоянстве — требовал самого простого служения, да и то необязательно. Да, он не слишком заботился о своем народе, не слишком помогал людям, но и не делал вид, что о них радеет. Он был одинаково равнодушен к жрецу и к бродяге.

Но этот Всевышний утверждает, что печется о Своих людях, просит, нет, требует, чтобы от Него одного ждали суда, руководства, защиты. И

при том Он может быть недоступен, холоден, далек и переменчив, что твоя Кибела.

Тем не менее Харита обещала служить Ему, крестилась в христианскую веру. Почему?

Не потому ли, что она мечется и устала метаться, искать, жить без всякого смысла? Поэтому ли?

Как птичка, запертая в хлеву, бросается на немые, бесчувственные стены, так Харита пыталась понять свои мысли и чувства, всякий раз натыкаясь на молчание и безразличие. Вопросы ее оставались без ответа.

Ладно, к новому Богу ее привлек Его Сын Иисус, Который жил человеком среди людей, учил любви, учил, как войти в царство мира и бесконечной радости. Да, в такое стоит поверить. Но зачем?

Бел не сулит ничего невозможного, не дает пустых обещаний. Жизнь и смерть для него едины. Иное дело — Иисус. Если Харита верно поняла Давида, Иисус, истинный Бог, принес Себя в жертву, чтобы все могли заново родиться и войти в Его Царство — такое же далекое от нее, такое же бесплотное, как и любовь, которую Он обещал уверовавшим в Него.

"Только веруй, — говорил ей Давид. — Он не просит от нас понимания, только веры. Написано: "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего (единородного), дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную"

Только веруй! Воздвигнуть Атлантиду из вод — и то было бы легче! Как поверить в Бога, Который незрим, но объявляет всю вселенную Своим достоянием, Кто требует беззаветного служения, но Сам молчит, Кто зовет Себя Отцом, но не пощадил Своего единственного Сына?

Лучше уж верить в Бела, в Ллеу, в Матерь-богиню, в любого из множества богов и богинь, которым поклонялись люди с начала веков. Лучше не верить ни в кого и ни во что... мысль, от которой веет спокойствием гробницы.

"Боже! — в отчаянии вскричала она. Ветер и дождь, стучавший по склонам Тора, заглушили слова. — Боже!"

ГЛАВА одиннадцатая

Ночью утих дождь, ливший без перерыва несколько дней, и возвратилась весна. Харита несколько мгновений пролежала в постели, чувствуя, как свет проникает в тело и душу, потом вспомнила, что ничего не ела вчера и позавчера. Она ощущала голод и в то же время легкость, как будто за ночь растаяло бремя тоски, рассеялось, словно тучи. Хотя ничто не изменилось.

Она по-прежнему не знала, любит ли Талиесина, верит ли в нового Бога, она чувствовала себя все так же одиноко и неприютно. Первой мыслью было быстро встать, оседлать лошадь и мчаться в холмы — скакать без остановки, сполна раствориться в кипучей зелени и синеве неба.

По дороге к конюшням она перехватила хлеба с сыром и глоток вина, а потом выскочила во двор, где встретила Моргану. Та так и дышала угрозой.

— Я с тобой не ссорилась, — сказала Харита. — Постараемся друг дружку понять.

— Понять? О чем ты, сестрица? — нехотя отвечала Моргана.

— О Талиесине. Он признался мне в любви и хочет, чтобы мы поженились. Скажу тебе совершенно честно: я не знаю, люблю ли его. Скорее всего, нет. Вероятно, мы никогда не поженимся...

Моргана улыбнулась, как кошка, поймавшая в когти мышь.

— Так ты призна...

— Но, — оборвала ее Харита, — поженимся мы или нет, я запрещаю тебе соваться в наши дела.

— Если ты его не любишь, какая тебе забота? — спросила Моргана.

В тот миг Харита пропустила вопрос мимо ушей, но позже, позволив серому щипать травку у обочины, она поймала себя на мысли: "Какая мне забота?"

Она так и сяк поворачивала вопрос в голове, слушая, как шлепают по мокрой земле копыта. Не из заботы ли родится любовь? И разве не одно и то же — заботиться и любить?

Углубившись в свои мысли, она перевалила через холм и поехала вниз мимо густых зарослей терновника. Резкий, жалобный крик вывел ее из за-

бытья. Она резко натянула поводья и прислушалась. Прямо впереди в терновнике что-то шебуршало.

Харита слезла с коня, подошла к зарослям, встала на колени и вгляделась в тесное переплетение ветвей. Там явно кто-то был, однако разобрать хоть что-нибудь мешала густая тень. Очень осторожно она отвела верхний слой листьев. Резкий крик разорвал тишину, куст яростно забился. Харита отпустила ветку, но успела заметить, кто там внизу: маленький сокол застрял в шипах.

Она снова развела листья и медленно-медленно просунула в куст руку. Птица забилась, вскидывая голову и перебирая ножками, однако шипы крепко держали крылья.

— Ну-ну, ясный мой, — уговаривала Харита, протягивая свободную руку к соколу. — Сиди тихо, я тебе больно не сделаю.

В палец впились когти и клюв. Харита отдернула руку.

— Ш-ш-ш, спокойнее, я твой друг.

Сокол снова вскрикнул и дернулся в ее сторону. Круглый, с красным ободком глаз смотрел гордо и зло. Харите ничего не оставалось, кроме как сесть на корточки и ждать, пока пройдет его гнев.

Через несколько минут сокол успокоился, и Харита вновь протянула руку. Медленно, плавно придвигала она ладонь. Сокол позволил коснуться своих перышек и тут же сильно клюнул ее в мизинец.

Игра в кошки-мышки продолжалась довольно долго. Сокол отбивался от всех попыток его взять. Однако Харита не сдавалась: уговаривала его, успокаивала, силилась втолковать, что это для его же пользы.

— Что с тобой делать? Не могу я так тебя оставить, ты погибнешь, — убеждала она сокола.

Птица опять вскрикнула, но на этот раз немного потише, да и трепыхалась уже не так сильно.

— Ну вот, — сказала Харита, — ты здесь уже давно. Так я и думала. Ветер швырнул тебя в терновник, и без моей помощи тебе не выбраться. Ну, потерпи, дай я тебя вытащу.

Сокол смотрел ясным круглым глазом, но на этот раз отбиваться не стал; он замер и позволил взять себя в руку.

Она высвободила крылья и вытащила сокола из темницы. Спинка и крылья у него были серые, снизу — палевые. Грудку, спинку, крылья и голову покрывали черные крапинки, формой напоминавшие кинжальное острие; хвост и крылья птицы украшали поперечные черные полосы.

— Ну вот, — сказала она ласково, поднося его к себе и нежно поглаживая перышки. — Ты свободен. Теперь я тебя отпущу.

Она отошла от зарослей, развернулась по ветру и подняла птицу. Сокол вырвался из горсти, затрепыхал в воздухе и пошел вниз — одно крыло его отчаянно билось, другое перегнулось пополам и беспомощно повисло. Птица села на расстоянии нескольких шагов, Харита бросилась к ней.

— Прости, мой ясный! У тебя что-то с крылышком. Дай погляжу. — Она наклонилась подобрать сокола, и он больно клюнул ее за кожу между указательным и большим пальцами. — Ой! — Из ранки тут же хлынула кровь.

— Какой неблагодарный! — укоризненно сказала Харита, поднося руку ко рту. — Как же я тебе помогу, если ты мне не даешься?

Сокол снова жалобно вскрикнул и заковылял в высокой траве, волоча раненое крыло.

— Куда бежишь? — крикнула вслед Харита. — Посмотри на себя. Ты ранен и ослабел от голода. Ты не сможешь себя прокормить, ты и летать-то не можешь. Кроме меня, никто тебя не спасет. Пропадешь здесь, ясный мой.

Он пробежал несколько шагов и, похоже, исчерпал последние силы, потому что остановился и оглянулся на Хариту, часто дыша через открытый клюв.

Харита подбежала, нагнулась к птице.

— Ну, позволишь тебе помочь?

Обессиленный сокол опустил клюв и забил крылом по траве. Харита осторожно подняла его — он уже не мог сопротивляться, просто закрыл глаза и устроился в сгибе ее локтя.

Прискакав во дворец, Харита прямиком отправилась в свою комнату и посадила сокола на кровать, потом отправилась искать Лиле. Та была в саду и, стоя на четвереньках, сажала семена во влажную землю.

— Лиле, — сказала Харита, — я подобрала раненую птицу. Ты можешь ее посмотреть?

— Птицу? — Лиле утерла лоб рукавом. — Птицы не лечатся. Тебе надо было оставить ее в лесу, — сказала она и вернулась к своей работе.

— Она бы умерла, — объяснила Харита.

— Да, так оно и бывает. Большинство диких животных вылечить невозможно, в том числе птиц. Они умирают.

— Это не та птица, — отвечала Харита. — Это сокол. У него, кажется, крыло сломано, он не может летать.

— Сокол? — Лиле сначала оживилась, потом пожала плечами. — Все равно я ничем не могу помочь.

— Ну хоть посмотри его, — уговаривала Харита. — У него ничего страшного — только крыло. Да еще от голода ослабел.

Лиле вытерла руки о подол желтого платья и встала.

— Ладно, взгляну на твоего сокола. Только обещай, что, если ничего поделать нельзя, ты велишь его убить. Нехорошо, чтобы живая тварь понапрасну мучилась.

— Обещаю, — сказала Харита. — Идем, он у меня в комнате.

Обе быстро вышли из сада.

Лиле присела на край кровати и некоторое время внимательно разглядывала сокола. Тот не шелохнулся, когда она протянула к нему руку, и не сопротивлялся, даже когда она стала осматривать больное крыло.

— Крыло сломано, — сказала она. — Боюсь, этот юный кречет свое отлетал.

— Нет! — в тревоге вскричала Харита. — Ты наверняка можешь его вылечить. Пожалуйста, Лиле, попробуй.

Лиле вздохнула и с сомнением взглянула на серый комок перьев.

— Ладно, сделаю, что могу. — Она вышла из комнаты со словами: — Пойду принесу инструменты. А ты пока вели младшим конюхам поймать двух-трех мышей, только чтоб не убили их, а живьем. И с этого дня пусть приносят столько живых мышей и крыс, сколько сумеют поймать. И захвати чашку с чистой водой.

Харита все сделала, как было сказано. Когда она вернулась, Лиле перевязывала крыло полосками белого холста. На кровати валялись обрезки перьев, голова сокола была замотана тряпкой.

— Что ты с ним сделала? — спросила Харита.

Не поднимая головы, Лиле объяснила:

— Закрыла ему голову, чтобы не бился. Маховые перья пришлось подрезать, чтобы он не попытался взлететь, пока не зажило крыло. Ну, если удастся держать его в сытости и покое, он может и поправиться. — Она выпрямилась и оглядела свою работу. — Больше бы никто сделать не сумел. Теперь все зависит от него самого.

Харита села и принялась гладить сокола по голове.

— Спасибо, Лиле, он поправится, — убежденно произнесла она. — Я об этом позабочусь.

— Все может быть, — с сомнением отвечала Лиле. Она начала собирать инструменты. — Увидим.

Через несколько дней Талиесин вернулся в Инис Гутрин. Он объехал стороной Тор и направился прямиком к церковке. Давид встретил его у ручья; юноша спешился, привязал лошадь и вместе со священником поднялся на холм.

— Рад тебя видеть, Талиесин. Поешь с нами? Мы как раз собирались преломить хлеб.

Они уселись, Коллен принес миски с вареной крольчатиной и луком, свежеиспеченный хлеб. Они помолились и приступили к трапезе. За едой Талиесин рассказал о переселении на землю, которую даровал им Аваллах.

— На высоком холме стоит разрушенный каер — он господствует над всем, что открывается взору. Превосходное укрепление среди густых лесов и плодородных полей. Каждый король был бы рад его получить, но люди давно уже здесь не жили, так что работы хватит — строить жилье, расчищать поля, пасти скот, восстанавливать стены. Всего и не перечислить.

Давид заметил, что глаза юноши устремлены на далекий Тор, и, желая отвлечь его, стал рассказывать, как будет выглядеть заново отстроенный храм и что скоро вновь начнутся богослужения.

Талиесин ничего не слышал, и Давид сказал:

— Но ты приехал не затем, чтобы болтать со мною о храме. Если хочешь что-нибудь узнать о Харите, спроси ее саму. Мы ее с тех пор не видали.

Талиесин печально покачал головой и рассказал, что случилось в становище кимров, когда туда приезжал Аваллах.

— Так что видишь, — заключил он, — дело наше не решено, и мне заказан путь в жилище короля-рыболова, не то я отправился бы туда сам.

— Ясно, — сказал Давид. — Хочешь ли ты, чтобы я передал ей послание?

— Я об этом и думал.

Давид взял из миски еще хлебец, разломил его.

— Ладно, доедим и пойду.

Талиесин вскочил и потянул священника за руку.

— Доедим, когда вернешься.

— Ладно, — согласился тот. — Дай мне своего коня, чтобы я быстрее вернулся.

Они вместе спустились с холма, и Давид взобрался на вороного со словами:

— Что ей передать?

— Скажи, я буду ждать в саду у подножия Тора. Пусть приходит туда.

Давид подъехал к Тору по восточной дамбе и поднялся по вьющейся дорожке к дворцовым воротам. Его без проволочек впустили во двор, где он спешился и на мгновение засмотрелся по сторонам. В который раз его изумило величие дворца — такого он не видел нигде, даже в Константинополе.

Не диво, что соседи-бритты считают Аваллаховых людей волшебными существами: все в них удивляет и восхищает, как если б они и впрямь пришли из Иного Мира. Как знать, может, рассказы о западных землях не лживы, и Аваллах действительно король эльфов с Острова Бессмертных, как уверяют жители окрестных холмов...

Такое ли еще бывает!

Подобные мысли посещали Давида не впервые. Однако сопровождавшее их чувство — будто, вступая на землю Тора, он входит в совершенно иной мир, — ощущалось сейчас сильнее обычного.

"Как легко поверить, — думал он, глядя на величественную каменную кладку, — будто все это создано волшебством"

И все же он знал Аваллаха — человека, не эльфа, подружился с ним, неоднократно делил с ним трапезу, спал с ним под одной крышей и крестил его в озере, что плещется у зеленой подошвы Тора. И хотя они с Колленом как-то приняли Хариту за видение Девы Марии — воспоминание заставило его улыбнуться, — всякий на их месте ошибся бы: они были усталы и голодны с дороги, тут что хочешь померещится, к тому же подобная красота — большая редкость. Они не ждали кого-то увидеть в храме, тем более такую красавицу. Так что ошибка их вполне объяснима.

Под колоннадой Давид заметил на себе чей-то взгляд. Он остановился подождать. Из тени выступила девица Моргана, руки ее были смиренно сложены, улыбка выражала кротость. Священник улыбнулся в ответ, но по коже его пробежал холодок.

— Ты к Харите, — сказала Моргана, не переставая улыбаться.

— Да. Скажи, если знаешь, она у себя?

— Да. Она тебя сегодня ждала.

Давид в изумлении поднял брови.

— Как так? Я сам час назад не знал, что поеду к ней.

Моргана чуть склонила голову набок, словно прислушиваясь к кому-то, кто стоит рядом.

— Так ты говоришь.

— Ты меня к ней проводишь? — Давид указал на большую бронзовую дверь. Дверь была открыта. Моргана взглянула туда же, но не двинулась с места.

— Ты пришел говорить о Талиесине.

— Да, это так.

Лицо Морганы омрачилось, она медленно пошла на священника. Тонкое щупальце страха коснулось его сердца.

— Она не любит Талиесина, — тихо и грозно сказала Моргана.

— Это она тебе сказала? — На Давида напало внезапное и необъяснимое желание сбежать.

— Она всем сказала — даже самому певцу, да он не слушает. Она велела, чтоб он больше не приходил. Ничего он не дождется.

— Я хотел бы увидеться с Харитой.

Моргана мрачно кивнула.

— Тогда иди за мной. — Она сделала несколько шагов к двери, потом замялась. — Возможно, я сумею помочь певцу.

— Возможно, — отвечал Давид, — но сперва я поговорю с Харитой, а там посмотрим.

ГЛАВА Двенадцатая

— Ты что, собралась ехать с ним без моего ведома? — Аваллах заслонил собою весь дверной проем. Харита, натягивавшая сапоги, выпрямилась и посмотрела ему прямо в лицо.

— Откуда ты знаешь?

— Моргана сказала. — Голос царя хрипел от ярости и обиды. — Она сказала, приехал Давид позвать тебя к нему. Будешь отпираться?

"Откуда Моргана узнала?" — удивилась Харита, вслух же промолвила:

— Я бы тебе сказала. Давид только что ушел.

— Когда?

— Когда бы сама окончательно решила. — Она бестрепетно взглянула на отца. Аваллах стоял за дверью, держась рукою за бок, как будто желание дочери уехать пронзило его насквозь. Лицо его над черной бородой было белее слоновой кости.

— Не знаю, люблю ли я его, отец, — продолжала Харита, — но хочу попытаться.

— Нет. — Он медленно покачал головой. — Этому не бывать. Мы — благородное племя.

Харита обошла стол, взяла отца за руку.

— Почему ты пришел ко мне так? — мягко спросила она. Аваллах отвернулся. — Кто говорил, что нашим народам судьба жить вместе? Что надо приноравливаться к их обычаям? Кто, если не ты? Ты подарил им землю, ты подарил им дом.

Аваллах стиснул зубы.

— Я не дарил им дочь.

— Не дарил, — мягко отвечала Харита. — Это сделала я.

— Я не допущу это, — процедил он. — Ни за что! Наша кровь чистая. Нельзя мешать кровь царственной Атлантиды с кровью этих... этих...

— Кимрских варваров? — Харита отступила на шаг. — Ты первый сказал, что они — наше будущее. И ты прав. С каждым годом нас все меньше. Вместе с Белином нас было две тысячи, когда мы ступили на этот берег, теперь — только тысяча. Шесть младенцев родились в прошлом году...

— Шесть! Вот видишь...

— И ни один не пережил зиму! Мы вымираем, отец. Или мы выживем вместе с ними, или сгинем в одиночку.

— Я не в том смысле... — начал царь, потом замолк, беспомощно глядя на Хариту. — Это не должно быть так.

— Иначе не получится, — твердо отвечала Харита. — Наша царственная атлантическая кровь здесь ровным счетом ничего не значит. Ты знаешь это; ты сам это сказал. Талиесин любит меня и хочет, чтобы мы поженились. Он вернулся за мной, и я собираюсь с ним поговорить.

— Если ты хочешь замуж, я найду тебе кого-нибудь из наших. У Белина немало мужчин, любой охотно на тебе женится.

— Будь я породистой кобылой, — сухо отвечала Харита, — я бы была тебе куда благодарней.

— Все лучше, чем выйти замуж за бритта! Я запрещаю тебе! — проревел он и поднял кулак. — Слышала? Запрещаю!

Харита подошла и встала на колени у его ног, взяла его ладони в свои.

— Мне хочется этого, отец. Хочется сделать его счастливым. — Произнеся это вслух, Харита поняла, что так оно и есть. Ее сердце дало ответ. — Я люблю его.

Аваллах положил ей на голову дрожащую ладонь. Она прижалась щекою к его колену, он погладил ей волосы.

— Однажды ты уже меня выгнал, — сказала она. — Не забыл?

— Нет. — Из горла его вырвался всхлип. — И мне до сих пор больно вспоминать.

— Прошу, не прогоняй меня вновь. Отпусти меня, чтобы я могла вернуться. Не ставь между нами преграду.

— Харита, ты не оставляешь мне выбора.

Она вскинула голову. Губы Аваллаха были плотно сжаты, но рука, лежавшая на ее волосах, оставалась мягкой.

— Выбор всегда есть — если мы этого хотим.

Он отвел глаза.

— Для меня это хуже смерти.

— Нет, — твердо сказала Харита. — Это не твои слова. Ты не станешь удерживать меня притворством.

— Я не притворяюсь! — вскричал он. — Наш род хранил чистоту на протяжении тысячи поколений.

— Атлантида погибла и больше не возродится. Но я жива, отец! Жива! И не могу жить в умершем мире. Наш достославный род пресечется здесь... этого ты хочешь?

— Есть другие... наши сородичи.

— Кто они? Пусть выйдут и объяснятся мне в любви, как Талиесин. — Она сжала его руки, как бы убеждая понять. — Других нет, отец.

— Погоди немного. Может, передумаешь.

— Сколько мне ждать? Сколько лет, как мы пришли на Инис Придеин? Сколько еще должно пройти?

— Твое место здесь, с твоим народом, — упорствовал Аваллах.

— Здесь я умираю. — Харита подняла руку и коснулась отцовской щеки. — С каждым днем я понемногу умираю, отец. Если я останусь, то стану, как Аннуби, а это хуже смерти. Мне жаль Аннуби, но я не хочу стать такой же, как он.

Аваллах с каменным лицом встал.

— Я сказал, что ты за него не выйдешь! И, клянусь жизнью, будет по-моему! — Он вихрем вылетел из комнаты.

Харита слышала, как затихает в коридоре его тяжелая поступь. "Что теперь? — думала она. — Я не могу уйти вот так. Я должна смягчить отцовское сердце. Талиесин поймет. Да, но ведь он ждет — надо ему сказать".

Она пошла в конюшню и возле двери увидела конюха.

— Сегодня мы поймали только одну крысу, царевна. Как кречет?

— Хорошо, но я не за его пищей.

— Да?

— Мне немедленно нужна лошадь.

Улыбка сошла с мальчишеского лица.

— И не проси, царевна. Не могу.

— Царь?

— Велел не давать тебе ни серого, ни кого другого.

— Ясно. — Харита быстро огляделась. — А эту лошадь кому ты седлаешь?

— Себе, царевна, — отвечал конюх. — Я еду на выгул за болото.

— Тогда ты сможешь выполнить мое поручение.

— Конечно, царевна.

— Хорошо. Надо будет передать весточку Талиесину.

— Варварскому арфисту?

— Бриттскому барду, — твердо отвечала Харита. — Скажи... скажи, что мне не разрешают с ним видеться. Что Аваллаха надо уговорить. Пусть возвращается к своим, а когда придет время, я его извещу. Понял?

— Да, царевна. Где мне отыскать барда?

— Он в яблоневой роще, — сказала она. — Тебе не придется делать крюк.

Конюх кивнул и пошел затягивать подпруги.

Моргана выждала, пока конюх показался в воротах, и только тогда выступила из тени.

— Эй! — крикнула она, устремляясь следом. — Погоди!

Юноша натянул поводья.

— Да, царевна Моргана?

— Харита передумала, — объявила она, заходя спереди. — Послание передам я.

Конюх оглянулся на дворец.

— Ну...

— Она приняла новое решение, — торопливо продолжала Моргана, — и попросила меня помочь. — Она улыбнулась и запустила пальцы в конскую гриву. — Есть вещи, с которыми лучше справляются женщины.

— Верно, — согласился конюх. — Может, мне...

— Давай лошадь. Харита велела поторапливаться. — Моргана вновь улыбнулась и схватила поводья.

Конюх спрыгнул на землю и помог Моргане залезть в седло.

— Можешь возвращаться к своим делами, — сказала та. — Я вернусь к Харите, как только выполню ее поручение.

Она взмахнула поводьями и понеслась по дороге.

Сидя под яблоневой веткой, Талиесин заслышал стук конских копыт на дамбе. Он встал и пошел к выходу из рощи.

— Моргана! — воскликнул он в изумлении, глядя через ее плечо, не скачет ли та, кого он надеялся увидеть.

Моргана перехватила его взгляд и сказала:

— Она не придет, Талиесин. Она послала меня это передать.

Талиесин медленно пошел к ней.

— Что она тебе сказала?

Девица смотрела в сторону.

— Она должна была что-то тебе сказать. Что она сказала?

— Она не придет...

— Говори! — Голос Талиесина гулко раскатился по роще. — Говори же, — мягче повторил он.

Моргана скривилась, как будто ей противно передавать такие слова.

— Харита сказала: "Езжай к нему, Моргана, я не поеду. Я его не люблю, но он ничего не хочет слышать. Он будет меня уговаривать. Я слабая и поддамся на уговоры, а потом всю жизнь буду себя корить. Нам не судьба стать мужем и женой. Мое место — рядом с отцом. Скажи, что я не приду". — Моргана помолчала и взглянула Талиесину в глаза, как бы уничтожая

всякое сомнение в своей искренности. — Вот что она сказала, и мне больно это повторять.

— Ясно. — Талиесин пристально оглядел девушку. Он не мог понять, правду она говорит или ложь. Слова и впрямь походили на Харитины. Но слышать их из этих уст...

— Что ты ей ответишь? — спросила Моргана.

— Скажи, что я не уеду, покуда она не придет и не скажет мне все сама. Я ни к чему не буду ее принуждать — если это ее страшит, — но я должен услышать все от нее и ни от кого больше.

— Она не придет.

— Просто передай ей мои слова. Я буду ждать у храма Спасителя-Бога.

— Отлично. — Моргана кивнула, развернула лошадь и взмахнула поводьями. Проехав несколько шагов, она крикнула через плечо: — Как долго собираешься ты ждать, Талиесин?

— Покуда Харита не придет сказать мне сама. — Он круто повернулся и пошел к вороному, поэтому не увидел холодной усмешки, которой проводила его Моргана.

Уже смеркалось, когда Моргана незаметно проскользнула во дворец. Факелы еще не зажгли, в переходах лежала тьма. Она быстро шла, стуча сандалиями по каменному полу, плащ с красной каймой развевался за спиной, когда она взбегала по лестнице в каморку на верхнем этаже. Здесь она постучала, и голос изнутри сказал: "Можешь войти. Моргана" Оглянувшись — нет ли кого сзади, — она вошла.

В полутемной комнате сильно пахло фимиамом. Предметы казались странным нагромождением теней: зажги свечу — и они пропадут, останутся одни стены.

— Где ты была?

— Задержалась в саду. Хотела посмотреть, как яблоки.

— Сделала, что я тебе сказал?

— Конечно. — Моргана принялась шарить пальцами по столу. — Я свет принесу... темно.

— Что он сказал?

— Сказал, что будет ждать, — отвечала Моргана нетерпеливо. — Ну прошу, дай мне принести свет.

— Погоди, дитя. Прежде расскажи мне все.

Она вздохнула и уселась в кресло перед столом.

— Я поехала к храму и нашла его у ручья. Видел бы ты, как он скис, когда понял, что это не Харита. Но я ничего не выдала. Я сказала, Харита не

придет, потому что не любит его и боится, что он ее уговорит. Я сказала, что она хочет остаться во дворце.

— И?

— Певец ответил, что будет ждать, пока Харита скажет это ему сама. Я убеждала, что она не придет, но он уперся и велел передать ей, что останется здесь.

Наступило долгое молчание, и Моргана уже потеряла терпение. Она подалась вперед, протянула руку к еле заметной тени.

— Я все рассказала. Теперь можно принести свет?

В темноте что-то зашуршало, скрипнуло кресло.

— Погоди. Что еще ты делала в саду?

— Я же сказала. Смотрела, как яблоки.

— Ба! Знаю я твои яблоки. Что ты делала?

— Ничего.

— Не лги мне, Моргана, я отлично тебя знаю.

— Аннуби, разреши мне принести свет!

— Что ты делала?

Моргана помолчала.

— Ходила к котлу.

— И?

— И ничего. — Моргана вздохнула. — Ничего.

— Ничего, кроме огня, дыма и пара... да еще теней. Что это были за тени, Моргана?

— Ничего я сегодня не видела. Никаких теней.

— Надо было прийти ко мне, девонька. Я бы показал то, что тебе неймется увидеть. Я позволил бы тебе тронуть Лиа Фаил.

— Я предпочитаю котелок, — угрюмо пробормотала Моргана.

— А знаешь, — сказал Аннуби, — у Хариты когда-то получалось. Девочкой она часто смотрела в камень — звала его зрячим камнем. Иногда она заходила в мою комнату, когда думала, что я не замечу. Я никогда не прятал от нее камень. Она смотрела в него... — Прорицатель смолк. Моргана заерзала в кресле, и Аннуби вздрогнул. — Ты должна больше доверять мне, дитя.

— Я тебе доверяю, — сказала она ласково. — Есть хочешь? Могу на кухню сбегать...

— Нет, — сказал Аннуби. Зашуршала одежда — прорицатель встал. — Сегодня я ужинаю с царем. Идем, Моргана, спустимся вместе.

ГЛАВА тринадцатая

День за днем пролетела весна, и наступило лето. Гуще стала зелень на склонах холмов, где паслись коровы и овцы, в долинах начали подниматься хлеба. Болота вокруг Тора огласило пение жаворонков и перекличка дроздов. Среди боярышника и вязов бродили олени в пантах, черноногие лисы подстерегали в папоротнике куропаток и фазанов, кабанихи украдкой выгоняли на лесные дорожки визжащий молодняк, в ручьях прыгала пятнистая форель, щука гуляла в глубоких бочагах.

Талиесин ждал Хариту в храме Спасителя-Бога.

Чтобы не сидеть без дела, он помогал странствующим монахам восстанавливать церковь. Столбы уже заменили, как и плетеные из лозняка стены, которые затем заново обмазали смесью соломы с глиной и побелили. Оставалось обновить крышу, чем и занимались теперь Давид с Талиесином — ходили на болото, резали сухой прошлогодний тростник, вязали снопы.

Работа была не тяжелая, и Талиесин успевал думать обо всем на свете: рассуждать об отдельных местах Давидовой философии или сочинять песни, которые он порой исполнял вслух к большому удовольствию обоих священников. Однако в конце концов мысли его всегда возвращались к кимрам, к тому, как те обживаются на новых местах. Харита все не приезжала, и надежда таяла с каждым днем, испарялась, как испаряются в зной капли серебристой росы.

— Вообще-то, — сказал он Давиду однажды утром, — я не собирался дожидаться так долго. Я нужен своим сородичам. Я сказал, что буду ждать... но я не могу больше. — Он взглянул на Тор, мглистый в утреннем свете, на стены и башни, бесформенным силуэтом застывшие на бело-золотом небе. — Она знает, что я жду, почему же она не едет?

— Может быть, все так, как она сказала, — мягко отвечал священник; он уже давно приметил растущее беспокойство Талиесина. — А возможно, есть другая причина.

— Моргана, — мрачно пробормотал Талиесин.

— Нет, я хотел сказать, может, ей не разрешают приехать.

— Зря я ей доверился. Надо было идти самому. Ладно, такую ошибку легко исправить. — Талиесин резко встал.

Давид взял его за плечо и усадил обратно.

— Сиди. Мы не знаем, в чем там дело. Давай я съезжу, разберусь...

Талиесин колебался.

— Поедем вместе.

— ...вернусь и все тебе расскажу.

Талиесин все еще колебался.

— Да не собираюсь я ее отбивать, друид полоумный!

Талиесин покраснел.

— Ладно, я столько прождал, могу подождать еще немного.

Он оседлал коня и подвел священнику.

— Скоро вернусь, — пообещал тот, садясь в седло, и взмахнул поводьями.

Харита стояла у окна возле сидевшего на нем кречета и гладила его перышки, когда увидела, что к Тору по дамбе приближается всадник. Сердце ее забилось. Она следила за вороным, пока того не заслонил склон холма. Конь скакал галопом, и она поняла, что Талиесин приехал за ней.

"Нельзя, чтобы его видел Аваллах", — думала она, выбегая во двор перехватить юношу до того, как он войдет. Однако на вороном сидел не Талиесин.

— Давид, — воскликнула девушка, подбегая, — почему ты на коне Талиесина? Я сказала, что пошлю ему весточку. Зачем он вернулся?

— Госпожа моя, он никуда не уезжал! — в изумлении воскликнул священник.

— Как так? Я послала конюха Ранена с поручением. Я сказала ему...

Давид мягко покачал головой.

— Быть может, ты посылала Ранена, но доставила послание Моргана.

— Опять Моргана! Что она выдумала?

— Она сказала Талиесину, что ты не придешь. Он не захотел принять отказ из ее уст и ждет в храме, пока ты не скажешь ему все сама.

— Но меня держат взаперти, — торопливо объяснила она. — Аваллах против нашего союза, он не выпускает меня из замка. Я надеялась смягчить его сердце, но... — Она умоляюще взглянула на священника. — Он совсем пал духом?

— Нет, — успокоил Давид. — Ты же его знаешь.

— И все же я должна немедленно к нему ехать.

— Как? Если надо уговорить Аваллаха, я попробую за тебя попросить.

Харита покачала головой.

— Он непреклонен. Я это поняла.

— Отец любит тебя, Харита. Я вас помирю.

— Стал бы он из любви держать меня под замком? — По лицу священника она поняла, что права. — Думаю, не стал бы. Они с Морганой сговорились против меня, им дела нет до моего счастья. Со временем, — продолжала она, — отец может смягчиться, однако нехорошо, что меня тут держат против моей воли.

— Понимаю.

— Поможешь ли ты мне?

— Чем могу, но открыто и без обмана.

— Этого я и прошу, — сказала она. — Иди к нему и говори о чем хочешь, чтобы у меня было время собрать вещи.

— Ты хочешь ехать прямо сейчас?

— Да. Или я уеду сейчас, или уже не уеду никогда, — сказала она. — Побудешь у него и возвращайся в храм той же дорогой. Я буду ждать тебя за воротами. Не бойся, никто не увидит, что я уехала с тобой.

Священник кивнул и пошел во дворец. Харита прямиком побежала в свою комнату, взяла сундучок миртового дерева, поставила его на кровать и открыла, чтобы начать укладывать вещи, да так и застыла, глядя на откинутую крышку. "Нет, — решила она, — если я возьму свои вещи с собой, отец подумает, что я не намерена возвращаться. Нельзя убивать надежду или давать ему повод для ненависти".

Она взглянула на кречета, сидевшего на жердочке у окна.

— Идем, ясный мой, хоть ты будешь меня сопровождать, — сказала она, обматывая руку мягкой кожаной полоской. Потом взяла сокола и вышла из комнаты.

Талиесин увидел их издалека и бегом пустился навстречу, прямо по ручью, чтобы снять Хариту с конского крупа. Он обнял ее, закружил в объятиях, брызгая во все стороны водой. А перестав кружиться, поцеловал ее. Она зарылась лицом в его шею.

— Ой, Талиесин, мне так жаль. Моргана...

— Знаю, — выговорил он, снова ее целуя. — Но я сам виноват... И потом, теперь это неважно. Мы вместе!

Харита высвободилась.

— Я пришла сюда сама и если поеду с тобой, то тоже сама.

— Аваллах по-прежнему против нас?

Харита кивнула.

— Он неприступен. Со временем он может перемениться, но я не могу ждать так долго. Я приняла решение, Талиесин, если, конечно, ты по-прежнему этого хочешь.

Талиесин прижал ее к груди, потом взял за руку и повел к шалашу.

— Нам нельзя оставаться здесь, — сказал он. — Когда твое исчезновение заметят, тебя станут искать. К моим родичам тоже нельзя — туда отправятся в первую очередь.

— Куда же нам идти?

Тут вмешался Давид, который слез с лошади и стоял, глядя на них:

— Если хотите, я могу помочь.

— Ты знаешь, где нам укрыться?

— Да, — отвечал священник, — как вы знаете, я родом из Диведа, что за Хабренским заливом.

— Мы проходили Дивед по пути сюда, — заметил Талиесин. — Помню его.

— Да, конечно. Так вот, на северо-запад от старой крепости Иска есть небольшое поселение — когда-то там стоял вспомогательный гарнизон Города Легионов.

— А как зовется поселение?

— Маридун, — отвечал Давид. — Гарнизона давно нет, но стены остались. Жителей, конечно, меньше, чем в прежние времена, но город стоит у дороги, туда съезжаются торговать, а народ добрый и дружелюбный. У меня там родичи.

— Знаю это место. — Талиесин повернулся к Харите. — Я не повезу тебя туда, куда тебе не захочется, но, если ты не против, едем в Маридун и будем жить там, пока Аваллах не сменит гнев на милость.

Харита ответила:

— Я уже сказала, что еду с тобой. Отныне там, где ты, — и мой дом.

— Тогда в путь. — Талиесин повернулся к Давиду. — Обвенчаешь нас? Нам надо пожениться до исхода дня.

— Конечно. Сейчас я совершу над вами обряд, а потом буду всемерно уговаривать Аваллаха.

— Спасибо, брат. — Талиесин широко улыбнулся. — Сейчас мы изгнанники, радость моя, но, когда вернемся, будет пир на весь мир. Обещаю!

— Мне и без того хорошо.

И так священник Давид обвенчал их в полуразрушенной церкви Спасителя-Бога по христианскому обряду. И в тот же день они покинули Инис Гутрин, взяв с собой только вороного коня, кречета и наспех составленное письмо от Давида к своему родственнику — правителю Маридуна.

— Где вы проведете ночь? — спросил Давид, когда они выходили из церкви.

— В прекрасном дворце без потолка и стен, — отвечал Талиесин, — на ложе бескрайнем, как наша любовь.

— Езжайте с миром, друзья мои, — сказал священник, осеняя их крестным знамением. — Знайте, что я не успокоюсь, пока не восстановлю мир между вами и Аваллахом; я отправлюсь к нему, как только вы отъедете подальше. Я так же сообщу государю Эльфину и его родичам, чтобы они не тревожились.

Харита нагнулась и поцеловала священника в щеку.

— Спасибо, добрый друг. Надеюсь скоро тебя увидеть.

Талиесин залез в седло и, нагнувшись, поднял Хариту.

— Прощай, брат, — крикнул он, разворачивая коня к дороге. Коллен выбежал и протянул Харите тщательно перевязанный сверток.

— Подарок, — объяснил он. — Вы забыли еду, но в пути можете проголодаться.

Харита рассмеялась.

— Спасибо, Коллен. Теперь голодная смерть нам не грозит.

— До встречи, — крикнули им монахи, — и да хранит вас Господь.

Они перевалили холм, проехали вдоль ручья и свернули на дорогу, которая вела через лесистую низину вдоль реки Бру к Хабренскому заливу. Они скакали, преисполненные радости и любви. Закат застал их в укромной лощине возле реки, которую стеной обступили древние дубы, оградив ее могучими стволами от всего остального мира.

Талиесин расседлал вороного, стреножил и пошел собирать хворост. Харита расстелила на земле плащи, набрала воды в бурдюк и села смотреть, как ее муж разводит костер. Когда огонь разгорелся, Талиесин взял арфу и запел, голос его заполнил лощину и взмыл к небесам.

Он пел, и в небе проступали тихие сумерки, расползаясь над землей, словно влажное пятно. Харите казалось, что музыка рождается не на земле, а льется из хрустального источника, чище которого мир не ведал. Когда Талиесин пел, песня казалось живой, словно запертый в клетке редкий зверь высвободился и вернулся на свое законное место в царстве, что лежит вне мира людей, — более высокое, более утонченное, более прекрасное. В этой песне чудилась легкая печаль, еле слышное влечение, отзвук боли, такой нежной, что она лишь усиливает радость, не искажая ее, — как будто высвобождение песни из земной темницы приносит не только радость, но и печаль. Это не портило музыку, только придавало ей красоты.

Засияли первые звезды, песнь стихла на вечернем ветерке, но барда сменил соловей. Талиесин успокоил все еще дрожащие струны и отставил арфу со словами:

— Это тебе, Владычица озера.

— Я не хотела бы иного дара, — зачарованно отвечала Харита, — чем слушать тебя бесконечно.

— Тогда я буду петь тебе всегда, — сказал он и, наклонившись, поцеловал ее в губы. — Твое лобзанье всегда будем моим вдохновением. — Он заключил ее в объятия и притянул к себе.

Приложив палец к его губам, Харита сказала:

— Погоди, любимый, сейчас вернусь.

Она встала и подошла к реке, журчащей сразу за кольцом дубов. Талиесин подбросил хвороста в костер и, растянувшись на плаще, стал смотреть, как всходит луна и в глубоких складках ночного неба вспыхивают яркие звезды. Через некоторое время он услышал, как Харита напевает без слов, и поднял голову.

Она шла к нему. Сумерки преобразили ее простое платье в дивный наряд, а волосы, рассыпанные по плечам, сияли в серебряном лунном свете. Она медленно прошла по мягкой траве и встала перед ним.

— Мне нечего подарить тебе, кроме самой себя, — сказала она.

Талиесин взял ее за руку и улыбнулся.

— Харита, душа моя, в тебе моя радость обрела свою полноту. Больше мне ничего не надо. — И он обнял ее, и они легли на расстеленные плащи возле огня под сияющим звездами небом в чистом свете только что взошедшей луны.

И они соединились, и стали мужем и женой, и познали блаженство обоюдных ласк. Он дал ей тепло и нежность, она ему — силу и страсть; от их сочетания возгорелось святое и могучее пламя.

Когда соловьи на деревьях пропели полночному миру свою неземную песнь, супруги завернулись в плащи и заснули, не разжимая объятий.

ГЛАВА четырнадцатая

Харита и Талиесин доскакали вдоль реки до того места, где устье расширялось, образуя Хабренский залив. Здесь, в рыбачьей деревушке, они сторговались, что за вечернюю песню и рассказ Талиесина с Харитой накормят, устроят на ночлег, а утром перевезут через залив в Каердидд.

В Каердидде Талиесин вновь пел за стол и кров и так каждую ночь. Порою вдобавок к миске с похлебкой и месту у очага он получал горсть монет, а то и золотой или серебряный слиток. Днем они ехали на северо-запад по римской дороге из Иски в Маридун, всякий раз получая ночлег — часто самый лучший — в обмен на свои песни.

Так они проехали пустынными холмами и зелеными лощинами Диведа, легко, весело, нежась в летнем тепле и лучах собственной любви. Талиесин шагал рядом с лошадью, опираясь на посох и пел, а холмы вторили его голосу. Он слагал гимны земле, небу и Богу Творцу. Он учил Хариту словам и мелодиям, и они вместе распевали в лад под огромным синим балдахином небес.

Наконец приехали в Маридун. Был ярмарочный день, мощеные улицы заполнили люди: одни тащили на продажу кур, вели овец, коров, лошадей, свиней, быков, которые громким кудахтаньем, блеянием, ржанием и мычаньем выражали свое недовольство; другие привезли зерно, вино, кожу, ткани, серебряные, золотые, медные изделия, а то и железные чушки, которым предстояло стать орудиями труда или войны.

Талиесин с Харитой проехали сквозь вонь и кутерьму к жилищу местного правителя — тот жил на вилле довольно далеко от города, на реке Тови. Вилла состояла из большой центральной части с портиком и двумя длинными крыльями. По одну сторону между крыльями располагался парадный двор, по другую — баня, окруженная кухнями, мастерскими и спальнями.

Недалеко от виллы на пригорке стоял храм — крохотное помещение, окруженное колоннадой. Из дыры в куполе поднимался черный дым.

Вилла была очень старой и давно уже перешла от потомков первого владельца к совершенно чужим людям, однако содержалась в порядке.

Хотя красную глиняную черепицу и пришлось местами заменить шиферным сланцем, а одно из крыльев лежало в руинах, дворы были чисто выметены, а на наклонном земляном спуске у входа красовались новые перила.

— Здесь любят порядок, — заметил Талиесин, разглядывая внушительное строение. Он подмигнул Харите. — Посмотрим, любят ли здесь песни.

— Тебе стоит запеть, любовь моя, и ворота распахнутся перед тобой, серебряные монеты польются из кошельков, и золото посыплется тебе в ладони дождем. Зачем спрашивать, любезны ли песни хозяину здешних мест? Никто не устоит перед твоей арфой, и ты это знаешь лучше других.

Талиесин рассмеялся. Он привязал коня к ближайшему кусту, и они пошли к входу, где их встретил тщедушный старик с коротко стриженными седыми волосами. Он был одет и подпоясан на римский манер, хотя шею его украшала бронзовая гривна. С сомнением глядя на пришельцев, он ворчливо спросил:

— Кто вы такие?

— Я бард, зовусь Талиесин ап Эльфин. Это моя жена Харита. Мы приехали с юга с посланием здешнему повелителю от его родича.

Старик сощурился, прикидывая, правду ли говорит Талиесин, потом пожал плечами и сказал:

— Можете войти и подождать. Нашего господина нет дома. Он объезжает поля и вернется только на закате.

— Тогда покажи, где вода, друг, — сказал Талиесин, — чтобы нам напоить лошадь и смыть с себя дорожную пыль.

— Вода там. — Он указал на реку, потом, приняв в расчет Хариту, добавил: — Да, у нас есть баня. Можете помыться в ней. — С этими словами он повернулся и ушел в дом.

Расседлав и напоив коня, Талиесин с Харитой вошли в здание. Они никого не увидели, но легко отыскали баню. В прямоугольном зале было тепло и сыро, на цветной облицовке стен поблескивали капельки влаги.

Сам бассейн был квадратный, с высокими колоннами по периметру. Бело-красный мозаичный пол представлял четыре времени года в виде четырех дев, расположенных по углам бани. Талиесин мигом скинул одежду и вошел в теплую воду.

— Ах, — вздохнул он, — вот стану королем, первым делом заведу баню.

— То же самое ты говорил о кровати! — отвечала Харита. Она сбросила верхнюю рубаху, но осталась в короткой нижней, соскользнула в воду с противоположного края бассейна и поплыла к Талиесину. Они встрети-

лись посередине, обнялись и неторопливо поплыли, ощущая, как растворяется в подогретой воде усталость; их тихие голоса гулко отдавались под высокими сводами зала.

Искупавшись, они вышли в соседний двор, легли на широкие каменные скамьи и немного подремали, обсыхая на солнце. Талиесин проснулся от того, что кто-то тронул его за плечо. Он повернулся и увидел Хариту.

— Мой пригожий бард, — сказала она, гладя его грудь. — Все эти дни были, как сон, такой дивный, что я боюсь проснуться. Не оставляй меня, Талиесин.

— Не оставлю, Владычица озера, — сказал он, беря в ладони ее лицо. Они долго сидели в пустом дворе, тихо разговаривали и смеялись вполголоса.

Вечером, на закате, вернулся правитель Маридуна с четырьмя воеводами. Они вошли в зал с конюшни в то время, когда Талиесин и Харита входили со двора, и в мгновение ока весь дом ожил. Словно по волшебству, комнаты заполнили слуги, которые деловито сновали туда-сюда. В большом очаге запылал огонь, появились роги с вином. Чернокосые девушки внесли тазы, чтобы помыть руки и ноги королю и воеводам, из которых двое приходились правителю сыновьями.

В разгар суеты появился старик, которого Харита и Талиесин видели утром. За ним двое слуг тащили резное кресло. Кресло водрузили посреди зала, и вождь важно опустился на свой трон. Для остальных поставили кресла попроще, и, когда все расселись девушки принялись мыть им ноги.

Вошел человек с животом, как мучной куль. Он вышагивал с такой напыщенной важностью, что, если бы не засаленный бурый балахон, его впору было бы принять за хозяина дома. Позади семенил худосочный юнец — он нес жезл с железным набалдашником.

— Языческий жрец из храма и его служка, — прошептал Талиесин.

Харита приметила явно неодобрительный взгляд, которым, проходя, наградил их жрец.

Седой управитель, склонившись, заговорил с королем. Тот обвел глазами комнату и остановил взгляд на пришельцах, потом что-то сказал старику, и тот, подойдя к Харите и Талиесину, произнес:

— Владыка Пендаран желает выслушать вашу песню. Если ему понравится, можете оставаться. Если нет, убирайтесь вон.

— Справедливо, — отвечал Талиесин. — Можно мне с ним поговорить?

— Как хочешь. — Старик повернулся, чтобы уйти.

— Сделай милость, друг. — Талиесин удержал его за рукав. — Представь меня твоему господину.

Взяв Хариту за руку, Талиесин вслед за управителем подошел к королю, который сидел, поставив босые ступни на колени девушке, поливавшей их водой из кувшина.

— Бард Талиесин желает быть представленным, — сказал управитель.

Пендаран Гледдиврудд, правитель деметов, сидел на резном троне, ссутулясь и положив на колени меч. Его длинное, морщинистое лицо кривила усмешка. Он мрачно взглянул на Талиесина, чуть менее мрачно — на Хариту, взял у мальчика кубок с вином и хмыкнул.

Талиесин склонил голову и произнес:

— Я Талиесин, главный бард Эльфина ап Гвиддно из Гвинедда.

Мальчик налил и протянул ему кубок. Талиесин поблагодарил и поднес вино к губам, но в этот миг Пендаран Гледдиврудд встал и вышиб кубок из рук барда. Кубок со звоном покатился по полу, вино выплеснулось на мозаичный пол, замочив Талиесину сапоги и штаны.

— Спой прежде, — проревел Пендаран.

Четверо у него за спиной загоготали, хлопая себя по коленям и грубо тыча пальцами в певца.

— Возможно, — все так же ровно и твердо продолжал Талиесин, — имя Эльфина для деметов — пустой звук, но я видел, как под его кровом гостей привечали и сажали на лучшие места из одного лишь уважения.

Пендаран скривился еще пуще.

— Если тебе не по душе наше гостеприимство, иди побираться к другим.

Запустив руку в дорожную суму, Талиесин вытащил письмо от Давида.

— Я пойду к другим, — сказал он, протягивая кусок пергамента, — но я обещался доставить это.

Король взглянул на письмо с опаской, как будто оно могло превратиться в змею и ужалить, потом кивнул управителю. Тот принял послание от Талиесина и вслух прочел по-латыни.

— Давид — глупец, — объявил Пендаран, выслушав.

— Он высоко отзывался о тебе, — отвечал Талиесин.

Пендаран Алый Меч оскалился.

— Не хочешь петь, уходи, не испытывай мое радушие.

— И впрямь не хотелось бы испытывать то, чего нет, — спокойно произнес Талиесин.

Четверо воевод за спиной у вождя деметов застыли с разинутыми ртами. Один из них привстал. Пендаран поднял руку, и тот снова опустился в кресло.

— Пой, попрошайка, — сказал он. — И пой хорошенько, не то это будет последняя песня в твоей жизни.

Талиесин повернулся к Харите, чтобы взять арфу.

— Давай уйдем, — прошептала она, — нас охотно примут в другом месте.

— Меня попросили спеть, — отвечал он. — Я намерен распахнуть двери и вызвать золотой дождь.

Взяв арфу, он вышел на середину зала и начал перебирать струны. Первые чистые звуки заглушил гомон, но он продолжал играть. Пендаран сидел, осклабясь, воеводы шумно тянули вино из кубков.

Когда Талиесин открыл рот, чтобы запеть, жрец выступил вперед и ударил жезлом в пол.

— Владыка Пендаран, — выкрикнул он, — это человек зовет себя бардом. Я кое-что знаю об этих так называемых друидах. Каждый может бренчать на арфе и считать себя бардом. Позволь мне испытать его, прежде чем он начнет.

Языческий жрец вышел вперед, масляно улыбаясь. Пендаран Гледдивруд злобно усмехнулся и сощурил глаз.

— Хорошо придумано, Кальпурний, — хохотнул он. — Ладно, пусть покажет, на что способен. Кто знает? Может, заслужит своей дерзостью порку. Так мы и там повеселимся.

Кальпурний встал напротив Талиесина. Все собравшиеся прекратили свои занятия и столпились взглянуть, что будет. Харита, стиснув руки и закусив губу, высматривала пути к отступлению. Она заметила, что в дверях стоят воины с мечами и копьями.

— Будь осторожен, — прошептала она. — Прошу тебя. Талиесин.

Он улыбнулся и сказал:

— Эти люди страдают от недостатка самой обычной учтивости. Не тревожься, лечение болезненно, но, как правило, не смертельно. — С этими словами он повернулся к жрецу.

Тот осклабился и сказал:

— Назови, если можешь, свойства девяти телесных соков.

— Тут все преимущества на твоей стороне, друг, — отвечал Талиесин. — Друиды не морочат людям головы такой глупостью.

Языческий жрец хохотнул.

— Невежа зовет глупостью то, что ему неведомо. Вижу, что ты неуч. Хорошо, назови нам, каким богам и что принести в жертву, дабы вернуть силу мужчине и плодовитость женщине.

— Бог один, и бард не приносит жертв, если недуг можно вылечить простыми травами.

— Травами! — взвыл жрец, его худосочный спутник истерически захихикал. — Ладно, ты небось и не на такое горазд. Без сомнения, истинный бард без труда уврачует недуги песней.

— А ты бы, — холодно отвечал Талиесин, — не говорил чепухи в присутствии того, перед кем тебе следует склониться со всем смирением.

Кальпурний ухватился за живот и зашелся от смеха.

— Зови себя хоть бардом, хоть кем иным, все равно ты лжец и обманщик. — Он повернулся к своему повелителю. — Владыка Пендаран, — из голоса его исчезли всякие следы нарочитого веселья. — Этот человек лжет, что само по себе плохо. Хуже того, он кощунствует! — Он указал пальцем на Талиесина, который стоял как ни в чем не бывало. — Гоните его вон!

Пендаран Гледдиврудд схватился за меч, и глаза его злобно блеснули.

— Итак, тебя разоблачили. Сейчас тебя выпорют и прогонят вон. — Он взглянул на Хариту и облизнул губы. — Но женщина твоя останется.

— Если при твоем дворе могут выпороть за правдивые слова, — сказал Талиесин, — значит, ты слишком долго слушал этого лжежреца.

Кальпурний напыжился и ударил жезлом в пол.

— Ах, ты еще смеешь меня оскорблять! — Он сделал знак одному из сидящих за спиною у Пендарана, и тот встал, вытаскивая из-за пояса кинжал. — Без языка останешься!

— Нет, это ты останешься без языка, сын лжи. — С этими словами Талиесин взглянул жрецу прямо в глаза, приложил палец к губам и издал смешной, детский звук: — Блям, блям, блям.

Многие из смотревших расхохотались.

— Молчать! — крикнул Пендаран.

Кальпурний, побелев, протянул руку. Сын Пендарана, злобно ухмыляясь, вложил в нее кинжал. Жрец шагнул к барду и открыл рот, собираясь приказать, чтобы того схватили.

— Хлеед рамо фелск! — вырвалось у него.

Зрители обменялись недоуменными взглядами.

— Хлеед рамо фелск! — вновь выкрикнул жрец. — Млур, рекка норимст. Эноб фелск! Эноб фелск!

Пендаран в изумлении таращил глаза. Служка прыснул со смеху, другие хохотали, закрывая ладонями рты.

— Что случилось? — спросил Пендаран. — Ты что-то странно говоришь.

— Норл? Блет дхурмб, емас веамн огло моор, — отвечал жрец. На лбу его выступил пот. Он взглянул на Талиесина, и глаза его округлились. —

Хлеед, эноб. Фелск эноб.

Зрители схватились за животы. Жрец выронил кинжал и в ужасе зажал себе рот руками.

— Тебе придется заново учиться человеческой речи, — сказал Талиесин. — Но у тебя по крайней мере есть язык — ты бы не оставил мне и того.

Кальпурний с визгом выбежал прочь, таща за собой служку. Пендаран проводил их взглядом и теперь уже не без уважения взглянул на Талиесина.

— Этот храмовый глупец позабыл свое дело, но у меня память не такая короткая. Пой, попрошайка, если дорожишь своим языком.

Талиесин вновь заиграл на арфе. Теперь все глаза были устремлены на него. Сперва казалось, что холодная пустота зала поглотит его голос, однако он пел мощнее с каждым стихом, наполняя чертоги живым звуком.

Он пел о короле, который похитил жену своего соседа, и тот в отместку превратил в жеребцов трех его сыновей. Сказание разворачивалось, затягивая слушателей, которые, как завороженные, внимали рассказу о коварстве и роковых судьбах.

Пальцы Талиесина порхали по струнам арфы, сплетая мелодию с мелодией, а голос звенел такой несказанной музыкой, что многие из собравшихся только таращили глаза, уверенные, что перед ними гость из Иного Мира. Харита видела, как враждебность и гордость отступают перед дивным искусством ее мужа.

Он закончил, и воцарилось молчание. Никто в зале не проронил ни слова, и даже мир за дверями, казалось, притих. Владыка Пендаран Гледдиврудд сидел на резном троне, сжимая меч, и смотрел на Талиесина большими глазами, будто на призрака, который пропадет, стоит только шелохнуть пальцем.

Потом он медленно встал и пошел к певцу. Без единого слова он снял браслет в виде золотой кабаньей головы с серебряными клыками и надел на руку Талиесина. Снял другой, тоже надел на него. Наконец сорвал с шеи золотую гривну и протянул ее барду.

Талиесин с сияющим, одухотворенным лицом принял гривну, поднял ее над головой и снова надел на короля.

— Я — твой слуга, владыка Пендаран.

Старый Пендаран помотал головой.

— Нет, нет, — проговорил он срывающимся от благоговения голосом, — ты своим пением повелеваешь всеми людьми. Я недостоин стоять рядом с тобой, но я — твой слуга и буду им столько, сколько ты соблаговолишь прожить в моем доме.

И тут король деметов явил подлинное благородство: наполнил свой собственный рог вином, подал его певцу и зычно произнес:

— Это знак, что я ценю Талиесина превыше всех в этом зале. Он будет жить здесь как мой бард, вы же чтите его как своего повелителя.

Он снял одно из золотых колец и надел Талиесину на палец, потом обнял его по-отечески. Следом подошли воеводы, все снимали с себя золотые и серебряные браслеты и надевали на Талиесина. Один юноша, старший сын Пендарана, возложил ему на плечи золотую цепь и встал на колени.

Талиесин коснулся ладонью его головы и сказал:

— Встань, Мелвис, я узнал тебя.

Молодой человек медленно встал.

— Спасибо, господин, но имя мое не Мелвис — меня зовут Эйддон Ваур Врилик.

— Сегодня ты Эйддон Щедрый, — отвечал Талиесин, — но придет день, и люди назовут тебя Мелвисом, Благороднейшим.

Молодой человек потупился и выбежал, пока никто не заметил его румянца. Тут Пендаран приказал, чтобы внесли козлы и положили на них доски. Талиесину и Харите подали почетные кресла, и все приступили к обильной трапезе.

Позже, когда они остались одни в маленькой, но богато обставленной комнате над залом, которую отвел им Пендаран, Харита рассказала, как ей было страшно во время состязания со жрецом.

— Ты так рисковал, любимый, — сказала она. — Он мог бы отрезать тебе язык.

Талиесин только улыбнулся и сказал:

— Как так? Неужто наш Живой Бог слабее каменного истукана?

Харита подивилась его вере в Спасителя Бога и хотела бы поговорить еще, но Талиесин зевнул и растянулся на высоком ложе. Глаза его закрылись, и скоро он уже спал. Харита накрыла его шерстяным одеялом и, прежде чем лечь рядом, некоторое время смотрела, как он спит.

— Спокойной ночи, — сказала она, касаясь губами его виска, — и пусть Господь дарует нам мир в этом доме.

ГЛАВА пятнадцатая

Маридун лежал в самом сердце холмистого края, изрезанного множеством извилистых рек и чистых ручьев. Дивед, как обнаружила Харита, очень походил на Инис Гутрин, хоть и не был таким диким, поскольку люди осели в этих краях уже много поколений назад. Большая часть здешних обитателей кроме наречия бриттов немного говорила по-латыни и в том, что касается образа жизни, считала себя римлянами.

На полях вокруг Маридуна росли пшеница, ячмень и рожь, в лугах пасся скот, в море прекрасно ловилась рыба, так что кладовые были полны и у знати, и у простолюдинов.

Пендаран Гледдиврудд оказался любезным и хлебосольным хозяином. Он всячески старался угодить гостям и загладить свою прежнюю грубость.

— Я нрава крутого, — говорил он Талиесину и Харите через день-два после их встречи, — да и время сейчас суровое. Я многое позабыл из того, что раньше мне было дорого. Уж простите дурака.

— Тот не дурак, кто видит свою болезнь и хочет лечиться, — отвечал Талиесин.

— Это еще не все. Пусть здоровье и богатство меня покинут, если я с этого дня откажу хоть кому-нибудь в гостеприимстве. — Он взглянул на Талиесина и печально покачал головой. — Только подумать, что я сам позволил этому жирному Кальпурнию отравлять мне слух ложью. И впрямь он меня охмурил, не то бы я сразу тебя узнал. Однако когда ты запел... — Голос Пендарана сорвался.

В следующий миг король деметов встряхнулся и сказал:

— Но зато уж теперь я отдал этого подколодного змея на милость его бога!

— Ты не убил его? — возмутилась Харита.

— Хуже! — хохотнул Пендаран. — Много хуже! Прогнал вон. Пусть теперь сам добывает себе пропитание, и несладко же ему будет! — Улыбка сошла с его лица. Король медленно покачал головой. — Не понимаю, как я мог быть так слеп. Однако, — продолжал он, расправляя плечи, — я исправлюсь и вдесятеро воздам за то, что удержал по скупости.

Пендаран Алый Меч сдержал свое слово, и в доме его воцарилось веселье. Порою Харита чувствовала легкую вину за то, что так мало скучает по Инис Гутрину и своим родным. Однако правда состояла в том, что Талиесин открыл ей неведомый прежде мир, заполненный изумительной красотой, населенный дивными людьми и зверями, и мир этот был несравненно величественнее, прекраснее и благороднее прежнего.

Мир предстал ей таким отчасти из-за растущей любви к Талиесину, отчасти потому, что, находясь рядом с ним, она смотрела его глазами. Она понимала, что до сих пор не жила по-настоящему, прошлое казалось тусклым и нереальным — клочки снов, полустертые образы, — как будто все это было с другой Харитой, обитавшей в серой, пустынной стране теней.

Ей хотелось каждую минуту быть с Талиесином, и все было так, как она желала. Они скакали верхом под голубыми летними небесами, плавали в озерах, посещали древние римские города по соседству, пели, смеялись и предавались утехам любви. Дни проходили один за другим, и каждый был безупречной жемчужиной на золотой нити.

Через три недели после приезда в Майлдун у Хариты было видение, что она беременна. Еще не рассвело, хотя птицы под окном уже пели, предвкушая приход зари. Во сне она услышала тихий, как будто бы детский крик и, проснувшись, увидела подле кровати женщину с новорожденным младенцем на руках. Сперва она подумала, что в комнату по ошибке зашла прислужница с ребенком, и уже открыла рот, но тут женщина подняла голову, и Харита поняла, что это она сама и младенец — ее собственный. Видение растаяло, а она осталась лежать рядышком с Талиесином, согретая и слегка ошеломленная своим знанием. "Только подумать, я ношу под сердцем новую жизнь!".

Впрочем, утром, когда они встали, Харита засомневалась. Может быть, это просто пустой сон. Поэтому она ничего не сказала, когда они завтракали хлебом и вином, не сказала, когда они ездили на соседний холм — проверить, может ли кречет летать, да и позже, когда они вместе купались в бане.

Однако поздним вечером, после того как Талиесин закончил петь в зале и они вернулись в свою комнату, он взял ее за плечи и сказал:

— Ну, выкладывай, что ты весь день от меня скрываешь, потому что я не усну, пока не узнаю.

— Почему ты решил, супруг мой, — сказала Харита, — будто я что-то от тебя скрываю?

Он обнял ее, поцеловал, потом ответил:

— Женское сердце — отдельный мир, для мужчин непостижимый. Однако я заметил, что ты сегодня задумчива, неуверенна, чего-то ждешь. И еще ты весь день не сводила с меня глаз, словно боялась, что я вслед за твоим кречетом взмою в небо и улечу навсегда.

Харита нахмурилась.

— Так ты чувствуешь себя пойманной птицей? Я тебе уже прискучила?

— Разве может прискучить рай? — легко отвечал он.

— Может, — отвечала Харита, — если рай тебе не по нраву.

— Госпожа моя, ты говоришь загадками. Однако за твоими словами я вновь различаю секрет. Хотел бы я знать, в чем он состоит?

— Неужели так легко проникнуть в мои мысли? — Она отвернулась и высвободилась из его объятий.

— Так, значит, я угадал, и секрет действительно есть?

— Возможно.

Он снова шагнул к ней.

— Скажи мне, Владычица озера, раскрой свой секрет.

— Может быть, я ошибаюсь, — сказала она.

— Тем более не будет беды, если ты со мною поделишься.

— Я думаю, что беременна. — И Харита рассказала про ночное видение.

В следующие недели ее тело подтвердило то, что явил сон.

Лето забирало все бóльшую власть. Дождь и солнце сделали свое дело — в полях встали высокие хлеба. С каждым днем Харита все сильнее чувствовала в себе новую жизнь, ощущала перемены в своем теле, которое начинало готовиться к рождению будущего ребенка. Груди и живот начали раздуваться; она часто вспоминала мать и жалела, что в грядущие месяцы Брисеиды не будет рядом.

Лишь эта печаль и омрачала ее безоблачное счастье. В доме Пендарана, чья последняя жена умерла пять лет назад, она заняла место королевы, и придворные состязались за право ей услужить.

Днем она и Талиесин катались верхом, часто беря с собой кречета, чтобы он привыкал к своему месту на седле, либо сидели во дворе или на холме и разговаривали. По вечерам она восседала по правую руку от Пендарана, слушая пение Талиесина. Это были самые счастливые дни в ее жизни, и она наслаждалась каждым, словно глотком редкого бесценного вина.

Однажды утром, после нескольких сырых ветреных дней, Харита сказала:

— Давай покатаемся. Мы уже несколько дней не выходили, и мне не сидится дома.

Талиесин начал было возражать, но она сказала:

— Думаю, это будет последний раз на много месяцев вперед. — Она провела ладонью по животу. — Вот и кречет беспокоится. Крыло окрепло, ему хочется полетать.

— Ладно, — согласился Талиесин. — Давай посвятим этому день. Возьмем кречета на вересковую пустошь и поучим его охотиться.

Позавтракав, они проехали через Маридун и углубились в холмы, заросшие по склонам густым папоротником. Здесь они поднялись на вершину, спешились и стали любоваться на серебристый ломтик Хабренского залива, поблескивающий в туманной дымке на юге, и на темные громады Черных гор к северу.

— За этими горами, — сказал Талиесин, обращая взор к заросшим соснами склонам, — моя родина.

— Ты никогда о ней не рассказывал.

— А ты — о своей.

— В первый же раз, как я услышала твою песню, я поняла, что мы одинаковые.

— Как так?

— Мы оба изгнанники, ты и я. Мы живем в чужом мире.

Талиесин улыбнулся, но в улыбке этой была печаль.

— Мы сами творим мир, в котором живем, — легко сказал он, потом отвернулся от гор и долго смотрел, не произнося ни слова.

Когда он снова заговорил, голос его звучал отрешенно:

— Я видел землю, сияющую добротой, где каждый защищает достоинство брата, как свое собственное, где забыты нужда и войны, где все народы живут по одному закону любви и чести.

Я видел землю, светлую истиной, где слово — единственная порука, где нет лжи, где дети спокойно спят на руках у матери, не зная страха и боли. Я видел страну, где цари вершат правосудие, а не разбой, где любовь, доброта и сострадание изливаются, как река, где чтят добродетель, истину, красоту превыше довольства или корысти. Землю, где мир правит в сердцах людей, где вера светит, словно маяк, с любого холма, а любовь, подобно огню, горит в любом очаге, где все поклоняются истинному Богу и соблюдают Его заповеди. Я видел эту землю, Харита, — сказал он, ударяя себя в грудь. — Я видел ее, и сердце мое стремится туда.

Лицо его светилось, сила видения захватила Хариту и в то же время напугала ее. Она крепко стиснула его руку.

— Чудесная греза, мой милый, — сказала она.

Ладонь его была холодна.

— Не просто греза, — отвечал он, встряхивая головой. — Эта земля существует въяве.

— Но не на нашем свете.

— Да, — согласился он и добавил: — но таким задуман наш мир и таким он станет. Это возможно, Харита. Ты видишь? Ты понимаешь?

— Понимаю, Талиесин. Ты говорил мне о царстве Лета...

— Царство Лета — лишь отблеск того мира! — в сердцах вскричал он, но в следующее мгновение смягчился. — Ах, но с Летней страны все мы начинаем. Когда я стану королем, Харита, мое правление воссияет, как солнце, чтобы все увидели и поняли, каким задуман наш мир.

Талиесин положил ладонь ей на живот и улыбнулся.

— Скажи нашему сыну то, что я сказал тебе. Он будет царствовать после меня и должен стать сильным, ибо тьма не уступит ему и пяди. Он должен стать мужем среди мужей, могучим и мудрым правителем. А прежде всего пусть любит и чтит истину.

Харита еще крепче прижала его ладонь к животу.

— Сам и скажешь. Мальчик — если это будет мальчик — должен учиться таким вещам от отца.

Талиесин вновь улыбнулся и поцеловал ее.

— Да, — сказал он нежно.

Кречет снова принялся скрестись, и Талиесин пустил его полетать. Сокол стал описывать круги, взмывая все выше и выше в чистое небо. Они смотрели, как он парит, слушали клекот, которым он приветствует знакомое ощущение воздуха под крыльями, снова дикий и вольный.

Сокол улетел дальше в холмы. Они сели на коней, поскакали за ним и через какое-то время оказались перед каменистой расселиной между двумя обрывами. Талиесин остановил коня и крикнул едущей сзади Харите, что, наверное, надо поворачивать назад.

Харита взглянула на парящего в небе сокола.

— Мы потеряем его из виду, — сказала она. — Давай проедем еще чуть-чуть. Крыло пока слабое, он скоро устанет и спустится.

Талиесин согласился и двинулся по расселине, усеянной каменными глыбами. Оказавшись в самом низу, он оглянулся и покачал головой.

— Спускаться — одно дело, подниматься — совсем другое. Придется искать другую дорогу.

Они въехали в долину там, где она расширялась, продолжая следовать за кречетом, и вскоре его нашли — он с громким клекотом рвал тушку

только что убитого зайца. Они дали ему наесться и вновь усадили на Харитино седло, потом развернули коней и поскакали назад в объезд каменистых холмов и опасной расселины.

Талиесин ехал чуть впереди, распевая гимн летнему дню и выбирая самую легкую дорогу. У ручья он остановился и обернулся к Харите.

— Надо напоить коней. А мы... — Он взглянул на нее и тут же соскочил с лошади. — Харита!

Она медленно повернула голову и отрешенно взглянула на него, лицо ее было серым и осунувшимся, глаза смотрели тускло.

— Я устала, Талиесин, — выговорила она заплетающимся языком. — Во рту пересохло.

— Дай я тебя сниму, — сказал сразу помрачневший Талиесин. — Мы немного отдохнем. — Перекинув ее руку через плечо, он вынул Хариту из седла.

В первый миг он не заметил крови, однако, когда он повел усаживать ее на камень у ручья, липкий потек на седле остановил его взгляд.

— Харита, у тебя кровотечение!

Она уставилась на седло, потом — на алое пятно, расползавшееся по ее одежде, подняла изумленный взор, слабо улыбнулась и выговорила:

— Думаю... нам надо... ехать назад.

Талиесин помог ей снова забраться в седло и поехал рядом, поддерживая за талию. Так медленно и осторожно они добрались до виллы. К тому времени Харита была уже почти без сознания — голова моталась из стороны в сторону, кожа, белая, как снег, была холодна на ощупь. Когда они остановились, она, как мешок, свалилась из седла на руки Талиесину, и тот, держа ее в охапке, ринулся в зал, громко зовя на помощь.

Хенвас — седовласый управитель — выбежал навстречу.

— В чем дело, хозяин? Что стряслось? — Он увидел, что из-под руки Талиесина течет кровь и сказал: — Я пришлю Хейлин.

Когда Талиесин укладывал Хариту в постель, она застонала. Он встал рядом на колени, лихорадочно пытаясь вспомнить, какое средство помогает в таких случаях. Ему даже пришло в голову прибегнуть к друидической силе. В эти отчаянные мгновения он успел перебрать многое, но под конец стал просто молиться. Так он явил веру в Спасителя Бога, решив, что отвернуться от истинного Бога и обратиться к старому при первом признаке опасности значило бы обнаружить слабость и хрупкость веры.

Так он молился, обращаясь к Живому Богу, Который не оставляет без ответа людские мольбы. Он не сомневался, что молитва его будет услышана. Губы его еще шептали, когда отворилась дверь и влетела Хейлин, до-

родная повелительница Пендарановой кухни. Ее пухлое лицо раскраснелось от бега.

— Ну, ну, — обратилась она к Талиесину, словно к набедокурившему мальчишке, — что с нашей девочкой?

— Мы катались верхом, — объяснил он, — и у нее началось кровотечение.

— Лежи, — сказала Хейлин, кладя теплую ладонь Харите на лоб. Та лежала, дрожа, с закрытыми глазами и едва дышала, однако стряпуха говорила с ней так, будто она в полном сознании. — Ну, ну... дай-ка Хейлин на тебя глянет. — Добрая женщина принимала всех Пендарановых сыновей и почти всех остальных младенцев в Маридуне за последние двадцать лет. Сейчас она склонилась над Харитой, одновременно отдавая распоряжения Талиесину: — Найди Руну, пусть принесет чистого тряпья и воды. Бегом, делай, что я говорю.

Талиесин не двинулся с места.

— Ты ничем ей не поможешь, если будешь торчать здесь, как истукан, — сказала Хейлин. — Приведи Руну.

Он разыскал девушку, привел ее в комнату и снова застыл, беспомощно глядя на жену. Пришлось Хейлин снова его выгнать:

— Не стой над душой, а еще лучше скажи Хенвасу, пусть приготовит жаровню и принесет сюда, как я закончу.

Талиесин сделал, что было велено, потом вернулся и стал ждать в соседней комнате. Через некоторое время дверь отворилась, Руна высунула голову и сказала:

— Господин, ваша жена зовет вас.

Талиесин вошел и склонился над кроватью.

— Худшее позади, — сказала Хейлин, — но тебе сегодня лучше лечь отдельно, потому что потеря крови отнимает у женщины силы. — Она выставила Руну из комнаты, а сама в дверях обернулась и добавила: — Утром я ее посмотрю.

Повитуха вышла. Талиесин взял руку Хариты в свою. Она приподняла ресницы.

— Талиесин? — чуть слышно шепнули губы. — Мне страшно.

— Ш-ш-ш, тихо, я посижу с тобой.

Она закрыла глаза и снова погрузилась в сон. Талиесин просидел рядом всю ночь, но она лишь раз шевельнулась.

На заре Харита проснулась с криком. Талиесин, дремавший в кресле возле кровати, встрепенулся и наклонился над ней.

— Все хорошо, душа моя, я здесь.

Она вгляделась в синие тени у него за спиной, словно желая увериться, что все по-прежнему.

— Талиесин, мне снился ужасный сон, — выговорила она слабо.

— Лежи, — сказал он, — после поговорим.

— Сон... на меня напал огромный зверь с глазами, как полночь... но появился воин... воин с мечом... ярким, чудесным... с улыбкой на губах... смелой улыбкой... но мне стало за него страшно...

— Да, — успокаивал он. — Все хорошо.

— ...он улыбнулся и сказал: "По этому мечу узнаешь меня, Владычица озера", и поднял меч... и пошел на зверя... и завязался ужасный бой... он не вернулся... боюсь, что он погиб.

— Дурной сон, — мягко произнес Талиесин. — А теперь спи, поговорим после.

Он положил ладонь ей на голову, и она вновь погрузилась в сон.

ГЛАВА шестнадцатая

— Я видала такое и раньше, — мрачно сказала Хейлин. — Ой, беда. Ребенок умрет и ты с ним, если не будешь меня слушать, да и если будешь, ничего обещать не могу.

Харита крепко сжала руку Талиесина, однако губы ее не дрогнули и глаза смотрели все так же прямо.

— Есть ли хоть какая-нибудь надежда?

— Очень небольшая, дитя мое. Но вся эта надежда — на тебя.

— На меня? Тогда скажи, и я сделаю все, чтобы ребенок родился живым.

— Для ребенка надежды нет, — напрямик объявила повитуха. — Мы лишь пытаемся спасти мать.

— Но если я останусь в живых, не может ли выжить и ребенок?

Хейлин медленно покачала головой.

— На моей памяти такого не случалось. А чаще всего муж в конце концов выкапывал две могилы.

— Скажи нам, что нужно делать, — перебил Талиесин.

— Лежать в постели, пока не начнутся родовые схватки. — Старуха помолчала и добавила: — Вот и все.

— Неужели нет никакого средства? — спросила Харита, а про себя подумала, что четыре месяца лежать — это очень долго.

— Покой — и есть единственное средство, — резко отвечала Хейлин. — Покой — и то не наверняка. Кровотечение прекратилось, и это хорошо, но я уверена, оно снова начнется, если ты хотя бы высунешь нос из комнаты.

— Хорошо, буду лежать. И все равно я буду надеяться, что ребенок родится живым.

— Сейчас нас должна заботить твоя жизнь. — Повитуха слегка наклонила голову и повернулась, чтобы идти. — Я пришлю тебе еды, а ты изволь съесть. Это самый верный способ поправить силы.

Когда она вышла, Харита сказала:

— Я сделаю, как она велит, но я все равно буду надеяться.

— А я буду сидеть с тобой неотлучно. Будем молиться, петь, разговаривать, и время пролетит незаметно.

— Я выдержу четыре месяца заточения, — твердо сказала Харита. — Я и не такое выдерживала ради куда меньшего.

И так Харита стала пленницей в комнате над залом, а по вилле и по окрестностям пополз слух — красавица-де понесла и заперта в светлице у Пендарана. Еще говорили, что она умрет, разрешившись мертвым уродцем, — такова кара отвергнувшим старых богов и принявшим Бога христиан.

Талиесин знал, о чем шепчутся в Маридуне и по соседним холмам, но Харите не рассказывал. Он твердо держал свое обещание и сидел бы в кресле у ее постели целыми днями, если бы она не выгнала его вон.

— Я не могу видеть, как ты дни напролет на меня смотришь! — сказала она. — И так тошно, а тут еще чувствуешь, что из-за меня двое сидят взаперти. Иди покатайся с Эйддоном! Съезди на охоту! Иди куда хочешь, чтоб глаза мои тебя не видели!

Талиесин безропотно покорился и встал, чтобы идти.

— И еще, — сказала она. — Ты не пел в зале с тех пор, как я слегла. Чтобы сегодня же вечером пел — так нам обоим будет куда лучше.

— А ты что будешь делать, душа моя?

— Думать, — отвечала Харита. — И еще хотела кое-что записать на случай, если я... на будущее.

— Ладно, — сказал Талиесин. — Я попрошу Хенваса поискать, есть ли здесь на чем писать, чтобы ты сразу и начала.

Через несколько дней управитель вбежал в комнату Хариты с толстым свитком пергамента под мышкой и бутылочкой чернил в руке.

— Госпожа, — проговорил он, кланяясь, — прости, что ворвался без спросу. Я только что с рынка! Смотри, что я принес!

Харита взяла пергамент и развернула в руках.

— Ой, Хенвас, какой тонкий. Где ты его добыл?

— Я посылал в Город Легионов в надежде, что пергамент есть у тамошнего трибуна. Так и оказалось, а поскольку он у нашего господина в долгу, то охотно уступил мне свиток.

— Но это так дорого! Я не могу принять, Хенвас. — Она протянула свиток обратно.

— Он твой, госпожа. — Управитель поставил бутылочку чернил на стол у кровати.

— Что скажет твой господин?

— Владыка Пендаран, — фыркнул Хенвас, — доверяет мне во всем, что

касается его дома. Более того, сейчас он наверняка корит себя, что заранее не предусмотрел такой простой надобности.

Харита рассмеялась.

— Спасибо, Хенвас. Уверена, владыке Пендарану не за что будет себя корить, покуда ты приглядываешь за его нуждами.

— Всегда рад служить тебе, госпожа.

Когда через некоторое время пришел Талиесин, она показала ему пергамент и рассказала о своем намерении.

— Такое повествование достойно прозвучать вслух, — сказал он. — Будешь мне рассказывать по ходу?

— Нет, — отвечала она, — у меня нет бардовского дарования. Однако расскажи про свою жизнь, чтобы мне записать и ее.

Талиесина смутила мысль о возможности записать то, что прежде передавалось изустно, однако Харита настояла, и он начал рассказывать про свою жизнь, включая то, что слышал от Эльфина и Ронвен. На следующий же день она принялась записывать услышанное пером, которое сделал ей Талиесин. Нанося слова на выделанную телячью кожу, она чувствовала облегчение от томительной скуки.

Так возник заведенный порядок, сохранявшийся все долгие месяцы заточения: с утра она завтракала и писала все утро, Хейлин приносила обед, они с Талиесином ели и разговаривали — иногда про ее жизнь, иногда про его виде́ние Летнего царства; он настолько подробно описывал свои мысли, что она воспринимала их почти как свои. После обеда Харита отдыхала. Иногда ее кровать выносили во двор, рядом сажали кречета. Ужинала она снова в комнате, а когда зажигали свечи и лучины, то открывали двери, чтобы до нее долетало пение Талиесина. Закончив петь, бард поднимался к ней, и они завершали день так же, как начали, — в объятиях друг друга.

Шли дни, и повествование на пергаменте удлинялось. Пришла осень, убрали плоды, наступили зимние морозы. Порою Харита просыпалась среди ночи, бралась за перо и писала, чтобы прогнать ни на миг не отступавший страх. Талиесин вставал с первыми проблесками зари и видел ее, закутанную в белый овечий мех, склоненную над свитком, с пальцами, перемазанными чернилами, строчащую без остановки.

— Тебе надо спать, — говорил он.

Она печально улыбалась и говорила:

— Сон не успокаивает меня, любимый.

Она писала короткими тусклыми днями, но чаще — при свечах, окруженная жаровнями с углями. Она писала длинными зимними ночами, она

бралась за перо, даже когда Талиесин пел в зале под ней. Она писала, а его песня доносилась, как музыка Иного Мира, и время, хоть и медленно, но текло.

Однажды, ближе к началу весны, Харита ощутила первую схватку. Талиесин, сидевший в кресле рядом с кроватью, заметил, как гримаса боли прошла по ее лицу.

— Что с тобою, душа моя?

Она уперлась головой в деревянный кроватный столбик, обхватила руками круглый живот.

— Думаю, пора звать Хейлин.

Повитуха только взглянула на Хариту и, положив ей ладонь на живот, сказала:

— Молись своему Богу, девочка, пришло время рожать.

Харита ухватила Талиесина за руку.

— Мне страшно.

Он встал рядом на колени и погладил ее волосы.

— Ш-ш-ш. Помнишь свое видение? Кто была женщина с ребенком, если не ты?

— А теперь чтобы духу твоего здесь не было, — вмешалась Хейлин. — Иди, и чем дальше, тем лучше. А по дороге разыщи Руну, если хочешь, чтоб от тебя твоей женушке был хоть какой-то прок.

Талиесин не двинулся с места, но Харита сказала:

— Делай, как она говорит, только будь близко, чтоб услышать, когда ребенок в первый раз закричит.

— Иди и приведи Руну, — сказала Хейлин, подталкивая его к двери.

Мучительные схватки вошли в постоянный ритм, мышцы напрягались и расслаблялись только для того, чтобы напрячься снова. Так продолжалось все утро. Талиесин стоял у дверей, пока Руна не позвала Эйддона и тот не увел барда.

— Это надолго, — сказал ему Эйддон. — Поедем, поохотимся. Нам обоим полезно проветриться.

Талиесин неуверенно обернулся на закрытую дверь.

— Поехали, — настаивал Эйддон. — Мы вернемся прежде, чем что-нибудь произойдет.

Талиесин нехотя согласился. Закутавшись в меха, они выехали из виллы. Охота не задалась: Талиесин думал о другом, ехал не глядя и раньше времени вспугивал дичь. Эйддон призывал его быть внимательнее, но сам не тревожился о добыче — его делом было занимать Талиесина. Хотя ездили они долго, Эйддон постарался, чтоб вилла ни разу не попалась им на глаза.

Наконец Талиесин натянул поводья и сказал:

— По-моему, пора возвращаться.

Эйддон положил ему руку на плечо.

— Ты, мой друг, никуда и не уезжал.

— Я был таким неприятным спутником?

— Не то чтобы очень, но и гончие бывают поразговорчивее.

Талиесин вновь обратил взор к холмам.

— Мы еще поохотимся вместе, Мелвис Ваур. Однако сегодня рождается мой ребенок, и я должен быть рядом, хотя Хейлин почти ни на что не надеется.

— Это просто потому, что она многое в жизни повидала, — сказал Эйддон. — Но раз ты хочешь, вернемся сейчас.

Они прискакали на виллу, и Талиесин направился прямиком к своей комнате. У дверей тихо разговаривали Пендаран и Хенвас. Талиесин подошел и схватил короля за руки.

— Еще ничего, — отвечал Пендаран на незаданный вопрос в глазах барда. — Так уж оно бывает.

— Я велел приготовить все нужное, — произнес Хенвас. — Остается только ждать.

Наступил вечер, в очаги подбросили дров, в комнату внесли подсвечники. Когда открывали дверь, Талиесин успел разглядеть Хариту: она лежала на кровати, Хейлин держала ее за руки. Он хотел войти, но в этот миг ее лицо исказилось мукой. Харита закричала, замотала головой по подушке. Руна вышла из комнаты с охапкой окровавленных простынь, и дверь быстро закрыли.

— Выпей вина, — предложил Пендаран, — успокоишься.

Талиесин взял кубок, но к губам подносить не стал. Харита снова закричала, Талиесин скривился.

— Здесь я ничем помочь не могу, — сказал он, ставя кубок. — Мне нужно пойти в тихое место и помолиться.

— Храм пустует уже не один месяц, — заметил Хенвас. — Может быть, твой Бог не обидится, если ты обратишься к Нему оттуда.

Выйдя из зала, он обошел виллу и оказался на пригорке у капища. Квадратное здание черным силуэтом вырисовывалось на фоне гаснущего небосклона, темной короной венчая холм. Небо было бледно-зеленым, в воздухе пахло морозцем. Пасмурный день сменился ясной, холодной ночью, над головой одиноко кричал кроншнеп.

Храм был пуст, под ногами шуршали прошлогодние листья. Талиесин подошел к алтарю и, недолго думая, опрокинул его на пол. Он глухо уда-

рился о стену, в воздух поднялась пыль — слой безответных молитв успел скопиться на алтаре, как листья на полу.

Талиесин сел на один из алтарных камней, уперся локтями в колени, положил подбородок на сцепленные руки. Он ощущал застарелое присутствие чужих богов — ломкие шепотки, подобные беспокойным вздохам сухой листвы на полу.

— Бог Отец, — произнес он вслух, — Ты больше всех богов, которым здесь поклонялись, освяти это место Своим присутствием и услышь мою молитву. Молюсь за ту, которую Ты мне дал, чтобы она благополучно разрешилась младенцем теперь, когда пришел час ее испытания. Дай ей силу и мужество, Отче, как даешь всем, кто взывает к Тебе в нужде.

Он оставался в храме и смотрел, как ночь расстилает над землей свой черный покров. Россыпь первых звезд уже сияла ледяными точками, когда он вышел наконец из храма и на миг задержался на пороге. Белое облачко пара из его рта слабо светилось в сиянии встающей луны.

Вдалеке, на гребнях холмов, ярко горели костры, опоясывая Маридун мерцающим огненным ожерельем. Талиесин посмотрел на них сквозь хрустальный воздух и вспомнил, какой сегодня день: Имболк, начало весны.

На этих далеких холмах совершают ритуал древнее тех каменных колец, в которых разжигают костры. Царица-Зима, властительница смерти, изгоняется с земли силой Дагды и возвращается на свой преисподний трон, дабы земля опять могла принять семя новой жизни.

Он вспомнил, как сам стоял на морозной вершине холма и смотрел на огни, что светят нынче в промозглой тьме. Было время, и не так давно, когда он сам зажег бы этот костер.

— Не искушай меня, — прошептал он, — теперь я служитель Живого Бога.

Он еще мгновение смотрел на костры, потом торопливо пошел назад к вилле.

В тот миг, когда мир висел между тьмой и светом, когда все силы земные пришли в равновесие, в этот краткий миг и родилось дитя.

Харита громко вскрикнула и натужилась, чувствуя на животе уверенные руки повивальной бабки. Жилы вздулись у нее на лбу и на шее, простыни взмокли от пота, между зубами был зажат кусок толстой кожи.

— Сильнее! — командовала Хейлин. — Вижу его! Тужься, девонька! Тужься!

Харита снова натужилась — и ребенок появился на свет.

Хейлин с мрачным видом завернула синее тельце в тряпку и отвернулась. Сквозь марево усталости и боли Харита различила ее движение и закричала:

— Ребенок! Где мой ребенок?

— Ш-ш-ш, — сказала Хейлин. — Отдыхай. Все кончено.

— Ребенок!

— Ребенок мертв, госпожа, — прошептала Руна. — Его рубашка так и не лопнула, и он задохнулся.

— Нет! — закричала Харита, и ее голос эхом прокатился по спящим коридорам виллы. — Талиесин!

Талиесин мгновенно оказался в комнате. Харита, бледная от изнеможения, билась и тянула к нему руки.

— Ребенок! Мое дитя!

— Где ребенок? — спросил он.

Руна кивнула на Хейлин, и та повернулась со свертком, немного откинув уголок тряпицы. Талиесин увидел крохотное синее существо в тонкой оболочке, и сердце его упало, как раненый зверь. Он выхватил у Хейлин сверток и, прижав к груди, рухнул на колени. Он положил ребенка перед собой на пол, схватил оболочку руками и разорвал ее. Тельце лежало без движения, синевато-серое в полутьме комнаты. Харита в ужасе смотрела на крохотное мертвое создание, беззвучно и горестно кривя рот. Не может ребенок, толкавшийся в ее животе, быть таким тихим и неподвижным.

Талиесин распростер над младенцем руки и закрыл глаза. Из горла его вырвался звук, одна дрожащая нота. Слышавшие подумали, что он заводит плач по ребенку, но звук стал громче, заполнил комнату, завибрировал, резонируя, набирая силу. Отворилась дверь, вошли Пендаран, Хенвас и Эйддон; остальные домочадцы сгрудились в дверях.

Единственная нота вздымалась и опадала. Талиесин, не видя никого вокруг, запел. Касаясь кончиками пальцев лба и груди, он пел над мертворожденным младенцем, вплетая в него свою жизнь.

Видевшие это заметили странную вещь — как будто бы тень прошла над склоненным Талиесином, но не обычная тень, а тень, порожденная присутствием света. Сияющая тень нависла над бардом и ребенком на полу и пала на младенца стремительно, как кинжал, пройдя через распростертые руки певца.

Ребенок шевельнулся, вздохнул и закричал.

В то же мгновение мертвенная синюшная чернота стала спадать. Вскоре кожа младенца стала теплой и розовой, крошечные кулачки сжа-

лись и затряслись в воздухе, из раскрытого рта непрерывным потоком понеслись громкие жалобы. Хейлин нагнулась, подхватила младенца на руки и завернула в новое одеяльце.

Талиесин сел на корточки и медленно поднял голову, как будто только сейчас очнулся от долгого глубокого сна. Хейлин, перевязав и отрезав пуповину, повернулась и ласково опустила младенца рядом с Харитой, которая тут же обняла его и прижала к груди.

Эйддон первым вышел из оцепенения. Он подбежал к Талиесину, поднял его, подвел к кровати. Здесь бард снова осел на пол и, слабо улыбаясь, погладил младенческую головку. Харита поймала другую его ладонь и прижала к губам.

— Пригожий мальчик, — сказала Хейлин. — Краше всех, кого видали мои глаза.

— Твой сын, — прошептала Харита.

В следующие несколько часов комната стала самым многолюдным местом в замке: все хотели видеть чудесное дитя. Как ни сердилась Хейлин, любопытные один за другим просачивались в дверь, пялились на младенца и наперебой пересказывали друг другу историю его рождения.

Харита — слабая, истерзанная, плохо соображающая — жаловалась на шум. Хейлин взялась за дело: выгнала всех вон, поставила Хенваса сторожить вход и пообещала высечь всякого, кто хотя бы шепнет слово поблизости от комнаты. Талиесин сидел на кресле возле кровати, уронив голову на грудь. Харита, прижав ребенка к себе, дремала, нежно гладя пушистую головку.

Она проспала почти весь следующий день, просыпаясь только, чтобы покормить младенца и сонно поговорить с Талиесином, когда тот зашел их навестить.

— Как мы назовем нашего сына? — спросил он, усаживаясь в кресло.

Взглянув на ребенка, спящего у нее на руках, она увидела темные волосы, тонко прорисованные резкие черты и вспомнила дерзкую птицу, которая так яростно билась за свою свободу.

— Мерлин, — сонно прошептала она, — соколик мой.

Талиесин уже выбрал другое имя, но сейчас, взглянув на ребенка, улыбнулся и сказал:

— Пусть будет Мерлин.

В дверь постучали, и вошел Хенвас.

— Там люди пришли, хозяин, — сказал он. — Вас спрашивают.

— Что за люди?

— Друиды, похоже. Я их не знаю. Вы пойдете или прогнать их вон?

— Я выйду.

Во дворе виллы стояли четверо в длинных одеяниях и капюшонах. Все они, опираясь на длинные посохи, ждали под промозглым дождем, сеявшим с низкого свинцового неба. Когда Талиесин подошел, они молча повернулись к нему, перешептываясь между собой.

— Ученые братья, — обратился к ним Талиесин, — я тот, кого вы спрашивали. Чем могу служить?

Друиды не шелохнулись. Потом один из них шагнул вперед и сбросил с лица капюшон.

— Давно ты не был дома, брат, — сказал он.

— Блез! — воскликнул Талиесин, сгребая старого друга в охапку. — Как я рад тебя видеть. Ой, а это что? Рябиновый посох?

Друид улыбнулся:

— Не век же ходить в филидах.

Талиесин взглянул на его спутников.

— А как вы здесь оказались?

— Пришли поговорить с тобой.

— Как вы меня разыскали?

— Просто шли по реке слухов до этой двери. Где бы ты ни побывал, Талиесин, тебя вспоминают так, будто видели самого Пуйла, князя Аннона, и супругу его Рианнон. Так что, когда окрестные жители сообщили, что у Пендарана на вилле живет бог, мы сказали себе: "Это может быть только Талиесин". — Он снова улыбнулся и развел руками. — К тому же Хафган сказал, где тебя искать.

Талиесин снова обнял его и тут же вздрогнул от холода.

— Не стойте на холоде. В доме тепло и сытно. Заходите и расскажите мне, что вас сюда привело.

Взяв Блеза под руку, Талиесин ввел его в зал. Принесли стулья, поставили перед огнем. Друиды сняли мокрые плащи и принялись растирать замерзшие ладони.

— Мы должны почтить хозяина дома, — сказал Блез, прихлебывая подогретое вино.

— Спой для него сегодня, — отвечал Талиесин. — Убедишься в его радушии.

Блез заулыбался, глядя на Талиесина поверх кубка.

— Неудивительно, что люди считают тебя богом. Жизнью клянусь, ты с виду и впрямь Ллеу Длинная рука. До сих пор я не понимал, как сильно по тебе соскучился.

— Мне кажется, что мы и не разлучались. И все же мне хотелось бы знать, что было с тобой после ухода из Каердиви.

— Рассказывать особо нечего. Несколько лет я служил в Корс Баддоне, потом в Корс Гламуне в Галлии. Побывал в Риме и в Греции, на Остров Могущественного вернулся только прошлым летом, когда Феодосий пришел с войсками, чтоб подавить мятежников.

Талиесин печально кивнул.

— Каердиви перед ними не устоял. Мы были бессильны. — Тут лицо его просветлело. — Ты видел новые земли на юге?

— Прекрасные земли, хотя Эльфин говорит, что неизвестно, как его люди сладят с землей, которая родит зерна больше, чем камней.

— Как отец?

— Хорошо и шлет тебе привет — и мать твоя тоже.

Все замолкли, вспоминая время и место, которые не вернуть. Наконец Талиесин встряхнулся и сказал:

— Вы пришли не за тем, чтобы передать мне родственный привет.

— Да, хотя мне достаточно было бы и такой причины, — отвечал Блез. — У нас другая цель. Хафган в последние месяцы был неспокоен. Он уверен, что родился или скоро родится Поборник Света, как он его называет. — Блез пожал плечами. — Мы не видели никаких знамений, но надо еще доказать, что Хафган ошибся. И вот, он послал нас к тебе...

— Чтобы я прошел по тропинкам Иного Мира и узнал, среди нас ли этот Поборник?

— Нет, просто узнать, не видел ли ты чего-нибудь, что подтверждало бы его веру. — Блез с надеждой взглянул на барда. — Ведь в Ином Мире его присутствие было бы заметно?

— Конечно, — признал Талиесин, потом твердо добавил: — Но теперь я служу Спасителю Богу, который также зовется Богом истины и любви...

— Хафган говорил, хотя и не упоминал, что тебе возбраняется путешествовать в Иной Мир.

— Не возбраняется, но из уважения к Живому Богу я следую только путями смертных.

— Ясно. — Блез повернулся и стал смотреть в огонь. — Прошлой ночью я видел знамение, очень, возможно, важное: круг света вокруг луны и в круге — одна звезда. Она появилась и засияла сразу после восхода луны, потом стала меркнуть. Когда от нее осталось едва заметное свечение, кольцо света погасло и исчезло — как будто оно отдало свой свет умершей звезде. Она же сама зажглась и стала гореть ясно. — Он взглянул на Талиесина. — Ты видел?

— Я верю, что все было так, как ты говоришь, — сказал Талиесин, — хотя сам ничего не видел, потому что ждал рождения своего сына.

— Сына?

— Да, сына. Что тут удивительного? Моя жена вчера разрешилась от бремени.

Остальные друиды подались вперед и принялись взволнованно переговариваться. Один из них простер руку и указал пальцем на Талиесина.

— Это дитя, без сомнения, Великий Эмрис, Бессмертный, он станет царем этой страны и будет править весь следующий век.

— О чем ты? — тихо спросил Талиесин.

— Все, как говорил нам Хафган, — сказал один из друидов. — Поборник родился.

— Мой сын? — Талиесин встал и заходил перед огнем.

Блез отвечал голосом пророка:

— Свет есть жизнь. Серебристое кольцо — вечная жизнь, венец и наследие Поборника. Звезда в кольце — жизнь того, кто родился носить венец.

— Но ты сказал, кольцо погасло и пропало.

— Так и было.

— Значит, чья-то жизнь угасла, чтобы Поборник жил.

— Да, похоже на то, — отвечал Блез.

Остальные согласно загудели.

— Значит, придется вам поискать в другом месте, — сказал Талиесин. — Моя жена с ребенком живы и здоровы. Никто не умер здесь вчера ночью.

Блез развел руками.

— Я знаю лишь то, что видел на небесах.

Талиесин перестал ходить и остановился рядом с сидящим другом.

— Значит, должно быть другое толкование.

— Ты меня удивляешь, Талиесин. Почему мои слова так тебя взволновали?

Бард не стал отвечать на вопрос.

— Роды были трудные, мы почти не спали.

Блез пристально взглянул на Талиесина.

— Что ж, возможно, нам и впрямь следует искать в другом месте.

— Оставайтесь здесь и отдохните с дороги. Тебе есть что рассказать о странах, которые лежат за морем, и я хочу слышать все.

— И услышишь, друг мой, хотя бы мне пришлось говорить ночь напролет. Но прежде я должен видеть ребенка, если это можно устроить.

— Позже, — отмахнулся Талиесин. — Будет еще время.

Друиды удивились, но ничего не сказали. Оставшись наедине с Блезом, они спросили:

— Что с Талиесином? Почему он прячет младенца? Неужто нам не дадут даже увидеть его?

— У Талиесина должны быть свои причины. Мы не будем настаивать; нужно только ждать, наблюдать и верить, что все прояснится во благовремении.

Пендаран несказанно обрадовался, что под его кровом собрались сразу столько бардов, и распорядился устроить пир в честь новорожденного дитяти — на пять дней и ночей, чтобы каждый бард пел в свой черед. Блез учтиво согласился и испросил себе честь петь в последнюю ночь.

В первый день пира зал наполнила знать из ближайших селений — Пендарана по прозванию Алый Меч страшились и уважали, многие были его должниками и боялись его задеть. Так что собравшаяся толпа если не ликовала, то, во всяком случае, усердно демонстрировала веселье; большая часть ждала, что по ходу празднования выяснится главная, серьезная его причина.

Общество было поражено переменой в своем повелителе. Пендаран выглядел довольным, даже веселым, расхаживал между гостями, одаривал их, похлопывал по спинам, смеялся, шутил, подливал им меда из собственного рога.

— Что с нашим королем? — спрашивали они друг у друга. — Вторая молодость началась?

— Это западня, — шептали другие. — Он собирается увеличить подати.

— Нет, его околдовали, — говорили третьи. — Разве вы не слыхали о друиде, которого он взял в дом? Тут без ворожбы не обошлось.

Начался пир. Знатные мужи сидели со своим повелителем за высоким столом, ели и пили, но все время ждали подвоха. Пендаран терпел-терпел их натужное веселье и косые взгляды, потом как отодвинул стул да как грянул об стол рукояткой ножа:

— Да на пиру ли вы? Лица вытянутые — неужто мои хлеб-соль вам не по вкусу?

Они быстро заверили, что очень даже по вкусу.

— Так в чем дело?

Встал один из вождей, крепкий старец по имени Друз, подстриженный на римский манер.

— Если б нашелся здесь человек искренний, он бы сказал тебе, Алый Меч, о чем шепчутся в зале.

— Так скажи, я тебя слушаю.

— По правде сказать, мы все дивимся случившейся в тебе перемене и не можем уразуметь ее причин. Околдовали тебя? Или ты хочешь нас всех зарезать, пока мы будем пить за твое здоровье?

Пендаран Гледдиврудд в ярости уставился на старика, и все сидящие возле него подобрались. Король вонзил кинжал в доску, и тот остался торчать, дрожа. Друз выхватил из-за пояса нож, но перекошенное лицо Пендарана внезапно повеселело, а плечи затряслись от смеха.

— Да, так и есть! Я околдован! Да еще каким замечательным колдовством, сами увидите!

Друз выдохнул сквозь сжатые зубы.

— Так ты смеешься над нами?!

— Я смеюсь, потому что я рад, старый ты ворчун! Я рад, что впервые за много лет в этом доме родился младенец, и хочу отпраздновать это вместе с друзьями. — Он протянул руки к собравшимся. — Коли вы мне не друзья, уходите, я позову тех, кто еще умеет веселиться.

— Ты признаешься, что околдован? — спросил сосед Друза.

— Признаю, признаю! А что тут дурного? Все вы будете околдованы.

Ропот в зале усилился. Пендаран повернулся и указал на Талиесина с Блезом, стоявших у очага.

— Вот, — сказал он, — кто меня околдовал. Поди сюда, Талиесин.

Бард подошел, и Пендаран положил руку ему на плечо.

— Тот, кого вы видите перед собой, не таков, как остальные люди: голос его — само колдовство, и все слушающие подпадают под власть его чар. Но скажу вам со всей искренностью, друзья мои, жизнь моя стала куда приятней и веселее.

Друз устремил взор на барда и сказал:

— Тот, кто сумел произвести в нашем короле подобную перемену, — первейший из колдунов. Однако спрошу прямо, добра или худа желаешь ты нашему повелителю?

Остальные гости громко поддержали его.

Талиесин возвысил голос, так что он проник в самые дальние уголки зала.

— Неужели вы так глухи к доброте и холодны к радости, что разучились их узнавать? Неужели слепы ваши глаза, а уши закрыты для окружающего веселья? Неужто, пригубив вино, вы говорите: "Кубок мой полон праха" или, отпив: "Сладкое стало горьким, а горькое — сладким"?

Или вы забыли рождение своих сыновей и не помните, как ваши сердца бились от счастья? Неужели вы не собирали друзей и родичей возле очага, чтоб насладиться пением? Неужто вы все погрязли в такой тоске,

что вам противен самый звук смеха? Или вы так ожесточили свои сердца, что дружеское касание для вас — касание ветра о камень?

Зал молчал, все глаза были устремлены на барда, чье лицо светилось потусторонним огнем. Слова его горели в их ушах. Все, высокородные и не очень, равно съежились от стыда.

Харита, которая вместе с Руной вышла к пирующим, стояла у лестницы с маленьким Мерлином на руках. Талиесин заметил их и протянул руку. Когда Харита подошла, он возгласил:

— Гляньте! Вот мой сын, который прославится больше всех ныне живущих! — И с этими словами, шагнув к Харите, взял у нее ребенка.

Талиесин поднял младенца высоко над головой и продолжал:

— Зрите, вожди Диведа, вот ваш царь! Други, грядет Темное время, но я держу перед вами свет. Смотрите хорошенько и запомните, дабы, когда придет тьма и вы в страхе забьетесь в свои берлоги, вы могли бы сказать народу: "Да, это темное и страшное время, но однажды я видел свет".

Все в изумлении смотрели на Талиесина. Никогда ни от кого не слышали они подобной речи. Харита тоже изумленно глядела на мужа, видя в его глазах страшный яростный свет, готовый спалить все, чего коснется. Она потянулась забрать ребенка, и Талиесин вернул маленького Мерлина матери. Потом они с Харитой вышли из зала.

Блез видел все и понял, что Хафган говорил правду. Воздев руки, он шагнул вперед и сказал:

— Внемлите и запоминайте, вожди Диведа! Вам возвестили царя. Однажды он придет за своим венцом. Не отрекайтесь от него, чтобы не было вам беды!

Поднялся взволнованный гул, словно разворошили пчелиный улей. Блез повернулся к остальным друидам и спросил:

— Кого вы видели, братья?

Один отвечал:

— Будущего короля Диведа.

Однако Блез, склонив голову, промолвил:

— Да, и более того. Вы видели, как величайший из нас склонился перед Властелином Света. Отныне делай так всяк, дерзающий на царство. Уже сейчас выстраиваются ряды, ибо близка битва. Счастлив живущий в наше смутное время.

Друиды подивились его словам, и один спросил:

— Как же может быть счастлив живущий во тьме, брат?

— Чему дивитесь? — спросил Блез. — Только тот, кто живет во тьме, способен познать и оценить свет.

Глава семнадцатая

Когда закончился пир в честь рождения Мерлина, знатные гости отбыли, увозя весть о рождении царственного младенца в дальние холмы и долы Диведа. Блез и друиды задержались еще на день, готовясь к путешествию на юг, где ждал известий Хафган.

В день их отъезда Харита подошла к Блезу и сказала:

— Не затруднит ли тебя передать весточку моему отцу, царю Аваллаху в Инис Гутрин?

— Я охотно сделаю и это, и много большее, — отвечал Блез. — Что ему передать?

— Передай, что я родила ему наследника. Что я... что мы хотим вернуться домой и будем ждать, чтобы он прислал нам знак своего расположения.

— Госпожа, я все это ему скажу, — пообещал Блез.

Тут подошел Талиесин, и все вместе вышли во двор, где ждали остальные друиды.

— Прощай, Блез, брат мой, — сказал Талиесин, тепло его обнимая. — Кланяйся от меня родителям. Скажи, что внук их здоров и скоро будет дома.

Харита задумалась над мужниными словами. Что он такого знает?

— Ты снова увидишь своего отца, — сказал Талиесин Харите, когда друиды ушли. — И познаешь радость — вложить свое дитя в руки того, кто ребенком держал тебя на руках.

Минули недели, на земле утвердилась весна. Прошли теплые дожди, и вновь зазеленели холмы. Почки набухли и выпустили побеги, ручьи вздулись и вышли из берегов. Харита кормила младенца и оправлялась после долгих месяцев, проведенных взаперти. Они с Талиесином разговаривали по многу часов, но, как ни хотелось ей узнать смысл происшедшего в зале во время пира, что-то ее останавливало: что-то в произнесенных им словах, в том, как он поднял их ребенка — словно жертву, предназначенную для заклания...

Серыми ветреными дождливыми днями и ясными солнечными, когда свет был как бледное густое масло, Харита ждала ответа от отца и трево-

жилась, что весточки все нет. Однако Талиесин, казалось, нимало не тяготился ожиданием: он по-прежнему пел у Пендарана и в городе, так что его слышали и многие простолюдины. В округе шептались, что владыка Алый Меч принимает у себя короля и королеву фей, за что те обещали богатство всем жителям Маридуна и окрестностей.

Близилось лето, Харита нет-нет да и поглядывала на дорогу к вилле — не скачет ли гонец от отца. Однажды, когда она гуляла с Мерлином во дворе, подошел Хенвас.

— Госпожа, — сказал старый слуга, — к вам человек.

Она быстро обернулась.

— От отца?

Хенвас пожал плечами.

— Он не сказал.

Она поспешила в зал, где увидела человека, с головы до ног закутанного в плащ. Он стоял сразу за дверью, спиной к ней.

— Мне сказали, что ты меня ищешь, — сказала она. — Вот я.

Он обернулся, и сердце ее упало — она ожидала увидеть знакомого, но это был кто-то чужой.

— Это ты зовешься Харитой? — спросил он.

— Я.

— Тогда это тебе. — Он сунул руку под плащ и вынул из кожаной сумы черное птичье перо.

Уставившись на перо, Харита спросила:

— И все? Ничего больше?

— Мне ничего больше не дали, — отвечал незнакомец, протягивая необычное послание.

— Царь Аваллах сам его тебе дал? — сказала Харита, принимая перо.

— Сам царь, — подтвердил незнакомец.

— Кто ты? — спросила Харита. — Я тебя не знаю.

— Ты и не можешь меня знать, — отвечал посланец. — Я с востока, из Логрии, но в последние годы много путешествовал. Две ночи я провел в Инис Гутрине. Когда же царь узнал, что я еду на юг, он передал мне перо со словами: "Отдай его моей дочери Харите, она в Маридуне". — Незнакомец небрежно пожал плечами. — У меня были дела в Каергвенте и Городе Легионов, не то я пришел бы раньше.

— Каково было здоровье царя, когда ты его видел?

— Я недолго с ним пробыл, но он принял меня учтиво — хотя увечье его терзало и ему пришлось лежать.

Харита кивнула и повертела в пальцах перо.

— Спасибо, — сказала она. — Благодарю за услугу и постараюсь тебя отблагодарить.

— Мне заплатили вперед, — отвечал вестник, склоняя голову. — Если у тебя нет ко мне других дел, я откланяюсь. — И с этими словами он торопливо вышел.

Харита не могла взять в толк, что значит черное перо. Когда вернулся Талиесин (он катался верхом с Пендараном и его сыновьями), она рассказала ему о гонце и о странном послании.

— Вот оно, — сказала она, протягивая мужу перо. — Вот так и он мне его передал.

Талиесин скривил лицо, потом натянуто улыбнулся:

— Видишь? Вот знак, который ты просила.

— Черное перо?

— Вороново перо. У нас говорят, что тот, перед чьим домом ворон каркал в безлунную ночь, умрет. Вороново перо — знак скорби.

Харита поежилась.

— Почему же ты говоришь, что я этого просила?

— Может быть, Аваллах хочет сказать тебе, что скорбит. Ему горестно без тебя. Время и брат Давид сделали свое доброе дело — он смирился с нашей женитьбой. Он очень сожалеет о былом и хочет, чтоб мы вернулись.

— Если так, почему он послал чужака? Почему не кого-то из слуг?

— Вот об этом мы его и спросим при встрече, — отвечал Талиесин. — Теперь уже скоро.

Перо так взбудоражило Хариту, что смысл последних слов дошел до нее не сразу.

— Так мы можем ехать домой?

— Конечно. Тронемся, как только будут готовы съестные припасы.

— Тогда завтра! — воскликнула Харита. — Едем завтра же!

Она сжала его руки и принялась звать Руну. Вскоре обе женщины уже углубились в сборы.

Лорд Пендаран опечалился, когда Талиесин сообщил ему о послании царя Аваллаха. Улыбка сошла с его лица, глаза потухли.

— Я давно знал, что наступит этот день, — сказал он, медленно кивая. — Но мне от этого не легче. Мне не хочется отпускать тебя, друг мой, хотя я и знаю, что ты должен ехать.

— Не таким ты был при первой нашей встрече, — напомнил ему Талиесин.

Пендаран только насупился и отмахнулся.

— Сейчас перед тобой другой Гледдиврудд, не такой, какого ты видел тогда.

— Знаю, — сказал Талиесин, хлопая его по плечу, — но о прошлом время от времени надо напоминать, чтоб мы не возгордились.

— Вот видишь? Ты — вожатый моей души.

— Свет, — сказал Талиесин. — Смотри на Свет и служи ему, лорд Пендаран, и он будет тебе лучшим вожатым, чем кто-либо из смертных.

Пендаран печально покачал головой.

— С тяжелым сердцем я тебя отпускаю.

— Мы еще не уехали.

— Но скоро уедете. И все же я не отпущу тебя, пока ты не пообещаешь вернуться и еще какое-то время пожить под моим кровом.

— Да будет так, — согласился Талиесин.

До конца дня, пока Руна и Хейлин укладывали провизию в дорогу, Харита собирала свои небогатые пожитки. Она взялась за сборы с легким сердцем, повторяя про себя: "Я еду домой... домой...". И ей казалось, что мир был мертв и только сейчас ожил.

Вновь и вновь она замирала над плетеной люлькой, в которой спал, прижав к щеке крошечный кулачок, Мерлин. "Мы едем домой", — говорила она, ероша темные шелковистые волосики.

Мысли о доме напомнили о матери, и Харита вновь пожалела, что Брисеида не увидит ребенка. Как ей хотелось материнского совета и участия! Взяв из люльки спящего ребенка, Харита прижала его к груди и принялась тихо напевать, вспоминая то время, когда Брисеида была жива и Атлантида купалась в лучах солнца.

Пришел Эйддон и объявил, что поедет с ними.

— Чтобы вам не было скучно, — объявил он, но про себя подумал, что лишние меч и копье не будут помехой в дороге.

К вечеру, когда все было уложено, Харита поужинала в зале. Она сидела рядом с королем, а Талиесин в последний раз пел для Пендарана и его домашних.

На следующее утро они вышли во двор и увидели Эйддона и младшего из королевских сыновей, Салаха, которые уже вывели вьючных лошадей; на одной из них был устроен насест для кречета. Три другие лошади стояли оседланные, и лорд Пендаран прощался с сыновьями. Он повернулся к Талиесину и Харите, которая держала тепло укутанного в кроличьи шкурки Мерлина.

— Удачный день для путешествия, — сказал Пендаран. — Вы успеете засветло покрыть большое расстояние.

Талиесин взглянул на коней и сказал:

— Сдается, мы опустошили твои конюшни.

— Пустяки, — воскликнул король. — Я бы сам с вами поехал, когда бы не дела. Но я отправляю вместо себя сыновей, да и Руна попросила разрешения сопровождать госпожу и маленького господина. Я с радостью согласился.

Харита крепко обняла хозяина дома.

— Спасибо, лорд Пендаран. Я не была бы дочерью своего отца, если бы не предложила гостеприимство Аваллахова дома тебе и твоим близким. Если будешь в Инис Гутрине, знай, что ворота всегда открыты для тебя и почетное место ждет.

— Я ничем этого не заслужил, — отвечал Пендаран, — но если это значит, что мы еще свидимся, то я с благодарностью принимаю приглашение.

— Прощай, Алый Меч, — сказал Талиесин, сжимая его руки. — Обещаю не забывать своей клятвы. День нашей новой встречи — в моем сердце.

Король грубовато прижал Талиесина к груди и похлопал по спине:

— Вот и езжай поскорее, чтоб быстрей настал этот день.

Хенвас и Хейлин вышли проводить гостей. С ними пришла и Руна. Она села в седло, Эйддон попрощался с отцом, и всадники, повернув коней, двинулись к еще темному Маридуну, лежащему в долине под беловато-серой дымкой. Когда они проезжали мощеными улицами, люди высовывали головы и молча наблюдали за кавалькадой или перешептывались, глядя на красавицу с младенцем: "Королева фей! Видите? А это малолетний король!".

Они ехали на юг к Хабренскому заливу по римской дороге, идущей вдоль побережья к Каергвенту и Городу Легионов, прежде чем свернуть на восток к Глеву и южным римским городам, до самого Лондона и дальше. Огибая горы на юге, они проехали развалины Ленкара — когда-то оживленный портовый город в укрытой бухте превратился в груду серых камней — и на закате третьего дня были в Городе Легионов. Здешний трибун хорошо знал Эйддона и принял путешественников в своем доме. Как и многие другие военачальники, он жил в городе под самыми стенами укрепления.

— Тревожиться нечего, — говорил трибун Валенс, оставшись с Эйддоном наедине. Они сидели в кухоньке за деревянным столом, подливая себе из кувшина. — За всю весну не было ни одного набега. На севере Феодосий одерживает победу за победой. Подлые псы, захватившие тамошние земли, уползли в свои норы и еще долго будут зализывать раны.

Эйддон потянул себя за подбородок.

— Бдительность не повредит.

— Я тебе говорю, все переменилось, — уверял Валенс. — Укрепления на севере отстроили заново, вдоль южного берега воздвигли цепочку сторожевых башен, так что врасплох нас уже не застать. Галльская война идет успешно, того гляди, войска вернутся сюда. Попомни мои слова, Эйддон Ваур, через несколько лет легионы снова будут здесь, и я смогу удалиться в свое имение — жиреть на собственной говядине и сыре.

— Хорошо бы все было так, — отвечал нимало не убежденный Эйддон.

— Ладно, а ты скажи, кто эти твои друзья? Ноденс меня ослепи, если я хоть раз видел подобную красавицу. — Он подался вперед и ухмыльнулся: — Я бы на твоем месте не тревожился. Любой мало-мальски стоящий саксонский князь отвалит немало золота за такую кралю, а?

Эйддон резко выпрямился.

— Ты что, обиделся? — наивно спросил трибун.

— Из дружбы я не попомню тебе этих слов. Знал бы ты, кого приютил сегодня под своим кровом, не стал бы говорить таких глупостей.

— Просвети же меня, о Душа Премудрости и Чести, кто спит сегодня у меня в доме?

— Слышал когда-нибудь о барде Талиесине?

— А что, должен был слышать?

— Он безусловно величайший бард из всех ныне живущих. А Харита — его жена, как говорят, Ллионесская царевна, хотя сама она о себе молчит. Отец ее — король Аваллах из Инис Гутрина.

У трибуна расширились глаза.

— Надо же! О нем-то я слыхал. И как тебя занесло в такое высокое общество?

— Они жили у нас в Маридуне в прошлом году, а сейчас едут домой.

— Насчет поэтов и рассказчиков ничего не знаю, — проговорил Валенс, — но коли песнями можно пленить такую красотку, я велю раздобыть мне арфу и завтра же начну бренчать.

Эйддон рассмеялся.

— И распугаешь весь скот с окрестных холмов! — Он покачал головой. — Скажу тебе, никогда я не слышал, чтобы кто-нибудь так пел. Одним своим словом он прогнал гнусного жреца и снял проклятие, много лет тяготевшее над нашим отцом.

— Как Алый Меч?

— Другой человек. Увидишь его — не узнаешь, а все Талиесин.

— Кудесник он, что ли?

— Я тебе расскажу про его чудеса, — серьезно сказал Эйддон. — Он в лицо попрекнул полный зал местных князьков, и ни один из них не тронул его пальцем.

— И впрямь диво, — сказал Валенс. — Как по-твоему, споет он для меня?

— Поздно, друг мой, а мы весь день провели в дороге. Я не стал бы его просить.

Однако, пока он говорил, в соседней комнате послышались первые звуки арфы. Эйддон с Валенсом встали и тихонько пошли туда. Талиесин сидел у огня, напротив него Харита кормила ребенка. Салах, младший брат Эйддона, лежал у ног певца, завернувшись в плащ, а Руна сидела на полу рядом с Харитой. Рабыня Валенса, молоденькая фракийка, которая вела этот дом, примостилась в уголке, и ее черные глаза поблескивали в свете очага. Талиесин поднял взгляд на вошедших. Они придвинули походные стулья и уселись поближе к огню.

Голос Талиесина наполнил комнату золотистым сиянием, словно редкий медвяный нектар из глубокого потаенного источника. Арфа в его руках стала орудием колдовства — челноком богов, ткущим изысканную красоту, не доступную человеческим взорам, но дивно звучащую в ушах. В ту ночь он пел о земле, которая когда-то ему привиделась, о царстве света и мира, стране вечного лета. Слова вызывали из небытия величественные образы, а звуки оживляли их в глазах слушателей.

Харита не раз слышала, как он рассказывает о своем видении, но сейчас он пел и впервые описал короля, который будет править в этом священном царстве: король этот будет отмечен не за силу и родовитость, но за любовь к справедливости и правде; король, рожденный служить правде и чести, смиренно вести свой народ и повелевать землей во имя Спасителя Бога.

Харите казалось, что Талиесин излагает стихами все, что когда-либо думал и говорил про свое вымышленное царство, мысли облекаются в звуки, слова срываются с губ и обретают форму, философский костяк обрастает мясом.

"Сегодня рождается царство Лета, — думала она, — точно так же, как обрел плоть и родился мой сын. Они созданы друг для друга, они — одно".

Она взглянула на ребенка, сосавшего грудь.

— Слышишь, Мерлин? — спросила она. — Твоя судьба зовет тебя сквозь годы. Слушай, сынок. Сегодня отец твой песней изменил мир. Слушай и запоминай.

Они выехали на следующее утро и повернули на юг к заливу вдоль реки Аск. В ее устье теснились купеческие корабли и рыбачьи суденышки; с хозяином одного из них Эйддон договорился о перевозе.

— Надо подождать, — сказал он, вернувшись. — Нам годится только вон тот корабль, а они ждут груз из Каергвента. Когда они будут готовы к отплытию, кормчий за нами зайдет. Боюсь, это будет уже поздно вечером.

— Тогда давайте пока поедим, — предложил Талиесин, — и дадим отдых коням.

Они спешились, расстелили плащи на берегу перед деревянным причалом и сели ждать. Салах отъехал в поселок чуть выше по реке и вернулся со свежезажаренной уткой и вином в добавление к хлебу и сыру, которые они взяли с собой.

— Я учуял утку, — объяснил он, кинжалом кромсая птицу на куски, — и уговорил вдову ее продать. Та только обрадовалась.

— Молодец, Салах! — сказал Талиесин. — Хорошо иметь находчивого спутника. Езди со мной всегда!

Юноша покраснел и отвернулся, пряча робкую улыбку. Они поели и стали ждать дальше. Солнце поднялось выше, низкие тучи с моря серыми пальцами тянулись к земле. Вскоре они закрыли солнце. Холодный ветер наморщил речную гладь. Тут-то и появился кормчий.

— Если хотите с нами, давайте скорей, — крикнул он. — Мы отчаливаем.

Забрав вещи, они прошли по причалу к кораблю, низко осевшему в воде.

— Поднимайтесь, — крикнул владелец корабля, — пока ветер попутный!

Покуда лошадей привязывали к тросу посреди палубы, Харита отыскала себе и ребенку место под холщовым навесом на корме, сразу под надстройкой, на которой помещался кормчий. Она завернулась в подбитый мехом плащ и прижала к себе малыша. Руна устроилась рядом, закрыв их собой от ветра. Через несколько минут корабль отошел от пристани и двинулся вперед.

Не успели они отплыть от берега, как налетел ветер. Он принес с собой промозглый туман. Вскоре суденышко окутала сумеречная мгла. Влага каплями оседала на волосах и одежде, медленно просачиваясь внутрь. Хозяин корабля, поминая разом несколько десятков богов и одновременно на чем свет стоит костеря рулевого, бегал от одного борта к другому, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в сплошной завесе тумана.

Вымокли все основательно, однако до противоположного берега добрались без всяких приключений. Кораблик подошел к пристани у небольшого селения Абона на дороге к Аква Сулис. Путники предпочли бы высадиться южнее, но владелец объяснил, что это невозможно из-за близящегося отлива. Как только они сошли на берег, корабль повернул назад.

— Может, оно и к лучшему, — сказал Эйддон, снова садясь в седло. — Поедем по дороге и, если повезет, засветло будем в Аква Сулис.

— Я бы с удовольствием поспал сегодня в сухой постели, — сказал Талиесин, помогая Харите залезть в седло. Он заметил ее отсутствующий взгляд. — Тебе нездоровится, любовь моя?

Харита вздрогнула и очнулась.

— Я задремала, — сказала она. — Это все из-за тумана.

— Можно немного отдохнуть, — предложил Эйддон.

— Нет, — отвечала она, улыбаясь через силу. — Просто меня немного сморило. Все пустяки. Пройдет.

— Если угодно, госпожа, я заберу ребенка, — предложила Руна.

Харита протянула ей малыша, и они продолжили путь, вытянувшись в цепочку. Как ни боролась Харита со сном, она вскоре снова впала в ту же тяжелую полудрему. Плотный серый туман сомкнулся вокруг, веки сами собой смежились.

Казалось, прошел миг, но, когда она вновь открыла глаза, мгла стала еще темнее. Дорога лежала мокрая и пустынная, только тяжелые капли сбегали с придорожного кустарника. Харита подняла голову и в тот же миг почувствовала опасность.

Тишина казалась неестественной. Она торопливо огляделась. За ней ехала Руна, дальше Талиесин. Немного впереди Эйддон, расправив плечи и слегка наклонив голову, внимательно вслушивался. Ладонь его лежала на рукояти меча. Еще дальше в тумане чуть угадывался Салах, зажавший в руке копье.

— Что стряслось? — спросила она, но туман поглотил слова.

Впереди Салах остановился и привстал на стременах. Подъехал Эйддон, они о чем-то поговорили. Потом Эйддон развернул лошадь и подъехал к Харите. Лицо его было встревоженным. В руке он держал обнаженный меч.

Мерлин! Где ее дитя? Она круто повернулась в седле, чтобы взглянуть назад.

В тот же миг раздался странный, пугающий звук — то ли жужжание рассерженной осы, то ли свист рассекающих воздух орлиных крыльев, а после — глухой хлопок.

Эйддон пронесся мимо, и в тот же миг Руна поровнялась с Харитой.

— Дай сюда Мерлина, — хрипло прошептала мать.

Пока служанка доставала ребенка из-за теплой пазухи, лошадь Талиесина вырвалась вперед. Харита повернулась спросить, в чем дело, и слова застряли у нее в горле.

Она метнулась к нему...

И увидела стрелу в его груди.

Голова барда была развернута к ней, но глаза смотрели куда-то вдаль, лицо светилось — он видел Летнее царство. Лишь на краткий миг вспыхнул этот свет и тут же угас. Талиесин повалился вперед, не выпуская из рук поводьев.

Лесную тишь разорвал пронзительный вопль, и Харита поняла, что кричит она сама. В тумане вокруг беспорядочно метались тени. Оказалось, что она стоит на земле, над лежащим телом, и с воем пытается вырвать стрелу из сердца мужа.

Чьи-то ладони сомкнулись на ее руках — это был Эйддон. Талиесин пустыми глазами смотрел в небо, и тепло медленно уходило из его тела.

ГЛАВА Восемнадцатая

— Госпожа, мы не должны здесь более оставаться.

Глухой голос принадлежал Эйддону, его рука поддерживала Хариту под локоть.

— Они могут вернуться в любой миг.

Харита подняла голову и увидела страшное, посеревшее лицо друга. Рядом хныкал младенец на руках у Руны. Смеркалось, близилась ночь. Туман разошелся, сеял мелкий дождик, мощеная дорога, на которой лежал Талиесин, была мокра. Харита перевела взгляд на свои руки, увидела кровь, и ей вдруг показалось, что она стоит на коленях уже целую вечность.

— Харита, — мягко позвал Эйддон, — мы едем?

Она безмолвно кивнула и попыталась встать, однако ноги подкосились, и она рухнула на тело Талиесина. Харита припала к нему, ладонями убрала с лица промокшие волосы, прижалась щекой к застывшей груди.

— Спи спокойно, любимый. — Она поцеловала холодные губы, и Эйддон помог ей встать.

Салах стоял на коленях чуть поодаль, бессильно уронив руки, слезы струились по его лицу. Он поднял полные отчаяния глаза и закричал:

— Прости меня, госпожа! Если бы я раньше поднял тревогу... если бы я только их услышал... я бы... если бы я их услышал, он был бы сейчас жив... — Он уронил голову, не в силах больше говорить.

— Ты ничего не мог поделать, — сказала Харита. — Никто не мог. Тебя не за что прощать. Откуда ты мог знать? — Она протянула ему руку. — Вставай, Салах, мне нужна твоя поддержка. Нам предстоит долгий путь.

Юноша провел рукавом по лицу и с усилием поднялся на ноги. Харита обняла его и подвела к лежащему.

— Помоги Эйддону поднять Талиесина на коня. Я его здесь не брошу.

Салах колебался, но Эйддон кивнул, и они вдвоем принялись поднимать Талиесина в седло.

Уже давно стемнело, когда они добрались наконец до деревеньки у брода через реку Бид. Горстку круглых мазанок окружал земляной вал,

увенчанный частоколом. Ворота были закрыты, но на площадке между домами горел огонь.

Эйддон подъехал ко рву и окликнул стоящих у огня. Те в страхе метнулись в тень. Эйддон снова громко крикнул на бриттском наречии, чтобы его не приняли за разбойника. Через несколько минут над воротами возник факел.

— Ворота закрыты на ночь. Мы никому не откроем, — произнес невидимый голос.

— На нас напали по дороге. Нам нужна помощь, — сказал Эйддон. Последовало долгое молчание. — Серебром заплатим, — добавил юноша.

Почти сразу ворота отворились и появились грубо сколоченные деревянные мостки. Всадники въехали под защиту стен. Обитатели Бида молча столпились вокруг перекинутого через седло тела.

Старик, открывавший ворота, с опаской взглянул на Эйддона.

— Похоже, твой слуга ранен, — сказал он, косясь на золотую пряжку Эйддонова плаща и серебряную гривну на его шее.

— Это мой друг, и он мертв, — тихо отвечал Эйддон. — Мы везем его домой.

Старик кивнул и прищурился в свете костра.

— Значит, на вас напали. — За его спиной обитатели поселка сочувственно загудели. — Наверное, вы голодны.

— Будем благодарны за еду, — отвечал Эйддон. Повернувшись к Харите, он подвел ее к огню, расстелил свой плащ и помог ей сесть. Потом они с Салахом отвели лошадь с Талиесином в темноту, бережно уложили тело на землю, укрыли плащом и оставили на ночь.

Путники согрелись у огня, поели, не чувствуя вкуса еды, и легли спать. Старик без лишней суеты поставил у ворот стража, сказав: "Вам будет лучше спаться под присмотром". Одна из местных женщин обратилась к Харите: "Маленькому здесь холодно, госпожа. Зайдите ко мне вместе со своей служанкой".

Харита встала и пошла в дом, следом Руна с Мерлином на руках. Им предложили одну лежанку на троих — расстеленную на соломе овчину в теплом углу. Харита в изнеможении закрыла глаза и заснула, едва голова ее коснулась подстилки.

Ночь прошла в блаженной пустоте. С первыми лучами света Харита проснулась. Мерлин ворочался рядом и кричал, требуя еды. Она дала ему грудь и лежала, думая о длинном, одиноком дне впереди; потом — о грядущих месяцах и годах. Где найти силы, чтобы держаться? Нет, невозможно загадывать так далеко вперед. Надо думать только о настоящей минуте, не

пытаясь заглянуть в следующую. Так, минута за минутой, она сможет исполнить все, что от нее потребуется.

Когда все встали и приготовились уезжать, старик подошел к Эйддону.

— Не пристало покойнику разъезжать на коне. — Он обернулся и указал на двух своих односельчан, которые подкатили скрипучую двухколесную тележку. — Здесь вашему другу будет покойнее. Возьмите.

— Если бы он знал о твоей доброте, — сказал Эйддон, — то щедро наградил бы тебя. — Юноша запустил руку в суму, вытащил пригоршню серебряных монет и высыпал в ладони старику.

Старик взвесил монеты на руке.

— Он что, король?

— Король, — отвечал Эйддон.

Они запрягли лошадь в тележку и бережно уложили Талиесина, потом выехали из поселка, преодолели брод и двинулись к Аква Сулис. К началу дня они были уже на людных улицах. Здесь поели и, торопясь до заката поспеть в Инис Гутрин, повернули на юг, к перекрестку, оставив позади колоннады, портики, высокие черепичные крыши и каменные стены этого оживленного города.

Время от времени Харита оборачивалась в седле, ожидая увидеть там Талиесина, улыбающегося, со вскинутой в приветствии рукой.

Но лишь грубая телега медленно раскачивалась перед ней из стороны в сторону.

Часы проходили один за другим. Солнце еле ползло за облаками. Остаток пути Харита не запомнила, ощущалась только глубочайшая, неведомая прежде боль да черная пустота, в которую рвались вопли ее сердца. Она ехала, как во сне, придавленная бременем своего неизбывного горя.

К вечеру доехали до речки Бру и свернули с мощеной дороги на проселок, ведущий к Стеклянному острову. Когда горизонт на западе заалел, Харита подняла голову и увидела дворец Аваллаха на вершине холма, плывущий в окаймленном тростником озере.

В сердце ее не шевельнулась радость, на душе не стало легче или светлее. Она лишь горько подумала о том, какой могла быть эта встреча и какой ей уже никогда не стать.

Вскоре конские копыта застучали по дамбе. Вьющаяся серпантином дорога вывела путников к дворцу. Их увидели заранее и распахнули ворота. Как только телега с телом Талиесина остановилась, во двор вышли Лиле и Аваллах.

Эйддон помог Харите спешиться. Царь приветственно распростер руки, потом внимательнее взглянул на дочь, и улыбка сошла с его лица.

— Харита? — спросил он, заметив свиту из незнакомцев. — Где Талиесин?

Харита указала на грубые дроги, но не сумела выговорить ни слова. Эйддон подошел и встал рядом с ней. Почтительно склонив голову перед Аваллахом, он произнес:

— Талиесин мертв, о владыка, — сражен по дороге пиктской стрелой.

Мощные плечи Аваллаха опустились, он протянул руку и привлек Хариту к себе. Лиле, тихо стоявшая рядом, подошла к телеге и приподняла плащ, которым укрыли тело. Мгновение она смотрела в некогда светлое лицо, потом легонько тронула стрелу, все еще торчавшую в груди. Она опустила плащ и быстро пошла к конюшне. Когда она вернулась, оттуда вылетел всадник и во весь опор устремился прочь.

— Надо сообщить его родичам, — сказала она Салаху, молча наблюдавшему за происходящим. — Я велела сказать, чтобы они сразу ехали сюда.

Салах печально кивнул и вновь потупил глаза.

Наконец Аваллах поднял голову и подозвал Руну. Та протянула ребенка, отогнув шерстяной край, чтобы можно было увидеть личико.

— Ах, дитя! — промолвил он. — Дитя... такое прекрасное...

Харита шевельнулась.

— Его зовут Мерлин, — сказала она, забирая ребенка у служанки и протягивая его отцу.

— Здравствуй, маленький Мерлин, — сказал Аваллах, проводя указательным пальцем по детскому лбу и щекам. — Здравствуй и ты, дочь. — Он помолчал и вновь взглянул на похоронные дроги. — Прости меня, Харита. Его смерть я буду носить в сердце, покуда сам не умру. Господь да покарает меня за мою жестокость.

— За что тебя прощать, отец?

— Я прогнал вас прочь и тем навлек на него смерть.

Харита решительно покачала головой.

— Ты ли натягивал лук, отец? Ты ли приладил стрелу и наугад спустил тетиву во мраке? Нет, тебя не за что прощать.

Лиле подошла ближе и сказала:

— Ведите Хариту в дом. Я займусь телом.

Аваллах отдал ребенка Руне и повел Хариту во дворец. Руна шла за ними.

Когда Хариту с младенцем проводили в ее покои, Аваллах вернулся во двор.

— Я не знаю тебя, — обратился он к Эйддону, — но вижу, что ты сослужил мне добрую службу — доставил домой мою дочь, за что я тебе благодарен.

Эйддон печально покачал головой.

— Не благодари меня, ибо я и сейчас охотно поменялся бы с Талиесином местами.

— Ты был его другом?

— Был и остаюсь, — сказал Эйддон. — Меня зовут... — он замялся, — меня зовут Мелвис, и я приветствую тебя от имени моего отца, Пендарана Гледдиврудда, владыки Диведа.

— Да, друиды, которые принесли мне весть, говорили о твоем отце. Тебе и твоему брату рады в моем доме.

Они подошли к телеге, и Аваллах долго и печально глядел на певца. Лиле вернулась со слугами, которые принесли носилки. Когда тело вносили в дом, во двор, вбежали, запыхавшись, Давид с Колленом. Лица их были искажены горем, рясы развевались на бегу.

Давид приблизился к телу и некоторое время стоял, как громом пораженный, потом, вытащив из складок рясы сосудец, окунул палец в елей и начертал знак креста на хладном лбу Талиесина. После этого оба монаха преклонили колени и стали молиться об упокоении своего друга.

Когда они закончили, телом занялась Лиле. Давид встал и пошел к Аваллаху.

— Твой слуга заметил нас по дороге и передал скорбную весть. Мы прибежали сразу. Где Харита?

— Ее отвели в комнаты. Она сегодня проделала долгий путь.

— И все же я к ней зайду, — сказал Давид. — Хотя бы ненадолго.

Монахи вошли во дворец и нашли женщин в комнате наверху. При виде Давида Харита встала и пошла навстречу. Священник обнял ее, взял за руку и усадил на кровать. Довольно долго они сидели молча. Потом вошла Лиле и сказала, что тело положили в зале.

— Ты видел... видел Талиесина? — спросила Харита Давида.

— Я принес елей и помолился о нем.

— Какой теперь прок от твоих молитв? — тихо, но резко спросила Лиле.

Давид не ответил ей.

— Что я могу сделать для тебя, Харита?

— Оставь ее в покое. Вы со своим Богом и так слишком много для нее сделали, — скривилась Лиле.

— Прошу тебя, Лиле, — мягко попросила Харита, — я хотела бы поговорить с другом. Пойди, найди корзинку для Мерлина.

Лиле вышла, бросив уничтожающий взгляд на Давида. Руна, держа ребенка на коленях, села у кровати. Лицо ее осунулось, но глаза горели в свете уходящего дня.

Харита, по-прежнему держа священника за руку, взглянула в открытое окно на алую полосу заката.

— Ничто не предвещало беды, — тяжело вздохнула она. — Мы ехали в густом тумане. Было темно и мокро. Я услышала странный звук, обернулась. Стрела попала в Талиесина. Он не успел даже вскрикнуть. Просто... просто оказалось, что он мертв. — Она повернулась к Давиду, устало тряхнула головой. — Я так его любила, и вот его нет.

Давид сидел с ней, покуда алая кровь заката заливала небо. Не было слов, которые исцелили бы ее рану или утишили грызущую сердце боль.

Наконец Харита встала и подошла к окну.

— Больно мне... тошно, — сказала она. — Что мне делать?

— Ничего не могу тебе посоветовать, — тихо сказал он, идя к окну, чтобы быть к ней ближе, — как не могу отвести от тебя боль.

Она повернулась к нему, яростно сверкнула глазами.

— Не говори о том, чего не может быть, — горько произнесла она. — Я сама это отлично знаю. Талиесин верил в твоего Бога — звал Его Светом и Богом Любви. Где теперь любовь и свет? Они так мне нужны!

Священник только покачал головой.

Они стояли вместе в сгущающихся сумерках. Ночной покров распростерся по небу, в комнате стало темно, тени выползли из углов. Мерлин завозился на коленях у Руны и подал голос. Живой, настойчивый детский крик прогнал томительную тишину.

— Он хочет есть, — сказала Харита, подходя к Руне. — Я его покормлю.

— А я спущусь в зал, — сказал священник. — Мы с Колленом останемся в замке и проведем ночь в бдении над телом. Если тебе что-нибудь понадобится, мы будем рядом.

Бледный месяц уже плыл над рваной крышей низких облаков, когда на дворцовый двор, стуча копытами, вылетел отряд из шестидесяти кимров. У ворот, которые в ожидании их приезда оставили открытыми, но под охраной, горели факелы. Как и днем, Аваллах встречал гостей во дворе. Черты его заострились от горя, боль в боку заставляла спускаться по каменной лестнице, согнувшись чуть ли не пополам.

Эльфин спрыгнул с седла, помог спешиться Ронвен и шагнул в раскрытые объятия Аваллаха.

— Мне очень жаль, — проговорил царь. — Так жаль...

— Где он? — спросила Ронвен.

— В главном зале. Там с ним священники.

— Мы немедля идем туда, — хрипло ответил Эльфин.

Кимры вслед за своим вождем вступили в парадный зал. Посреди огромного помещения лежала на козлах доска с телом, по углам ее горели факелы, рядом стояли на коленях оба монаха. При появлении кимров они поднялись и отошли в сторонку.

Эльфин с горестным воплем подбежал к столу и упал на мертвое тело сына. Ронвен подошла медленнее, из глаз ее текли слезы. Взяв Талиесина за руку, она опустилась на колени. Кимры обступили своих правителей и протяжно заголосили.

Последним вошел Хафган. Недолго он постоял, прикрыв веки, прислушиваясь к вою соотечественников, потом открыл глаза, подошел и встал над безжизненным телом того, кого любил как сына.

— Прощай, Сияющее чело, — прошептал он. — Прощай, мой золотой.

Собрав в кулаки одеяние, он что есть силы дернул и разодрал ткань.

— А-а-а-а! — вскричал он, перекрывая остальные голоса. — Узри, народ мой! — Он простер руки над телом Талиесина. — Сын радости нашей лежит хладен в объятиях смерти! Стенайте и плачьте! Рыдайте, кимры! Пусть Ллеу Длинная рука услышит наш горестный вопль! Пусть Благой Бог узрит наше горе! Сражен наш бард, наш сын, наше богатство. Склоните головы и войте! Поток слез да унесет его душу! Рыдай, народ мой, ибо подобного уже не будет меж нами... никогда...

Кимры рыдали и выли, их голоса вздымались и опадали, словно морской прибой. Когда один голос смолкал, другой подхватывал, и скорбная песнь разматывалась, словно одна прочная, неразрывная нить с веретена.

В комнате наверху проснулась Харита и спустилась на плач. Она увидела Ронвен на коленях рядом с сыном — та прижимала остывшую руку к своей щеке и раскачивалась из стороны в сторону. Харите захотелось броситься к ней. Она сделала шаг, замялась и неуверенно отвернулась, не в силах тронуться с места.

В этот миг она краем глаза увидела Хафгана. Старик заметил ее и протягивал ей руку. Она остановилась, смущенная. Хафган подошел и замер с протянутой рукой. Она стояла, раздавленная, растерянная и смотрела на горюющих кимров. Хафган по-прежнему держал руку на весу. Харита оперлась на нее, и они вместе подошли к телу.

В груди и горле жгло, во рту стоял вкус горечи. Хафган ввел ее в круг кимров, остальные посторонились.

Она встала возле Ронвен. Та подняла глаза. Харита увидела полосы слез на ее лице и рухнула на колени рядом со свекровью. Ронвен уткнулась ей в грудь головой и зарыдала. Теперь рыдала и сама Харита, чувствуя, как горе смывает и рушит каменные стены ее сердца.

Она вцепилась в Ронвен, объединенная с нею безымянной мукой женской скорби. Харита плакала навзрыд и чувствовала, как горе изливается из раненого сердца, словно половодьем охватывая иссохшие просторы ее души. Она плакала о жестокости жизни, о безжалостной смерти, об утрате и сострадании, о томительном одиночестве, о Брисеиде в ушедшем под воду склепе, о себе самой — плакала за все те дни, когда запрещала себе плакать, ожесточаясь и стыдясь своей черствости. Она рыдала о ребенке, который никогда не услышит отцовского пения, не коснется его крепкой руки. Она рыдала о своих братьях и о всех детях Атлантиды, спящих в морской пучине. И ей казалось, что она никогда не перестанет рыдать.

Кимры теснились вокруг, их голоса струились, как ее слезы, их скорбные лица были прекрасны. И Харита любила их, любила за несдержанную искренность горя, за честную простоту душ. Щедрые в скорби и радости, непосредственные в выражении своих чувств кимры стояли вокруг Хариты, и слезы их сыпались на нее целительным благодатным дождем.

На заре плач по умершему окончился. Факелы погасили. Кимры завернулись в плащи и легли на пол поспать несколько часов. Хафган, Эльфин, Ронвен и Харита остались сидеть у тела.

— Надо похоронить его сегодня, — промолвил Хафган хриплым от слез голосом. — Это будет уже третий день после его смерти. Телу пора начинать путь туда, откуда оно пришло.

— Где бы ни было это место, — тихо добавил Эльфин. Он поднял покрасневшие глаза на того, кого называл сыном. — Я часто об этом думал.

Харита обратила к нему недоуменно-испуганный взор.

— Почему ты так говоришь? — Она повернулась к Ронвен. — Разве он не твой сын?

— Я воспитала его как сына, — отвечала Ронвен. — Эльфин нашел его в запруде...

— Нашел?! — Харита медленно потрясла головой. — Не понимаю. Он все мне рассказывал, а об этом даже не упомянул.

— Он не стал бы об этом говорить, — отвечал Хафган.

— Я была его женой!

— Да, да, — успокоил Хафган. — Но то была величайшая загадка его жизни, и она его тревожила. Талиесин знал, что не таков, как другие люди: он был одареннее всех и знал больше. В старые времена мы сказали бы, что он, подобно Гвиону Баху, пил из котла Керидвен и стал богом.

— Гвиддно велел мне вытащить рыбу из запруды, — объяснил Эльфин, — и я в канун Бельтана поскакал испытать свою удачу. — Он улыбнулся

воспоминанию. — Ни одного лосося не поймал я в тот день, хотя, Ллеу свидетель, никто никогда так не нуждался в рыбе. За день до того шел снег, лосось запоздал, и мне не досталось ни чешуйки, ни плавника.

Я знал, что ничего не добуду, но продолжал осматривать сети и вытащил куль тюленьего меха. Я вынес его на берег и развернул. В нем был прекрасный младенец.

Ничего подобного Харита в жизни не слышала.

— В тюленьем мехе?

— Мы сочли его мертвым, — сказал Эльфин, кивая Харите, — но он был жив, и я отправился искать кормилицу.

— Эльфин нашел меня в доме моей матери в Диганви. За несколько дней до того я родила мертвого ребенка, и все меня презирали. Эльфин взял меня в жены. Я вскормила Талиесина, как сына, растила, как сына, любила, как сына. — Она кивнула на Эльфина. — Мы оба любили его, как сына. Но он — не наш сын.

Они еще долго рассказывали про Талиесина, а когда закончили, Харита повернулась к телу своего мужа.

— Он рожден морем, — сказала она, глядя на того, кто казался таким знакомым, но кого она, оказывается, так плохо знала, — и должен вернуться в море.

Хафган воздел руки и произнес:

— Да будет так.

Погребальная процессия добралась до устья Бру на закате. Ее возглавляли Давид и Хафган, дальше кимры несли на плечах уложенный на шесты челн. В нем лежало тело Талиесина. Барда снарядили в последний путь: омыли, переодели, волосы расчесали и перевязали лентой. Следом ехали Харита, Аваллах, Эльфин и Ронвен, за ними — Руна с Мерлином, Мелвис, Салах и остальные кимры. Предзакатное солнце вызолотило края облаков, в небе пел жаворонок.

В устье лодку спустили на мелкую воду, потом, подходя один за другим, сложили земное имущество Талиесина и скорбные посмертные дары: Ронвен опустила ему на грудь мешок из тюленьей кожи, в котором его нашли, Эльфин положил в ноги седло — память о детстве, когда он хотел вместе с отцом объезжать дозором Вал; Хафган поместил под левую руку дубовый посох барда, Давид с Колленом уложили под правую резной деревянный крест; Мелвис с Салахом надели ему на шею серебряную княжескую гривну; Аваллах укрыл плащом и меховым одеялом, Киалл привязал к носу челна копье с наконечником из железа и древком из ясеня.

Наконец Харита поставила арфу так, чтобы на ней можно было играть. Она нагнулась поцеловать его на прощанье, и челн развернули к Хабренскому заливу. Четверо кимров с каждого борта толкали его, пока не начался отлив. Харита подозвала Руну, та подошла и отдала Мерлина матери.

Стоя в воде, горящей кроваво-красным огнем заката, Харита подняла Мерлина над головой, чтобы он видел, как течение уносит лодку в фарватер. Здесь челн вновь развернулся, и отлив повлек его на глубину. Он плыл мимо обрывов и отмелей к западному морю, где волны подхватят его и понесут неведомо куда.

Давид подошел к каменистому склону, поднял благословляющую руку и молился вслух, а кимры — кто в воде, кто на берегу — пели прощальную песнь, отправляя друга и родича в странствие к вечному покою.

Так, во время между времен, когда вода играла янтарем, а кельтская песня, словно дождь, сыпалась с пламенеющих небес, Талиесин отбыл в последний путь.

Мы смотрели, а молитва и песнь не стихали, покуда челн не пропал в наступившей тьме, потом сели на коней и двинулись к дому. Наш путь освещал молодой месяц. Я остановилась на высоком холме у реки взглянуть на серебряный простор Хабренского залива, лежащий в сиянии самоцветов.

Прощай, Талиесин! Прощай, душа моя!

Когда я повернула коня к дороге, кимры снова запели. И я услышала голос Талиесина, такой, каким он был, — звучный, красивый, сильный. Я тоже запела, и на сердце стало полегче.

В ту ночь, немыслимо светлую и ясную, воздух был мягок, как шелк, в высокой траве звенели сверчки и деревья вздыхали от ветра, звезды кружились на небосводе и луна плыла предначертанным путем — в ту ночь я ехала, прижимая к груди дитя, и ощущала так же ясно, как стрекот и лунный свет, вездесущий покой, которых окружал и охватывал меня, любовь глубокую и беспорочную... которая была со мною всегда.

Она таилась в скромном браслете, подарке неведомой прежде подруги, появилась на арене в тот день, когда Солнце-бык должен был убить меня, но не убил; эта любовь была здесь в кречете — притче и мягком укоре моему неверию.

Этот покой всегда был со мною, а я не замечала. В тот миг я впервые ощутила его, и сердце мое забилось. Любовь воистину проснулась в лунную ночь, когда мы возвращались в Инис Гутрин на крыльях песни.

Прошло несколько дней, прежде чем я поняла, что с самого приезда не вижу Моргану и Аннуби. Я спросила о них отца, он кивнул и сказал:

— Да, странно, но они уехали ночью — за день до твоего возвращения.

— В ту ночь, когда погиб Талиесин, — сказала я, и мороз пробежал по коже.

— Да, должно быть, так. Очень странно. Они ничего не сказали, не попрощались

— Отец, — проговорила я дрожащим голосом, — ты посылал нам черное перо? Вороново перо?

— Вороново перо? Зачем?

— Человек, который привез его — путешественник, — сказал, что оно от тебя. Он отдал мне черное перо как твое послание. Я очень удивилась, но Талиесин сказал, что этим ты просишь меня вернуться.

Аваллах печально покачал головой.

— Я послал к тебе слугу в тот же день, как получил твою весточку. Не было никаких путешественников и никаких перьев.

Значит, Моргана сбежала, и с ней сбежал Аннуби. Как надо было ненавидеть, чтобы придумать такой план! Какие силы потребовались, чтобы его осуществить! И еще — не мне ли предназначалась стрела, от которой пал Талиесин?

Моргана, что ты наделала! Неужто жизнь стала для тебя такой невыносимой, любовь — такой ускользающей, что ты обратилась против обеих?

Слушай меня, Моргана: я шла тропой, которую ты избрала. Я знаю тьму и отчаяние жизни-смерти, и я знаю радость возрождения к свету. Я не пойду твоей дорогой, Моргана, я не хочу возвращаться.

Давид восстановил церковь и учит в ее стенах. Я хожу слушать его проповеди и молиться. Там, как нигде, ощущаю я близость Талиесина.

Я часто вспоминаю, как он сказал: "Я не оставлю тебя, Харита", и знаю, что он сдержал обещание. Он со мной и будет со мной, и, пока я живу, я буду любить его. Более того, я уверена, что однажды мы снова соединимся.

Я могу спокойно дожидаться этого дня: у меня есть сын. Многие, среди них Блез и Хафган, считают, что он превзойдет отца.

Не знаю. Когда умирает великий, слухи расцветают, как сорняки. Не отрицаю, таких, как Талиесин, мало, и часто я гадаю ночами, кто же он был такой. Но я знаю, как знаю свое собственное отражение: в нем Бог обрел топливо для искры, которую вкладывает в каждого. Талиесин жил сполна и жил наяву, он горел видéнием мира, который мечтал создать.

Это видéние не должно погибнуть.

Я, Харита, царевна погибшей Атлантиды, Владычица озера, сохраню его для будущего.

Примечания

Талиесин. Исторический Талиесин жил в VI веке (на два века позже, чем описано у Стивена Лохеда) и был придворным бардом Уриена, короля Регеда (бриттского королевства на северо-западе Англии). Он упоминается как один из крупнейших бриттских бардов в англосаксонских хрониках и в "Истории бриттов" Ненния (Гальфрид Монмутский, "История бриттов", "Жизнь Мерлина", М., "Наука", 1984). В валлийских преданиях он обрел чудесное рождение и стал великим бардом, чародеем и предсказателем, таким же как Мирддин-Мерлин, учеником которого называет его Гальфрид Монмутский в "Жизни Мерлина". (Впрочем, некоторые другие источники отождествляют Талиесина и Мирддина. Версия, что Мерлин — сын Талиесина, целиком лежит на совести Стивена Лохеда.) "Книга Талиесина", записанная спустя семьсот лет после его жизни, содержит поэмы на религиозные и исторические темы. На русском языке его историю и часть поэм, в том числе "Битву деревьев", можно прочесть в книге "Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса" (научно-издательский центр "Ладомир", Москва, 1995, перевод В.В. Эрлихмана).

Остров Яблок — в кельтской мифологии Остров блаженных, чаще всего помещаемый на далеких "западных островах". Название его Аваллон — в форме Аваллах — первоначально встречается как имя мифического предка древнейших династий Британии. Миф об Острове Яблок перекликается с мифом о Саде Гесперид на Крайнем Западе, где дочери Атланта Гесперид хранят золотые яблоки вечной молодости.

Кимры (камбры) — древнее название валлийцев, населявших Уэльс — Кимру (Кембрию).

Кантреф — буквально "сотня трефи". Валлийцы жили небольшими общинами, которые носили название "tref". "Сотня трефи" была условной единицей, включавшей в себя различное количество общин.

Кромлех — культовое сооружение в виде врытых по кругу камней.

Бельтан — один из кельтских языческих праздников, отмечавших начало сезонов. Бельтан праздновался в начале мая и знаменовал начало лета, Самайн (предшественник Хеллоуина) — 1 ноября завершается; Имболк

праздновался как начало весны. Лугназад, праздник в честь бога Луга, валлийского Ллеу, отмечался 1 августа.

Гривна, или торквес у древних кельтов — шейное украшение дутого или витого золота. Были такие украшения и у славян. Позже слово "гривна" стало означать вес серебра обруча-гривны, а затем и ожерелье из монет. От него происходит и название "гривенник".

Гофер — дерево, из которого был изготовлен Ноев ковчег.

Пуйл — герой валлийского эпоса "Мабиногион". Рассказ Хафгана представляет собой первую ветвь "Мабиногион".

Вайда красильная — растение семейства крестоцветных, из которой получали краску индиго

"Много сменил я обличий..." — это несколько измененное начало поэмы "Битва деревьев" (см. первое примечание).

Мартин — святой Мартин Турский (316—397), основатель галльского монашества, покровитель Франции.

Давид — святой Давид Уэльсский (около 520 — около 600), покровитель Уэллса, создатель множества церквей.

Поуис — Южный Уэллс.

"Я был с Господом..." — эти стихи представляют собой слегка измененный отрывок из "Книги Талиесина".

"Мерлин" — по-английски "кречет".

Следущие книги саги «Пендрагон»

«Мерлин», ISBN 5-86181-184-9, (140x205), 2001.

«Бывали ли на земле времена подобные нашим? Никогда! Не было времени более славного, не было времени более страшного. Если бы люди только знали, что им еще предстоит пережить,.. они бы закрыли ладонью рты, чтобы крик не был столь громок. Это и благословение и проклятье, – не знать, что ждет тебя в будущем. Но я знаю... Я, Мерлин, уже давно знал, что нас ждет...»

Это история о Мерлине, история об Острове Сильных, о доблестных воинах и кровожадных саксонских племенах, о таинственном Горном Народце, об угасающей власти Рима.

Историю рассказывает сам Мерлин – историю о любви, дикости и безумии и о великой мечте Мерлина, мечте о блаженном Летнем Царстве, которое, как он верит, возникнет на Британских островах.

«Артур», ISBN 5-86181-185-7, (105x165), 2001

«Артур не годится в короли! Щенок Мерлина! Он низкого рода, он глуп. Он необразован, он жесток, он мелочен...» Чего только люди не говорили об Артуре. Ну и пусть себе говорят. Когда же все слова были сказаны, когда умолкли споры, стало очевидно одно: мы пойдем за Артуром до самых врат ада. И даже дальше, если он прикажет...

«Блохастый и Пламя Перстня»

Бэт Вебб

(Сказка в стиле фэнтези для детей 9-13 лет)

Умерла старая королева. Если через год и один день не отыщется ее перстень, то волшебное Пламя, защищающее страну от бед, погаснет. Но кому по силам отыскать это сокровище? И почему именно задиристый, острый на язык кот и сирота-служанка пустились в опасное путешествие?

Литературно-художественное издание
перевод с английского

Стивен Лохед

«Талиесин»

Перевод Е. Доброхотова-Майкова
Художественное оформление А. Коротич
Редактор М. Митичкина
Верстка О. Воскресенская

ХРИСТИАНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРИАДА»

117607, МОСКВА, МИЧУРИНСКИЙ ПР-Т., 21, КОРП. 1.

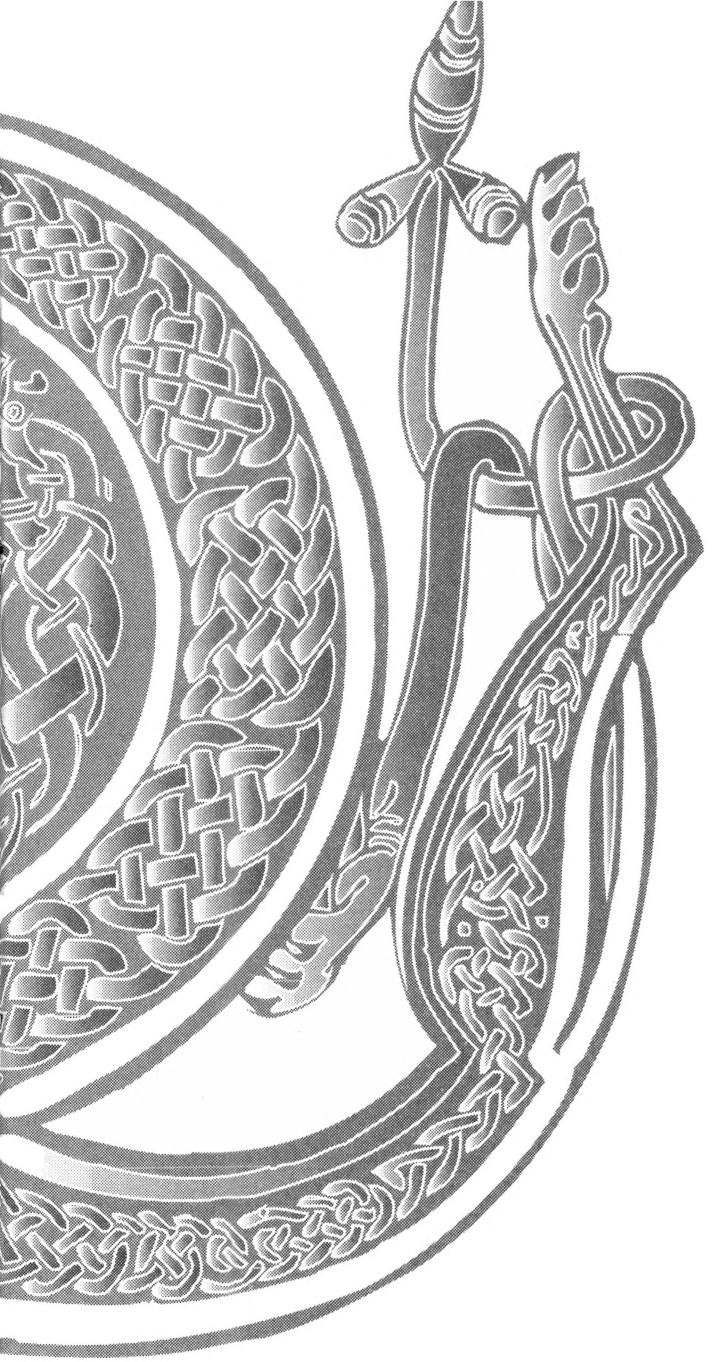
(095) 963-54-79

(095) 964-85-89
www.triad.ru
info@triad.ru
sales@triad.ru

Лицензия ЛР № 030464 от 23 декабря 1997 г.
Подписано в печать 29.12.2000 г. Формат $60 \times 90^1/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамонд».
Печ. л. 29.
Тираж 7000 экз. Заказ № 3791.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473 Москва, Краснопролетарская, 16

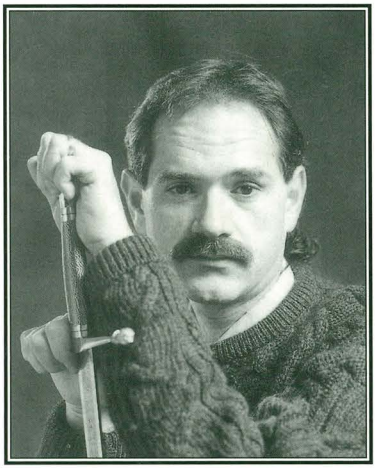
Сага «Пендрагон»

"Талиесин"

«Талиесин» – первая книга саги. Кельтская легенда оживает на Британских островах эпохи Римской империи, тонко вплетенная автором в реальные исторические события.

«Плач мой будет громче плача погибших, спящих в подводной могиле. Голоса ушедших в мир иной велят: «Расскажи о нас!». Их история достойна того, чтобы люди узнали ее. И вот я беру перо и пишу...»

Так начинается рассказ о трагедии Атлантиды, погибшей в схватке между сушей и морем. Спаслись три суденышка, которые вынесли царя Аваллаха и его дочь к туманным берегам Стеклянного Острова. Там их ждал иной мир – мир кельтских вождей, мир Талиесина, Мерлина, короля Артура...

Стивен Лохед родился в Америке, но в 1986 году перебрался с семьей в Англию, где легче было собирать материалы для книг. С 90-х годов Лохед считается признанным мастером жанра фэнтези. К. Льюис и Р. Толкиен несомненно оказали влияние на мировоззрение писателя, но ему все же удалось найти свой путь в литературе, выработать самобытный почерк.

ТРИАДА

ISBN 5-86181-183-0

9 785861 811835